

ЛЕГИОН ПАВШИХ



Эри Крэйн

Мертвецы бывают двух видов: те, кто жаждет вернуться к жизни, и те, кто предпочел бы и дальше гнить в земле. Если заставить их сотрудничать, поручив безнадежную задачу, получится занятный результат: или они станут закадычными друзьями, или угробят друг друга. Возможно, случится и то и другое. Но в одном они будут едины: тот, кто подписал их на сражение с полчищем тварей, им точно не товарищ. А награда за усердие... а что, кто-то говорил о награде?

АКТ 4. ТРЕХГЛАВЫЙ ЗМЕЙ

За ребрами разверзлась пропасть, когда Райз уставился на него остекленевшим взглядом — совсем таким же, как был у Аелитт. Застывшим, лишенным и намека на жизнь, но еще хранящим в себе непонимание того, что произошло и почему. Не понимал и Къярт.

Он подбежал к Райзу, опустился рядом на колени, прижал пальцы к яремной вене в надежде, что ошибся — действие инстинктивное, но совершенно не нужное. С его нынешними силами достаточно было простого касания, чтобы почувствовать: в лежащем на земле теле не осталось ни капли эссенции жизни.

— Нет, нет, только не опять, — пробормотал Къярт.

Он обернулся, скользнул лихорадочным взглядом по сцепившимся фуриям.

Призванных крылатых было меньше, чем живых, но в отличие от последних, раны не мешали им сражаться, и число фурий таяло на глазах. Но Къярт не мог рисковать и делать что-либо, пока все они до последней не будут устранены. Он отдал безмолвный приказ, и призванные с еще большим остервенением набросились на своих сестер.

Когда последняя фурия пала, на крепость опустилась тишина, в которой удары его собственного сердца прогремели набатом. Больше не связанные боем и приказом, призванные обернулись к нему. Аелитт почти всегда требовала использовать призыв второго уровня, и теперь на него уставились те, кого он только что заставил истребить всю их семью. Смотрели с нескрываемой ненавистью и в то же время — с бессилием.

Къярт поспешил отвернуться, чтобы это чувство невозможности что-либо изменить не завладело и им самим. Он снова посмотрел на Райза и дрожащими пальцами прикоснулся к его лбу.

Къярт боялся. Боялся, что, открыв глаза, вместо изумрудной воды увидит вязкую, стремительно чернеющую кровь, окружившую его, когда он попытался призвать душу Аелитт. Ее смерть что-то изменила в нем и изменила куда больше, чем он ожидал.

Чистые, светлые воды заводи обняли его. Къярт решил было, что встретившая его в прошлый раз кровь связана непосредственно с попыткой призыва Аелитт, но затем заметил несколько темных пятен на белом песке и все еще плавающие в воде, точно масляные, алые капли.

Он окинул взглядом прикованные к нему души фурий — все покрытые чешуей и с распростертыми крыльями; оттолкнулся от дна и устремился вверх, следуя за ведущей его нитью.

После стольких призывов он стал полноправным хозяином этого места. Он знал что делать и когда, мог найти душу и без помощи путеводной нити. Но отыскать Райза оказалось проще, чем кого-либо.

Его душа, точно крохотное солнце, горела среди множества других, кажущихся на ее фоне тусклыми вечерними огнями. Ее жар не скапливался внутри, но изливался мощным, сбивающим с ног потоком, грозя сжечь дотла любого, кто осмелится приблизиться.

Но Къярт не мог повернуть назад: без Райза все теряло смысл. Ему не разобраться с Ордой в одиночку. Да что там в одиночку — Къярт даже не знал, как справиться с ней вдвоем. Но Райз знал. Пусть не сейчас — потом, но Къярт не сомневался, что тот сможет найти решение. Он должен его найти.

Чувствуя, как плавится кожа, Къярт шагнул в пылающий сгусток энергии.

Он и представить не мог, что дома могут быть такими высокими. Словно гигантские иглы из черного стекла они протыкали небо, нависали над беспокойными водами океана. Технологии Федерации оказались детскими игрушками по сравнению с тем, что создало человечество мира, в котором родился Райз — крохотного, уместившегося на паре десятков рукотворных островов, и при этом людного и разношерстного.

Однако Райз их почти не знал. Это была не его настоящая родина. Просто место, в которое пришла его семья, чтобы защитить государство по другую сторону океана.

Пролистывая его жизнь, Къарт видел одни и те же лица, сохранившие свою ясность вопреки годам, проведенным вдали: лицо мужчины с лиловыми волосами, в которых танцевали молнии, и с насмешливой улыбкой на губах — совсем как у Райза, названного в его честь; лицо другого, воля и решимость которого обладали силой не менее сокрушающей, чем его голос; и лицо женщины с разномастными глазами, чью хитрость и изворотливость Райз перенял и возвел в абсолют.

Эти трое были теми, кто дал жизнь отцу и матери Райза, и кто однажды изменил мир. Но несмотря на вписавших себя в историю предков, его родители прожили жизнь простых обывателей. В глазах Райза мать была всего лишь дочкой героя, а отец — почти утратившим собственную волю и рассудок наследником силы, которой не мог управлять.

Райз боялся стать таким же: боялся превратиться в тень, что осталась от его отца, боялся блеклой, лишенной смысла жизни. Он трепетно хранил в памяти редкие встречи с дедом, мечтая подняться до его высот; мечтая стать тем, кто обратит врагов его земли в пыль. Но ему было мало взять ту же ступень: он страстно желал его превзойти.

Прошло время, и он превзошел. Достиг цели, исполнил мечту. Но уплаченная за это цена не позволила в полной мере насладиться триумфом.

Райз не всегда был тем, кого знал Къарт.

Как свой собственный, он ощущал страх еще совсем юного мальчишки, который тот упрямо душил изо дня в день. Он притворялся тем, кем не являлся, лез из кожи вон, делая вид, что он — не зверь оказавшийся в ловушке; прятал за дерзкой, самоуверенной улыбкой то отчаяние, что не давало спать по ночам. Вынужденный плясать на лезвии ножа, без права на ошибку, без второго шанса, без кого-либо, на кого можно было бы опереться.

И однажды пойманный зверь превратился в вышедшего на охоту, в того, кто не нуждался в чужом плече; для кого ходить по грани стало столь же естественно, как дышать; того, кто без колебаний прыгал в бездну и сносил появившееся на пути к цели препятствие, будь то враг или друг. Но о каких друзьях вообще могла идти речь, когда единственный, кого Райз мог так назвать, несмотря ни на что оставался врагом, которого следовало устранить так же, как и остальных.

Райз устранил.

Его глазами Къарт смотрел на руку и видел на ней кровь друида — вот та черта, та грань, перейдя через которую, Райз больше не мог вернуться назад.

Пускай это была относительная смерть. Даже более относительная, чем в мире, где существовала некромантия, и, технически, не смерть вовсе. Но это зависело не от Райза, а от его сестры и от того, сможет ли она обратить процесс. Позволят ли ей это сделать и захочет ли она сама? Поэтому в тот момент для Райза это было убийство единственного друга — друга, не врага. Без всяких оправданий. Но все это уже не имело значения: отведенное ему время ускользало сквозь пальцы.

Его душа хранила память обеих жизней, и когда вокруг разлился изумрудный океан

заводи, не осталось ничего, чего бы Къярт о нем не знал.

Он застегнул на ноге души Райза оковы и вогнал клин в песок. Первый уровень. Надавив обеими ладонями, он протолкнул его глубже и по заводи прокатилась волна, знаменующая второй уровень призыва.

Къярт никогда не заходил дальше — в этом попросту не было смысла. Но сейчас он должен был попытаться. Райз отдал за него жизнь, и Къярт не хотел отбирать у него еще и свободу.

Он всем весом навалился на клин, который словно бы уперся в глухой камень. Чем больше Къярт давил на вершину, тем тревожнее становилась заводь: завихрились течения, а песчинки на дне пришли в движение, будто в преддверии землетрясения. Но клин оставался неподвижен.

Выдохнувшись, Къярт отпустил его и перевел взгляд на прикованную душу. Нет, он не может вот так сдаться. Конечно, ничто не обязывает его использовать свою силу некроманта и раздавать указы, но для Райза это будет слабым утешением.

Сжав ладонь в кулак, Къярт со всей силы ударил по клину.

Пространство вспенилось, перевернулось вверх дном, будто бы заводь была заперта внутри бутылки, которую внезапно встряхнули, смешав осадок и отстоявшуюся воду. Къярт не успел ничего толком понять, как его сознание вышвырнуло в реальный мир, в тело, выворачиваемое болью наизнанку.

Душа Райза, привязанная к Къярту, но еще не помещенная в сосуд, обрушилась на него всем своим весом и жаром. Однако его рука замерла не из-за сковавших мышцы судорог: он не знал, куда ставить печать.

Ему повезло, что Аелитт не обнаружила печать Ашши. Но что, если следующий удар по голове заденет ее? Что, если следующий противник, с которым ему придется столкнуться, окажется куда умелее, найдет печать и разрушит, тем самым повредив привязанную к ней личность? Тогда все будет потеряно. Тот Райз, которого Къярт вернет во второй раз, уже не будет тем же человеком.

Его печать нужно было сохранить любой ценой. Сделать так, чтобы к ее разрушению мог привести только окончательное и бесповоротное поражение. Их общий провал.

Хватая ртом воздух, Къярт подполз к убитой фурии и взял ее за руку. У него не было ни ножа, ни времени обыскивать тело Райза. Но нож и не требовался.

Он перехватил кисть фурии удобнее и вспорол ее когтем кожу у себя на животе, прямо под солнечным сплетением.

Вернувшись к Райзу, он коснулся одной ладонью его лба, а другую прижал к ране под грудью и, глубоко вдохнув и выдохнув, просунул указательный палец в грудину. Чтобы добраться до лихорадочно молотящего по ребрам сердца нужно было прорвать диафрагму, и на мгновение эта боль затмила всю остальную. Он боялся, что потеряет сознание, так и не успев закончить призыв, и этот же страх придавал ему сил держаться.

Укол, пронзивший сердце, когда Къярт дотянулся до него и поставил метку, выгнал из тела ломоту, и на мгновение в голове воцарилась звенящая пустота.

Во взгляде Райза появилась осознанность, и тот уставился на него — жадно и немного испуганно.

— Вместе пришли, вместе уйдем, — прохрипел Къярт, зажимая ладонью рану под грудью. — Или уже забыл?

Они сидели прислонившись спиной к растерявшей все листья яблони. Неверной, подрагивающей рукой Къарт выводил кровью вокруг раны на груди исцеляющую печать глубокого действия.

— Значит, у меня не осталось ни одной даже самой захудалой тайны, в которую ты не сунул нос? — с насмешкой поинтересовался Райз, разглядывая опухшее от туч небо. Собирался дождь.

— Не осталось.

— Эх. А я ведь уже размечтался, что однажды, когда вся эта история с Ордой закончится, мы засядем где-нибудь в баре на краю Афракского союза, и я расскажу тебе парочку занятных историй из своего прошлого.

— Не мечтал. Не было ничего такого.

— Проклятье, — Райз глухо рассмеялся. — И как тебя теперь подначивать?

— Никак, — Къарт наконец закончил печать и устало обмяк под деревом. — У тебя и раньше-то не особо выходило.

— Неправда.

— Правда. Теперь я знаю, что многие вещи ты истолковывал неверно.

— Проклятый некромант, чтоб тебя, — Райз снова рассмеялся.

В повисшей тишине он разглядывал свою руку, щупал пульс, которого нет, делал не имеющие смысла и совершенно ненужные ему вдохи — разве что только для того, чтобы говорить; время от времени сплевывал кровь, скопившуюся, когда его тело было еще живым.

— Не против, если я скажу пару ласковых Фелису? — спросил он. — Что-то мне подсказывает, что он знал о том, что это случится, когда советовал «наслаждаться жизнью, пока есть время».

Къарт пожал плечами, протянул ему руку и невольно нахмурился: коснувшиеся его ладони пальцы Райза, прежде всегда горячие, сейчас медленно становились той же температуры, что и воздух вокруг.

Фелис не появился: ни сразу, ни спустя десять секунд, ни по истечению минуты.

— Его нет, — флегматично произнес Къарт и убрал руку. — Похоже, твоя смерть разрушила возродившую тебя печать, а вместе с тем и использованную для ее создания половину души Фелиса.

— Получается, эта «высшая сила» решила не предупреждать его. Он и понятия не имел о том, что должно произойти.

— Да. Так что ты ошибся в своих подозрениях на его счет.

Приподняв бровь, Райз покосился на него.

— Вы только поглядите: стоило ему заполучить право командовать, и сколько гонора сразу появилось, — с усмешкой сказал он.

— Я использовал третью ступень.

Ошеломленный, Райз уставился на Къарта, и чем дальше, тем сложнее было выдерживать это пристальное внимание.

— Во всяком случае, попытался, — Къарт опустил взгляд на испачканную в крови руку. Она еще помнила горячее, влажное прикосновение к сокращающемуся сердцу. — По правде сказать, я не знаю, получилось или нет.

— Так давай проверим. Только очень прошу: начни с чего-то полегче, чтобы мне не пришлось исполнять какую-нибудь дурацкую прихоть.

Къарт исподлобья посмотрел на Райза, пребывающего в куда более приподнятом расположении духа, чем ему следовало быть. Он вел себя так, словно ничего не произошло, а Къарт, даже просидев в его теле целую жизнь, не мог понять, притворяется ли тот в очередной раз или же действительно не придает случившемуся особого значения.

Чтобы поскорее со всем покончить, он отдал приказ: подняться и снова сесть. Отдал мысленно, так же, как приказ крылатым убивать их сестер.

Но Райз по-прежнему сидел на месте и в ожидании смотрел на него.

— Все-таки третий, — уголки рта Къарта дрогнули, но в улыбку все же не превратились.

— Уверен? Попробуй вслух. Фелис всегда отдавал мне приказы голосом. Если твой дар некроманта как-то связан с ним...

— Чтобы управлять моим телом, ему голос не требовался.

— Ты легко поддаешься чужому влиянию, — Райз самодовольно осклабился. — Давай, попробуй, что тебе стоит.

— Поднимись.

Без малейшего промедления Райз встал на ноги.

— Сдается мне, кому-то рановато ставить печати третьей ступени, — ухмыльнулся он. — Хорошо еще, что в результате твоей не слишком удачной попытки все и вовсе не закончилось первой ступенью.

— Да ты ведь издеваешься сейчас, — Къарт с подозрением покосился на него. — Что мешает тебе сделать вид, что ты подчиняешься моим приказам не по собственной воле?

— Отсутствие в этом смысла?

Взгляд Райза внезапно смягчился, а лицо потеряло прежнее насмешливое выражение. Он опустил на землю рядом и положил ладонь ему на плечо.

— Не переживай. Я буду прекрасно себя чувствовать и с печатью второго уровня. Особенно, если ты не станешь приказывать мне творить всякие непотребства забавы ради.

Райз рассмеялся под мрачно-укоряющим взглядом Къарта.

А он ведь и правда надеялся, что у него получилось; надеялся, что его силы и умений хватило, чтобы достичь третьей ступени. Хотя какая глупость: некроманты тратят годы тренировок на то, чего Къарт хотел добиться после нескольких десятков призывов. Он переоценил себя и теперь, как сказал Райз, следовало радоваться, что его безрассудная попытка не привела к плачевным последствиям.

— Ха, ты только посмотри, кто явился! — Райз первым заметил грива, показавшегося в проломе оборонной стены. — А ну иди сюда, тупая ты морда.

Он вскочил на ноги и быстрым шагом направился к Клыку.

— Я что тебе велел сделать, дубина? Ты должен был увести этого идиота с глаз долой. Так какого Проклятого он оказался в деревне?!

Не придав внимания ни собравшейся иглами шерсти, ни угрожающему рычанию, Райз щелкнул грива по носу. Тот клацнул пастью в ответ. Он с легкостью мог вцепиться в ударившую его руку, но поостерегся, ограничившись лясканьем зубами.

— Ты еще пасть здесь разеваешь?! Из-за тебя, собаки безмозгой, хорошего парня в расход пустили.

Клык схлопотал еще одну затрещину, тихо рыкнул и отвернул морду, обиженно косясь

на хозяина одним глазом.

— Лучше бы сожрал его — толку было бы больше, — в сердцах добавил Райз, но больше лупить зверя не стал.

Разочарованно покачав головой, он велел Клыкку не сходить с места и вернулся к Къярту.

— Хватит прохлаждаться, — с ходу начал он. — У нас еще дел невпроворот. Хочу, чтобы ты снова попробовал призвать нашу королеву. Узнать бы, что за фокус она выкинула — с такой-то убийственной силой. Если другие фурии, те, что сейчас с Ордой, умеют так же, наше положение становится еще незавиднее.

Внутри крепости их встретила дрожащая от ненависти тишина. Къярт запретил призванным как-либо вредить ему или Райзу, а также покидать крепость, но в остальном их воля принадлежала им. Изувеченные, снаружи и внутри, они извлекали тела фурий из под обломков, собирали разрозненные куски в надежде, что им будет позволено проститься с погибшими, как подобает.

Испачканные смертью залы крепости остались за спиной, а впереди протянулась в глубину подвалов лестница. Къярт замешкался. После месяцев, проведенных в заключении, он почти смирился с тем, что ему не выбраться. Еще совсем недавно он пытался ужиться с мыслью, что с Райзом что-то случилось, принять тот факт, что ни ему, ни всему этому миру не уготовано ничего хорошего. Но появилась Аелитт, а вместе с ней и Райз, и все завертелось, понеслось в каком-то лихорадочном темпе, и привыкший к застывшему времени, он едва понимал, что происходит. Словно все это время он пытался смотреть на мир сквозь прикрытые полудремой веки. И только сейчас, спускаясь вниз, он, ступень за ступенью, медленно просыпался.

— Райз, — Къярт окликнул его, когда они преодолели половину пути. — Мне жаль, что все так получилось. С Бенджи.

— Забудь, — не оборачиваясь, отмахнулся тот. — Сам виноват, что сунул голову туда, откуда не мог высунуть.

— Он хотел помочь тебе.

— Я похож на того, кому нужна помощь? Ему прямым текстом было сказано валить подальше, но он решил заделаться в герои. Когда строишь из себя того, кем не являешься, нужно быть готовым к последствиям.

Къярт ничего не ответил. Будь все, как прежде, он однозначно возмутился и осудил бы такой цинизм и безразличие. Но «как прежде» уже не было. Райз мог сколько угодно делать вид, что ему нет дела, скрывать за бравадой истинные чувства — в том числе, и от самого себя, но теперь Къярт знал в лицо каждую из масок, как знал и то, что за ними таилось.

— Что, даже не будет возражений? И упрекающих взглядов? — Райз обернулся — убедиться, что это так.

— Нет, не будет.

— Проклятье. Столько проблем из-за какого-то дурацкого призыва.

Ступени закончились, а за ними исчерпали себя и два десятка шагов, разделявших лестницу и вход в зал — место его недавнего заточения.

— Готов? — спросил Райз и первым зашел внутрь.

Къярт не был готов.

Аелитт лежала там же, где они ее оставили. К ней никто не спустился. У нее не осталось союзников. Фурии, как призванные, так и те, кто погиб от их рук, винили в случившемся королеву и были не так уж неправы. В конце концов, бойня наверху стала

результатом принятых ею решений.

Глядя на ее тело, на ее взгляд, устремленный в пространство между столбами, к которым он был прикован менее часа назад, Къарт поймал себя на мысли, что все же один, пусть не союзник, но в то же время и не враг, в этой крепости у Аелитт имелся. Второй мыслью было то, что ему не хочется погружаться в ее прошлое. Но сейчас его желания ничего не значили.

— Сначала нужно извлечь иглы, — Къарт застыл над телом фурии. — С их помощью она перехватывала контроль над призванными. Не знаю, как они работают, так что лучше убрать сейчас.

На то, чтобы избавиться от игл, много времени не понадобилось, пусть Къарт и предпочел бы провозиться с ними подольше. При всем своем нежелании становиться свидетелем ее жизни, он боялся, что у него ничего не получится.

Чертова Аелитт.

Къарт закрыл глаза, и полумрак подземелья сменился пронизанной светом заводью. К душе фурии тянулась алая нить...

Вынырнув из ее воспоминаний, а затем из изумрудной толщи, под пристальным вниманием Райза Къарт сделал у основания шеи надрез когтем фурии и поставил метку ее печати на внутреннюю сторону ключицы.

Вернувшейся к жизни Аелитт понадобилось всего мгновение, чтобы сориентироваться. Пронзив Райза взглядом, она вскочила на ноги и высвободила крылья, закрывая Къарта. Ее кисти видоизменились; когти вспыхнули алым.

— Ого, — Райз присвистнул, — спокойнее!

— Аелитт, он со мной.

Аелитт вздрогнула: от его прикосновения к крылу или от голоса — Къарт не знал. Он все еще барахтался в сетях перемешавшихся воспоминаний, пытаясь отделить свои чувства от ее.

Посмотрев на Къарта через плечо, она растворила крылья и с победной улыбкой уставилась на Райза.

— Значит, мое тебе пожелание всего хорошего сработало, — ядовито сказала она.

— Отлично сработало, — Райз вернул ей и тон и улыбку. — Как ты это провернула?

— Мой яд в твоей крови, — с каждым словом в мимике Аелитт проявлялось все больше самодовольства. — И теперь, когда твоя жизнь и воля принадлежат мышонку, твои планы — не больше, чем пустой звук.

— Аелитт..., — только и успел произнести Къарт, как смех Райза оборвал его.

Фурия непонимающе изогнула брови.

— Ты так и не поняла? — сквозь смех спросил тот.

— Райз, хватит, — одернул его Къарт, зная, что тот и не подумает послушаться. Все же это была просьба напарника, а не приказ некроманта.

— Я пришел сюда за ним, «моя красавица», — отсмеявшись, передразнил Райз. — Так что если от чьих планов и остался пустой звук, так это от твоих. Ты уж не обессудь.

Аелитт снова посмотрела на Къарта, на этот раз с требовательным вопросом в глазах.

— Это действительно так, — подтвердил он. — Мы были вместе возле Месцера, когда столкнулись с Оокой.

Аелитт медленно перевела взгляд на Райза. Ее улыбка избавилась от надменности, когти перестали полыхать, и руки вернули себе прежний вид.

— Значит, он не враг, пусть и очень на него похож, — Аелитт сделала шаг назад, затем еще один, и еще, встала за спиной Къярта. — И ты теперь перестанешь молчать? Почему только сейчас?

— Ты могла бы и догадаться, после того случая, что я стану говорить с тобой только тогда, когда не буду твоим пленником.

— Прости меня, крошка-мышонок...

— Мое имя — Къярт.

Появившийся на лице Аелитт неподдельный восторг почти сразу сменился хитрым прищуром.

— Как скажешь... мышонок.

Къярт хмуро посмотрел на Райза, прячущего в ладони рвущийся наружу смех. Нет, от подначиваний теперь точно не отделаться. С обеих сторон.

— Просто запрети ей, и не смотри на меня так, — посоветовал Райз.

— Он не станет, — без колебаний заявила Аелитт и посмотрела на того с чувством полного превосходства. — Я могла заставить мышонка назвать мне свое имя, но не стала. И теперь он не станет запрещать мне называть его так, как я того хочу. Потому что в отличие от тебя, подколодной змеи, у мышонка есть честь.

— Тебя так ранил мой небольшой обман? Уж прости, но ты слишком сильна, а я не настолько дурак, чтобы тягаться с тобой в честном бою.

— Прекратите вы оба, — Къярт одернул их. — Можете грызться сколько угодно после, но сейчас у нас есть незаконченное дело.

Райз не имел ни малейшего понятия, о чем шла речь, а вот Аелитт догадалась мгновенно.

— Ты о моем подарке? — она впиалась в его руку ногтями и попыталась заглянуть в глаза, но Къярт избегал встречаться с ней взглядом. — О нем ведь, о нем?

— Да, о твоём подарке, — с неохотой повторил он, лишь бы только Аелитт угомонилась. — Идите за мной.

По дороге к противоположной стороне подвальных помещений Къярт пытался придумать, как объяснить Райзу спокойствие Аелитт, у которой вырвали из рук ее жизнь и власть. Конечно, она еще не видела всех последствий, но Къярт знал, что она не будет злиться. Уж точно не на него.

При всей абсурдности ситуации, она действительно не желала ему вреда, напротив, хотела защитить и шла к этой цели своими, вполне приемлемыми для фурий, путями. Мог ли он, узнав это, желать зла самой Аелитт? Впрочем, еще будучи прикованным цепями, он предпочел бы обойтись без ее убийства.

Къярт открыл дверь в еще один оборудованный для содержания некроманта зал, пропустил Райза вперед, а Аелитт придержал на входе. Несмотря на все ее заверения, что ей не нужен никто, кроме него, совсем недавно у нее появился еще один пленник, едва ли не теряющий при виде фурии сознание.

— Ты издеваешься?! — Райз наградил ее красноречивым взглядом и, покачав головой, приблизился к прикованному к столбам Бенджи. — Ну и времена: в кого ни плюнь, попадешь в некроманта, — усмехнулся он, расстегивая кандалы.

— Райз? — выдавил Бенджи и затравленно посмотрел на Аелитт. — Райз, она...

— Она больше никому не причинит вреда.

— Эй, я ничего не...

— Аелитт. Подожди нас у лестницы. Хорошо? — попросил Къярт.

Аелитт недовольно насупила брови, но послушалась.

— Фурии чувствуют тех, кто потенциально может стать некромантом, — пояснил Къярт, когда они остались втроем. — Она инициировала его.

— С какой целью?

— Считала, что это должно меня порадовать.

— Я не хотел, я не знал, — залепетал, оправдываясь Бенджи. — Я не хотел этого, я не...

— Бенджи, успокойся, — Райз поднял того с колен и ободряюще похлопал по спине. — Никакой трагедии нет, кроме той, что ты родился без мозгов. Но до недавнего времени у тебя довольно неплохо выходило это скрывать, так что как-нибудь и дальше справишься.

— Она превратила меня в чудовище! Каждый некромант..., — он осекся, посмотрел на Къярта, отмечая взглядом каждую из его меток-привязок, и устало вздохнул. — Нет, я сдаюсь.

— А сделал бы, как было велено, и сидел бы сейчас в каком-нибудь баре и радовался жизни.

— Сбежать, как трус, оставив тебя одного?

Райз покосился на Бенджи и глухо рассмеялся.

— Честное слово, был бы ты не такой тщедушный, я бы тебе нос сломал.

— Я не тщедушный.

— Бенджи, заткнись-ка ты лучше.

Аелитт ждала их у лестницы. Не изменяя себе она хищно улыбалась, но в ее взгляде, то и дело ускользающем к прямоугольнику света в конце подъема, читалось волнение. Она знала, что означала распахнутая настежь дверь и повисшая в крепости тишина. Она знала, что наверху ее встретит только смерть.

Къярт беспокоился, что такое количество тел, разделенных на части не самым аккуратным образом, будет слишком для Бенджи, и без того натерпевшегося страха. Но парень стойчески выдержал представшую перед ним картину, только стал бледнее, чем прежде.

— Ни одной не осталось? — сдержанно поинтересовалась Аелитт.

Она шла среди царящей в крепости разрухи, переступала через тела павших братьев и сестер.

— Целы дети и охранявшие их смотрей.

— Спасибо, мышонок.

Аелитт вошла в главный холл крепости — место, где прошла самая ожесточенная схватка — и на мгновение замерла.

— Ты, должно быть, крайне доволен делом своих рук, — едко произнесла она, взглянув на Райза.

— Я бы не назвал это самой аккуратной работой, но для разминки сгодится. И непосредственно мои руки убили всего несколько из них.

— Мышонку пришлось это сделать, чтобы защитить тебя, — отрезала она. — Его бы никто не тронул.

— Да неужели? — хмыкнул Райз. — Не убивайся так. Они все вернутся, — он посмотрел на Къярта. — Сейчас фурии — единственное, что представляет для нас ценность. Конечно, в общем масштабе, это капля в море, но с чего-то нужно начинать.

Две сотни крылатых по сравнению с Ордой были меньше, чем капель, но Райз был прав.

Им только и оставалось, что крошка за крошкой собирать силу, которая сможет противостоять Орде.

Хотел бы Къарт, чтобы это действительно было так, но он понимал, что это одно из тех желаний, которым не суждено сбыться. Числом Орду не взять. Во всяком случае, Райз не считал это возможным. А Къарт... его опыт в вопросах подобного рода приравнивался к нулю.

— Придется задержаться здесь на какое-то время, — Райз окинул холл взглядом. — Нужно разобрать завалы и заделать оборонную стену.

— Ты здесь не хозяин, чтобы указывать, — процедила Аелитт.

— Но и ты больше не хозяйка.

Они оба уставились на Къарта.

— Я не буду участвовать в ваших склоках.

Похоже, Райз с Аелитт ждали от него чего-то еще. Но Къарт не собирался идти у них на поводу. С чего эти двое вообще устроили грызню?

— С призванными-то хоть подсобишь? — с усмешкой поинтересовался Райз.

Къарт кивнул. Он думал о том, что нужно продержаться еще немного, и этот день, продлившийся для него три месяца, закончится, и он наконец-то сможет поспать. Поспать, а заодно откопать самого себя из наведенного в голове бардака. Да, выскользнуть из этого безумия хотя бы на несколько часов было бы замечательно.

— Аелитт, какая ступень? — спросил он присев рядом с одним из крылатых.

Этого вопроса Аелитт не ожидала точно так же, как и Райз.

— Это твоя семья. Тебе и решать, — пояснил Къарт, когда молчание слишком уж затянулось.

— Первая, мышонок. Все, кто были призваны прежде, вернутся уже не теми, кем были. Теперь они действительно мертвы. Не стоит продлевать их мучения.

Значит, первая ступень для всех братьев. И снова пропустить через себя все их жизни — многовато, как для одного дня.

Так считала и Аелитт. Когда на ноги поднялся восьмой призванный, она попросила Къарта остановиться: с тем, чтобы навести в крепости хоть какой-то порядок и не потратить на это вечность, вполне мог управиться и десяток фурий.

Аелитт хотела вернуть одну из сестер. Она не озвучила свое желание вслух, но Къарт читал его в ее взгляде, пока она ходила по холлу, надеясь отыскать хотя бы одну крылатую, что не была бы четвертована или разорвана на еще большее количество частей.

— Во дворе есть еще одна, — сообщил Къарт, устав наблюдать за безмолвными метаниями Аелитт. — У меня остались силы на печать второго уровня.

Фурия благодарно кивнула.

Снаружи начинал моросить дождь.

Благодаря жару эссенции жизни Къарт не чувствовал холода, Аелитт с Райзом были слишком мертвы, чтобы замерзнуть, а вот обнаженный торс увязавшегося следом Бенджи сразу покрылся мурашками. Къарт хотел побыстрее закончить здесь, но Аелитт остановила его руку, прежде чем он коснулся лба фурии.

— Почему она цела? — нахмурившись, спросила она и покосилась на Райза. — Ее убил ты? Так же, как и меня?

— Не имею к этому ни малейшего отношения.

— Это сделал я, Аелитт, — Къарт посмотрел на нее снизу вверх. — Она напала на меня.

не оставив выбора.

Аелитт понимающе кивнула и отпустила его руку.

Открыв глаза, фурия дернулась в его сторону, но сразу замерла, остановленная приказом. Она прожгла Къярта ненавидящим взглядом, затем заметила Аелитт и, заметно присмирив, начала возвращать себе человеческий облик.

— Нет, — сухо сказала Аелитт. — Превращайся назад.

— Ты же не собираешься выкинуть какую-то глупость? — Райз скептически изогнул бровь.

— Заткнись, — отрезала та и спокойно добавила: — Мышонок, отойди, пожалуйста.

— Аелитт...

— Отойди, — жестко повторила она.

Вздыхнув, Къярт послушался и покачал головой в ответ на вопрос в глазах Райза. Проще было дать Аелитт то, что она хотела, чем устраивать очередной спор.

— Я приказала тебе превратиться, — прошипела Аелитт, сверля фурию взглядом.

Когда та полностью покрылась чешуей, Аелитт трансформировала кисти и бросилась на нее. В несколько молниеносных, налитых силой движений она обломала фурии крылья и оторвала руки, будто бы перед ней была тряпичная кукла, а не существо из мышц, костей и плоти.

Аелитт ударила ее в спину, ставя на колени, и поймала за волосы, не давая упасть лицом вниз.

— Своевольная сука, — рыкнула она и с омерзительным хлюпающим хрустом оторвала фурии голову.

Бенджи зажал рот, пытаясь сдержать рвотные позывы.

— Можешь разрушить ее печать, мышонок, — Аелитт выбросила застывшую с открытым ртом голову, перешагнула через упавшее на землю тело и направилась к крепости. — Она мне больше не нужна.

— Кхм, ты же в курсе, что все эти призванные принадлежат не тебе? — спросил Райз. — Ты только что по собственной прихоти уничтожила абсолютно целое боеспособное тело. А ты ее даже не остановил, — он перевел взгляд на Къярта.

— Им было запрещено нападать на мышонка. Чтобы ни произошло. Но она решила послушаться. Это ее наказание.

— Святые Небеса, она уже была мертва.

— Не до конца, — Аелитт обернулась и с презрением посмотрела на лежащие на земле останки. — Руки и голову можно пришить. А крылья сами отрастут.

Къярт раньше не бывал в этом зале, но отлично знал его из воспоминаний Аелитт — еще из тех, когда она была ребенком, и ее семья жила здесь. В этой крепости было не так много раздолбя для крылатых, сколько в той, что разрушили некроманты, но Аелитт любила ее. Когда-то давно, когда ей для счастья было достаточно перелетать с одной спинки кресла на другую, заодно роняя сами кресла с громким стуком на пол, а после засыпать, укрывшись крылом, прямо у гигантского камина — самого большого из всех имеющихся.

С тех пор прошло много лет, вместе с фуриями из крепости ушел уют, а когда они вернулись, Аелитт было не до того, чтобы обустраивать жилище. Она возложила все обязанности по наведению порядка в крепости на сестер, а сама дни напролет просиживала в подвале рядом с Къяртом.

Однако, недовольные действиями королевы фурии не спешили облагораживать все вокруг и занимались только теми помещениями, что были нужны им самим. До любимого зала Аелитт никому не было дела.

Так что четыре погрызенных мышами кресла, в которых пыли собралось больше, чем набивки, появились возле камина только тогда, когда Къярт приказал одному из призванных их принести — вместе с дровами и пледом для Бенджи, который за то недолгое время, что они провели во дворе, продрог до самых костей.

— Так ты и есть тот самый Къярт, который постоянно влипает в неприятности, и которого Райз так спешил спасти? — забравшись в кресло с босыми ногами и закутавшись в плед, полюбопытствовал Бенджи.

Несмотря на не сходящую с его лица бледность, он выглядел куда увереннее, чем когда его только освободили, и уже не вздрагивал от каждого брошенного в его сторону взгляда Аелитт или, что еще хуже, плотоядной улыбки.

— Постоянно влипает в неприятности? — Къярт посмотрел на Райза, на что тот только развел руками.

— Да он ведь целую шхуну в расход пустил, чтобы к тебе добраться! — с жаром произнес Бенджи. — Всю команду — тридцать человек...

— Он знает, Бенджи, — прервал его Райз и добавил, предвосхищая вопрос: — Мы с Аелитт немного не сошлись в наших планах на Къярта и взаимоустранились. Так что по праву призвавшего мою душу некроманта, Къярт знает все о нашем небольшом путешествии на ту сторону.

Бенджи перевел растерянный взгляд с Райза на Къярта и назад.

— А как же человек с двухвостым зверем? — спросил он.

— У Къярта двухвостый зверь тоже есть. Был. Ты не знаешь, где Коготь? — Райз выжидающе посмотрел на Къярта.

— Здесь. Там. Сразу в нескольких местах, — вместо него ответила Аелитт и неловко улыбнулась, взглянув на Къярта сверху вниз. — Я сохранила его в целости, мышонок, как и обещала, ты же знаешь, — оправдываясь, тихо добавила она.

С самого начала Аелитт, проигнорировав предложенное ей место, устроилась на подлокотнике кресла, в котором сидел Къярт, и даже не думала его оставить.

— Я верну его. Придется посидеть над скрепляющими печатями, но шерсть скроет места разрывов, так что Когтя даже можно будет показывать людям.

— Хорошо, — Райз кивнул. — Как только закончим здесь, вернемся в Афракский Союз. Нужно наведаться в банк, попробовать как-то восстановить родовые листы, чтобы перестать быть похожими на голодранцев. А затем познакомимся поближе с ковенами. Благодаря разнице в течении времени в нашем мире и в том у нас есть небольшая фора, но она действительно небольшая. Нужно узнать, какими ресурсами располагают местные некроманты, и забрать их себе. Хорошо, что больше не нужно ни на кого охотиться, чтобы ты мог научиться перехватывать контроль над призванными. Стараниями Аелитт у нас теперь есть свой лояльный некромант.

Райз ободряюще хлопнул по плечу сидящего в соседнем кресле Бенджи, и лицо парня приобрело истинно страдальческое выражение.

— Не хочу ставить твои решения под сомнение, — с натянутой улыбкой начал он, — но ты же помнишь, что некроманты — не самые славные ребята. И быть одним из них... я не монстр, Райз.

— Так и не будь им, в чем проблема? Помнится мне, ты говорил, что хотел помочь, но у тебя не было силы, чтобы это сделать. Теперь она у тебя есть. Или сдрейфил, как от слов перешли к делу?

— Не дави на него, — вступился Къярт. — Бенджи не обязан в это ввязываться. Тем более у меня уже была возможность попрактиковаться в перехвате призванных.

— Мышонку достаточно одного только взгляда. Ни один некромант не сможет с ним тягаться, — гордо произнесла Аелитт.

— Что просто замечательно, — едко бросил Райз и посмотрел на Къярта таким же давящим взглядом. — Но ты помнишь, что у нас Орда на пороге, и мы не в том положении, чтобы разбрасываться ресурсами? И раз Бенджи все равно влип в эту историю, заметь, влип по собственной глупости, сворачивать назад уже поздно.

— И какой тебе прок от того, кто по собственной глупости влипает в истории? Тем более потенциал Бенджи как некроманта довольно посредственен, и пользы от него много не будет. Прости, — Къярт бросил на Бенджи мимолетный взгляд и снова уставился на Райза.

— Никаких обид, — Бенджи вяло улыбнулся и вжался в кресло.

Он уж точно не разделял восторга, с которым Аелитт наблюдала за спором.

— Знаешь историю про песчинку, которая перевесила чашу весов? — Райз с прищуром посмотрел на Къярта.

— И что ты собираешься делать с этой «песчинкой»? То, что ты считал кого-то погибшим, а затем выяснилось, что это не так — не повод превращать его в разменную монету. Сам же потом жалеть будешь.

— Это будет моя проблема. Не твоя.

— Так в этом уверен?

В зале повисла тишина. Только щелкали дрова в камине, да ноготок Аелитт отмерял секунды, клацая по деревянному оголовью.

Райз взглянул на фурию, усмехнулся и откинулся на спинку кресла.

— Знаешь, чем больше я наблюдаю за происходящим, тем больше начинаю сомневаться в том, так ли ты хочешь уничтожить Орду, как прежде. Или у тебя появилась идея получше?

— В твоём представлении я сейчас должен оскорбиться, раскаяться и согласиться с тобой?

— Признай, попытаться стоило.

— Да, хорошая попытка. Может, раньше и сработало бы.

— Проклятый некромант, — рассмеявшись, произнес Райз. — Ладно, вернемся к этому разговору после. Слишком много всего, как для одного дня.

Къарт кивнул.

Он мог бы и вовсе не вступать в спор. В конце концов, не им жаловаться на избыток рук, желающих помочь в борьбе с Ордой. Бенджи с Райзом связывала действительно длинная череда маловероятных совпадений, так что он вполне мог оказаться той самой перевесившей чашу весов песчинкой. А мог оказаться «просто Бенджи» с участием маленькой слабой пешки, которую скормят врагу победе в угоду.

Но кроме Бенджи, не горящего желанием пользоваться приобретенной силой, оставался еще Райз, который не особо колеблясь мог пожертвовать теми, кто ему небезразличен, для достижения цели. Как он и сказал, последующее чувство вины и угрызения совести являлись исключительно его проблемой. Именно так и было, когда он жил среди друидов, где не было никого, кто бы мог разделить его тревоги. Но Райз больше не был один, и Къарт надеялся, что тому больше не придется прибегать к старым методам.

— Мышонок...

От голоса Аелитт по спине пробежал неприятный холодок. Вздохнув, Къарт поднял на нее взгляд, и от растерянности, смешавшейся в ее глазах со страхом, ему стало не по себе.

— Что значили его слова о том, что ты хочешь уничтожить Орду? — тихо спросила она.

— То и значили.

— Но...

— У тебя не получится примкнуть к ней, Аелитт, — сказал Райз.

— Но мышонок, — она даже не посмотрела на того. — Это невозможно. Это самоубийство.

— Аелитт...

— Ты же теперь знаешь! — она соскочила с подлокотника — импульсивно и как-то отчаянно. — Знаешь, что в прошлый раз, когда моя стая еще была частью Орды, братья тоже решили пойти против нее. Вы, мужчины, так самонадеянны! Ты знаешь, к чему привел их бунт!

— Они утверждали, что не имели к нему никакого отношения, — возразил Къарт. — Что Орду предала одна из сестер.

— А что им еще было говорить?! Из-за них нас всех едва не истребили! И теперь ты хочешь пойти по их стопам? — выпалила Аелитт. Осознав что-то, она перевела взгляд на Райза. — Нет, это не идея мышонка. Это ты его в это втянул. Самонадеянный дурак, делай, что хочешь, но даже не смей тащить за собой...

— Аелитт, прекрати, — Къарт поймал ее за предплечье, когда она собиралась было кинуться на Райза.

— Я должна молча смотреть, как он отправляет тебя на убой?!

Она вперила в Къарта взгляд. Ее грудь тяжело вздымалась от бурлящего внутри возмущения.

— Да что у вас тут произошло, пока меня не было? — Райз приподнял брови. — Меня не покидает ощущение, что я только зря явился и укоротил Аелитт жизнь.

— Как тонко ты чувствуешь ситуацию, — прошипела она.

— Все. Довольно. Мне надоели эти склоки, — Къарт отпустил ее руку и встал с кресла. — Можете и дальше грызться, только без меня, — он устало посмотрел на Райза. —

Закончим здесь и вернемся в Афракский Союз.

Он не стал дожидаться возражений или продолжения спора. Ему хотелось тишины и, как бы странно это ни было после всего проведенного взаперти времени, — одиночества.

Благодаря воспоминаниям Аелитт он знал эту крепость как свои пять пальцев, и отыскать подходящую для ночлега комнату не составило труда. Не все спальни крепости были такими же аскетичными и холодными, как ее комната. Ополоснувшись в каменной ванне со стылой водой, он еще какое-то время постоял босиком у открытого окна, рассматривая продолжающие копить дождь тучи.

Къярт устал от этого бесконечного дня. Он так долго мечтал о том, чтобы забыться сном, но теперь, когда это стало возможным, оттягивал этот момент, зная, что сновидения могут оказаться куда хуже, чем действительность. Тем более сейчас действительность была не так уж и плоха.

Но он не мог бодрствовать вечно, и пусть он успел отвыкнуть от кошмаров, пришло время снова к ним привыкать.

Не знавший все это время покоя разум смешал во снах все, что только смог: Мерлен, Иеро, Райза, Аелитт и даже друида, их кровь на руках и жар от поглощенной жизни в груди. Кошмары зациклились, понеслись по кругу, словно он находился под действием яда фурии, пока его наконец не выбросило из них, как медузу на каменистый берег.

Къярт открыл глаза и сел на кровати. Посмотрел в сторону окна. В стекло молотили крупные капли начавшейся грозы. В осветившей комнату вспышке молнии он осознал, что не один.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он у сидящей на краю кровати Аелитт.

— Смотрю, как ты спишь.

Къярт вздохнул и вернул голову на мягкую, пуховую подушку. Он давно смирился с присутствием фурии и не видел смысла ее прогонять.

— Снова кошмары? Позволь мне помочь, мышонок, — тихо попросила Аелитт. — Позволь забрать их.

Фурии действительно были частью Орды. Сама Аелитт, как и остальные, не знала ничего о своих предках, которых изгнали во время последнего вторжения в этот мир. Не знала она и о роли фурий в Орде, но, учитывая знания о некрмантах, что ей передала мать, и то, что Райз видел фурий в соседнем мире, несложно было увязать воедино. Цели и стремления фурий, как вида, по прежнему оставались неизвестны, но пока хватало того, что являясь частью Орды, в которой почти все держалось на силе некрмантов, они обладали целым набором навыков, которые могли быть тем полезны.

— Тебе незачем так мучить себя, — продолжала увещевать Аелитт. — Пожалуйста, позволь мне.

Она могла уговаривать его до самого рассвета, а затем ходить следом, такая же упрямая, как и он сам. Раз уж решила что-то, то не отступится. Будет стоять на своем, пока в итоге не возьмет измором.

— Мышонок...

Къярт сдался. Не столько потому, что с радостью провел хотя бы одну ночь без кошмаров, сколько из-за того, что ему было жаль Аелитт. За один день она потеряла все. От ее и без того немногочисленной стаи в живых остались только дети, которые вряд ли переживут близящуюся войну, и теперь уж точно не смогут примкнуть к Орде. Стремления и желания Аелитт все еще не до конца улеглись в голове, и сейчас Къярт не мог с

уверенностью сказать, что именно ею движет: желание ухватиться за малейшую возможность сохранить хотя бы те крохи ее вида, что остались, или же банальное смирение и принятие своего положения. А может быть она хотела помочь просто потому, что ей так хотелось.

Къярт устроил голову на ее коленях и сразу почувствовал прохладное прикосновение светящихся алым когтей к вискам и скулам. Одно короткое движение — и его жизнь оборвется. Но с момента ее призыва он не отдал ей ни одного приказа и пока не собирался этого делать. Он знал, что она не станет вредить ему, и дело было отнюдь не в том, что его смерть означала бы и ее собственную.

Снова заснуть, чувствуя затылком прохладу ее коленей, оказалось не так просто. Перед глазами стояли смоляные кудри: не те, что сейчас окружали склонившееся к нему лицо фурии, но те, что разметались по белой шерсти шкуры на вершине башни в ночь жатвы.

В итоге сон взял свое. Больше этой ночью кошмаров не было.

Къярт проснулся, когда солнце поднялось достаточно, чтобы его лучи проникли в комнату и упали на кровать. Но разбудило его чувство абсолютной бодрости, а не свет: Аелитт все также сидела, касаясь его висков, а ее крылья закрывали его от солнца.

— Прости, мышонок, — произнесла она так, будто едва смогла дожидаться его пробуждения, — что всплыла вчера. Я просто испугалась и совсем забыла, кто ты.

Къярт оставил приют на ее коленях и сел.

— О чем ты?

— Об Орде. Если кто и сможет противостоять ей, так это ты. Я же сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь.

Къярт провел рукой по лицу, пытаясь прогнать остатки сна. Для начала дня такие разговоры были слишком.

Он не знал, какие мысли бродили в голове Аелитт этой ночью, но она и правда стала вести себя иначе. Как, собственно, и Райз. За весь день, на протяжении которого Къярт занимался призывами и восстановлением тел павших фурий, не началось ни одного спора, не прозвучало ни одного выпада. Даже во взглядах, которыми Райз с Аелитт одаривали друг друга, заметно поубавилось неприязни. Похоже, накануне вечером, когда Къярт оставил их, эти двое смогли прийти к соглашению, что радовало и настораживало одновременно.

Бенджи весь день крутился поблизости, а с наступлением темноты, когда они вчетвером собрались за одним столом, сказал, что хочет начать тренировки по возвращению мертвых к жизни. Къярт заподозрил неладное, но Бенджи сразу вступился за Райза, утверждая, что тот и слова ему не сказал, и что решение он принял сам. Будто Райзу нужно было что-то говорить, чтобы повлиять на других.

Но Бенджи продолжал яро стоять на своем и не унимался, пока Къярт не сдался. Правда, после этого Аелитт перехватила инициативу и заявила, что сама займется его обучением. Все же, несмотря на успехи на поприще медицины, одного прикосновения и мысленного складывания печати ему точно не хватит, чтобы поднять умертвие, не говоря уже о том, чтобы призвать душу. Бенджи перспектива занять фурию в учителя не обрадовала, но возражать он не стал.

На то, чтобы поднять всех фурий гнезда и как следует скрепить их тела печатями, ушла неделя. И каждую ночь Аелитт приходила к нему, и он засыпал, устроив голову на ее коленях.

Последним он вернул Когтя. Пришлось потратить немало сил, чтобы придать ему вид

абсолютно живого грива. Конечно, он не мог поправить его температуру тела, но вряд ли в Афракском Союзе и где-либо еще нашлись бы желающие погладить его или хотя бы подойти достаточно близко, чтобы что-то заподозрить. А вот скрыть от Клыка, что произошло с его братом, не стоило и пытаться. Он недовольно обнюхивал его, фыркал и скалился, даже пару раз попытался напасть, за что тут же получил в ответ и только тогда присмирел.

Коготь полностью осознавал то, что с ним произошло. Къарт призвал его душу печатью второго уровня, так что первое время ему приходилось сдерживать пришедшего в панику зверя. Тот понимал, что с его телом что-то критически не так, и это понимание приводило его в смешанный с яростью ужас. Но не прошло и часа, как Коготь успокоился и даже стал смотреть на Къарта иначе, словно бы понимал, почему он одновременно и мертв и жив, и кто к этому причастен.

Помимо возвращения из мертвых нужно было нанести печати и на тело Райза — те, что должны были скрыть его теперешний статус от паладинов. Лучшим решением было бы вырезать печати на его костях, так же, как в свое время Фелис вырезал их на костях Къарта. Но у Аелитт не нашлось оборудования для проведения подобной операции. Поэтому пришлось ограничиться татуировками на спине и следить за тем, чтобы те не попались кому-либо на глаза.

Они покинули гнездо фурий, когда в Аверию пришло несколько солнечных дней. Бенджи пытался уговорить взять его с собой, но ему нужно было продолжать осваивать приобретенную силу столько, сколько это позволяло оставшееся у них время. Места лучшего, чем крепость фурий, для этого было не найти.

Хотела пойти с ними и Аелитт. Къарт читал это в ее взгляде, но она и без лишних объяснений понимала, что присутствие фурии вызовет немало вопросов и еще больше проблем: она никак не могла избавиться от чешуи, что покрывала кожу вокруг ее глаз, а алое мерцание зрачков, которым не обладали ни ее сестры, ни братья, тоже не прибавляло облику человечности.

— Только позови меня, и я найду тебя, где бы ты ни был, — сказала она, как всегда с улыбкой на губах, но Къарт видел, что та была фальшивой.

— Знаю, — он посмотрел на стены крепости за ее спиной. Больше они не держали его. — Фуриям приказано выполнять все твои указания.

— И что, больше не будет возражений? — Аелитт изобразила печаль. — И никто не бросит мне вызов?

— Никто.

Она демонстративно вздохнула. Къарт взглянул на стоящего неподалеку Бенджи. Несмотря на то, что парень перестал бояться Аелитт, он все равно предпочитал держаться от нее подальше.

— Она тебя не тронет, Бенджи.

— Ты запретил? — с надеждой спросил тот.

— Это ни к чему. Ведь так?

— С чего бы мне портить мой подарок тебе? — искренне удивилась Аелитт.

Къарт в последний раз окинул крепость взглядом и забрался в седло Когтя. Клык нетерпеливо топтался рядом и время от времени косился на Райза.

Их путь лежал на северо-восток, в Мосв — портовый город на берегу Горького моря, в котором должен был найтись корабль, готовый отвезти их в Афракский Союз. Оставался вопрос с оплатой пути: те немногие фраксы, что остались у Райза, сгнули в соседнем мире,

а у Аелитт нашлось всего ничего денег Аверии, и на предложение одолжить побольше у местных жителей Къярт ответил решительным отказом. Отказался и Райз от предложения Бенджи взять сбережения его семьи. Парень озвучил его после того, как в один из дней наведаясь в деревню сообщить матери, что впредь фурии их не тронут, а сам он вернется в Афракский Союз вместе с Райзом. Ему нужно было как-то объяснить свое отсутствие дома, а правда о том, что он останется в гнезде фурий, не прибавила бы его матери спокойствия.

Райз оставлял крепость в приподнятом настроении, тогда как Къярт не мог похвастаться тем же. Конечно, он был рад снова оказаться на свободе, пусть и обрел ее еще неделю назад. Он надеялся, что выйдя за стены крепости он по настоящему перестанет чувствовать себя пленником Аелитт. Надежды оправдались лишь частично.

— Благословенное спокойствие, — с блаженной улыбкой протянул Райз. — Как же хорошо, что все наконец вернулось на круги своя.

— Устал от фурий?

— И не только, — он хмыкнул. — Бенджи, конечно, парень неплохой, но...

Райз не стал заканчивать фразу.

— Есть кое-что, о чем я не стал говорить раньше. Решил приберечь до момента, когда мы останемся наедине. По правде сказать, даже и не знаю, как об этом говорить, но этот момент слишком меня беспокоит, чтобы о нем молчать.

Къярт даже не посмотрел в его сторону. Столь долгое лирическое отступление, не в духе Райза, не предвещало ничего хорошего.

— Учитывая, как именно ты провел последние месяцы, — продолжил тот, — и то, какое расположение ты выказываешь Аелитт, мне не дает покоя вопрос: все ли в порядке у тебя с головой?

Къярт поднял на него взгляд. Райз усмеялся, а в его глазах плясали молнии.

— Отвяжись, — бросил тот и двинул Когтя пятками, поднимая в галоп.

Тихий смех Райза остался позади.

В том, что он снова стал призванным, Райза беспокоил не сам факт очередной смерти, нагрянувшей совершенно не по плану, а то, что вернувшим его некромантом был Къярт. Бесспорно, любой другой вариант однозначно был бы еще хуже, но его прошлое не входило в список того, чем он хотел поделиться. И уж тем более он не хотел, чтобы свидетелем его действий становился Къярт. С его неконтролируемым желанием спасти всех и каждого без оглядки на последствия, осведомленность напарника о принятых Райзом в прошлом решениях могла на корню зарубить все попытки какого-либо сотрудничества. Конечно, Къярт не стал бы бросать этот горе-мир на произвол судьбы, но их отношения приобрели бы куда-более конфронтационный характер.

Он и прежде не одобрял подходы Райза. Да и тот не слишком усердствовал притворяться безобидным добряком. Он еще в самом начале их знакомства в общих чертах обрисовал свою прошлую жизнь. Но одно дело — услышать, и совсем другое — пропустить через себя каждый день, каждую минуту, каждый поступок, прочувствовать все на собственной шкуре.

Не прошло много времени, как Райз понял, что ошибся на счет своего напарника. Да, теперь в каждом их разногласии Къярт стоял на своем до последнего, точно вросший в землю мшистый камень, а самих споров стало больше. Он рвался пресечь всякое действие, которое считал недопустимым в его собственной нравственной системе координат, и порой реагировал даже на совершенно безобидные вещи, будто Райз был каким-то монстром, способным превратить любую мелочь в катастрофу. Однако, при всем этом Къярт не смотрел на него как на монстра, скорее наоборот, что поначалу вводило в замешательство. Но стоило немного понаблюдать за Къяртом и Аелитт, как все встало на свои места: при всей своей праведности и моральности, парень испытывал поистине непостижимую умом тягу ко всякого рода чудищам.

Так что, если закрыть глаза на участвовавшие прения, от которых Райз наловчился получать удовольствие, все стало намного проще. Не осталось двойного дна и тайн. Райз, конечно, приобрел один секрет сразу же после возвращения из мертвых — не столько из соображений полезности, сколько из желания иметь хоть что-то свое. Все же прожив жизнь в чужой личине, а затем вот так оказавшись перед кем-то с душой нараспашку, он чувствовал себя не в своей тарелке. Но Къярту об этом знать было необязательно.

Отсутствие у того неприятия оказалось не единственным, чего Райз не ожидал. Стоило им покинуть крепость фурий, и в первый же вечер под открытым небом Къярт изъявил желание поговорить. Чего только Райз не ожидал от этой беседы, но уж точно не того, что говорить по большей мере будет не он.

Устроившись у костра Къярт рассказывал о своей прежней жизни: все, что помнил, а помнил он невероятно много. Он опускал будничные моменты, но все, что имело вес или хоть как-то выделялось из общей череды дней, было расставлено в идеальном хронологическом порядке. Къярт излагал не только события, но и то, как сам относился к ним; его мысли и чувства, которых, как выяснилось, было ненамного больше, чем сейчас.

Он не остановился на пересказе своей прошлой жизни и сразу перешел к тому, что было после того, как Фелис призвал его: от начала и до момента, когда он вернул Райзу жизнь. И пусть тот и так был свидетелем всего, кроме времени проведенного в плену Аелитт, Къярт

не стал ничего опускать, разве что говорил не столько о событиях, сколько о своем отношении к ним и к самому Райзу. Робея и едва не краснея, Къярт рассказывал о том, что думал о своем напарнике в те или иные моменты. Но не смотря на всю испытываемую неловкость он стоически тащил ярмо, в которое сам же и впрягся. Он даже сознался в том, что когда ему представился шанс сбежать от Аелитт, он променял его на возможность спасти ей жизнь и снова угодил в ее цепи.

Его исповедь подошла к концу, когда от горизонта оторвался бледный круг солнца, затянутый серой поволокой облаков.

— Я посчитал, что так будет справедливо, раз я узнал все о твоём прошлом, — добавил он, когда Райз так ничего и не произнес, а молчание слишком уж затянулось. — Конечно, это нельзя сравнивать, но пусть будет хоть что-то.

— Знаешь, тебе следует все это записать. Чтобы не пришлось повторять каждому призванному, — заметил Райз.

— Я не собираюсь это больше повторять.

— Ого, — он присвистнул. — Такая честь оказана только мне? — хотелось добавить «и Аелитт», но он сдержался.

Следовало отдать Къярту должное: поменяйся они местами, и Райз вряд ли бы сделал подобный жест.

— Только тебе.

Райз хмыкнул. Больше острить и подначивать не хотелось. Во всяком случае не сегодня.

— Тебе нужно хоть немного поспать. Это моя брэнная тушка слишком мертва, чтобы нуждаться в отдыхе, но не твоя.

— Я в порядке. Не будем терять день пути.

— Ты в порядке, а вот Клык совсем выбился из сил, — Райз потрепал лежащего рядом зверя за загривок. Тот демонстративно зевнул и накрыл лапой нос. — Так что до обеда нам с места никак не сдвинуться.

— Мы разве уже не спешим вернуться в Афракский Союз? Подготовиться к приходу Орды?

И снова этот пронзающий взгляд. Именно с него начиналось непреодолимое желание Къярта отстаивать свое. Интересно, на фурию он тоже так смотрел, когда отказывался с ней говорить?

— Ты не сильно-то пекся о подготовке к приходу Орды, пока прохлаждался у Аелитт, — Райз ответил таким же пристальным взглядом. — Вот и сейчас не мути воду. Тебе нужно отдохнуть. Если ты свалишься с Когтя и сломаешь себе шею, в один миг угробишь целую кучу народа. Так что прекращай упираться. В этот раз моя взяла.

Къярт вздохнул и устроился на расстеленной у костра шкуре.

— И спасибо, — добавил Райз, когда тот закрыл глаза. — Я так и не поблагодарил тебя за то, что ты вернул мне жизнь.

— А как, по-твоему, я должен был разбираться в одиночку с Ордой?

— Почему в одиночку? Аелитт с радостью бы помогла.

— Отвяжись, — буркнул Къярт и повернулся к нему спиной.

До побережья оставалось еще четыре дня пути.

Мосв был настоящим портовым городом в его худших проявлениях: шумный, грязный, провонявшийся рыбой, дешевым алкоголем и теми, кто к нему пристрастился. На его улицах с раннего утраи до позднего вечера толкались крикливые торгаши и не менее крикливые

барышни; до рези в ушах звенели жестяные ведра и гроыхали корабельные доки. Но несмотря на весь его отталкивающий вид, Райз находил в царящей в городе суматохе нечто прекрасное: несдержанный разгульно-рабочий дух, от которого так и несло жизнью. К тому же прежде ему не доводилось бывать в местах вроде этого, а всякое новшество приятно щекотало ум.

Прежде чем отправиться непосредственно на пристань, они заглянули в отделение местного банка и, по совместительству, торговой палаты. У Райза не было особых надежд на то, что промокшие бумажки, в которые превратились родовые листы, еще и выданные в другом государстве, как-то помогут, но попытать удачу стоило.

Потратив почти час на то, чтобы попасть к клерку, который мог дать внятный ответ, они ушли ни с чем: торговая палата Мосва не могла подтвердить подлинность предоставленных документов, и не имела никаких отношений с банком Афракского Союза, чтобы согласиться выдать хотя бы один аверийский серебряник.

Чем ближе к порту, тем суматошнее становились улицы. На каждом углу высились этажи ящиков и бочек, которые затаскивали — кто на телеги, а кто в склады — крепкие мужики в одних рубашках с подкатанными рукавами. Кого-кого, а работяг ударивший ночью мороз уж точно не беспокоил. До него не было дела и Райзу, но, учитывая покрывающие спину татуировки печатей, он ехал закутанный до самого подбородка.

Порт Мосва заслуженно назывался портом с большой буквы, по сравнению с которым Копрал казался забитой рыбацкой деревушкой на обочине мира, и это при том, что богатств Афракского Союза хватило бы, чтобы приобрести как минимум сотню Аверий.

Пристань протянулась вдоль всего берега вплоть до охранных башен на краю круглого залива. Воздух рябил от горластых чаек, кружащих над высокими иглами матч. Здесь были и барки, и каравеллы, и вооруженные до зубов тяжелые галеоны, на фоне которых двухмачтовые люгеры выглядели детскими игрушками.

Но чего в порту Мосва не нашлось, так это кораблей, готовых отплыть в Афракский Союз. Раньше к его берегам раз в месяц отправлялась шхуна, но после того, как конфликт между Агруа и Хепрасом обострился, про северное направление в Мосве забыли. Торговые суда, которых в гавани насчитывалось не меньше трех десятков, ожидаемо не собирались рисковать грузом, чтобы отвезти двух чужаков, у которых кроме гривов ничего не было.

— Сейчас в Афракс никто не поплывет, — бросил им в спину толстяк с маслянистым лицом. Он сидел на бочке у одной из каравелл и грыз семечки. — Разве что, — он раскусил скорлупку и сплюнул шелуху в воду, — спросите у парней с фрегатов. Тех, что с синими парусами. Эти ребята, — щелкнула еще одна семечка, — всяким промышляют. Может, и в Союз согласятся плыть. Только три шкуры за это сдерут. Но раз вы из этих афракских богачей, то деньги для вас не проблема, — хмыкнул он.

Фрегатов, о которых говорил толстяк, было шесть. Их, точно свита — господ, окружили нескольких десятков люгеров, несущих такие же синие паруса, и, судя по вооружению, корабли могли принадлежать разве что военному флоту. Хотя одного взгляда на лица моряков хватило, чтобы поставить под сомнение какую-либо связь с государственными структурами, кроме уголовной. Так или иначе, Райз предпочел бы не связываться с такими «бравыми парнями», но раз других вариантов не нашлось...

— Говорите, что у вас ни хрена с собой нет кроме честного слова, и что по прибытию в копральскую дыру вы осыпите моих парней золотом?

Капитан одного из фрегатов, загорелый чернявый мужчина в меховой безрукавке на

голое тело, оперся о борт палубы и смотрел на остановившихся на причале всадников на гривах, как на чаячий помет на ботинке.

— У нас есть родовые листы и...

— Ну так и подотришься ними, — хохотнул капитан и присутствующие на палубе матросы поддержали его гоготом.

Терпение Райза кончилось еще тогда, когда капитан впервые посмотрел в их сторону, при этом не произнеся еще ни слова. Сейчас же все, что ему хотелось, это спрессовать в пшениное зернышко всю алую дымку, что окружала недовольных свежестью рыбы, оплатой за улов и, Проклятый знает, чем еще, горожан, и активировать ее где-нибудь в трюме, чтобы фрегат взлетел на воздух, а вместе с ним и нахальная рожа его капитана. Увы, разорванный на куски корабль не мог похвастаться хорошей плавучестью.

Райз миролюбиво улыбнулся.

— Если мы не сможем рассчитаться по прибытию, забереешь гривен.

— На кой мне сдались эти псы бешеные? — брезгливо бросил капитан, но все же не удержался от того, чтобы не ощупать хищников оценивающим взглядом.

Гривы водились только на территории Афракского Союза, а продажа их другим государствам была под строжайшим запретом. За попытку контрабандного вывоза щенков казнили едва ли не без суда и следствия. На этой благодатной почве цены на гривов на черных рынках росли до невиданных высот.

— Ладно. Не будет золота — рассчитаешься гривами, — капитан ушло ухмыльнулся и посмотрел на Къярта. — И пацаном. Пойдет авансом. Как никак два дня плыть, команде заняться нечем будет, а бабу на борт брать себе дороже. Конечно, раз пассажиров двое, значит и платить оба должны, но больно вид у тебя болезненный, как бы заразу какую не подхватить. Но ты не обессудь, я так-то тебе скидку делаю. Ну так что? По рукам?

— Сколько, ты говорил, хочешь за дорогу? — сквозь улыбку процедил Райз.

— Полкило аверийского золота за тебя и за гривов. За каждого. А за пацана возьму килограмм.

— Будет тебе золото.

Райз развернул Клыка и пустил галопом с пристани.

Къярт смог поравняться с ним только тогда, когда тот остановился у одной из портовых забегаловок, от которой несло кислотой и чем-то окончательно протухшим.

— Что ты собрался делать? — в озвученном вопросе смешалась настороженность, усталость и предчувствие скорых неприятностей.

— Ничего особенного, — Райз улыбнулся и толкнул дверь. — Всего-то поболтаю с местными. Чего ты такой напряженный?

Он взглянул на напарника и усмехнулся. Того не вывело из равновесия даже предложение капитана фрегата: воздух вокруг него оставался кристально чист. Но стоило Райзу едва оживиться, и Къярт сразу же пришел в состояние повышенной боеготовности.

Внутри кабака воняло еще хуже, чем снаружи. К запаху не самой лучшей еды и алкоголя примешивался незабываемый дух моряков, коротающих время за выпивкой и карточными играми. Воздух казался невероятно липким, и это при том, что нервные окончания, отвечающие за обоняние, у мертвого тела работали постольку-поскольку и по большей мере держались на печатях.

Райз выбрал столик подальше от посетителей и поближе к окну, чтобы следить за оставленными на улице гривами. Теперь можно было не опасаться, что те решат закусить

человечиной: Коготь, по причине своей призванности, и вовсе забыл, что такое непослушание, а Клык, поначалу еще пытавшийся гнуть прежнюю линию, присмирел, стоило Райзу невзначай отпустить замечание, что ему нравится преобразование Когтя, и он уже подумывает, а не повернуть ли такой же фокус с Клыком. И пусть последний продолжал строить из себя гордого и непокорного, как только речь заходила непосредственно о действиях, которые могли прийти хозяину не по душе, Клык сразу делал вид, что ничего такого не замыслил и ему вообще не интересен ни этот прохожий, ни та блеющая в загоне коза.

— Чего желаете? — к их столику подошел долговязый мужик с длинными сальными усами и плутоватым взглядом. С таким взглядом только всяких приезжих и оббирать. — У меня есть отличное пиво и...

— Желаем пообщаться с хозяином порта, — Райз не дал ему договорить. — У его парней дурные манеры, и меня раздражает желание это обсудить.

— Если у вас какие-то жалобы, то вы можете записаться на прием в ратуше. Здесь начальника порта уж точно нет, — хохотнул хозяин кабака. — Хотя я бы не отказался от посетителей с кошельками потуже. А вы...

— Я сказал, что хочу пообщаться с хозяином порта, а не начальником. С тем, чьи фрегаты стоят у пристани. Так где мне его найти?

— Извиняй, милейший, но я понятия не имею, о каком хо...

И снова Райз прервал его на полуслове. Он сгреб мужика рукой за грудки, дернул вниз, быстро перехватил за загривок и впечатал щекой в столешницу прежде, чем кто-либо, в том числе и ошарашенный Къярт, успел отреагировать.

Райз склонился к безуспешно пытающемуся высвободиться мужику и, понизив голос, заговорил:

— Сколько раз мне надо выстрелить тебе в ногу, — он отодвинул полу куртки, демонстрируя кобуру с револьвером, — чтобы у тебя появилось понимание?

— Я ничего не...

— Эй, а ты не оборзел?!

Сидевшие в стороне моряки подхватились и ринулись на выручку хозяину трактира.

— А ну присели все! — рыкнул Райз и, когда его слова были полностью проигнорированы, пронзительно свистнул.

Секунда, и в дверях появилась оскаленная морда Клыка. Грив не стал ломиться внутрь, выворачивая дверь вместе со стеной: встретившись с Райзом взглядом, он ожидал дальнейшей команды. Замерли и моряки.

— Парни, будьте так добры, вернитесь на свои места и не обращайтесь на нас внимания, — с вежливой улыбкой попросил Райз и добавил: — Или нет, лучше не возвращайтесь. Этот клыкастый с вечера ничего не жрал, так что если удастся сэкономить на его кормежке, я только спасибо вам скажу.

— Афракские ублюдки, — один из моряков сплюнул на пол и вернулся за стол.

Остальные, то и дело озираясь на грива, последовали его примеру.

— Так что, у тебя будет, что мне сказать? — Райз повернулся к хозяину кабака, с которого успело сойти семь потов. Его ладонь, прижатая к столу, оставила на заляпанном жиром дереве темный след.

— У него поместье на окраине, — прохрипел мужик, бросив попытки высвободиться.

— На какой именно окраине?

— Запад Мосва. Стоит на самом побережье за трехметровой стеной. У него на воротах кованный корабль, а за ними — четыре синие ели. Таких ни у кого в округе больше нет.

— Если ты соврал, я вернусь и сожгу твою забегаловку. Возможно даже вместе с тобой.

— Не вру я, не вру! — мужик весь сжался и захныкал. Он не врал.

— Славно поболтали, — Райз отпустил его и поднялся со стула. — Пойдем, — бросил он Къярту и первым вышел на улицу.

Клык, недовольный тем, что ему так никого и не дали сожрать, обиженно косился на хозяина.

— Какого черта ты творишь?!

Райз даже не надеялся, что Къярт так просто оставит эту ситуацию, но был благодарен уже за то, что тот не вмешался в процессе.

— Не хотелось долго возиться, — он забрался в седло Клыка. — А с такими ребятами это самый простой способ получить желаемое.

— И зачем тебе хозяин порта? Что это вообще за «хозяин»?

Приподняв бровь, Райз посмотрел на Къярта, но вовремя спохватился и не стал отпускать едких шуточек. Государство, в котором родился и прожил жизнь Къярт, держало своих граждан в условиях, близких к тепличным. А если где и существовала теневая сторона — а она не могла не существовать, — Къярту с его личными проблемами уж точно было не до размышлений о ней.

— В местах вроде этого всегда есть кто-то, а, зачастую, несколько тех, кто проворачивает всякие темные делишки, — принялся объяснять Райз, когда гривы затрусили на выход из города. — Контрабанда, поборы с местных дельцов, как честных, так и ушлых — масса всего. И в Мосве этот кто-то владеет фрегатами и их бравыми командами. Вот к такому «хозяину» мы и наведемся и вежливо попросим поддержать материально наше путешествие домой. Это в его же интересах — чтобы мы поскорее свалили восвояси.

Къярт предпочел отмолчаться, но его мрачный вид Райза больше не устраивал.

— Странно: мне казалось, что в процессе призыва мои мозги станут твоими, и мне не придется пояснять такие вещи.

— Все несколько сложнее. Прожить целую жизнь за... сколько я трачу времени на призыв? — Къярт оставил свои угрюмые мысли и переключился на размышления о некромантии.

— Ты ни разу не засек что ли? С фуриями уходило от пяти до десяти секунд.

— Думаю, в твоём случае было где-то также, может, немного дольше. В любом случае, это невероятно много информации. Нужно время, чтобы она улеглась в голове, и ею можно было манипулировать. Какие-то основные точки с самого начала под рукой, но с общими знаниями не все так..., — Къярт осекся и пристально посмотрел на Райза. — Ты же специально это сказал. Про мозги и объяснения.

— Естественно, — хмыкнул тот.

Найти особняк, который описал хозяин кабака, не составило особого труда. Верхушки четырех упомянутых елей стали заметны еще с расстояния в несколько кварталов, которые Райз не собирался преодолевать напрямик, а свернул в переулок, чтобы объехать территорию поместья не привлекая лишнего внимания раньше времени.

— Ты ведь никого вежливо просить не собираешься, — утвердительно произнес Къярт, когда они подъехали достаточно близко, и в просветах стоящих домов показалась оплетенная плющом стена из ракушняка.

— Почему нет? Это вообще зависит не от меня, а от сговорчивости нашего владельца фрегатов.

— Мы заявимся к нему посреди дня и...

— Нет. Никаких дневных визитов. Подождем вечера.

Кьярту не нравилось происходящее. Вокруг него кружили алые мошки энергии духа, но Райз и не думал изменять свои намерения. Не в его характере было молча сносить оскорбления, и выбранный способ решения проблемы с деньгами его более, чем устраивал.

За оставшееся время до сумерек Райз как следует изучил поместье, и даже поднялся на холмы, поджимающие город с запада, чтобы, пусть и издалека, но осмотреть территорию внутри стен.

Хозяин порта не стеснял себя в удобствах. Трехэтажное поместье стояло на краю невысокого утеса и смотрело окнами на залив; отступив на почтительное расстояние, его окружила россыпь мелких домов прислуги, хозяйственные помещения и небольшая конюшня. Имелась и охрана. Впрочем, куда менее внушительная, чем ей следовало быть: всего двое человек сразу за воротами. Оставался еще сам особняк, внутри которого находилось восемь человек, и кто из них — прислуга, кто — члены семьи, а кто — охрана, по одной только энергии духа определить не удавалось. По всей видимости, владельца дома охраняло само его имя, раз он мог позволить себе не заморачиваться насчет подобающей охраны.

Райз бросил на Къярта мимолетный взгляд. Грядущий вечер тому точно придется не по вкусу. Необходимости тащить напарника в поместье не было, но после истории с фуриями Райз предпочитал не отпускать того от себя больше, чем на пару десятков метров.

— Охрану нужно убрать, — произнес он, отломив кусок от купленного в булочной грибного пирога. Они остановились в небольшой роще сразу за городской чертой и дожидались назначенного времени в молчании, от которого дрожал воздух. — Я сам займусь ее устранением.

— Что ты подразумеваешь под «устранением»?

— Къярт, мы не к святошам в гости собрались. На такие хоромы честным трудом не зарабатывают. И в охране добропорядочных граждан уж точно нет.

— Это всего лишь твои предположения, — спокойно возразил Къярт — не столько, чтобы поспорить, сколько выразить мнение.

— Я редко ошибаюсь. Если у тебя имеется план получше, как нам вернуться в Афракский Союз, я тебя внимательно слушаю.

— Так же, как я попал сюда? Фуриям не составит труда перенести нас через море.

— Уже соскучился по Аелитт? — Райз ухмыльнулся, но на лице Къярта не дрогнул ни один мускул. — Нас — да, а с гривами как быть? Не самая легкая ноша, а отправлять их вплавь — пусть им повезет так же, как и Когтю в прошлый раз, и их не сожрут морские жители и не поймают сетями — пройдет вечность, прежде чем они доберутся до берега. Еще идеи?

Къярт отрицательно качнул головой.

— Я понимаю, что это все идет вразрез с твоими убеждениями, — продолжил Райз. — И не прошу ничего делать. Достаточно и того, что ты не будешь мешать. Я могу на это рассчитывать?

— Поступай, как считаешь нужным, — переборов себя, выдавил Къярт.

Райз благодарно кивнул. Он мог бы напомнить напарнику о том, что жизни нескольких не самых благочестивых людей, да даже жизни сотни человек — ничто, когда речь идет о победе над Ордой, но тот и сам это помнил. Помнил так же, как и то, что однажды уже обжегся на идее «жертвуй одними ради других». На этот опыт приходилось делать скидку.

Райз дождался сумерек не только для того, чтобы начать действовать под их

прикрытием. Вместе с пришедшим в город вечером в дома возвращались их жильцы, утомленные полным забот днем, но сохранившие силы для домашних склок: то здесь то там загорались алые огни недовольства и злости, часть из которых вскоре сменялась серебром печали. Конечно, серьезных источников энергии из них не вышло бы, а силы в тех, до которых мог дотянуться Райз — и того меньше. Но для устранения пяти-шести человек достаточно.

Когда гривы со своими всадниками перемахнули через забор, двое охранников уже лежали на полу постовой будки с сожженными сердцами. Схлопотав затрещину за попытку полакомиться мертвечиной, Клык в сопровождении Когтя залег в зарослях растущей вдоль стены бузины.

Теперь, находясь вблизи, Райз видел точное расположение обитателей дома: четверо на первом этаже — три вместе и один отдельно, и трое на втором. Все они оставались на одном месте, тогда как последний, восьмой, постоянно перемещался.

— Держись позади меня, — тихо сказал Райз и, вытащив револьвер из кобуры, осторожно открыл дверь главного входа.

Он рассчитывал обойтись без лишнего шума и уж тем более без пальбы, но оставшейся энергии духа хватит еще на двоих, максимум троих, и если голыми руками разобраться не получится, придется спустить курок.

Тогда как на охрану хозяин дома не слишком потратился, на внутреннее убранство он не поспешил. Наоборот, перешел тонкую границу между роскошью и безвкусной избыточностью: ковры с толстым ворсом — очень кстати приглушающие шаги; картины в тяжелых золоченых, а может, и полностью золотых, рамах; инкрустированные камнями статуэтки обнаженных женщин на постаментах из резного дерева и громоздкая, обшитая бархатом, мебель, которой самое место было в музее, как, собственно, и всему остальному. Не исключено, что когда-то все эти элементы интерьера и были экспонатами, пока их не прибрали к рукам.

Не теряя из виду три держащиеся вместе облака на первом этаже, Райз направился к одиночному, который находился в дальней части дома: мимо ведущей на второй этаж широкой лестницы, по коридору с закрытыми дверями, напрямик по следу выползающих из кухни ароматов. Къярт безмолвно следовал за ним.

Выбранная цель оказалась тучным лысеющим поваром, увлеченным готовкой настолько, что тот даже не заметил появившихся на кухне чужаков. Он понял, что не один, только когда Райз закрыл ему рот рукой и вдавил револьвер во вспотевший на жаркой кухне обрюзгший бок.

— Спокойно, спокойно, — тихо произнес он на ухо покрывшемуся испариной мужчине. — Хочешь уйти отсюда живым?

Застыв от страха, повар едва смог кивнуть.

— Тогда не делай глупостей. Я уберу руку, и ты ответишь на несколько простых вопросов. Без криков. Издашь хоть один лишний звук, и я тебя пристрелю. Все понял?

Повар нервно дернул головой. Его окружал резкий запах прогорклого пота, который вблизи не мог перебить аромат свежей выпечки, и становящаяся все плотнее синь. Если повезет, ее хватит на устранение еще одного человека. Ну или хотя бы на то, чтобы поумерить чей-нибудь пыл.

— Не оборачивайся. И не кричи, — повторил Райз и медленно убрал ладонь от рта повара, готовый, в случае чего, снова его зажать. — Кто сейчас находится в доме, кроме

тебя?

— Господин Па-па-пасампти, — заикаясь немного визгливо начал мужчина.

Райз снова зажал ему рот и сильнее вдавил дуло револьвера в бок. Синь вокруг потемнела.

— Говори тише. Продолжай.

— Па-па-пасампти господин, — проямлил повар, когда Райз убрал руку. — Его дворецкий и горничная. И ох-охрана.

— Четыре человека получается. Где они сейчас находятся?

— Я не-не-не... не знаю.

— А ты подумай. На этом этаже кроме тебя еще трое. На противоположной стороне дома.

— Это стра-стража. Там их комната.

— Четвертый, значит, патрулирует дом?

— Д-да-да.

— А вот врать не надо, — Райз предупреждающе щелкнул предохранителем. — Давай, попробуй еще раз. Чем занят четвертый?

— Это те-телохранитель. Он всегда рядом с господи-дином Па-пасампти.

Райз окинул взглядом пристроившуюся на столе гору грязных кастрюль.

— Твой хозяин сейчас ужинает?

Повар энергично кивнул и заскулил, когда револьвер едва скользнул по его боку. Райз снова зажал тому рот.

— Ему прислуживает дворецкий или горничная? Кивни один раз, если дворецкий.

Повар кивнул.

— Кто из них вооружен?

— Только охрана и господи-дин Пас-с-с..., — из последних сил выдохнул толстяк.

— Совсем ведь не сложно, — Райз улыбнулся.

Его рука скользнула вниз и в сторону, легла сбоку на шею повара, а вторая, убрав револьвер, ударила того ребром кулака чуть выше виска. Райз подхватил потерявшего сознание мужчину и осторожно опустил на пол. Поднявшись, он встретился взглядом с Къяртом.

— Видишь, я ничего ему не сделал, — с усмешкой сказал он и вытер о штанину ладонь, что касалась вспотевшей шеи повара.

На этом этаже оставались трое. Энергии духа — тоже на троих. Но один сгусток следовало приберечь для телохранителя.

Из-за закрытой двери доносились громкие голоса охранников: один — у самого входа, двое — чуть поодаль. Райз осмотрел коридор, взял одну из стоящих поблизости статуэток обнаженных фигуристых женщин и жестом велел Къярту не высовываться.

Открывая дверь, он активировал алые сгустки в груди двух охранников. Третий, увидев постороннего, схватился за лежащий на столике револьвер слишком поздно. Удар статуэткой пришелся точно в висок. Его голову мотнуло, пальцы выронили револьвер, а сверкнувший в руке Райза кинжал вскрыл его горло до того, как тот успел прийти в себя.

— Почти закончили, — сообщил он Къярту, выйдя из комнаты охраны.

Тот ничего не ответил.

Когда они вернулись к ведущей на второй этаж лестнице, по ней, напевая себе под нос незатейливую мелодию, спускалась горничная. С ней нужно было проявить аккуратность.

Райз двинулся было девушке на перехват, когда на его локте сжались тисками пальцы.

— Не нужно, — одними губами произнес Къярт.

Ответив ему красноречивым взглядом, Райз высвободил руку и направился к спуску с лестницы.

Горничная шла в сторону кухни. Оказавшись за ее спиной, одним быстрым движением Райз захватил сгибом локтя ее шею и сжал. С губ девушки сорвался шумный выдох, ее пальцы судорожно вцепились в руку Райза, а ноги заскребли по полу.

— Тише, тише, с тобой все будет в порядке, — прошептал он, буквально затылком чувствуя взгляд Къярта.

Движения горничной слабели с каждой секундой, и спустя полминуты ее тело обмякло в его руках. Он уложил ее на ковре у стены и поспешил к лестнице.

Последний алый сгусток подвел итог жизни охранника, несущего вахту у входа в столовую. С его поста открывался отличный вид на весь коридор, так что Райз не стал рисковать и подбираться ближе, поэтому устранил его, едва выглянув из-за угла. В конце концов, единственным, кого мог привлечь звук упавшего тела, был дворецкий.

— Ступай-ка назад, — Райз наставил револьвер в голову одетого в сюртук сухопарого мужчины, когда тот открыл дверь проверить, в чем дело. — Давай, поворачивайся, живо.

Побледнев, дворецкий отступил на шаг, повернулся к Райзу спиной и упал на пол, оглушенный ударом в висок.

— Какого..., — рыжебородый мужчина, сидящий за уставленным блюдами столом, вскочил с места и потянулся за висящим на поясе револьвером, когда его руку обожгло холодом.

— Не надо резких движение, Пасампти, — с приторной улыбкой сказал Райз, перешагнув через лежащего на полу дворецкого. — Забери у него оружие, — попросил он Къярта. — А ты веди себя смирно, а то ведь пристрелю.

Пасампти скрипнул зубами, но делать глупости не стал. Он выглядел совершенно непримечательно, будто самый обычный горожанин, но его взгляд человека, привыкшего брать все, что хочется, и еще немного про запас, выдавал его с головой.

— Вы кто такие, ублюдки? — прорычал он, когда Къярт забрал его револьвер и отошел в сторону.

— Нет, задавать вопросы здесь будешь не ты, — Райз усмехнулся и мотнул головой, указывая Пасампти на выход.

Взгляд хозяина дома упал на виднеющийся в дверном проеме затылок его телохранителя.

— С вас двоих шкуру спустят за то, что вы явились сюда, а потроха собакам скормят.

— И угрожать тоже будешь не ты. Давай, пошевеливайся и не выводи меня. Ты же хранишь в доме золото? Вот к нему и иди.

— Вы решили ограбить меня? Серьезно? Да вы свихнулись!

— Ограбить решили твои молодчики нас, заломив несусветную цену за места на корабле. И были совсем невежливы. Тебе бы их воспитанием заняться, — Райз ткнул Пасампти револьвером в спину, когда тот замешкался в дверях. — Но пока что меня удовлетворит небольшая компенсация, которая и пойдет на оплату пути. Мы заберем золото и уйдем.

— Если все дело в дурацких деньгах, могли просто прийти и вежливо попросить, а не устраивать весь этот спектакль.

— Так я и прошу вежливо. Не заговаривай мне зубы, а шагай. Где хранилище?

— На первом этаже, — мрачно сказал Пасампти и направился к лестнице.

Райз не сводил с него прицела и в тоже время спрессовывал дух злости в сгустке на уровне сердца мужчины — на случай, если тот решит выкинуть какой-то фокус.

— Вы, парни, сами не знаете, во что ввязались, — взяв себя в руки, произнес Пасампти.

Спустившись вниз, он повернул в сторону комнаты охраны. Увидел открытую дверь и, не услышав ни голосов ни какого-либо другого шума, замедлил шаг.

— Чего замер, Пасампти? — усмехнулся Райз. — Ты же туда собирался. Так давай, иди.

Скрипнув зубами, хозяин дома вошел в комнату охраны, окинул мрачным взглядом трупы стражи и гортанно вскрикнул, когда Райз заломил его руку и пригвоздил ладонь к двери ножом.

— У тебя еще одна попытка, Пасампти, — прошипел он тому на ухо. — Третьей не будет. Так что прекращай валять дурака.

Райз выдернул нож и вытолкнул его из комнаты.

— Ублюдок, — сплюнул тот, зажимая кровоточащую ладонь другой.

Хранилище особняка находилось за кованой дверью в подвал, ключ от которой Пасампти носил на шее. Пройдя через узкую прямую комнату, освещенную переносной масляной лампой, они вошли в заставленный сундуками зал. Вдоль стен тянулись толстые прутья решетки: всего пять пустующих клеток.

— Много вдвоем не утащите, — едко бросил Пасампти. Последовавший за этим удар под колено вынудил его упасть на колени перед одним из сундуков.

— А нам много и не надо, — Райз посмотрел на Къярта и кивнул в сторону лежащих в куче мешков. — Всего-то пять кило золота.

— Вы перерезали моих людей ради каких-то жалких пяти кило?! — в голосе Пасампти злость смешалась с удивлением.

— Да, аппетиты поскромнее твоих будут, — Райз откинул крышку сундука, перед которым застыл Пасампти, и присвистнул. Тот доверху был набит золотыми монетами. — И куда тебе столько? — он посмотрел на Къярта, без особого воодушевления наполняющего мешок. — Или лучше скажи: откуда? Давай, скрасим время светской беседой. Откуда столько золота?

— Налоги.

— Налоги? Я-то полагал, что они идут в городскую казну. А оно вон как получается.

— У меня свои налоги.

— Тоже вариант, — Райз понимающе качнул головой. — Каждый вертится, как может. А ты прямо весь расстарался — такой дом отстроить, еще и с целой сокровищницей. И фрегаты в гавани — все твои? Богатый, однако, в Мосве народ живет.

Пасампти фыркнул.

— Неужто и правда так на податях подняться можно? А корабли тогда к чему? Давай, Пасампти, не ломайся, как девица. Поделись опытом. Может, мы у себя такую же схему провернем.

— Что за шут. Думаешь, устроил один налет, и все, сможешь заниматься вещами посерьезнее?

— Почему бы и нет?

— Кишка тонка, чтобы контрабанду возить. И кораблей у тебя, как я понял, не водится.

— Да, чего нет, того нет. Может, твои забрать? — Райз с прищуром посмотрел на

затылок Пасампти. — Так а что возил-то? Гривов, небось?

— Засранцев вроде тебя.

Райз встретился взглядом с Къяртом и улыбнулся.

— Работорговля, значит? А ты говорил, что он невинная овечка, — он посмотрел на набитый золотом мешок. — Что ж, мы получили то, зачем пришли, можно и...

Его прервал донесшийся сверху грохот и звон разбившегося стекла, за которым последовали мужские голоса, требующие немедленно сложить оружие и выйти.

Райз нахмурился. В доме появилось шесть новых сгустков энергии духа, еще два остались снаружи: по одному на главном и черном входах. Что он упустил, из-за чего заявила городская стража?

— Ваше маленькое приключение закончилось, придурки, — злорадно бросил Пасампти. — Я бы сказал, что гнить вам теперь за решеткой до скончания времен, но я позабочусь, чтобы с вами не затягивали.

— Громкие слова, как для преступника, — заметил Къярт и посмотрел в сторону ведущей наверх лестницы. — Страже будет интересно послушать твой рассказ.

Райз вздохнул.

Пасампти покосился на Къярта и рассмеялся.

— Идиот, кто им по-твоему платит?

— Ты платишь, — с неподдельной усталостью ответил Райз. — Своими кровавыми деньгами.

— Ничего не знаю. Мое золото чисто, как душа младенца.

— Да, не сходится.

Взглянув на сверкающие, будто только с чеканки, монеты в сундуке, Райз схватил Пасампти за волосы, пнул коленом в спину, заставляя податься вперед, и, откинув его голову назад, полоснул ножом по шее. Алая кровь фонтаном брызнула на золото.

— Вот теперь порядок, — Райз выпустил волосы Пасампти, и тот кулем повалился на сундук.

— Райз...

— Ой, да ладно тебе, — отмахнулся он и вытер лезвие о рубашку бывшего хозяина порта. — Потом выскажешь свои претензии. Сейчас нужно выбирать. Их всего восемь человек, так что сложностей возникнуть не должно. Главное, делать все тихо, чтобы еще больше не сбежалось.

Райз хотел было оставить хранилище, но его остановила опустившаяся на плечо рука.

— Довольно на сегодня убийств.

— Ты что, все прослушал? Он купил стражу, и она сейчас ничем не отличается от его охраны. Обычная толпа наемников, продавших...

— Это просто люди. Скорее всего у них и выбора не было.

— Выбор есть всегда.

— Вот тогда и выбери сохранить им жизнь.

Райз со скептицизмом посмотрел на Къярта и усмехнулся.

— Любишь же ты носиться с сирыми и убогими.

Высвободив плечо, он направился к лестнице.

— Не будем ждать, пока они сами сюда заявятся или вызовут подкрепление, — он скользнул взглядом по потолку, отмечая все источники энергии духа. — Они разделились на три группы. Одна из них сейчас на кухне. Сможешь заняться? — Къярт кивнул. — Я возьму

на себя тех четверых, что поднялись выше. Найду тебя, как закончу. И будь осторожен. Твоя жизнь куда ценнее, чем их.

Зачистка второго этажа не вызвала трудностей. Пасампти не слишком-то баловал оплатой городскую стражу, так что из четверки, с которой Райзу пришлось иметь дело, огнестрельное оружие обнаружилось только у одного, тогда как остальные вооружились простыми дубинками. А вот в распоряжении Райза была энергия духа, сила и выносливость мертвеца, и револьвер. Который он, впрочем, не собирался пускать в ход без крайней надобности.

Оставлять стражу в живых было бы неудобно и рискованно. К тому же слова Къярта пока что выглядели просто словами. Устраняя последнего из четверки, Райз думал о том, что было бы неплохо дать напарнику чувство контроля ситуации, а заодно и закрепить собственную легенду, в которую Къарт, если и верил, то только наполовину.

Райз нашел его у лестницы на второй этаж. Напарнику хватило одного взгляда, чтобы понять, что тот пропустил мимо ушей его слова про сохранение жизни. Понял, но ничего не сказал. Даже злиться не стал, ограничившись заройившимися вокруг серебристыми искорками. Увы, их было совсем мало — явно недостаточно, чтобы разобраться с двумя стражниками снаружи.

— Твой на черном входе, мой — на главном. Встретимся у гривов.

— Нет. Не будем разделяться. Если для тебя представляет сложность обезвредить человека, не убивая его, я помогу.

— Как скажешь, — Райз хмыкнул. — Тогда сначала тот, что на главном входе. Я выберусь из дома через окно, а ты отвлеки его.

Нужно было торопиться. В вечерней тишине стекло разбитого окна хрустнуло предательски громко, но стражника, караулившего черный вход, привлекло что-то другое. Неважно. Сперва его напарник.

Остановившись за углом дома, Райз ждал, когда стражник у главного входа обернется, привлеченный шагами по ту сторону двери. Без стрелкового оружия он не представлял угрозы, и Райз решил было предоставить разобраться с ним Къарту, а тем временем заняться последним, когда в голову пришла мысль воспользоваться предоставленной возможностью.

Он появился за спиной противника за мгновение до того, как Къарт открыл дверь. По накрывшим затылок и подбородок мужчины ладоням тот понял, что Райз собирается свернуть стражнику шею.

— Не смей! — рыкнул Къарт.

А вот это уже было похоже на приказ некроманта, которого следовало послушаться, и Райз замер. Воспользовавшись выигранным временем, стражник выхватил из ножен кортик и воткнул его в ногу Райза прежде, чем удар Къярта оглушил его.

Боль замаячила где-то далеко, словно бы рану нанесли в холодной, лишаящей чувств воде. Благо, зрение никуда не делось, и Райз успел заметить краем глаза сверкнувшую металлическую сферу.

Он втолкнул Къярта в дом, а затем вечерний мрак осветила вспышка света. Прогремели выстрелы.

Райз выдернул кортик из ноги и метнул в розово-синее облако, выплывшее из-за угла дома. За сочным хлопком послышалось бульканье и глухой удар тела о землю. Кортик угодил точно в незащищенную шею стражника.

— Райз, ты..., — когда суматоха улеглась, из дома показался Къарт: взъерошенный, с

напряженно сведенными бровями, зачем-то таращащийся на грудь Райза.

— Потом все, — бросил тот. — Живо к гривам и убираемся отсюда.

Клык с Когтем ждали их в оговоренных зарослях бузины. Ждали не только они. Вжавшись в стену, рядом с ними сидел бледный, как полотно, мужик не самого представительского вида: в драной куртке, штанах, затвердевших от грязи, с сальными волосами и опухшим лицом — вылитый бездомный пьяница. Хотя сейчас в его округлившись от ужаса глазах не было ни капли хмеля.

— А этого вы откуда выкопали и, главное, зачем? — устало спросил Райз.

Он приблизился к мужику, и тот, окутанный синей дымкой, еще больше вжался в стену.

— Ме-ме-мертвяк, — выдавил мужик и взялся бормотать молитву исполинам.

— Обидно так-то. Ты кто такой и что здесь делаешь? — Райз схватил его за шиворот, поднял на ноги и невольно скривился. От гривьего улова несло алкоголем и недельным потом.

— Я видел, как стражник по-по-попал в тебя.

Райз вздохнул и опустил взгляд на свою грудь, в которой словно бы что-то застряло. Одна из пуль вошла аккуратно в район сердца, вторая — в плечо. Похоже, в будущем лучше не перегибать с играми.

— Кто здесь попал, так это ты. И попал в неприятности. Я спросил: как ты здесь оказался? Отвечай!

Райз встряхнул его.

— Я видел, как вы перепры-прыгнули на гривах. Позвал стражу, — пролепетал мужик и зажмурился, ожидая удара.

— Какой глазастый, — с толикой досады произнес Райз. — Хотел выслужиться, а оно вон как обернулось. Незадача какая.

— Не трожь его, — попросил Къярт.

— Я бы с радостью не марал руки, только рановато мне обзаводиться репутацией ме-ме-мертвяка.

Райз взглянул на мужика и, брезгливо морща нос, отпустил его. В воздухе резко запахло мочой.

— Посмотри на него, — продолжил Къярт. — Ему никто не поверит. Слово какого-то пьяницы против нашего.

— Раз взялся защищать его, сам с ним и возись. Надоело, — Райз отмахнулся и поднялся в седло. — Только не копайся.

Къярт не копался.

Было не так уж и важно, оставлять горе-свидетеля в живых или нет. Къярт был прав: никто не поверит пьянчуге. Если тот вообще доживет до того дня, когда они вернутся в Мосв. А Райз не планировал когда-либо возвращаться ни в этот город, ни в саму Аверию. Единственное, что его сейчас волновало: это отплытие из порта до того, как подручные Пасампти узнают о неприятности, постигшей их главного. Но в городе вроде Мосва вечерние разборки никого бы не удивили, и известие о налете на дом хозяина порта должно было добраться до горожан не ранее, чем к утру.

На пристани стрельбу никто не слышал или же не придавал ей значения. В ярком свете фонарей гуляли парочки, на скамейках спали выдворенные из кабаков моряки, с одного из фрегатов доносились разгульные песни.

На корабле, с капитаном которого Райз говорил днем, стояла тишина. Но спали не все: в

окнах каюты капитана горел свет, а по палубе шатался полупьяный матрос.

— Эй, наверху, — крикнул Райз, и Клык рывкнул в поддержку, привлекая внимание моряка. — Зови своего капитана, дело есть.

— Вам же сказали проваливать, — бросил тот, перегнувшись через борт, и только чудом не свалился в воду.

— Мы провалим, но провалим с золотом, которое могло стать вашим. Так что, нам уходить, или ты приведешь главного?

Моряк грязно выругался, окинул поздних визитеров хмельным взглядом и исчез.

Капитан появился спустя десять минут.

— Что, уговорил пацана на сделку? — с издевкой поинтересовался он.

— Никаких сделок. Заплатим золотом, — Райз кивнул на притороченный к седлу Когтя мешок с монетами.

— Что, прямо все два с половиной килограмма где-то откопал?

— Да, одолжил у местного богача.

— Мне нравится твой подход, — капитал хмыкнул. — Ладно, возвращайтесь на рассвете — выйдем в море с отливом.

— Выйдем в море сейчас.

— Не тебе мне указывать, — отрезал тот. — Сказано с отливом, значит — с отливом.

— Ладно, плыви с отливом, — Райз улыбнулся. — Кроме тебя здесь полно других, кто с радостью согласится плыть сейчас. Уверен, двойная оплата их очень порадует.

Райз развернул Клыка прочь.

— Вот же гаденыш. Заплатишь, как только поднимешься на борт.

— Ты хотел сказать, как только покинем порт.

Капитан сплюнул в воду и велел матросу опустить трап.

Свет луны посеребрил паруса покинувшего залив фрегата. Капитан, Брон Лепра, отпустил еще пару едких комментариев касательно скорого отплытия, но, получив мешок с золотом, заметно присмирел. Хотя Райз не удивился бы, если бы тот, стоило им отдать деньги, попытался бы выбросить их за борт. Гривов капитан мог не опасаться: еще до того, как корабль вышел из порта, он наотрез отказался оставлять их на свободе и приказал запереть в клетях на средней палубе. Райз препирался недолго — для вида. Для Когтя, в его нынешнем состоянии, гривья клетка не являлась существенным препятствием, а Клык, вне всяких сомнений, даже будучи совершенно живым мог вынести ее дверь, появившись у него такое желание.

Но, несмотря на незадавшееся знакомство, Брон, похоже, собирался выполнить свою часть сделки, и, если удача от них не отвернется, предстоящие два дня пути обещали пройти без осложнений. Угодить в очередную воронку, ведущую в параллельный мир, было бы уже слишком.

Вероятно, об этом думал и Къярт. С самого начала плавания он прилип к борту на полуюте и ни налетающий порывами ветер, ни холодные брызги не могли согнать его оттуда.

— Никогда не видел столько воды, — задумчиво произнес он, когда Райз поднялся к нему и остановился рядом. — Если не считать твоих воспоминаний.

Райз не знал, имеет ли тот ввиду недолгое плавание по Горькому морю или же его путь из Республики к берегам Огнедола. А может, все сразу.

— Извини. За то, что пришлось приказать, — сказал Къярт после затянувшегося

молчания. — И за то, что в итоге тебя ранили.

— Ерунда. В конце концов, это в твоей некромантской натуре, — Райз хохотнул, когда Къярт искоса посмотрел на него, и вздохнул. — Ты не сможешь спасти всех, как бы ни старался. Прими это и прекрати рвать сердце из-за всякого внезапно встретившего свой конец мерзавца.

— Меня беспокоят не они, а ты — то, с какой легкостью ты отнимаешь жизнь.

— Къярт...

— Я понимаю, почему чужая жизнь перестала иметь для тебя значение. Понимаю, когда и по какой причине это произошло.

Брови едва дрогнули. В последний раз эту тему затрагивал Фелис, в свойственной ему надменно-издевательской манере, но Райз предпочел бы ее, чем это сочувствующее понимание Къярта. Он надеялся, что тот не станет сметать пыль с прошлого, но слишком на это не рассчитывал.

— Но даже с учетом всего, это ненормально, — все же Къярту достало сознательности ограничиться одним лишь намеком.

— Ты придаешь слишком много веса человеческой жизни, — с присущей ему беззаботностью заметил Райз.

— Я в этом не прав?

— Мне жаль разрушать твоё идиллическое представление о человечестве — и откуда оно только у тебя взялось, — но большинство людей — всего лишь ресурс. И, что еще печальнее, зачастую всего-то ресурс для червей, которые сожрут их тела после смерти. Как правило человеческая жизнь представляет ценность только для того, кто эту самую жизнь проживает.

— Тогда в чем смысл? Зачем тебе спасать людей этого мира от Орды, если они не представляют ценности?

— Должно же у человека быть какое-то хобби, — Райз усмехнулся. — Тем более, ты спутал людей и их мотивы: это ты хочешь спасти мир от Орды. А я просто хочу эту самую Орду уничтожить.

— Я знаю, чего ты добиваешься. Так что можешь не стараться.

Тот рассмеялся. Знает он, как же. Райз сам не был уверен в том, какую именно цель преследует. Говорит ли он прямо, как думает, чтобы выразить свой взгляд на вещи? Или же идет по уже начавшему проявляться пути, в конце которого Къярт должен был выбросить из головы всякую чушь и перестать винить себя во всех смертных грехах. О каком самобичевании может идти речь, когда перед глазами ярчайший пример куда более неприглядных поступков?

— Ступай-ка ты лучше спать, — отсмеявшись, посоветовал он.

Задержавшись на палубе еще немного, Райз смотрел на черные, подкрашенные белыми барашками волны. Мысли о масках и его собственном лице снова крутились в голове. Контролирует ли он все еще ситуацию вокруг? Или же и сам стал заложником одного из своих обликов, и с каждым днем все больше теряет самого себя. А если так... то которого себя?

После того, как они покинули крепость фурий, каждый раз, когда Къярт засыпал, Райз не спускал с него глаз. Сам он во сне не нуждался, а ценность напарника, от которого теперь зависело его собственное существование, многократно возросла. Райз и прежде не относился к Къярту, как к очередному инструменту, на роль которого его назначил Фелис. Но теперь, когда смерть одного означала смерть обоим, без вторых шансов и чудесных возможностей отыграться, Къярт из напарника превратился в бесценное сокровище, за которым полагалось присматривать как никогда прежде. Возросший в связи с этим риск не перекрывало даже то, что теперь Райз мог без особого беспокойства лезть под ножи, пули и все прочее, что не превратит его тело в пыль. Главное, не слишком расслабляться, чтобы из-за собственной дурости и беспечности потом не мучиться с раненой ногой и застрявшими внутри кусками свинца.

Дежурства оправдали себя на следующую ночь. Райз надеялся провести ее в тишине и спокойствии, но вспыхнувшее на противоположной стороне корабля, в районе капитанской каюты, алое облако означало, что что-то пошло не так. Что-то очень пошло не так, учитывая, что вскоре к первому прибавился десяток таких же, а затем еще один и еще, пока вся команда фрегата не встала на уши, но при этом трепетно хранила тишину на корабле. Когда же в сторону занятой пассажирами каюты направилось восемь человек, причина их недовольства окончательно прояснилась.

Если бы они, заполучив золото, решили избавиться от посторонних, то сделали бы это еще в первую ночь. А охватившая фрегат злость свидетельствовала о том, что моряки узнали о том, о чем им знать не следовало. И как только умудрились? Не прилетел же к ним посреди моря посыльный голубь. Нет, скорее всего скряга Брон решил пересчитать монеты, а те оказались мечеными или же каким-либо другим образом выдали свое происхождение.

— Къярт, подъем, — Райз тронул его за плечо и приложил палец к губам, когда на него уставились два сонных глаза. — У нас гости. Не высывайся, я сам ими займусь. Подстрахуешь, если что.

Спрятав под покрывалом подушку и дорожные сумки, чтобы не выдать себя с первых же мгновений, они заняли место по обе стороны от входа в каюту.

Спрессовывая энергию в крошечные сгустки, Райз думал о том, что на всех ее не хватит. Максимум — на четверых. Оставалось трое, не считая капитана — его следовало взять живым.

К ним в каюту направилась половина группы, тогда как вторая осталась дожидаться в стороне.

Едва слышно скрипнула дверь, впуская один за одним охваченные рыжим силуэты. Райз кивнул, и одновременно с тем, как Къярт захлопнул дверь, активировал собранные сгустки: просто, как отобрать леденец у ребенка. Куда сложнее оказалось подхватить падающие тела, прежде чем грохот привлеч бы ненужное внимание.

Оставалась четверка снаружи. Бросаться на них сломя голову и рисковать не хотелось. К тому же, если капитан окажется недостаточно хорошим заложников, для того, чтобы разобраться со всей командой фрегата, одних револьверов не хватит.

— Когтю пора поохотиться, — прошептал Райз. — Прикажи ему поймать капитана. Но не убивать и не калечить команду. И пусть Клык это же передаст. Получится?

— Если капитан не решит спрятаться.

— Не думаю. Сейчас он здесь, и скорее всего пойдет с остальными, когда гривы поднимут шум. Если же решит отделиться, займемся им сами.

Къярт кивнул, и спустя пару секунд со стороны трюма донеслись грохот и рык. Розовая дымка вокруг матросов зарябила голубыми вкраплениями.

— Уходят, — Райз хмыкнул и подобрал короткое ружье одного из моряков. — Подождем и присоединимся. Только пусть Коготь не слишком громит фрегат.

Вскоре треск дерева и рык грива слились воедино с криками спустившихся в трюм людей и выстрелами.

Драка длилась ровно до того момента, когда Коготь проломил себе проход на верхнюю палубу, заодно едва не снеся центральную мачту. Окруженный моряками, палящими в него из всего, что было, он вычислил в толпе капитана и придавил его к борту, огласив округу предупреждающим рыком. Благо, прежде чем зажать Брона, он не забыл размягчить вздыбившуюся иглами шерсть. Раздалось еще несколько выстрелов, таких же бессмысленных, как и предыдущие, пока одни моряки не одернули других, указывая на все еще живого капитана.

— Не надо делать резких движений, — громко произнес Райз.

Он не стал выходить на палубу, остался под прикрытием стены, уверенный, что стоит ему показаться, и его тут же настигнут дробью. Къярту же и вовсе велел держаться на расстоянии и не приближаться, пока все не закончится.

— Сложите оружие, и ваш капитан не пострадает, — продолжил он, следя за красно-синими сгустками. — Коготь?

В ответ на зов, грив придавил Брона сильнее. Тот болезненно вскрикнул.

— Живее, парни, пока ему не раздавило все кости и кишки через горло не полезли, — посоветовал Райз.

По палубе прокатилась волна перешептываний. Райз не исключал варианта, при котором команда решит, что старый капитан уже отплавал свое. Но даже круглые дураки по результатам недавней перестрелки могли сделать вывод: живыми им с корабля не уйти.

С глухим стуком о палубу ударилось брошенное кем-то ружье. Затем второе. Третье.

— Нет, нет, нет, скидывайте их в воду. Они вам больше не понадобятся.

Кляня его всем, на чем свет стоит, моряки послушались.

— Если хотя бы один из вас выстрелит или попытается напасть, гривы убьют всех до последнего, — в повисшем молчании голос Райза прозвучал особенно громко. — Ведите себя хорошо, и мы все благополучно доберемся до Афракса, как и договаривались. Коготь, будь так добр.

Грив угрожающе рыкнул на тех, кто стоял к нему ближе всех, обвил хвостами предплечье Брона и потащил его следом за собой в сторону Райза. Толкнув капитана ему в руки, Коготь улегся, перекрыв вход остальным.

Заломив руки Брона, Райз усмехнулся:

— Ну и бучу же ты поднял.

— Подонки, откуда у вас золото Пасампти?! — прорычал тот.

— Как ты догадался?

— Нашел среди монет золотой Агруа старой чеканки. Я лично привез их в Аверию.

— Вот дотошный какой. А ведь мог бы сделать вид, что ничего не заметил, и все остались бы довольны.

— Пасампти с вас шкуру спустит...

— Пасампти больше ни с кого шкуру спускать не будет.

— Вы не...

Удар в висок вырубил капитана, не дав договорить.

Берега Афракского Союза показались на горизонте ближе к обеду следующего дня. Команда фрегата, исходя желчью и красной дымкой, исполняла все, что ей велели, и остаток плавания прошел без происшествий.

Когда до виднеющегося впереди Копрала осталось около мили, Райз приказал спустить паруса и бросить якорь. Брон пронзил его полным ярости взглядом, но команду останавливать не стал.

— Что такое, боишься, что мы, как только сойдем на берег, сдадим вас с потрохами местным властям? — едко спросил он.

— Боюсь — не то слово, — Райз рассмеялся. — Спускайте на воду лодку.

Он ловил на себе не только взгляды команды фрегата, но и Къярта, наверняка ожидающего от него очередной расправы над несчастными безоружными головорезами. И как Райз мог его разочаровать?

— Что ж, пришло время поплавать, — с ухмылкой сказал он Брону, когда лодка закачалась на волнах. — Давайте, один за одним. Ты же не думал, что я позволю вам остаться на корабле и расстрелять нас из пушек? Давайте, чем раньше начнете, тем раньше доплывете. Прыгайте в воду и гребите к берегу.

— Ублюдок, — брызжа слюной прорычал Брон. — Я капитан и не брошу корабль!

Вздыхнув, Райз мотнул головой, и Клык, еще с ночи не отходящий от него ни на шаг, надвинулся на капитана и под всеобщее молчание вытолкал того за борт.

— Следующего, кто начнет возмущаться, я разрешу ему сожрать, — пообещал Райз.

Алая злость залила палубу, перелилась через край вместе с прыгающими в воду моряками.

— Что ты задумал? — тихо спросил Къарт, глядя на болтающиеся в воде головы.

— Плывите к берегу, пока не околели, и не думайте трогать лодку, — предупредил их Райз и улыбнулся. — Не буду я никого трогать. Видишь — отпускаю.

Когда моряки отплыли от фрегата на сотню метров, Райз с Къяртом по веревочной лестницы спустились в лодку.

— Чего смотрите? — Райз покосился на глазающих на них с палубы гривов. — Вам здесь места точно не хватит, так что давайте своим ходом.

Коготь послушно прыгнул в воду, Клык — только после того, как выразил свое негодование ревом.

Къарт налегал на весла; Райз держал на прицеле приближающихся моряков. Несколько из них, едва лодка поравнялась с ними, развернулись плыть назад, и Райз сделал предупредительный выстрел в воздух.

— К берегу, парни, гребите к берегу.

Пока, грязно ругаясь и отплевываясь горькой водой, матросы гребли, Къарт взглядом прожигал в нем дыру. Команда Брона Лепры выполнила свою работу и могла как жить дальше, так и умереть. Но раз напарнику так уж неважно было смотреть на казни всяких мерзавцев, которые, по его личным критериям, были недостаточно плохи, чтобы распрощаться с жизнью, Райз решил не накалять лишний раз обстановку. Но и отказываться от мести за оскорбления не собирался.

Когда лодка преодолела треть пути до берега, он активировал расположенный в трюме корабля плотный багровый сгусток энергии.

Борт фрегата лопнул, точно перезревший нарыв. Полетевшая во все стороны щепка исчезла во вспышке света. Пламя разлилось по палубе, перекинулось на порванные ударной волной паруса. Под аккомпанемент из всплесков падающих в воду обломков фрегат скоро набирал воду и заваливался на бок.

— Заметь: я не оставил команду на корабле, — с самодовольной улыбкой произнес Райз, игнорируя летящие им вслед проклятия и ругань.

— Чтобы они не расстреляли нас из пушек.

— Да ладно тебе! Думаешь, я бы не придумал, как решить эту проблему? В крайнем случае, можно было бы попросту скормить их Клыкку. Он был бы рад, — плывущий рядом грив согласно рыкнул. — Просто признай, что я проявил невиданное милосердие.

Къярт посмотрел на него исподлобья и покачал головой.

Они высадились на берег чуть поодаль Копрала. Чтобы не разбираться с моряками, навстречу которым уже вышло несколько лодок, они спешно поседлали не обсохших гривов и галопом помчались к подъему на скальную гряду, отделяющую побережье от остального материка.

Воздух Афракского Союза приятно наполнял грудь. Райз, конечно, не назвал бы это место домом, но вернуться в земли не столь дикие, как аверийские, был беспорно рад. В голову полезли мечты о сытном ужине и теплой кровати, но пришедшее следом осознание, что ни первое ни второе ему не нужно, прогнало их прочь.

Едва Райз настроился на долгий переезд, как до него донесся дробный стук копыт преследующих их лошадей. Проклиная неугомонного и, по всей видимости, туповатого Брона, Райз вытащил револьвер, развернул Клыка и так и замер. Трое всадников, что неслись к ним на всех парах, носили мундиры Братства. Неужто смогли учуять в нем призванного, как когда-то Кара в Осмельде?

Райз бросил мимолетный взгляд в сторону Къярта. Пусть парень и выглядел совершенно спокойным, разливающаяся вокруг него голубовато-серебристая энергия говорила об обратном.

— Если дело запахнет паленым, уноси ноги, — тихо произнес Райз. — Я выиграю для тебя время.

Знать бы еще как. Несмотря на ситуацию, Къярт оставался собранным и сдержанным, и его энергии духа не хватило бы, чтобы разобраться со всеми. Уж точно не тогда, когда те воплотят броню. Но почему они до сих пор не обратились? В прошлый раз Кара не медлила.

Райз убрал револьвер в кобуру и надел на лицо улыбку: как раз вовремя, чтобы встретить ею подъехавших паладинов — трех мужчин лет сорока на вид.

— Господа, — Райз приветственно кивнул. — Не ждали встретить воинов Братства в такой дали.

— Кто такие? — сухо поинтересовался один из паладинов.

— Райз Айзлен Енкарта и Къярт Яртлен Енкарта. Из Коуфладских земель.

— Покажите родовые листы.

— Боюсь, они вам мало что скажут, — Райз виновато улыбнулся и, достав из сумки мятые пожелтевшие бумажки, протянул их паладину.

— Верно, — тот пробежал по ним взглядом и недовольно покачал головой. — Вам придется проехать с нами.

— А в чем дело-то?

— В этом районе замечены некроманты. Для передвижения используют призванных гривов, — паладин окинул Клыка и Когтя взглядом.

— По правде сказать, у нас были несколько иные планы, — Райз снова полез в сумку и краем глаза заметил, как паладины напряглись. — Увы, наши родовые листы безнадежно испорчены, но мы находимся под протекторатом руферонского отделения Братства, куда сейчас и направляемся. А так как путь неблизкий, сами понимаете...

Райз отыскал в пыльных недрах сумки медальон, который, казалось, в прошлой жизни, им передала Кара, и продемонстрировал его паладинам.

— Позвольте? — спросил их главный.

Забрав медальон, он повертел его в руке и вернул Райзу.

— Прошу прощения, господин Енкарта. Мы не могли не проверить.

— Разумеется.

— Вы можете ехать, но я бы предостерег вас от дальних путешествий, тем более без сопровождения. В нынешние-то дни.

— Нынешние? — Райз с непониманием посмотрел на паладина. Тот ответил таким же взглядом. — Мы только прибыли из Аверии, где провели последние три месяца.

— Так это ваш корабль пошел ко дну?

— Аверийских контрабандистов. Но да, мы приплыли на нем. Других вариантов не было.

— Контрабандисты, — паладин фыркнул. — Я передам страже Копрала, чтобы о них позаботились.

— Так что здесь произошло, из-за чего все на ушах?

— Ковены начали показывать зубы. Один из них напал на Тхаутский рудник и увел всех заключенных. Второй решил пожить у соседей. Сейчас весь север Хепраса находится под их контролем. Агруа грозит та же участь, — паладин вздохнул. — Две трети сил Братства стянуто к южным границам, так что мы не последний патруль, который встретится вам по пути. Но дороги все равно не безопасны. Оставайтесь в Копрале. Один из отрядов через несколько дней направится к Месцеру: они сопровождают вас.

— Увы, наше дело не терпит отлагательств.

Паладин нахмурился.

— Я не могу выделить бойцов для вашего сопровождения. При всем моем уважении.

— Мы и не просим о сопровождении, — Райз примирительно улыбнулся. — Ваша задача защищать Союз от нечисти, а не подрабатывать охраной. Не беспокойтесь, мы будем осторожны.

— Ладно. Но ведите себя смирно. Воины Братства сейчас на взводе, не все решат сначала побеседовать, а только потом нападать. Держите медальон под рукой, мой вам совет.

— Так и сделаем.

Попрошавшись, паладины поскакали в сторону Копрала.

— А я уж было понадеялся на пару дней передышки, — Райз усмехнулся и повернул грива в сторону уходящего круто вверх въезда на плоскогорье.

— Ты же мертв. Зачем тебе передышка?

— Как грубо, — рассмеявшись, Райз взглянул на напарника.

Похоже, он недооценил степень его напряжения, и в передышке нуждались они оба.

Признаться, Райз действительно устал. За последний месяц он вымазался в большом количестве неприятностей, чем за всю свою предыдущую жизнь, и кроме того не раз успел попроситься, что с Къяртом, что с собственной жизнью. Последнее, впрочем, не заставило себя долго ждать.

Передышка... Проносясь мимо елей, обросших к зиме еще большим количеством иголок, Райз поймал себя на мысли, что снова мечтает о том, чтобы заняться выпасом овец где-нибудь высоко в горах или, на худой конец, рыбалкой где-нибудь там же. Главное, подальше от всей этой кутерьмы с Ордой и постоянного страха, что какая-нибудь шальная пуля оборвет жизнь Къярта. Нужно отыскать способ повысить его выживаемость. Иначе дело — дрянь. Чем сильнее тот будет становиться, чем больше призванных он поднимет — тем выше ставки и больше риски. Один удар, нанесенный в главный узел — и не останется ничего.

Во второй половине дня им повстречалось еще два отряда. Каждый раз, увидев медальон Регрора, паладины пытались уговорить проследовать с ними до ближайшего города, но встретившись с решительным отказом, отпускали.

Сумерки в Афракском Союзе наступали раньше, чем в Аверии. Но Райз с Къяртом не остановились и с наступлением темноты: в десяти километрах впереди находилась деревушка, в которой и решили заночевать — всяко лучше, чем под открытым небом, когда вокруг рыскали некроманты.

Однако, имелись и свои недостатки. В отличие от Аверии, здесь никто не позволил бы гривам шастать по улицам без присмотра, а объяснение, что один из них — призванный, а второй — совершенно точно не хочет стать таким же, а потому будет вести себя смирно, лучше было не озвучивать. За неимением других вариантов, гривов оставили на окраине леса, стоящем стеной сразу за узким полем.

— Мы действительно собираемся в Руферон? — спросил Къярт, когда они шли по главной улице в поиске постоянного двора. Время было позднее и не самое спокойное, и на улице остались только собаки да дворовые коты.

— Нет, ехать в такую даль ни к чему. А вот в Месцер заглянем. Хотя бы ради того, чтобы перевести дух, — Райз устало улыбнулся. — Заодно разузнаем в деталях, что за бучу подняли некроманты, и решим, как это можно использовать. Ты же теперь бывалый, уведешь их призванных, как телят.

Къярт ничего не ответил. Он устал, Райз это видел. Что говорить о живом человеке когда даже Райз чувствовал себя измотанным? Вполне возможно, что эта его усталость была больше надуманной, чем реальной, но, так или иначе, она была.

— А вот и наша крыша на сегодня.

Райз улыбнулся, увидев стоящий в глубине улицы внушительный дом, с пристроенным сбоку стойлом для лошадей. Взгляд скользнул по единственной вороной лошади, привязанной к перекладине и самозабвенно жующей сено. Что-то шевельнулось в груди: едва заметно, но при этом достаточно, чтобы у него зародилось желание остановиться и повернуть назад. Увы, было слишком поздно.

Дверь постоянного дома открылась, выпуская на улицу свет, тепло и паладина.

Проклятье.

Проклятье.

Чтоб его все!

Райз улыбнулся шире, повстречавшись взглядом с Карой. Она улыбнулась в ответ и,

приветственно махнув рукой, спустилась по ступенькам и направилась навстречу.

Она знала. Как и тогда с Осмельдом, ей хватило одного взгляда, или же ее гипертрофированного чутья паладина, чтобы все понять. Она не выдала свое знание ни мимикой, ни движениями, ни взглядом. Только ее энергия духа пропиталась в одночасье смесью алого, голубого и стального.

Проклятье.

— И почему я не удивлена? — спросила она, поравнявшись с Енкартами как раз напротив привязи, где стоял ее жеребец. — Если где-то поблизости некроманты, стоит обернуться, и вы двое тут как тут.

— Всего-то раз был, — попытался оправдаться Райз.

— Да, вы за этот раз на двоих умудрились наткнуться, — с притворным упреком сказала Кара и посмотрела на второго. — Здравствуй, Къярт.

Тот приветственно кивнул. Он, как и во все предыдущие встречи с паладинами, был настороже, но не понял, что Кара знает. Как не поняла и она, что перед ней тот самый, призвавший Райза некромант. С одной стороны — хорошо, а с другой — досадно, что нанесенных маскировочных печатей оказалось недостаточно, чтобы провести ее. Что она вообще здесь делает? Конечно, тогда как больше половины паладинов Братства направили в эти земли, такого бойца, как Кара, точно не стали бы держать в запасе. Но угораздило же столкнуться именно с ней!

— Собирались переночевать здесь? — она посмотрела на постоялый двор. — Я тоже, но свободных мест нет. И откуда только взялось столько желающих посетить такую глушь?

Ниоткуда. Постоялый двор был пуст. Кара вышла на улицу только потому, что почувствовала присутствие призванного.

— Так что очередная ночевка под открытым небом, — с некоторой долей разочарования сказала она и пошла к привязи. — Вы оставили гривов где-то неподалеку?

— Да, на окраине леса.

— Не возражаете, если я присоединюсь?

— Будем только рады обществу прекрасной дамы, — улыбка Райза стала шире, стоило Къярту посмотреть на него с толикой скептицизма и усмешки.

Кара забрала коня, и они направились прочь из деревни.

— Господин Рортис просил вас не покидать Коуфладских земель. Какая нелегкая занесла вас сюда, еще и в такое время?

— Так-то мы были в Аверии. Еще с середины лета. Къярт увлекается изучением редких эндемичных представителей фауны. А в Аверии как раз прошел сезон спаривания одних крылатых тварей, и...

— Райз, — предупреждающе произнес Къярт.

Кара удивленно изогнула брови. Райз рассмеялся.

Ведя коня в поводу, она шла рядом с ним, а воздух вокруг нее все больше пропитывался отливающей красным сталью. Чего она ждала? В том, что она собиралась напасть, сомнений не было. Хотела выйти из деревни, чтобы не задеть людей? Глупости, в броне ей хватило бы одного удара. Но раз она ее не призывала, значит, вероятнее всего, недавно использовала ее и еще не накопила достаточно энергии. Или же полагала, что сможет справиться с одним призванным без нее? А броню придерживала на случай, если гривы решат напасть?

Гривы не могли напасть. Поляна, где их оставили, пустовала. Клык больше пары суток питался одним воздухом, а Коготь ни за что не отказался бы поучаствовать в охоте, пусть

даже ради одного только развлечения.

Проклятье. Как же это все не к месту.

Райз поднял взгляд к небу, пересчитал самые яркие звезды.

Похоже, снова придется...

Проклятье.

Кара напала внезапно. Райз даже не успел заметить изменений в энергии ее духа и отреагировать, когда пальцы Кары сжали его ладонь. Перед глазами все потемнело, из легких выбило воздух — не буквально, но ощущение было очень схожим. Спустя всего мгновение, наполненное раздирающей на части болью, Райз осознал, что это был никакой не воздух, а его душа, которую с силой попытались вытолкнуть из тела.

Проклятье! Он совершенно забыл, что кроме брони и возможности обнаруживать некромантов и их призванных, паладины умели разрушать печати.

Кара была близка, опасно близка к тому, чтобы раз и навсегда оборвать его существование, но Къярт невесть как смог удержать печать. Райз был еще жив. В определенном смысле.

Кара не ждала осечки. Разумеется. Блистательная Кара, знаменитый руферонский Палач, неумолимый линчеватель некромантов — у кого-кого, а у нее точно имелись силы, чтобы разрушить любую печать. Но у Къярта сил оказалось больше.

Райз схватил ее за запястье, заломил руку за спину, подсек ногу, и поймал вторую руку. Если она не предприняла еще одной попытки разрушить печать, значит ей, как и Къярту, для этого нужно было коснуться ладонью — областью высокой проводимости.

— Как..., — выдохнула она и дернула головой, намереваясь ударить Райза затылком.

Да, ей нужны ладони. И Кара скопила недостаточно энергии, чтобы призвать броню, иначе уже сделала бы это. Она должна была понимать, что призванному не составит труда свернуть ей шею.

— Опрометчиво вот так бросаться без возможности воплотить броню, — мягко произнес Райз и посмотрел на застывшего в паре метров Къярта.

Бледный отнюдь не от лунного света, с натянувшимися жилами на шее и сбившимся дыханием, он выглядел так, будто ему досталось больше, чем Райзу.

— Къярт, он призванный! — выкрикнула Кара и, в попытке высвободиться, ударила его в пах.

— Что ж ты бойкая-то такая, — сцепив зубы, Райз повалил ее на землю и придавил своим весом, не давая пошевелиться.

— Къярт! Гривы! Они могут...

Райз перехватил ее запястья одной рукой, а второй зажал рот.

— Не шуми так. Ничего они не могут.

Отказываясь сдаваться, Кара искала способ сбросить его с себя, пыталась раскрыть рот, чтобы укусить. Не в таких обстоятельствах он хотел бы прикоснуться к ее коже, совсем не в таких.

Райз тяжело, почти что горько выдохнул и посмотрел на Къярта снизу вверх. От мрака во взгляде напарника стало еще паршивее, чем было.

— Отпусти ее, — ровно произнес тот.

— Я не могу, Къярт. Ты же знаешь.

— Райз.

Помедлив, он убрал руку от губ Кары.

— Ты знаешь, о чем я, — с каждым словом Къярт становился все мрачнее.

— Къярт, нельзя. Ее нельзя отпускать. Паладины нужны нам в союзниках, а не во врагах. Ты и сам это знаешь.

— Придумаем что-то.

— Нет.

— Это ты! — пораженно прошипела Кара. — Ты — призвавший его некромант!

— Кара, прошу, дай нам все объяснить...

— Объясняй, сколько хочешь, тебя все равно казнят!

— Видишь, — Райз не сводил с него взгляд. — Отпустим ее, и паладины от нас не отвяжутся.

— Я сказал тебе отпустить ее.

— Къярт, не будь идиотом! По-твоему мне хочется это делать? Только речь сейчас не о моих желаниях.

— Да, не о твоих, — голос Къярта переменился, налился неподъемной тяжестью, и на короткое мгновение Райз перестал узнавать своего напарника. — Ведь это я решаю. Немедленно отпусти ее.

Невыносимо захотелось рассмеяться: от иронии происходящего и от мыслей о том, как Къярт собирается разрешить ситуацию, когда паладины устроят на них охоту. Вот же упрямый дурак.

Райз оставил смех при себе. Тем более, если говорить на чистоту, сейчас ему было совершенно не до смеха. И сейчас он должен был подчиниться. То, на что он решился, не сделает его напарником года, но, быть может, избавит их от этих споров в будущем.

Больше не мешкая, Райз отпустил Кару, поднялся на ноги и отошел на шаг, давая ей полную свободу действий. В некотором роде.

Кара не была душой. Смекнув, что к чему, она намеревалась отступить. Для нее это был единственный шанс: сбежать, доложить руководству и возглавить охоту. Но Райз не собирался ее отпускать.

Нужно было всего одно неверное решение, которое не оставило бы Къярту выбора. А с ее ненавистью ко всякому некроманту раздуть пламя ярости, чтобы оно ослепило, заглушило голос разума — сущий пустяк. Пустяк, забирающий так много.

Окутывающий ее гнев стал плотнее, прошел насквозь, подтолкнул к пропасти.

— Кара, послушай..., — начал было Къярт.

Рывком вскочив на ноги, она бросилась на него.

Происходящее не имело ничего общего с реальностью: очередной кошмар, один из тех, что донимали его каждую ночь.

— Кара, пожалуйста! — только и успел выкрикнуть Къярт, в который уже раз уклоняясь от ее ладони.

Она была быстрее. Во всяком случае, сейчас, когда он еще не пришел в себя после того, как все метки печатей вспыхнули огнем, а сила паладина попыталась разорвать его душу в клочья, растащить по углам, точно свора голодных псов.

Къярт умудрился поймать Кару за локоть и толкнуть в сторону, но девушка ушла вниз, перенеся вес с одной ноги на другую, развернулась и напала вновь. В этот раз она успела.

— Кара, хватит! — выдохнул он, отскочив от нее.

Еще пара таких прикосновений, и ей удастся разрушить печати — все до последней. Метки привязки нещадно жгли, боль в затылке расплзалась по всей голове, а лихорадочно колотящееся сердце каждым своим ударом словно бы насаживалось на раскаленный нож.

Ну почему все обернулось именно так?

Когда Кара сблизилась с ним снова и схватила за руку, Къярт поймал ее за запястье. Пронзившая метки боль и хлынувший в руку жар, казалось, лишат его сознания — он и пальцы не успеет разжать.

Кара ударила его по руке и отшатнулась. Ее дыхание сбилось, потяжелело. В полном ненависти взгляде промелькнул страх.

— Кара, прошу, я не хочу тебе вредить, — пробормотал Къярт. — Никто тебя не тронет, только дай объяснить...

— Оставь свои объяснения для суда, — процедила она и, обуздав страх, напала вновь.

Одним только чудом ему удалось перехватить ее руки и взять в захват. А вот на то, чтобы удержать девушку, силы не хватило. Мышцы свела судорога, и, схлопотав удар в солнечное сплетение, Къярт потерял ориентацию в пространстве.

Рука Кары опустилась на его лоб и внутри не осталось ничего, кроме боли. Иглы, что в него загоняла Аелитт, сейчас казались невинной детской забавой. Сила паладина будто вогнала в каждую метку привязки по тройному крюку и теперь тащила, выворачивала наизнанку, тянула мышцы и жилы, а следом за ними — саму душу.

— Кара..., — одними губами произнес Къярт и, с трудом подняв дрожащую руку, прикоснулся к ее запястью.

У него не осталось другого выбора. Точнее, как и говорил Райз, выбор был всегда. И Къярт его сделал.

Жидкий огонь, пронесшийся по венам, выжиг боль и очистил разум в достаточной мере, чтобы Къярт пришел в себя и успел подхватить Кару. Он надеялся, что ему удалось оставить ей хотя бы каплю эссенции жизни. Но разве он мог контролировать свою силу в текущем состоянии?

У нее остались лишь жалкие крохи жизненной силы, позволившие ей продержаться в сознании всего несколько секунд.

— Как..., — выдохнула она, глядя на Къярта большими, полными страха глазами.

Кара жадно потянула воздух и, так и не закончив вдох, застыла.

— Черт...

Держа ее тело в своих руках, Къярт обессиленно рухнул на колени и, склонив голову, закрыл глаза. От разливающейся в груди эссенции жизни паладина хотелось кричать. Но он не находил в себе сил издать даже слабый, едва слышимый стон.

— Ты в порядке? — голос Райза прозвучал где-то далеко, и прикосновение его руки к плечу казалось таким же далеким, почти неосязаемым.

Черт.

Открывать глаза не хотелось. Не хотелось смотреть на то, что он сотворил. Увы, он не мог прятаться вечно.

— Все печати целы, — пустым голосом произнес он и посмотрел на Кару.

В ее застывшем взгляде по прежнему читался испуг, словно бы она все еще была жива.

Бережно опустив ее на землю, Къярт хотел снова закрыть глаза, когда ее кожа начала покрываться белой коркой: на щеках, лбу, шее — везде, где могли увидеть глаза. Она разрасталась, захватывала все больше пространства, утолщалась.

— Что проис...

Къярт осекся на полуслове. Он понял, в чем дело: независимо от того, была ли у паладина в момент смерти энергия на воплощение брони или нет, после гибели она проявлялась, прятала внутри себя тело павшего воина, словно в коконе, и никто и ничто не могло ее разрушить.

— Ты знаешь, что нужно делать, — пальцы Райза сжались на его плече.

— Делать? О чем ты?

Къярт нехотя поднял взгляд.

— Ты должен вернуть ее. Призови ее душу, пока броня полностью не воплотилась.

— Это невозможно. Она паладин. Некроманты не могут призывать души паладинов.

— Ты ведь даже не попытался, — Райз опустил на землю рядом. — Ты должен это сделать, и ты сделаешь. Давай, Къярт, не тяни. У тебя получится.

Райз невообразимо сильно хотел, чтобы у того получилось — его напряженный, блестящий взгляд не кричал, нет, вопил об этом. Еще бы ему не хотеть. Ведь Райз явно рассчитывал на то, что Кара воспользуется предоставленной ей возможностью и сбежит.

Къярт перевел взгляд на девушку. Как ему сделать то, что не удавалось никому прежде? Он ведь... он ведь всего лишь человек, получивший силу, которую не просил и которую толком не понимал.

Но Райз был прав. Он должен хотя бы попытаться исправить то, что натворил.

Выровняв дыхание, Къярт накрыл ладонью лоб Кары.

Он не знал, что встретит его в заводи: может быть, ничего, кроме воды, песка и призванных ранее душ; а, может быть, они, как и он сам, сгинут от одной только попытки прикоснуться к душе паладина. Вряд ли последнее: в таком случае на каждой обложке трактата о некромантии крупными буквами писали бы предостережение никогда и ни при каких обстоятельствах не делать этого.

Заводь была прежней: пронизанная светом толща и тянущаяся от запястья к душе Кары нить.

Оттолкнуться и следовать за ней.

Все казалось таким же, как и прежде, пока Къярт не приблизился к искомой душе достаточно, чтобы начать различать абрисы реального мира, просачивающегося в это место. И чем больше он смотрел на возвышающиеся вокруг тени скал, тем больше убеждался, что это место не имело ничего общего с тем, где он убил Кару. В процессе призывов фурий у

него появилась теория, что души какое-то время еще находятся рядом со своими телами: всякий раз он сперва находил крылатых в мареве гнезда, а после — в крепости Аелитт. Но сейчас все было иначе.

Душа Кары, ослепительная и горячая — не такая жгучая, как у Райза, но куда более обжигающая, чем душа Аелитт — была не одна. Она и еще десятки других собрались в одном месте, слились в единый гигантский сверкающий шар, окруженный проявляющими себя время от времени очертаниями камня. В самой его середине горело крошечное солнце, от одной только мысли о прикосновении к которому становилось жутко.

Къярт отшатнулся, когда его озарила догадка: перед ним было ничто иное как душа исполина. И, вероятно, облепившие ее души принадлежали паладинам, получившим силу именно от этого гиганта.

Теперь Къярт понимал, почему никому прежде не удавалось призвать паладина. Даже если некроманты осмелились бы шагнуть в это озеро расплавленной энергии, унести с собой его часть было невозможно. Сердцевина, душа исполина, притягивала обладающие ее частичкой души паладинов, и тягаться с силой такого рода было суцим безумием.

Безумием, одним из многих, что случились с Къяртом с момента его пробуждения в этом мире. Наверное, ему следовало отступить: оставить все, как есть, и вернуться, пока не стало еще хуже.

Къярт вновь посмотрел на сияющий сгусток души Кары и тех, кто окружал ее. Жар ни одного из них не мог сравниться с жаром души Райза, и если Къярт не сгорел дотла в прошлый раз, возможно, ему все же стоит попытаться. А там — будь что будет.

Собравшись с духом, он сжал в пальцах связывающую его с Карой нить и шагнул вперед.

Ее жизнь понеслась перед ним так же, как и все прочие. Очаровательная девочка из уважаемой семьи, богатая наследница, что должна была перенять управление приисками, так как оба брата выразили желание пойти по стопам отца и стать паладинами. Разумеется, Братство и не думало отказывать детям благородного рода.

В ее жизни все было прекрасно: богатое поместье, чем-то напомнившее Къярту его родное — за исключением семьи, которая в случае Кары души в ней не чаяла; блестящее будущее и достойная партия, что должна была помочь сохранить и преумножить благосостояние рода Далоран.

Все было прекрасно до одного дня, в который без предупреждения грянул гром. Когда вся ее семья собралась в доме за праздничным столом, на поместье напал некромант. Он действовал сам, не от имени ковена. Один единственный человек убил сразу трех паладинов, каждый из которых имел возможность воплотить броню. Увы, она им не помогла.

Броня не защитила ни отца Кары, ни ее братьев. Некромант убил их, убил ее мать, приглашенных гостей, слуг и все живое, что находилось в поместье. Он сохранил жизнь только пятнадцатилетней девочке, но отнюдь не из милосердия. Он отдал ее своим призванным и с презрительной насмешкой наблюдал, как они насилуют ее, по собственному желанию или же по его приказу — было не так уж важно.

А затем, когда ему надоело, он отпустил ее и позволил убежать. Не просто так, конечно. От самого дома и до отделения паладинов в городе неподалеку ее гнала стая призванных собак. Они кусали за ноги и руки, бросались на спину, раздирая ее когтями, пока Кара окончательно не выбилась из сил и не потеряла сознание.

В тот день она стала посланием Братству, заявлением, что его воины не бессмертны, а их семьи — не неприкасаемы. И каждый раз, когда паладины устраивают облаву на

некромантов, они должны помнить, что однажды некроманты могут устроить облаву на них самих.

По всем прогнозам Кара не должна была выжить. Она была слишком истощена, слишком изранена, и даже операция, на которую паладины с трудом смогли уговорить врача — была не больше, чем попытка ухватиться за соломинку, отсрочить неизбежное. Но ей удалось встать на ноги. И тогда разговор зашел уже не о здоровье ее тела, но духа. Кто в своем уме стал бы требовать от Братства инициации в таком возрасте?

Кара выдержала и ее. Обретя силу паладина, она затолкала глубоко внутрь то, что произошло с ее семьей и с ней самой, а заодно и большую долю чувств — совсем так же, как Къярт, когда устал бороться за собственную жизнь со своим ядром. Она оставила только ненависть к некромантам и всему, что было с ними связанным: спрятала в тени, чтобы в решающий момент вытащить на свет и использовать как свое сильнейшее оружие.

С того дня Кара собственноручно убила почти сотню некромантов — девяносто восемь, если быть точным. Но она не считала. Все, что ее волновало, это поскорее найти следующего и уничтожить. А уничтожив, тут же забывала: не помнила ни их лиц, ни тем более имен — для нее они были все, как один, тот самый, что убил ее семью. Она не знала его имени, как не знал никто в Братстве и никто из схваченных некромантов. А может быть, высшее руководство паладинов все знало, но скрывало, понимая, что связываться с тем, кто смог в одиночку убить трех готовых к бою паладинов, — гиблое дело.

Однако, Каре было плевать. Каждый раз, получая задание, она надеялась, что в этот раз ее целью окажется он. День за днем, год за годом, она все еще искала его.

Къярт судорожно вдохнул, когда афракская ночь сменилась пронизанной светом изумрудной толщей. Душа Кары замерла рядом. Оставалось только закрепить якорь.

Поставив метку печати на внутренней стороне ключицы — так же, как и в случае с Аелитт — он открыл глаза и посмотрел на лицо девушки. Покрывающая его броня медленно осыпалась.

— Къярт? — тихо позвал Райз.

— Поймай ее коня, — лишенным эмоций голосом распорядился он, поднял Кару на руки и направился к лесу, заодно приказав гривам вернуться.

Для ночлега он выбрал небольшую прогалину глубоко в чаще — чтобы их не увидели и не услышали ни жители деревни, ни те, кто решит проехать по границе леса.

Гривы улеглись вокруг костра, спинами закрыв троицу от посторонних взглядов. Жеребец Кары, привязанный к дереву неподалеку, щипал увядшую траву.

— У тебя не было другого выбора, — произнес Райз, когда Къярт, так и не сказав больше ни слова, сидел и смотрел на огонь. — Его не было с самого начала и...

— Заткнись, — грубо отрезал Къярт и придавил его взглядом. Вздохнув, он добавил спокойнее: — Заткнись и даже не продолжай.

Но Райз не был бы собой, если бы вот так взял и послушался.

— Къярт, не вини себя. Ее нельзя было отпускать. Если бы ты не запретил мне сделать все самому...

— Я же попросил тебя заткнуться, — Къярт двинул желваками. — Так хочется поговорить, что прямо невмоготу? Ладно. Будь по-твоему.

— Къярт? — почувствовав неладное, Райз едва нахмурился.

— Ты знал, что Кара все поняла. Знал уже в тот момент, когда она вышла из таверны. Я знаю, что она тогда чувствовала. Или тебе хватит наглости отрицать, что ты видел ее

энергию духа и понял, что она значит?

— Не буду отрицать. Но тогда было уже поздно уходить.

— Уходить, — Къарт фыркнул. — По-твоему я этого не понимаю? Да, уходить было поздно. А вот решить все быстро — нет. У тебя была уйма возможностей устранить ее до того, как она нападет. Даже после ее нападения ты мог просто сделать то, что считаешь должным, а не спорить со мной. Я дал тебе достаточно свободы для этого. Но ты хотел ее отпустить и был готов это сделать, только сам себе в этом в жизни не признаешься.

— Ты устал, Къарт, и твои предположения похожи на бред, — Райз мягко улыбнулся.

— Так чего ты тогда тянул, а? Спорил, но при этом ничего не делал, словно вынуждал меня приказать отпустить ее.

— Къарт, не знаю, как ты, но я считаю тебя напарником, а это значит, что решения нам следует принимать сообща, а не проворачивать что-либо за спиной друг друга.

Къарт покосился на Райза и едва не рассмеялся. Он прежний, еще не пропустивший через себя его прошлое, наверняка повелся бы.

— Извини, Райз, но я слишком хорошо тебя знаю, чтобы поверить, что в действительно важных вещах ты стал бы с кем-либо согласовывать свои действия, а не принял решение самолично. Не в упрек тебе будет сказано.

— Къарт...

Тот отрицательно качнул головой, не позволяя продолжить.

— Райз, я не злюсь на то, что ты пытался преподнести все как мое очередное «недальновидное» решение. Пожалуйста, мне не жалко, если тебе так удобнее. Я бы и слова тебе не сказал, но уже порядком устал от этих твоих снисходительных взглядов и попыток выставить меня идиотом.

Одна из веток в костре прогорела и, переломившись посередине, упала на угли, подняв сноп искр. Вместе с ними Къарта посетила догадка, что, возможно, он действительно истолковал все неправильно. Вернее, не совсем правильно. И что в действительности Райз счел, что отпускать Кару слишком опасно, но и убивать ее собственноручно не хотел.

Къарт тряхнул головой, прогоняя дурацкую мысль. Нет, Райз не стал бы так поступать. А жаль. Все же принять то, что напарник решил скинуть на него грязную работу, было проще, чем то, что для того не существовало совершенно никаких границ и препятствий на пути к цели.

В прошлой жизни Къарт не успел стать солдатом, но его родина регулярно вела бои с соседом, и он понимал, что на войне убийства естественны. Однако, когда речь заходила о Райзе, что-то не давало Къарту покоя, не позволяло воспринимать действия напарника, как устранение противника на войне. И дело было совсем не в том, что война, как таковая, еще даже не началась. Къарта не покидало ощущение, что Райз балансирует на краю пропасти и вот-вот в нее сорвется.

— Надеюсь, ты понял, что я пытался сказать. Не хочу больше возвращаться к этому разговору, — он провел ладонью по голове, приглаживая волосы.

Райз кивнул. На его лице не осталось и намек на усмешку, а взгляд был тяжел и темен.

— У нас и без того проблем по горло, — устало добавил Къарт и посмотрел на Кару.

То, что ему удалось призвать душу паладина, меркло на фоне как ее прошлого, так и будущего, теперь тесно связанного с их.

— Все так плохо?

— Я бы сказал, что намного хуже.

Какое-то время Къарт потратил на пересказ истории Кары. Райз слушал сведя брови, и с каждой фразой Къарт становился все ближе к неотвратимому моменту, когда ему придется разбудить девушку и посмотреть ей в глаза.

— Не будем откладывать до утра, — сдержанно произнес Райз. — Все равно это неизбежно. Раньше все решим, раньше двинемся дальше.

Къарт кивнул и снял блок, что не давал Каре прийти в себя.

Кара открыла глаза и уставилась на сидящего в шаге от нее некроманта. Спина касалась холодного мохнатого гривьего бока, напротив лежал еще один зверь, но отсутствие веревок на руках и ногах подтолкнуло тело к действию.

Ей не удалось пошевелить и пальцем. Мышцы будто окоченели, и едва она об этом подумала, как холод стал по-особому ощутим. Он приходил не снаружи, но распространялся изнутри, неуязвимый для исходящего от костра тепла. Внезапно осознав, что не дышит, Кара жадно схватила ртом воздух. Вдох-выдох, вздымающаяся и опускающаяся грудь, сердце... разве ему не полагалось изо всей мочи стучать по ребрам, вливая в конечности силу для сопротивления?

Сердце затаилось. Кровь не шумела в ушах.

Ей было страшно это делать, но посетившая догадка требовала перестать насильно вдыхать воздух.

Пол минуты. Минута. Полторы.

Все это время Енкарты — некромант и призванный — одинаково напряженно смотрели на нее и чего-то ждали.

Две минуты. Прошло две гребаных минуты, но тело так и не заикнулось о необходимости дышать.

Происходящее стремительно теряло всякий смысл.

Кара опустила взгляд на свои руки, затем посмотрела на некроманта. На его лице отразилась бесконечная мука — что за издевки?

— Невозможно...

Невозможно. Нет. Такого не могло произойти. Физически не могло случиться. Это бред.

— Кара, пожалуйста, послушай... — начал было некромант и осекся, когда она пронзила его полным ненависти взглядом.

Хотелось рвать и метать, выкричать все то, что распирало изнутри, но все, что ей было дозволено, это свести брови и зажмуриться — словно это помогло бы выбраться из под обрушившейся на голову действительности.

Невозможно.

Когда прикосновение Енкарты, точно укус кровососущей твари, выпило из нее всю жизнь, Кара успела осознать: это конец. Она не знала почему и как, но поняла, что именно произошло. Она проиграла битву окончательно и бесповоротно и проиграла не одну, а сразу все: пришло и ее время исчезнуть, а вместе с ней — и ее стремлению убить ту самую тварь, с которой все началось. Все ее старания, ее охота враз утратили всякий смысл — так глупо и внезапно. Единственным, что ее утешало, было то, что она хотя бы не станет безвольным рабом одного из этих ублюдков. Сила паладина, дарованное исполином благословение, должна была уберечь ее от участи призванного.

Какая же оголтелая наивность.

...Но ведь это невозможно.

Они ведь были неприкасаемы.

— Кара..., — голос некроманта, до омерзения сострадательный, вклинился в тишину.

— Выродок, — прошипела та.

Она дернулась, на этот раз осознанно, целенаправленно пытаясь противостоять

наброшенным на нее оковам, но все, что ей удалось — лишь едва пошевелить плечами.

— Кара, прости, мне очень жаль, что все так получилось.

— Получилось? Говоришь так, будто все случилось само собой, и ты не приложил к этому руку.

— Ради справедливости замечу, что ты напала первая, — подал голос второй. — Къарт только защищался.

— Райз, не нужно, — одернул его некромант.

Кара впиалась в старшего Енкарту взглядом, и внутри все скрутило.

Какая же слепая дура!

Она сама была повинна в своих бедах: все ее самонадеянность и слабость, низменные пристрастия, на поводе у которых она шла.

Ее жизнь, жизнь «после», состояла не только из охоты и медитаций. Кара неизбежно сталкивалась с теми, кто не входил в ее список на уничтожение: другими паладинами, городской стражей и местными чинушами, шатающимися без дела аристократами и предприимчивыми дельцами. Она видела, как они на нее смотрят, и знала, о чем они думают и чего хотят. Как иначе, когда она сама прикладывала усилия, чтобы раздуть пламя даже из маленькой искры?

Осторожно, ненавязчиво, словно бы невзначай — Кара давно наловчилась находить баланс, позволяющий ей сохранять репутацию неприкосновенной целомудренности и при этом продолжать собирать вожделенные взгляды. Зачем она это делала? Много причин. Лишний раз напомнить себе, что даже с обезображенным шрамами телом она оставалась чем-то манящим? Конечно, увидь другие то, что скрывалось под мундиром, и желания наверняка поубавилось бы, но Кара знала свои сильные и слабые стороны и не демонстрировала последние.

Но это лежало у поверхности, тогда как в глубине скрывалось темное, порочное желание спровоцировать, бросить вызов всем вокруг и, если кто-то решится принять его — поставить горе-смельчака на место. Тринадцать лет назад у нее не было сил оказать сопротивление. Она не могла воспротивиться. Тогда ее уделом было стать жертвой — слабой, жалкой, молящей сквозь слезы о пощаде. Ни капли достоинства.

Кара презирала ту себя. И если для того, чтобы лишний раз доказать самой себе, что у нее и той ничтожной девчонки не осталось ничего общего, нужно было дразнить псов костью — она вполне могла этим заняться, если представлялся случай.

Когда в отделение Руферона нагрянули с визитом приемные сыновья Енкарты, случай выдался на редкость хороший. Во всяком случае, он обещал хотя бы запомниться в череде однообразных, слившихся в одну встреч и историй.

Они оба смотрели на нее как незнающие ничего невежды. А для младшего она будто бы и вовсе не существовала. Къарт Яртлен Енкарта постоянно пребывал в каких-то своих, оторванных от реальности мыслях, но это и не имело значения. Он был еще совсем мальчишкой и, даже прояви он интерес, для Кары остался бы несмышленным, непригодным для игры ребенком. Со старшим Енкартой дело обстояло иначе.

Ей следовало заподозрить неладное еще тогда. Выбравшийся из глубинки, с громким именем в родовом листе, но с посредственной кровью в венах — казалось, добыча проще некуда. Однако, вполне ожидаемые взгляды, которые она на себе ловила, и дальше которых дело не заходило, отличались от привычных. Старший Енкарта словно бы смотрел сквозь: сквозь мундир, сквозь кожу, сквозь мясо и кости — Кара не могла избавиться от чувства, что

он разглядывает саму ее душу и видит куда больше, чем следовало. В его обществе ей неизбежно становилось не по себе, но это было еще одним поводом продолжить, а не прекратить. Чем осторожнее и сдержаннее он себя вел, тем больше хотелось подтолкнуть его, вынудить совершить ошибку.

Старший Енкарта так и не оступился. Она же не просто споткнулась — кубарем полетела вниз. Какая же дура. Возомнила о себе невесть что, а в итоге сама превратилась в туповатую, кволую дичь.

Нужно было заподозрить неладное еще тогда, когда этот человек начал вызывать в ней не только соревновательный интерес и охотничий азарт.

Дура.

— Кара, позволь мне все объяснить.

Она едва сдержалась, чтобы не скривить губы. А ведь когда-то эта вежливость младшего Енкарты даже казалась ей чем-то очаровательным. Сейчас же та звучала, как издевка. Некромант, спрашивающий у раба разрешения — Кара не припоминала, когда в последний раз встречала настолько любящего поглумиться ублюдка.

От внезапного осознания, что насмешки не имели бы смысла, если бы не задевали ее, внутри что-то с треском оборвалось и провалилось в желудок.

— Позволь? К чему это? И к чему вторая ступень?

Младший Енкарта, строящий из себя растерянность, замешкался с ответом, и Кара сама пришла к выводу. Ее взгляд скользнул в сторону старшего, и набитые колотым льдом внутренности скрутило.

— Можешь не отвечать. Уже догадалась, — мертвенным голосом произнесла она. — Что, ты тоже из тех, кому доставляет удовольствие смотреть, как раб не только послушно выполняет указы, но и «наслаждается» процессом?

— Нет, Кара, нет, ты не права! Просто выслушай нас.

— Будто у меня есть выбор.

— Есть.

Кара сцепила зубы. Младший Енкарта выглядел так искренне и заливал так складно, что в пору было растрогаться и умилиться. Чего он добивался? Что она, как последняя дура, поверит, что ей достался «милостивый господин»? Хотел убедить, обнадежить, а затем с особым тактом и расстановкой втоптать в грязь?

— Не нужно ничего объяснять, — возразил старший. — Поступим по-другому. Кара, спрашивай, что хочешь. Мы ответим на любые вопросы. Без лжи.

Кара усмехнулась: неплохо же спелись.

Плевать. Пусть хоть всем скопом набрасываются, она не склонит голову и не станет молить о снисхождении. И в их натянутое, как мешок на лошадиный зад, благородство верить тоже не будет.

— Призванный говорит тебе, что делать? — насмешливо поинтересовалась она.

— Порой даже чаще, чем хотелось бы.

— Ну так что? Согласна? — старший Енкарта улыбнулся, и его улыбка была совсем, как прежде. Будто ничего и не произошло.

Кара смирила его взглядом и посмотрела на некроманта. Раз некроманту захотелось поиграть, она, конечно же, уважит «господина».

— Зачем ты вернул меня?

Тот ответил, не раздумывая:

— Ты ничем не заслужила смерти. Но и отпустить тебя мы не могли. Оставалось только призвать. Это, конечно, не тоже самое, что и жизнь, но всяко лучше, чем забвение.

— Я бы с тобой не согласилась.

— Он сам с собой не согласился бы, — хохотнул старший Енкарта. — Полгода так назад. А сейчас вон как заговорил.

— Райз, — некромант с укором посмотрел на него.

— Но ведь правда же!

Кара скептически изогнула бровь. В голову закрадывались мысли, что у кого-то не все в порядке с рассудком: или у Енкарта или у нее. Они сидели здесь, болтали, как ни в чем не бывало. Кара замечала в их интонациях и жестах напряжение, но они прятали его, как нечто постыдное. Нет, если кто и свихнулся, так это эти двое: при всем желании, она не придумала бы более идиотской с точки зрения некроманта причины для призыва, чем озвученная.

В небе ухнула пролетающая мимо сова, и один из грифов, Клык, задрал голову и ответил ей протяжным воем.

— И это все? Это и есть причина, по которой ты решил, что имеешь право распоряжаться чужой душой?

— Кара, речь не о распоряжении, а о..., — некромант осекся. — Если быть откровенным, я не собирался призывать твою душу. Не потому, что не хотел вернуть тебе жизнь, а потому что призвать паладина невозможно. Но Райз попросил попытаться, и... и все получилось. Не спрашивай как, я сам не знаю.

— И много душ ты уже присвоил?

— Достаточно.

Подумав, он расстегнул куртку, снял рубашку, демонстрируя густую россыпь меток на груди и внутренней стороне рук выше локтя.

Не сказать, что Кара никогда не отрывала головы некромантам, владеющим десятками рабов, но они встречались не так уж и часто и уж точно не являлись двадцатилетними мальчишками.

— Среди них только две принадлежат людям, — уточнил младший Енкарта.

— Как благородно, — иронично заметила Кара и посмотрела на старшего. — И зачем ты попросил его? Чтобы было не так одиноко среди «не людей»?

— Может быть, — тот лукаво прищурился. — Но если говорить серьезно, главную причину Къарт озвучил: ты не должна была умереть. Ты не сделала ничего дурного. Всего лишь оказалась не в том месте и не в то время. А моих маскировочных печатей не хватило, чтобы провести тебя. Досадно: прошли три патруля паладинов, и никто ничего не заподозрил, и нужно же было в итоге столкнуться с тобой. Точно что неудачное стечение обстоятельств.

— Неудачнее и не придумаешь, — ровно произнесла Кара, стараясь не сильно заводить по поводу того, что эти двое сочли уместным решать, кто поступает дурно, а кто — нет. — И что же с не главной причиной? Я так понимаю это как раз та «не главная», из-за которой все и произошло.

Старший Енкарта ответил не сразу.

— Да, ты в какой-то мере права. Но будь дело только в ней, и не будь у нас желания вернуть тебя к жизни — окажись ты кем-то, до кого нет дела — Къарт использовал бы печать первой ступени. Все же возможность призвать паладина, пусть он окажется трижды мерзавцем — не то, что следует упускать. Сила такого порядка нам крайне пригодится. Это

вторая причина.

Все же она переоценила свою выдержку. Мало того, что ее опрометчивость пустила под откос ее собственную жизнь, так теперь еще и вся безопасность Афракского Союза была поставлена под угрозу. И дело было отнюдь не в возможных жертвах. Кара осознавала, что человеческие жизни — не бесценны, их полагается защищать и оберегать. Но определяющим здесь было слово «полагается». Она делала это потому, что ее обязывал мундир, тогда как единственное, что ей велело делать сердце — отделять головы ублюдков-некромантов от их тел.

Однако стать первой брешью в безупречной стене Братства — сомнительная честь.

— Ну разумеется. С этого и следовало начинать — с заветной мечты некромантов прибрать паладинов к рукам.

— К Проклятому некромантов и их мечты! Кара, ты помнишь наш разговор в библиотеке отделения Братства в Руфероне?

Кара помнила. Воспоминания всплыли на поверхность, и на них сверху, точно спиленное дерево в озеро, рухнуло осознание.

— Ты уже тогда был инициированным, — уставившись на некроманта, пробормотала она. Тот кивнул, и Кара болезненно свела брови. — Мы пустили зверя в собственный дом, а никто и не заподозрил... Я ведь даже сейчас не чувствую в тебе силы некрома...

— Кара, я задал тебе вопрос: ты помнишь наш разговор в библиотеке? — старший Енкарта оборвал ее и, так и не дождавшись ответа, продолжил. — Тогда ты спросила, зачем мы изучаем архивные записи об Орде. Я ответил, что мы собираемся уничтожить ее, когда она явится опять. Это не было ни ложью ни шуткой. Для этого нам и нужны все ресурсы, в том числе — паладины. Как живые, так и мертвые, раз это оказалось возможным.

Кара приподняла брови, а затем рассмеялась — нервно, почти истерично. А ведь он так хорошо держался! Будь она совсем наивной дурочкой, в какой-то момент, может, даже и поверила бы в его рассказы.

— Хватит на сегодня вопросов, — сообразив, что выдал абсолютнейшую ересь, старший Енкарта сдал назад. — Къарт, тебе нужно поспать, а то смотреть больно. Если Каре до утра захочется узнать что-то еще, я ей расскажу.

Перестав смеяться, она одарила его ледяным взглядом.

— Ты полный идиот, если думаешь, что после этого бреда про Орду я поверю хоть одному вашему слову.

— Верить или нет — решать только тебе. Мое слово, что мы не будем тебе врать, у тебя есть.

На этом разговор подошел к концу.

Некромант устроился спать, а его призванные остались сидеть друг напротив друга. Старший Енкарта смотрел на Кару, Кара смотрела на него, и в этой бессловесной дуэли все сложнее становилось сохранить самообладание.

Сперва она злилась: на некроманта, на себя, на старшего Енкарту, который, как и прежде, пытался забраться ей в душу. Только в этот раз некуда было бежать от его взглядов и негде было скрыться. Затем злость затупилась, как уставший от рубки костей нож, и на ее место пришло отчаяние. Хотелось кричать, рыдать, метаться из стороны в сторону — что угодно, лишь бы только найти выход из этого кошмара. Где-то ведь должна была существовать дверь или какой-нибудь гребаный волшебный рычаг, который повернул бы время вспять?

Но как бы тошно, как бы гадко не было внутри, Кара не подавала виду. Превратившись в ледяную глыбу, она жгла взглядом старшего Енкарты и вздрогнула только тогда, когда некромант, проспав всего несколько часов, с криком проснулся.

Впереди ждала дорога. До того, как столкнуться с Карой, Енкарты ехали в сторону Месцера. Но теперь, когда выяснилось, что нанесенные некромантом скрывающие печати не дают абсолютной защиты, они собирались прибегнуть к более надежным мерам. Эти меры требовали возвращения в их родовое поместье, а следовательно — две недели пути в объезд Руферона, в который Кара направлялась с личным донесением главе отделения.

Она должна была прибыть в город через одиннадцать дней, но, учитывая смуту на почве конфликта между Хепрасом и Агруа, никто не стал бы устраивать поиски и сбиваться с ног, если бы она задержалась. Да и кто бы захотел искать? Господин Рортис, единственный, кому действительно было до нее хоть какое-то дело, знал, что Кара способна о себе позаботиться, а ее задержку объяснил бы внеплановой охотой на очередного некроманта-выскочку.

Какая ирония.

Какой позор.

Чтобы добраться до логова нечисти, следовало хоть как-то спрятать новое «приобретение» младшего Енкарты. Когда тот поставил ее перед фактом, что ему нужно нанести скрывающие печати, Кара была готова лично содрать с себя кожу, лишь бы только лишить некроманта «холста». Но что с ее готовности, когда ни ее воля, ни ее тело больше не принадлежали ей?

Младший Енкарта покрыл печатями ее плечи — едва ли не единственный участок на теле кроме лица и шеи, который не обезобразивали шрамы от клыков и когтей. Сначала он попросил, а затем, когда она проигнорировала, — велел расстегнуть мундир и чуть спустить вниз, и при этом не переставал извиняться. Он все повторял: «Прости пожалуйста, но это необходимо, потерпи еще немного», — будто бы резал ее живьем или совершал какое-либо другое преступление. Конечно, нанесение печатей, скрывающих связь призванного и некроманта, не являлось чем-то разрешенным, но в сложившихся обстоятельствах поведение младшего Енкарты можно было назвать уважительным и даже обходительным. Пока он выводил линию за линией, от начала и до конца ее кожи касался только холодный, мокрый от чернил стержень, и не произошло ничего, что хоть как-то можно было отнести к посягательствам на честь и достоинство. Но разве от них еще что-то осталось?

Держать спину прямо, а подбородок высоко поднятым Каре во многом помогало то, что никто в Братстве и за ее пределами не знал, что именно произошло в тот проклятый день в поместье Далоран. Она жила ожиданием того дня, когда в ее руки попадет единственный свидетель и участник тех событий, и ее унижение, ее позор навсегда скроются в земле вместе с кровью вытекшей из горла ублюдка.

Но теперь на одного свидетеля стало больше. Еще один человек, реальный, живой, видел все ее поражения и падения, знал все ее грязные тайны и слабости, видел ее, как есть, внутри и снаружи. При мысли об этом Кару охватывал страх и непреодолимое желание наброситься на него и убить. Он ведь был так близко, протяни руку и схватишь — и в то же время совершенно недостижимый. Единственное, в чем Кара находила утешение, это в том, что младший Енкарта сполна наслаждался проведенным в ее шкуре временем и обзавелся новым, ни с чем не сравнимым опытом.

С каждым закатом и рассветом все глубже осознавая ее нынешний статус и впадая во все большее мрачное отчаяние, Кара надеялась, что, возвав к силе исполинов, она вернет

себе свободу. Ведь сам факт того, что какой-то мальчишка-некромант смог опорочить освященную душу, перечил всем законам бытия.

Но ее душа оказалась не так свята, как она считала, и опорочена давным давно: что без брони, что с броней, Кара больше не принадлежала себе. И младший Енкарта, наблюдая за ее жалкими потугами вернуть себе независимость, исполнялся воистину невыносимого сострадания. Кара чувствовал, как на ее горле затягиваются все новые и новые путы: не причини вреда Енкартам, не пытайся сбежать, не воплощай броню, не выдай их встречным патрулям. Некромант связывал ее приказами, как ноги норовящей убежать лошади, и все твердил, как ему жаль, и что он просит ее понимания. Как же она хотела, чтобы он прекратил этот фарс! Чтобы начал вести себя так, как полагается некроманту; чтобы перестал давать поводы ненавидеть его меньше, чем следовало.

И зачем только она бросилась на него, вместо того, чтобы попытаться сбежать?!

Возвращение в дом Фелиса вызывало смешанные чувства. С одной стороны сейчас для них не существовало более безопасного места. Больше Къярт не боялся, что пребывание здесь напомнит ему о его первых днях и прошлой жизни: время, проведенное в плену Аелитт, смазало эти воспоминания. Все дело было в том, что в глубине души, несмотря на всю отчаянность их затеи, Къярт начал верить, что они вернутся сюда только после того, как разберутся с Ордой — как им велела Ашша.

Она встретила их на пороге, перед этим продержав перед дверью, в которую Райз не единожды громко постучал. Он отказался заходить без приглашения, вероятно, памятуя о своих словах, что в этом доме хозяйка Ашша, и ей решать, кого и когда пускать.

— Прелестно, — удивление, появившееся на ее лице, когда она открыла дверь, скоро сменилось презрительной насмешкой. — Дохлый Райз притащил дохлого паладина.

— Тебе не кажется, что вменять «притаскивание» мертвецов нужно некроманту, а не мне?

— Еще скажи, что это все было идеей Къярта, — фыркнула она. Райз любезно улыбнулся в ответ. — Заходите уже. Хватит на пороге торчать.

Особняк был все тем же, разве что в нем царил такой же холод, как и снаружи, а Ашша ходила закутавшись в меховой плед.

— Что с отоплением? — спросил Къярт.

— А что со слугами? — Ашша недовольно зыркнула в его сторону. — Уже несколько месяцев как я здесь сама. Даже деревенских пришлось просить о помощи.

— Прости, метки были повреждены.

— Но теперь-то ты можешь все исправить?

— Да, конечно, я все сделаю.

Кости шести умертвий ждали его в лаборатории — лежали разобранные по мешкам. А Къярт уже и забыл, что мертвецов можно возвращать и без погружения в их прошлое, и едва не воспользовался печатью призыва души, но вовремя спохватился.

Къярт не хотел, чтобы Кара смотрела на то, как от его прикосновения груды костей собираются воедино; предпочел бы не видеть это презрение и ненависть во взгляде. Но та следовала за ним неумолимым роком.

— И чего вы явились? — спросила Ашша, когда умертвия один за одним прошествовали мимо поджавшей губы Кары и вышли из лаборатории.

— Нас почти полгода не было, а ты не проявишь и каплю гостеприимства? — полюбопытствовал в ответ Райз.

— Я жепустила вас в дом, чего тебе еще нужно?

Только произнеся эти слова, Ашша опомнилась и украдкой посмотрела на Къярта. Похоже, будучи долгое время предоставлена сама себе, она успела забыть, что являлась призванной, свободной ровно настолько, насколько это позволял ей некромант.

— А ведь и правда, могла не пустить. Мы вернулись, чтобы поставить скрывающие печати — вроде тех, что есть у Къярта. И было бы неплохо вернуть наши с Карой тела к жизни. Если это возможно.

Ашша смерила ту изучающим взглядом.

— Возможно. Но с перерывом в несколько дней. Ритуал должен проводить некромант,

и несколько таких возвращений за раз чреватых.

— Некромант? А как же тогда ты...

— Фелис, в некотором роде, законсервировал недостающий элемент специально для Ашши, — пояснил Къярт. — Чтобы она могла сама провести ритуал.

— Как мило, — губы Райза растянулись в улыбке.

— Да, мило. Будем и дальше чесать языками или займемся делом?

Ашша подошла к одному из шкафов, открыла дверцу и принялась доставать необходимое: лезвия из полированной стали, соединенные в мудреное устройство линзы, футляр с инструментами.

— Сначала разберемся с печатями, — продолжая копаться в шкафу, сказала она. — Такие, как у Къярта, не нужны. Вы же не некрманта с сотнями призванных собираетесь прятать, — на этих словах черты Кары заострились, а взгляд потяжелел. — Достаточно будет урезанного набора. Нанесем на лобную кость и, для большей гарантии, на позвонки. Если оторвет руку или ногу, сможете и дальше притворяться живыми. А с пробитой головой или же с вырванным хребтом, вам, что с печатями, что без, никто не поверит. Кто хочет первый?

— Я буду, — сразу вызвался Райз и с прищуром посмотрел на Къярта. — Наверняка дожждаться не можешь, чтобы снять с меня кожу и кости пересчитать.

— Да, неплохая мысль. Могу даже не снимать печати, что отвечают за восприятие боли.

— А руки дрожать не будут?

— Заткнись. Снимай рубашку и ложись. Кара, если не хочешь, ты не обязана присутствовать.

Как и всегда, та ничего не ответила, но и уходить не стала.

Къярт просидел над печатями Райза почти пять часов. В перечне его навыков не значилась филигранная резьба по кости, из которой по большей части и состояло нанесение печатей, но Ашша следила за каждым его движением и своевременно поправляла. Печати такого рода не требовали чернил или чего-либо извне, что питало бы их. Для этого в их рисунок были вплетены специальные печати-мутаторы, использующие энергию души.

По окончанию процедуры Къярт не стал мудрить с разрезами на коже и стянул их аккуратными швами. Все равно их предстояло заживить по-человечески, когда тело перестанет быть куском плоти, защищенным от разложения консервирующими печатями.

— Хочешь отдохнуть или готов продолжать? — спросила Ашша, когда Райз освободил место на алтаре.

Къярт посмотрел на Кару и сразу же отвел взгляд.

— Ашша, ты не могла бы сделать все сама? Уверен, ты справишься намного лучше, чем я.

— Разумеется я сделаю лучше. Но это твоя призванная, вот ты с ней и возись.

— Ашша, пожалуйста.

— Да что тебе не так-то?

Къярт предпочел бы не прикасаться к Каре, зная, как та относится к такого рода вещам. Конечно, она не сломала бы ему руку, как осмелившемся ползть к ней паладину, но речь шла отнюдь не о его безопасности: он не хотел беречь старые раны и оставлять новые.

— Да ладно, — выдала Ашша, прежде чем он успел что-либо ответить. — Ты целую жизнь просидел в ее теле, а сейчас боишься увидеть ее голой? Вы что, за столько времени так и не нашли ему женщину?

Она с претензией посмотрела на Райза.

— Кхм, прошу прощения, но если ты еще помнишь, нам было, чем заняться, кроме как искать ему дам для утех, — Райз выдержал театральную паузу, — мог бы сказать я. Но Къярт у нас парень бойкий, может сразу несколько дел за раз делать.

— Ты меня с собой-то не путай, — вяло огрызнулся тот.

— Погоди-ка, ты не можешь на меня за это злиться. Она и словом не обмолвилась, что место уже заня...

— Райз. Не выводите меня.

— Даже и не думал, — тот спрятал смешок в кулак и вернул лицу серьезность. — Продолжайте сами. Хочу проверить гривов и коня: чтобы тому было, что пожевать, и чтобы его самого никто не сжевал.

— Слуги, по-твоему, с этим не справятся? — со скептицизмом спросила Ашша.

— Хватит уже, — Къярт кивнул Райзу и перевел взгляд на Кару. — Прости, но это нужно сделать. Начнем с лобной кости.

От начала и до самого конца, пока он вырезал печать на лбу Кары, та, не моргая, смотрела на него, и от ее взгляда хотелось покаяться во всех грехах и сгинуть. Но вот он сделал последний скол на кости, подождал, отвернувшись, пока Кара снимет мундир и майку под ним и ляжет животом на алтарь.

Видеть ее шрамы вживую оказалось еще тяжелее, чем во время погружения в ее прошлое.

— Та самая Раяда Далоран, значит, — с холодком протянула Ашша. — Что, охота на некромантов не проходит бесследно?

— Ашша! — проглотив вставший в горле ком, рыкнул на нее Къярт.

Не ожидавшая от него такой реакции девушка вздрогнула и опустила взгляд совсем так же, как опускала его, когда Фелис отчитывал ее за непослушание.

Казалось, что время тянется бесконечно. Наверное, для Кары оно и вовсе остановилось. Но иначе было никак. Следовало радоваться уже тому, что печати, предназначенные для простых призванных, оказались пригодны и для призванных паладинов.

То, что Ашша так спокойно восприняла факт возвращения паладина из мертвых, удивило. Но в ответ на высказанное непонимание, та парировала, что удивительно было бы, если бы после всех потраченных на него сил он оказался бы заурядным некромантом среднего пошиба.

За окном успело стемнеть, когда Къярт завершил печать на последнем позвонке. Отложив в сторону резец по кости, он встал со стула и сделал несколько наклонов в стороны, разминая затекшую спину.

— Мы можем вернуть тело Кары к жизни сегодня же? — спросил он.

Хотелось закончить все необходимые манипуляции как можно скорее и больше не досаждать ей.

— Если выдержишь еще пару-тройку часов. Придется нанести чернильные печати по всему телу.

— Сделай это, пожалуйста, сама. Или ты устала?

— Не устала. Но это твоя призванная и...

— Ашша, — с нажимом сказал Къярт. — Не вынуждай меня приказывать тебе.

Девушка поджала губы.

— Я все исполню, — процедила она. — Что убило ее тело?

— Я поглотил ее жизненную силу.

И снова Къярт почувствовал, как взгляд Кары уткнулся ему в спину, точно острие клинка. Он ведь так еще и не объяснил ей, как именно все случилось.

— Даже так, — хмыкнула Ашша. Она хотела отпустить очередную остроту, но сдержалась. — Значит, все органы целы. Это многое упрощает. Пусть слуги поднимут из подвала две бочки, обвязанные красными веревками, и выльют содержимое в ванную. С кожей, учитывая количество шрамов, разобраться лучше по живому: пусть на порядок неприятнее, но зато в разы чище. Старую кожу срезать, а новую нарастить посредством объединения исцеляющей и печати призыва.

— Хорошо.

— Нет. Даже не смей прикасаться, — ледяным тоном сказала Кара. — Это мое тело, и мне решать, как ему выглядеть. Или в действительности это не так?

— Но, Кара... — Къярт в непонимании посмотрел на нее. — Конечно, решать тебе.

— Тогда не смей прикасаться.

Он кивнул и, помедлив, обратился к Ашше:

— Нужно еще что-то? — та отрицательно покачала головой. — Тогда я подожду снаружи.

Выйдя из лаборатории, он наконец-то смог свободно вздохнуть. Скидывать на Ашшу большую часть работы было не по-мужски, но это все равно оставалось лучшим решением из возможных.

Къярт опустился на пол, оперся спиной о стену и прикрыл глаза. За все это время Райз так ни разу и не показался, и он не имел ни малейшего представления, где тот и что делает. Странное чувство. После их встречи в крепости Аелитт он уже привык, что напарник ходит за ним, как привязанный, и сейчас, пусть его и радовала выдавшаяся минута покоя, Къярта не покидало ощущение, будто чего-то не хватает.

Он просидел под дверью лаборатории до того момента, пока Ашша не позвала его, отлучившись лишь ненадолго в самом начале: найти какой-нибудь халат для Кары, в котором она смогла бы дойти до комнаты — плотно сидящий мундир повредил бы нанесенные легкими чернилами печати.

Къярт выбрал для Кары покои в той же части дома, где находились и их с Райзом, только с другой стороны от главной лестницы. Внутри они выглядели точно так же, как и у Къярта, с одним исключением: каменная ванна была почти доверху заполнена бледно-зеленым прозрачным маслом.

— Помнишь эту печать? — Ашша протянула ему листок бумаги с нарисованной схемой.

Он никогда не учил ее и не видел ни в одной из книг, но знал из воспоминаний девушки. Этой самой печатью в свое время Фелис вдохнул жизнь в их с Райзом тела.

Къярт кивнул.

— Тогда все просто. Призванная — халат на пол и в ванну, а ты... ты знаешь, что делать.

Еще один кивок.

— Хватит спать, красотка, — Ашша поторопила застывшую Кару. — Я хочу уже поскорее закончить со всем этим и хоть что-нибудь съесть. Хорошо тебе не чувствовать голод. Но мы это быстро исправим.

Кара не спорила. После спора о печатях в первый день их совместного пути, она делала все, что говорили, но делала это так, что Къярт предпочел бы и вовсе ни о чем и никогда ее не просить. Порой ему начинало казаться, что он ненавидит и презирает себя не меньше,

чем она его.

Къярт отвернулся, когда халат соскользнул с плеч Кары на пол. Ему и не нужно было смотреть: только коснуться ее лба и активировать печать — довольно просто, даже с учетом того, что печать должна была поглотить немалую часть его энергии. У него ее было достаточно.

Къярт приблизился к ванне, встретился с Карой взглядом и положил ладонь на ее лоб.

— Не бойся, — неуклюже произнес он и мягко надавил ладонью, погружая в масло с головой.

Печать — довольно мудреная, пусть и не настолько, как та, что позволяла перехватывать чужих призванных. А вот импульс от ее активации был на порядок сильнее: его словно одновременно толкнули в грудь и ударили сзади под колено. На мгновение Къярт потерял равновесие, а его рука едва не соскользнула со лба Кары. Но необходимости касаться ее больше не было.

Резко вынырнув, Кара шумно вдохнула. К ее коже прилиwała кровь, на щеках разгорался жаркий, почти лихорадочный, румянец, тогда как масло утратило свой цвет, поблекло и начало браться комками.

— С днем рождения, — колко сказала Ашша и направилась к двери. — Смой с себя все в душе. Слуги уберут остальное.

Немного помедлив, Къярт вышел следом.

Тело била мелкая дрожь.

Меньше, чем через час, они собрались в одной из столовых особняка — той же столовой-колодце, в которой они обедали вместе с Фелисом. К этому времени котельная заработала на полную мощность, и комнаты наполнились сухим теплом, от которого клонило в сон.

Переставшая кутаться в шерсть Ашша наслаждалась уютом, распространяющимся по поместью вместе с горячим воздухом, и блюдами, приготовленными не своими руками. Къярт и сам был рад наконец попробовать на вкус что-то кроме способного пережить длительные переходы сыра и дичи. А вот Кара и не думала притрагиваться к еде.

— У нее такие же дурные манеры, как и у тебя, — заметила Ашша, промокнув губы салфеткой.

— Кара поест, когда захочет.

— Нет, она будет морить себя голодом и заставлять тебя тратить энергию на поддержание ее сосуда. Такая же самовлюбленная эгоистка, как и ты.

— Отстань от них, — осадил ее Райз.

Все это время он сидел в кресле у камина и молча следил за происходящим за столом. Стоило заподозрить, что что-то не так, когда на его лице слишком долго не появлялось привычных улыбок, но Къярт слишком устал, чтобы придать этому значение.

— Хватит на них бросаться, — продолжил Райз. — Просто скажи, в чем дело.

— С чего ты взял, что...

— Серьезно? — уголок его губ едва дрогнул, но так и не превратился в усмешку. — Не валяй дурака, а говори. Я же вижу, что дело больше, чем в твоей естественной колкости. Так что не так, Ашша?

— А тебе, значит, все «так», раз ты нуждаешься в моих объяснениях? — огрызнулась она. — Только посмотри на себя: Орда еще даже не явилась, а тебя уже угораздило умереть. Как ты вообще собираешься противостоять ей, если не в силах справиться даже с тем, что

уже есть в этом мире, и что Орда, не глядя, сотрет? А ведь я, дура, и правда поверила, что ты на что-то способен; что все старания и жертвы мастера не были напрасны. Что ж, во всяком случае он не узнает о том, что его «избранный», — она вложила в последнее слово все презрение, на которое была способна, — оказался величайшим разочарованием.

— Ашша! — одернул ее Къярт.

— Нет, пусть говорит.

— Зачем, если тебе даже дела нет до моих слов.

— Чтобы ты не держала все в себе? — будничным тоном предположил Райз. — Но ты права. Мне нет дела. Я сказал тебе, что уничтожу Орду. И я сделаю это независимо от того, веришь ли ты в меня — или кто-либо другой — или нет. Так что не забивай себе этим голову и прекращай срываться на других. На мне — пожалуйста. Или для этих целей тебе подходят только те, кто не станет бить в ответ?

— Его обязательно было призывать? — Ашша зыркнула на Къярта и, со скрежетом отодвинув стул, вышла из столовой.

— Райз, — в голосе Къярта звучали слабые нотки осуждения.

— Так для нее же будет лучше. Поверь.

Къярт не спорил. Этот день окончательно его измотал, и сейчас у него не было своего мнения, что для кого лучше, а что — нет.

— Не сидите допоздна.

Райз оставил свое кресло, хлопнул Къярта по плечу и направился к двери.

— Райз, — Къярт окликнул его, и когда тот обернулся, сказал: — Я верю.

Райз хмыкнул и скрылся.

Къярт перевел взгляд на Кару.

По своему обыкновению она хранила молчание; ее брови едва хмурились. Какие мысли обретались в ее голове? Кому на самом деле предназначались произнесенные Райзом слова? Только Ашше, или же он метил сразу в две цели, надеясь завоевать хотя бы толику доверия паладина?

Къярт опустил взгляд в свою тарелку. В разводах приятно горящего на языке соуса лежало еще несколько кусков тушеного мяса, но аппетит совершенно пропал.

— Не буду больше досаждать своим присутствием, — он поднялся из-за стола. — Вся территория дома и прилегающих земель в твоём распоряжении. Только не уходи за их границы, пожалуйста. И ты бы поела, все же.

Помявшись, Къярт оставил ее одну. Конечно, он не ограничился одной только просьбой не покидать поместье Фелиса, но о его безмолвном приказе Кара могла узнать лишь в том случае, если попыталась бы непосредственно нарушить его. Вряд ли она собиралась это делать: она отлично знала, где начинается и заканчивается свобода призванных.

В комнате стояла духота. Ни осеннему, ни даже зимнему холоду было не под силу прорваться сквозь заслон из раскочегаренных труб, огня в камине и раскаленной энергии внутри.

Плотно закрыв дверь — чтобы не впускать ноябрьскую стужу в дом — Къярт открыл нараспашку окно и набрал полную грудь морозного воздуха. На черном, как уголь, небе, рассыпалась мелкая звездная крупа.

Наслаждаясь студящими кожу порывами ветра, Къярт думал о том, что скорее всего Кара питает к нему еще большую неприязнь, чем у него вызывал Фелис. Сколько времени прошло, прежде чем его злость на некроманта улеглась? Случилось бы это так же скоро,

если бы Фелис оставался жив?

Ледяной душ прогнал усталость и лезущие в голову без порядка, вне очереди, мысли. Каким бы ни был этот вечер, заканчивать его и отправляться на ночное судилище не хотелось. Вот бы обходиться без сна так же, как умертвия. Ни усталости, ни сна, ни кошмаров.

Къарт почти решил пойти к Райзу, который пока что еще не нуждался во сне, но тот опередил его.

— Къарт? — после короткого стука, из-за двери донесся его голос.

— Заходи.

Райз открыл дверь и застыл на пороге. На его предплечье висел сложенный вчетверо плед.

— Пойдем. У нас осталось еще одно незаконченное дело на сегодня. Только накинь что-нибудь. Не лето на улице.

— С эссенцией жизни внутри сложно замерзнуть.

— Ну как знаешь, — Райз пожал плечами.

Они спустились на первый этаж, и, выйдя в освещенную полнолунием ночь, направились к котловану за домом.

Кара сидела на предпоследней ступеньке внизу лестницы — там же, где когда-то предавался упадку духа и Къарт.

— Не сиди на камне, — Райз положил плед на ступеньку рядом с девушкой и, когда та не отреагировала, тихо позвал: — Кара?

Та застыла, пряча эмоции под каменной маской, но блестящие от слез, как от росы, скулы выдали ее с головой.

Райз вздохнул и, взяв Кару за плечи, бесцеремонно пересадил на плед; накинул на нее свою куртку и опустился на ступеньку рядом. Къарт сел от девушки с другой стороны.

— Тоже мне: отморожу уши маме назло, — Райз усмехнулся. — Тебе следует запретить ей вредить себе.

— Райз, — Къарт нахмурился.

— А что делать, если она решила вести себя, как капризный ребенок? Везет же мне: только с тобой разобрались, и вот снова здорово, — он взглянул на так и не шелохнувшуюся Кару. — Ты даже не представляешь, как мне пришлось изворачиваться, чтобы уговорить Къарта не лезть в петлю. Я обязательно когда-нибудь расскажу.

Райз запрокинул голову и посмотрел в небо.

— Мы не хотели ничего этого, — задумчиво протянул он. — Нас вообще не должно было здесь быть. В этом мире. Собственно, как и не должно было быть в живых. Мы с Къартом родились в другом мире: в разных, не в одном. Там же погибли, выполняя каждый свое задание. А затем Фелис Истлен Енкарта призвал наши души и сказал, что мы должны уничтожить Орду. Идея принадлежала не ему, а некой «высшей силе», о которой мы до сих пор так ничего и не знаем. Но учитывая все, что произошло с нами за те полгода, что мы здесь, и то, что об этой «высшей силе» говорил не только Фелис, но и люди из мира, соседствующего с этим, того, который сейчас разоряет Орда — она действительно существует и у нее есть план, в котором мы должны сыграть свою роль. Знаю, знаю, звучит совершенно неправдоподобно, можешь даже не говорить.

Она и не собиралась. Уставившись в землю, Кара молчала, но Къарт, все это время следивший за ней, видел, как меняется ее взгляд.

— Ты можешь и дальше презирать нас и ненавидеть, — продолжил Райз. — Но легче тебе от этого не станет. И знаешь, — он улыбнулся, — на твоём месте я бы все же вычеркнул Къярта из списка злодеев. Он законченный добряк и к тому же пацифист. Пацифист настолько, что порой это начинает смахивать на идиотизм — ты это и сама скоро поймешь. Имей ввиду: вынудив убить тебя, ты нанесла ему неизгладимую душевную травму. Я — мастер в толковании его постных мин, так что можешь поверить мне на слово.

И снова ответом ему была тишина.

Къярт не знал, что добавить, и нужно ли, или уже достаточно того, что он просто здесь сидит.

— Помнишь, на благотворительном балу, устроенном Братством в Руфероне, я сказал, что знаю истории более мрачные, чем твоя? В тот раз я имел в виду истории наших с Къяртом прошлых жизней. Мы расскажем их тебе, когда ты захочешь услышать. А пока что вот немного того, что тебе следует знать уже сейчас.

Райз наклонился, подобрал с земли небольшой камень и с силой постучал им по ступеньке, будто проверяя на прочность, после чего продемонстрировал его Каре. Та посмотрела на камень.

Райз положил его на ладонь и сжал кулак. Камень хрустнул, и на землю просыпалась горсть мелкой крошки.

— Фелис не просто призвал нас с Къяртом. Он сделал его некромантом и наделил силой поглощать жизненную эссенцию. Мне же досталось умение видеть окрашенную эмоциями энергию духа. И в некотором роде управлять ею. Например, грусть, тоска, отчаяние делают вещи хрупкими. Предположительно, они как-то повреждают атомную решетку веществ. Наука Афракского Союза что-то знает об атомах?

— Пока еще нет, — ответил Къярт.

— Ничего. Когда-нибудь откроют, и не только это. В этот раз Орда не сможет отбросить цивилизацию на века назад.

Райз поднялся на ноги и приглашающе качнул головой.

— Идем в дом, Кара.

Къярт не ожидал, что она послушается, и уж тем более не думал, что она ответит.

— Я хочу остаться здесь, — переборов себя, ровным голосом произнесла она.

— А я хочу, чтобы ты перестала морозить нос. И Къярт, думаю, тоже. Но так как он не будет указывать тебе по своему собственному этическому кодексу некроманта, эту неблагодарную задачу придется выполнять мне.

Кара не собиралась ни уходить, ни говорить что-то еще.

— Кара, посмотри на меня, — попросил Райз. — Кара.

Едва прищурив глаза, она подняла на него взгляд.

— Мы не враги тебе. Дай нам время доказать это.

Он улыбнулся и приглашающе протянул ей руку.

Утром, сразу после завтрака, Райз позвал Къярта и Кару в одну из гостиных поместья. Он предлагал присоединиться и Ашше, в ответ на что та фыркнула и, сказав, что у нее и без того полно дел, заперлась в лаборатории.

Райз хотел обсудить дальнейший план действий. За время их двухнедельного пути к дому Фелиса Къярт пересказал все то, что узнал из воспоминаний Кары о текущем положении дел в Афракском Союзе. Как и говорили остановившие их у Копрала паладины, некроманты одновременно напали и на южные и на северные территории. И если первое легко объяснялось кровопролитным конфликтом между соседями, а, значит, и возможностью пополнить армии мертвых, то с атакой на севере дело обстояло куда запутаннее. Ковен, напавший на Тхаутский рудник, не отличался многочисленностью. Братство вообще не подозревало о его существовании. Или же о нем не знали только рядовые бойцы вроде Кары. Однако, некромантам хватило сил, чтобы ударить по защищенному объекту и полностью сломить его защиту. Пускай, рудник с заключенными не являлся важным стратегическим местом, но за его охрану отвечало десять паладинов, и ни один из них не уцелел. Примечательнее всего было то, что охранник, сумевший сбежать, все твердил, что ковен использовал не привычные умертвия, вроде человеческих скелетов или убитых и поднятых лесных хищников, но настоящее чудовище, размером не меньше исполина. Оно и смело основную защиту рудника.

Зачем ковен напал на рудник с простыми людьми, когда в его распоряжении находилось целое чудовище? И почему целью стал рудник на севере, когда южное направление представляло куда большую ценность? Возможно, этот ковен основали некроманты, отвергнутые другими, и теперь набирались сил вдали от тех, кто мог эту силу отнять.

— Устроили в руднике разбой и сразу ушли на север, к Непрадскому полуострову, верно? — переспросил Райз, поглаживая пальцем резьбу на подлокотнике кресла.

Къярт кивнул. Отправленные следом за ними паладины доложили именно об этом. Их задачей была разведка, а не устранение цели. Братство не могло позволить себе отправить отряд зачистки и ограничилось небольшой группой, которая должна была запереть новоявленный ковен на севере до поры, когда проблема с некромантами Хепраса и Агруа разрешится.

— Сначала, как и планировали, заглянем в Руферон. Нужно получить у Регрора официальное разрешение для Кары сопровождать нас. А то еще решит, что мы ее похитили.

Кара одарила его долгим взглядом, но Къярт не мог не отметить, что по сравнению с вчерашним вечером в нем поубавилось неприязни.

— Из Руферона поедем на север. Попробуем найти некромантов из напавшего на рудник ковена.

— С какой целью? — спросила Кара.

— Получить информацию и забрать то, что пригодится и нам самим. К примеру, то чудовище, которое якобы сопровождало некромантов. Если его силы достаточно, чтобы разобраться с десятком паладинов, против Орды оно тоже сгодится. С миру по нитке. К тому же, я предполагаю, что это чудовище могло взяться только из двух мест: оно или было относительно недавно заброшено сюда самой Ордой, или лежало в земле еще со времен предыдущей войны.

Къярт качнул головой, догадавшись, к чему ведет Райз. Если один из ковенов поднял монстра, когда-то бывшего частью Орды, есть вероятность, что кроме него есть и другие. Кладбище крепких тварей — неплохое подспорье в грядущем противостоянии.

— Полагаете, ковен вот так просто отдаст свои мертвия?

— Будто мы будем спрашивать разрешение, — хохотнул Райз. — Ты же знаешь, что некроманты могут перехватывать контроль над чужими мертвиями и призванными?

Кара нахмурилась и отрицательно качнула головой.

— Мне достаточно видеть цель, — пояснил Къярт.

Морщинка между бровей Кары стала глубже. Несложно было догадаться, о чем она думала: если Къярт мог отбирать собственность других некромантов, значит, могли и остальные.

— Завладеть чужим призванным довольно сложно, — продолжил он. — Для этого по меньшей мере нужно превзойти объемы энергии, которые удерживают печать. Можешь не беспокоиться о том, что другой некромант получит над тобой контроль.

— По этой же причине мне не удалось разрушить твои печати?

— Я не знаю. Мне не так много известно о силе паладинов, как, собственно, и о силе некромантов.

— Думаю, — заговорил Райз, — вряд ли кто-либо вообще способен перехватить контроль над душой паладина. Но мы, конечно, не будем это проверять.

На этом обсуждение плана закончили.

Выбор Райза был разумен. Сейчас перед ними лежало всего два пути накопления сил: присвоение ресурсов, которыми владели некроманты, и возвращение к жизни павших паладинов. Но даже Кара не знала, где находятся захоронения Братства, и, кроме того, заводить разговор о чем-то подобном сейчас — не лучший способ добиться ее расположения. В итоге не оставалось ничего другого, как устраивать набеги на некромантов. И так как южная кампания вряд ли была им по зубам, их путь лежал на север — после того, как все дела в поместье будут завершены.

Для проведения еще одного ритуала оживления физической оболочки пришлось подождать пару дней. Райз вернулся к тренировкам с глефой, которая одним только чудом все еще была при нем; Къярт занялся изучением архивов Фелиса. Он хотел найти способ, который позволил бы ему поддерживать жизнь тел Райза и Кары. Как-то раз Фелис упоминал печати, благодаря которым физические оболочки могли ускоренно регенерировать за счет энергии, передаваемой через печать призыва.

Когда прошли оговоренные два дня, Къярт уже знал, какие печати потребуются. Оставалось только вернуть тело Райза к жизни.

Его состояние оказалось значительно хуже, чем у Кары. Проклятие Аелитт не только отравило организм, но и разрушило часть органов, так что на подготовительном этапе пришлось нанести намного больше печатей, и еще часть требовалось применить уже по живому. Однако, Къярт хотел проверить свою находку, заменив ею второй этап.

В ответ на озвученное предложение Райз наградил его пристальным взглядом и, бахвалясь, заявил, что вполне способен потерпеть, пока Къярт не закончит со своими экспериментами: вряд ли с ним могло произойти что-то более неприятное, чем дурно пахнущий травяной настой, который Ашша заставила его выпить перед ритуалом.

Райз лег в наполненную маслом ванну, и Къярт положил ладонь на его лоб, приготовился к отдаче от активации печати. В этот раз импульс оказался еще сильнее, чем в

случае с Карой.

Къярт пришел в себя не сразу и расфокусированным, затуманенным взглядом уставился на блестящую от масла спину Райза. Тот, перегнувшись через борт ванны, склонился над предусмотрительно прихваченным Ашшей ведром.

— Ты же не думал, что возвращение тела к жизни — приятная процедура? — едко поинтересовалась она.

— Даже мысли такой не было, — выдохнул тот, и его снова стошнило.

— Ничего, настойка поможет очистить организм, — Ашша перевела взгляд на Къярта. — Не затягивай с той своей печатью. Само оно не пройдет. Хотя можешь оставить все так, как есть: помереть он не помрет, зато мне приятно будет.

— Тебе не те вещи приятно делают, — выдавив улыбку, огрызнулся Райз.

Ашша состроила в ответ гримасу и вышла из комнаты.

Печать, как назло, с первого раза не получилась. И когда спустя четверть часа Къярт наконец-то смог заставить ее работать, Райз был таким же бледным, как и тогда, когда по его венам еще не текла кровь.

— Я уж было начал сомневаться, что снова не помру, — усмехнулся тот, откинувшись на стенку ванны и прикрыв глаза. — Спасибо, дальше я уже сам.

— Ты себя нормально чувствуешь?

— Да, жить буду. Я немного переведу дух, и продолжим твои эксперименты. Есть у меня парочка идей.

Сперва Райз хотел проверить эффективность исцеляющей печати. Къярт опасался, как бы все не зашло слишком далеко, но Райз не стал отрезать себе пальцы или наносить какой-либо другой критический ущерб, ограничившись несколькими порезами и одной колотой раной, на заживление которой ушло две минуты.

Второй идеей было получение такого же чудесного исцеления и для Къярта.

— Если в подворотне какой-нибудь пьяница случайно выстрелит тебе в голову, наша песенка спета, — сказал Райз. — И это лишь один из множества вариантов, когда что-то может пойти не так. Раньше нам с горем пополам хватало простой осторожности, но если в скором времени ты станешь мишенью... С этим нужно что-то делать.

— По этой причине некроманты и не высовываются без лишней надобности, — заметила Ашша.

Подобрав ноги, она сидела в кресле и источала недовольство. Ей не нравилось, что Райз вытащил ее из лаборатории, но тот не принимал отказов.

— А у нас такая надобность есть. Ну так что, будут варианты?

Вариант был. Къярт знал о нем из воспоминаний Ашши, но не мог выудить из недр сознания детали. В последнее время он стал замечать, что порой ему сложно вспомнить отдельные моменты из чужих жизней, особенно если речь шла о незначительных вещах. Конечно, мелочи зачастую не помнили даже те, кто эти жизни непосредственно проживал, а уместить в одной голове истории сразу нескольких человек... Его мозги были способны на большее, чем мозги простого человека, созданного природой в женской утробе, а не на алтаре некроманта, но осечки случались, и Къярт подмечал их все чаще.

— Да, есть одна печать, — подтвердила Ашша. — Грязное средство. И не слишком удобное. Я не слышала ни о ком из ныне живущих некромантов, кто обращался бы к этому методу.

— Ашша, не тяни.

Девушка пронзила Райза взглядом и продолжила после нарочито долгой паузы:

— Печать, о которой я говорю, связывает тело некроманта с телом другого живого человека. В случае ранений, травм и болезней она переносит полученный урон на связанного человека и забирает у того жизненные силы для исцеления некроманта. У нее значительные сопутствующие расходы, так что при получении некромантом тяжелой раны, связанный с ним человек с большой вероятностью умрет. Если же он не отличался крепким здоровьем, то его убьет и рана средней тяжести. Чего ты ухмыляешься?

— Ты так сгущала краски, что я уж было подумал, что придется принести в жертву младенца или, на худой конец, девственницу.

— А ты бы принес?

— Нет, — губы Райза растянулись в широкой улыбке. — Мне бы попросту не позволило это сделать наше воплощенное благородство.

Не сговариваясь, они перевели взгляд на Къярта, тогда как Кара замешкалась и посмотрела на него последней — с толикой непонимания и недоверия.

Пускай сейчас вопрос не стоял в младенцах или девственницах, но перспектива отправить на смерть кого-то вместо себя пришлось Къярту совершенно не по вкусу. Конечно, если не подставляться, никто не пострадает, но рассчитывать на то, что все обойдется, было глупо — как и глупо спорить, понимая, что от его жизни зависит, сможет ли этот мир противостоять Орде или нет. Къярт не преувеличивал собственную значимость, но, как бы там ни было, жизнь Райза напрямую зависела от его.

Поэтому он просто сидел, сверлил напарника взглядом, не возражая, но и не скрывая своего недовольства, и ждал, когда тот наконец продолжит.

Райз хмыкнул и обратился к Ашше:

— Ты сказала, что нужен живой человек. Именно живой человек или живое тело?

— Вообще-то живое тело, так как..., — Ашша осеклась, смекнув, что к чему. — Нет. Глупость. Тебе не кажется, что это было бы слишком: его раны передаются тебе, и исцеляющая печать их тут же излечивает. Будь это возможным — и все вокруг только так и делали бы. Это чушь.

— Почему чушь? В любом случае Къярту придется тратить энергию. Так почему она не может трансформироваться подобным образом? А насчет остальных некромантов: мне казалось, они в некотором роде ограничены запасами эссенции жизни. Или нет?

— Ограничены. И уж точно не таскают ее в себе.

На лице Ашши появилось сомнение.

— Так это возможно, или ты точно знаешь, что нет?

— Наверняка я не знаю, — призналась она. — Я не слышала, чтобы кто-то когда-либо пробовал подобное. Некроманты, знаешь ли, не практикуют возвращение к жизни тел призванных.

— Видишь, — Райз с прищуром посмотрел на Къярта, — и никаких тебе преступлений против совести.

— Отвяжись уже, — бросил тот.

Он до последнего сомневался, что у них получится, пусть опыт и говорил, что идеи Райза в большинстве своем работают. Сработало и на этот раз. Правда, не с первой попытки, а потому Ашша попросила дать ей время, чтобы переделать печать. Исправив ее трижды, она предложила рабочий вариант.

Впрочем, работала она с относительной стабильностью: урон переносила безотказно,

но далеко не всегда у нее получалось скопировать ранение. Иногда метод давал осечку, и вместо переноса повреждений как есть, она банально наносила организму соразмерный ущерб.

— Что ж, одна запасная жизнь хорошо, а три — лучше, — сказал Райз, когда Къярт поставил на нем достаточно экспериментов и убедился, что печать работает и не конфликтует с печатью, которой полагалось исцелять самого Райза. — Если у кого-то есть возражения по этому поводу, то я напомним, что это не только запасные жизни для Къярта, но и для каждого из нас.

Возражать никто не стал: ни Ашша из вредности, ни Кара, какие бы у нее ни были причины для сомнений. Къярт не мог требовать от нее другого, пусть и надеялся хотя бы не прочесть в ее взгляде доли разочарования, когда она поняла, что теперь так просто его убить не получится. Его надежды себя не оправдали.

— Эти печати может разрушить паладин или кто-либо другой? — вопрос Райза прозвучал как нельзя кстати.

— Нет. Теоретически, это возможно, если уничтожить душу самого некроманта: пусть на стороне забирающего ранения она прикреплена напрямую к физической оболочке, то на стороне некроманта она связана с душой и уже через нее — с телом, — произнесла Ашша и задумалась. — Хотя я не уверена. Но если это случится, не думаю, что кому-то будет дело до того, что произойдет с его телом после.

Следующим утром троица выехала в Руферон.

Два дня пути, и на горизонте выросли стены города. В этот раз ворота стерег всего один паладин. Как и другие отделения, руферонское отправило почти всех своих бойцов на юг, оставив для охраны города самый минимум.

Визит в Руферон был рискованной затеей. Будь у Кары такая возможность, и она не задумываясь выдала бы их Братству. Поэтому на подъездах к городу Къярт еще раз перебрал все поставленные Каре запреты, проверяя, что у нее не осталось лазейки, через которую она могла передать главе отделения сообщение. Кара понимала, чем он занимается, и намеренно сверлила его взглядом, отчего Къярт чувствовал себя особенно гадко.

Регрор находился в своем кабинете. Енкарты, вероятно, никогда бы и не удостоились приглашения в святая святых, если бы не Кара. Они отпустили ее одну с условием, что когда она закончит со своим докладом, то сообщит главе об их визите.

Те двадцать минут, которые она провела в его кабинете, дались Райзу нелегко. Внешне он оставался все так же невозмутим, но Къярт видел его взгляд, которым тот смотрел сквозь стену, разделяющую их и Регрора — следил за малейшим изменением в энергии духа. Но все шло так, как и планировалось.

— Господа Енкарты, — Кара открыла дверь и наградила Къярта тяжелым взглядом.

— Проходите, парни, — Регрор поднялся из-за стола и приглашающе махнул рукой. — Раяда, можешь быть свободна.

Регрор обустроил кабинет в ощутимо сдержанной манере: никакой золотой лепнины на потолке и аляповатых украшений — только стол, шкаф с документами и две кадки с карликовыми деревьями по обе стороны от входа. Не было даже кресел для гостей. Единственными, кого глава отделения принимал в своем кабинете, были его подчиненные, и им полагалось стоять, вытянувшись по струнке, а не проминать сиденья.

— Давно о вас ничего не было слышно, — заметил Регрор, когда Кара закрыла дверь с обратной стороны. — Я даже начал беспокоиться, как бы вы опять не сунули головы туда,

куда не следует.

— Мы были предельно осторожны, — Райз сдержанно улыбнулся.

— Отраднo слышать. Что ж, — Регрор опустил взгляд на разложенные на столе бумаги, — у меня сейчас полно дел, но вы и сами понимаете. Хотите снова воспользоваться библиотекой? Я не могу выделить вам в помощь человека, но вы, помнится мне, и сами отлично справлялись.

— Вообще-то мы здесь как раз для того, чтобы побеседовать о людях. Мы хотели попросить вас назначить госпожу Далоран нам в сопровождение. От сегодняшнего дня и на неопределенный срок.

Регрор едва нахмурил брови.

— С какой целью?

— У нас запланировано несколько дальних путешествий. А учитывая нынешние тревожные времена...

— Парни, я же просил вас оставить эти забавы. Возвращайтесь в поместье и сидите там, пока мы не разберемся с некромантами на юге, а еще лучше — до весны. Хватит искать приключения.

Улыбка Райза стала шире.

— Спасибо за совет, но у нас другие планы, которые никак не поменять. Сопровождение госпожой Далоран — их неотъемлемая часть.

Регрор мрачнел все больше. Он понимал, что Енкарты не отступятся, и если он не даст своего человека, вероятно, окажутся убитыми каким-нибудь некромантом или простым головорезом, на чем финансирование ими руферонского отделения и завершится. Но и превращать своих бойцов в наемных охранников ему не хотелось.

— Раяда — сильнейший из моих воинов. В условиях агрессии на юге...

— Разумеется, компенсация за то, что мы лишаем вас такого бойца, будет соответствующей, — Райз позволил себе перебить Регрора.

Сопrotивление главы отделения заметно пошатнулось, но выстояло.

— Парни, я прекрасно вас понимаю: кто бы не хотел себе в сопровождение красивую девушку, а не хмурого вояку? Но у Раяды сложный характер, и она привыкла работать в одиночку. Я могу дать вам другого талантливoго бойца. Так для вас же будет лучше и спокойнее.

— Мы отлично ладим с госпожой Раядой. Можете сами у нее спросить. Уверен, она не откажется от этого задания.

Регрор смерил пристальным взглядом не снимающего с лица улыбки Райза и покачал головой. Вряд ли он и в самом деле считал, что Кара причинит серьезный вред гражданским, даже если те позволят себе лишнего. Скорее допускал, что их общение могло обернуться нежелательным конфликтом. Однако, вероятность ухудшения отношений с Енкартами в будущем несла куда меньше убытков, чем гарантированный конфликт уже сейчас.

— Хорошо. Через час Раяда будет приставлена к вам с целью сопровождения и защиты. До дальнейшего распоряжения.

— Примите нашу благодарность, — Райз кивнул. — Мы будем ждать ее через час у главного входа в отделение, а пока решим все необходимые вопросы с банком.

Он многозначительно улыбнулся и, попрощавшись, они оставили кабинет.

Кроме подписания бумаг, необходимых для нового перевода средств на счет руферонского отделения Братства, нужно было пополнить собственные запасы наличных

денег и, по возможности, восстановить родовые листы. Решивший расстараться клерк обещал лично обо всем позаботиться и предоставить готовые документы уже через парутройку часов.

Бумажная волокита заняла куда больше времени, чем рассчитывал Райз, и когда они подошли к отделению Братства, Кара уже ждала их.

— Как вам удалось уговорить Регрора? — спросила она.

— Так же, как и всегда, — Райз пожал плечами. — В Братстве все решает толщина кошелька. Тебе ли этого не знать.

Кара промолчала. Вряд ли для нее было секретом, что далеко не все поступающие паладинам средства шли на содержание Братства. А вот то, что оно пользовалось услугами «ручных» некромантов, она не знала, и Къярт, как и Райз, не спешили ставить ее в известность. Пока что с нее хватало и тех потрясений и разочарований, что были.

До поезда на Непрадский полуостров оставалось несколько часов — достаточно, чтобы забрать из банка документы и заглянуть в один из торговых домов Руферона: сменить мундир паладина на нечто менее приметное и более подходящее для северных холодов.

Когда Кара закончила с покупками и облачилась в светло-серый полушубок, они направились в банк.

С родовыми листами, подкрепленными звонкой монетой, не составило особого труда договориться о перевозке двух гривов и коня: всего пара минут символических уговоров — и секретарь управляющего вокзалом уже бежал с поручением прицепить к пассажирскому составу один грузовой вагон.

Этот поезд разительно отличался от того, в котором как-то довелось ехать Къярту. Возможно, в вагонах, не предназначенных для знати, и стояли выдавшие виды лавки, пахло домашней птицей и навозом, но тот, в котором разместили троицу, больше походил на гостиную зажиточного дома: с ковром от стенки до стенки, мягкими креслами и барной стойкой. Кроме общего помещения, в котором наслаждались поднесенным вином еще четверо представителей высшего сословия Руферона, в вагоне было восемь комнат для сна.

На этот раз Къярт не стал отказываться от выпивки. Сидя в кресле, он смотрел на пролетающие за окном нагие кусты, чьи драматичные абрисы выхватывал из темноты свет вагона, и думал о том, как много времени прошло — полгода с того самого момента, как он впервые услышал стук колес поезда.

— Решил предаться хандре, раз выдалась свободная минутка? — поинтересовался Райз.

Он сидел в кресле рядом, спиной к проходу вагона, а Кара — напротив Къярта.

— Просто наваяло воспоминания, — Къярт поставил бокал с вином на круглый столик, накрытый скатертью с золотистой бахромой. — Впервые поезд мне показала Мерлен. До этого я даже не знал, что существуют длинные экипажи, едущие по металлическим балкам.

Райз понимающе кивнул, а Кара спросила:

— Кто такая Мерлен?

Къярт не знал, как ответить.

Последнее время он ловил себя на мысли, что прошлое перестало преследовать его при свете дня. Конечно, он не мог забыть ни Мерлен, ни Иеро. Они продолжали навещать его в кошмарах, но вместе с ними же и уходили, и Къярт чувствовал себя почти свободным. Однако, стоило ему оказаться в этом чертовом вагоне, и воспоминания набросились на него стаей выскочивших из подворотни псов.

— Девушка из другого мира. Не того, из которого я. Из соседнего.

Къярт рассудил, что такая характеристика лучше, чем «из того, который я уничтожил». Однажды предстояло рассказать и это — когда-нибудь, не сейчас. Сейчас эта деталь его биографии уж точно не выиграла бы для него очков в глазах Кары.

— Она была мне небезразлична, — добавил он, посчитав свой ответ недостаточным.

— Была, потому что..., — Кара оставила фразу незаконченной.

— Потому что ее убили. Я не смог этому помешать.

— Она погибла бы в любом случае, — тихо заметил Райз. — Твоей вины в этом нет. Знаю, это слабое утешение, но все же с тем, как все сложилось, смириться легче, чем если бы ты разрушил мир, в котором Мерлен была бы еще жива.

Къярт поднял на Райза тяжелый взгляд. Похоже, у того было отличное от его представление о том, что и когда следует узнать Каре. Хорошо еще, что другие пассажиры разбрелись по своим комнатам. Остался только официант за стойкой, клюющий носом под мерный стук колес.

— Я бы не стал, — ровным тоном произнес Къярт.

— Ага, как же. Это было необходимо.

— Нет. Был другой выход.

— О котором ты не знал. Ты считал, что должен это сделать, и в итоге сделал бы.

— Нет.

— Сам себя обманываешь. Ты постоянно все оттягиваешь до последнего, упираешься, споришь, но в итоге все равно делаешь.

Къярт двинул желваками. Удивительно, но Райзу таки удалось вывести его из себя. Какого черта он вообще затеял этот разговор? Решил таким образом избавиться от тоски?

— Хочешь сказать, что я каждый раз сдаюсь? — Къярт понизил голос.

— Хочу сказать, что каждый раз ты в итоге берешь на себя ответственность.

Принимаешь решение.

— А если решение неверное?

— Лучше принять плохое решение, чем трусливо отсиживаться в углу, пока остальные все решают за тебя.

— Но в прошлый раз ведь именно так все и вышло.

— Ты не отсиживался в углу.

— Но и решение мне навязали.

Они пронзили друг друга взглядами — совсем как в те времена, когда Къярт еще толком ничего не знал о Райзе и не понимал, что тем движет.

— Ого, — подытожила Кара. — Даже не знаю, как и реагировать. Та фраза, про уничтожении мира была фигурой речи, да? Ты устроил государственный переворот? Сверг тирана? Привел к власти?

— Нет, это не была фигура речи, — сдержанно ответил Къярт.

— В некоторой мере была, — поправил Райз. — Все же речь шла не о целом мире, а всего лишь о планете.

— Да, «всего лишь», — едко бросил Къярт и встал со своего места. — Хватит с меня на сегодня разговоров.

Не дожидаясь чужой реакции, он ушел в свою комнату.

Къярт злился. Не сильно и не на Райза, а, скорее, на себя, пусть и сам не знал, за что. За то, что действительно начал отпускать прошлое, пусть и обещал себе никогда о нем не забывать? Или же за то, что это началось в те дни, когда он находился в плену у Аелитт? Он

ведь не забывал, но... задвинул мысли о былом подальше, и сейчас это казалось неправильным. С определенной точки зрения. Все же Райз был прав: Къярт не мог винить себя в произошедшем вечно. Чертов Райз.

Как и всегда Къярт проснулся еще до рассвета.

Приоткрыв окно и вдыхая студеной воздух, он смотрел на светлеющее небо.

— Полегчало? — с беззлобной усмешкой поинтересовался присоединившийся к нему Райз.

Кроме них в общем зале никого не было: все пассажиры крепко спали и даже официанта было не видеть.

— Немного, — нехотя признался Къярт. — По правде говоря, я не думал, что это так сильно меня заденет.

— Всего-то полгода прошло. Это недостаточный срок, чтобы забыть. Уж точно не для тебя. Аелитт, конечно, старалась, как могла, но...

— Отвяжись, ладно? Я ведь тоже могу напомнить тебе о твоих симпатиях.

— Тоже? Значит симпатия таки имела место быть, — Райз победно улыбнулся.

— Заткнись уже, — лениво огрызнулся Къярт и добавил после недолгого молчания: — Кара спрашивала что-то еще?

— Нет. Ей хватило того, что она услышала до твоего драматического ухода.

— Уверен, что стоило так все вываливать? Она еще с остальным-то не смирилась. А теперь и подавно будет считать меня монстром.

— Единственный, кто считает тебя монстром, это ты сам. К тому же мы обещали быть с ней честны. Пусть она узнает обо всем раньше, а не тогда, когда это сможет пошатнуть только начавшее появляться доверие.

— Да, симпатия определенно имеет место быть, — Къярт не стал упускать бесценной возможности отплатить Райзу его же монетой.

Тот покосился на него и рассмеялся.

Четверо суток — именно столько занимала дорога на поезде из Руферона в Углар, город на узком перешейке между материком и Непрадским полуостровом. Когда-то Углар был крепостью, через которую проходили все караваны на юг, уплатив при этом немалый налог. Затем правление Союза рассудило, что одних поборов недостаточно, чтобы убедить соседа перестать носиться со своей независимостью, и полуострову устроили настоящую торговую блокаду. Непрад мог обойтись без притоков золота из-за границы, но прекращение поставок зерна из Афракского Союза означало неминуемый голод.

На землях Непрада не росло ничего, кроме сосновых лесов, а ближе к северной части полуострова они и вовсе превращались в нагую тундру. Сколько не проводи мелиорацию, холода, которые могли ударить даже посреди лета, не способствовали развитию сельского хозяйства. Непрад располагал добротным флотом, но флот был рыболовецкий, и вариант отправить корабли в обход Афракских земель и начать торговлю с южными странами нес с собой неоправданные риски. Так государству на отшибе мира не осталось ничего другого, как поставить все на охоту и рыбный промысел, которых уж никак не хватало, чтобы у граждан не возникало желания сбежать в лишенный тягот Афракский Союз. Тот это только поощрял.

Когда король Непрада осознал, что так или иначе его подданные перейдут под крыло соседа, он сложил свои полномочия, а Непрадское королевство стало зваться Непрадскими землями Афракского Союза.

Однако, не прошло и четверти века, как полуостров снова оказался под блокадой. На улицах Углара только и говорили что о беженцах, успевших покинуть приграничные села Непрадских земель до того, как Братство перекрыло перешеек. Те, кто успел породниться с жителями полуострова, обвинял правление Союза в том, что они бросили своих же граждан на произвол судьбы; другие считали, что лучше так, чем если бы напавшие на Тхаутский рудник некроманты начали разорять земли в округе. Сейчас же те оказались заперты на полуострове и не угрожали территориям южнее Углара. Правда, горожане побаивались, что если некроманты решат прорываться на материк, именно на Углар обрушится основной удар, а местное отделение Братства, отправившее половину людей на юг, не сможет защитить город.

Но пока что некроманты не высывались, и только редкие столбы дыма, время от времени поднимающиеся в небо на севере, напоминали, что в Непрадские земли пришли тревожные времена.

На перешейке правил холод. Если в Руфероне с неба падала холодная морось, то в Угларе в воздухе кружили редкие снежинки, а лужи сковала ледяная корка. Но привыкшие к холодам и дующим с моря ветрам жители обходились легкими кожаными куртками, и только женщины изредка кутались в цветастые шали.

Прежде чем соваться в самую гущу неприятностей, Райз хотел немного осмотреться и разузнать о положении дел на полуострове. Договорившись с начальником состава о том, что гривы с лошастью еще какое-то время побудут в грузовом вагоне, троица окунулась в полную суету уличную жизнь Углара.

Не смотря на то, что торговля с Непрадским полуостровом прекратилась, в городе было что и кому продавать. Многие торговцы прибыли в город накануне его закрытия, и теперь

им оставалось либо же везти все назад и терпеть убытки, либо же попытаться продать товар в самом Угларе. Внезапно выросшее предложение уронило цены на рынке, и к тревогам по поводу близкого соседства с некромантами прибавилось еще и недовольство местных ремесленников. Углар гудел, не переставая, постоянно меняя место средоточия возмущений: с рынков и ратуши днем на бары и скверы ночью.

— Чем только занимается местное отделение? — прошипела под нос Кара.

Они шли по одному из торговых кварталов города, где к расположившимся на первых этажах лавкам прибавились выросшие совсем недавно палаточные ряды приезжих торговцев.

— В чем дело? — Райз замедлил шаг.

Кара бросила на него мимолетный взгляд, затем на Къярта, будто бы решая, стоит говорить или нет, но в итоге решила:

— Здесь некромант. Прямо под носом у паладинов.

Къярт не согласился бы насчет носа. За те пару часов, что они бродили по улицам, слушая сплетни, им не встретился ни один боец Братства, только частые отряды городской стражи, мечущиеся из стороны в сторону в попытке унять вспыхивающие тут и там свары.

— Кто-то из приезжих торговцев?

— Нет, — Кара отрицательно качнула головой. — Она.

И взглядом указала в сторону кукольной мастерской, у витрины которой остановилась женщина с двумя детьми: девочкой лет пяти и мальчиком, раза в два старше. Девочка прилипла к стеклу лавки и разглядывала выставленные на витрине куклы, тогда как парнишка дергал женщину за рукав и упрашивал пойти домой.

— Та, что с детьми?

Къярт надеялся получить отрицательный ответ, но Кара утвердительно качнула головой.

— Пообщаемся с ней, — Райз улыбнулся. — Возможно, ей известно о некромантах на полуострове, их численности и ресурсах.

— Райз? — от его улыбки Къярт не ждал ничего хорошего.

— Проследим за ней, — продолжил тот. — Подождем, пока она останется одна. Без свидетелей. Кара, тебе обязательно видеть ее, чтобы выследить?

— Нет. Главное не отходить слишком далеко.

— Тогда мы всецело полагаемся на тебя. Не стоит давать ей лишний повод для беспокойства.

Умения Кары позволяли ей держаться на расстоянии до двух сотен шагов, прежде чем она начинала терять ощущение присутствия некроманта. Чем ближе было до цели, тем точнее она могла определить, кто именно из разношерстной толпы им являлся.

Купив для дочери маленькую тряпичную куклу, женщина еще какое-то время походила среди торговых рядов. Когда в ее корзинке прибавилось овощей и яблок, она повела детей прочь из людного и суматошного центра. Она направлялась к западной части города, застроенной тихими трехэтажными домами, в чьих дворах на деревьях висели детские качели, а на бельевых веревках — задубевшие от холода простыни.

Двор дома, в котором жила некромантка, ничем не отличался от остальных. Не отличался и сам дом: без особых изысков, но добротный, как и все вокруг построенный из сруба, хорошо противостоящего зимним холодам.

— Райз, что ты собрался делать? — спросил Къярт.

Они остановились за густыми зарослями терновника, откуда открывался отличный вид на завешенный стиркой двор и окна второго и третьего этажей дома, в котором скрылась

некромантка.

— Узнать, что ей известно, я же говорил, — Райз сделал вид, что не понял, о чем именно его спрашивают.

— Не нужно ей вредить.

— Это уже как получится. Она, как никак, некромант, и твое милосердие здесь неуместно.

— У нее двое малолетних детей.

— Которые однажды тоже станут некромантами, — Кара вмешалась в разговор. — И лишат многих других детей их отцов и матерей.

— Ты не можешь этого знать.

— Я ведь говорил, что Къарт у нас пацифист, — Райз усмехнулся. — Видишь, теперь Кара считает, что ты благоволишь некромантам.

— Она и раньше так считала, так что я как-нибудь переживу ее немилость. А ты даже не смей укорачивать жизнь этой женщине.

— Ладно, ладно.

— Знаю я твое «ладно». Я серьезно, Райз. Может, она не возвращала к жизни никого, кроме котов для детей. Нельзя ее казнить только за то, что она — некромант.

— Вот же пристал. Ничего я ей не сделаю, если она меня не вынудит, — сдался Райз. — Доволен? — Къарт кивнул. — Ждите меня здесь. Внутри кроме нее и детей — никого, и...

Райз осекся, когда входная дверь дома скрипнула, и предмет их обсуждения вышла во двор.

— Все будет даже проще, — шепотом закончил он.

Эта женщина ничем не отличалась от других горожанок. Темные, с редкой проседью волосы, забранные под теплый платок; руки, привыкшие к труду, и спокойный, немного усталый взгляд. Она вышла на улицу с широкой корзиной, поставила ее на землю у ближайшего к зарослям терновника бельевого ряда и принялась снимать с веревки и складывать простыни.

Райз возник за ее спиной бесшумной тенью, одной рукой зажал рот, а второй приставил к горлу нож. Къарт сцепил зубы, но вмешиваться не стал. Он сказал достаточно и выразил свою позицию более, чем доступно, чтобы на этом ограничиться и предоставить право принимать решения Райзу.

— Тихо. Веди себя смирно, делай, что велено, и уйдешь отсюда живой, — произнес тот. — Ты меня поняла?

Женщина застыла в его руках. Къарт не мог видеть ее лица; не мог знать, испугана ли она, злится ли или же судорожно ищет способ оказать сопротивление. Но Райз знал все.

— Похоже, что не поняла. Объясню еще раз и больше повторять не буду. Я задаю вопросы — ты отвечаешь. Если же нет, я прирежу сначала тебя, а затем тех двух детишек, что ждут тебя в доме. Закричишь — прирежу. Откажешься отвечать — прирежу. Соврешь — прирежу. Кивни, если поняла.

Женщина едва качнула головой.

— Хорошо. Я уберу руку, а ты не забывай о том, что будет, если ты поведешь себя неправильно.

Райз убрал ладонь. Женщина судорожно вдохнула, но не издала ни звука.

— Сколько сейчас некромантов на Непрадском полуострове?

Прозвучавший вопрос поставил ее в тупик.

— Я... я не знаю, — дрожащим голосом пролепетала она. — Правда, не знаю. Может быть, несколько десятков, может, сотня, мне не говорили.

— Кто не говорил?

— Связник. Умертвие, которое передает послания. Мне только сообщили о призыве, но я не ответила на него. У меня двое детей, и проблемы с паладинами мне не нужны.

— Что за призыв?

— Призыв верховного. Взамен на службу и помощь в нападении на рудник с заключенными он обещал место в новом ковене. Но я не ответила: мне не нужна защита ковена и обязательства, которые тот накладывает. Я всего-то хочу уберечь своих детей.

— Кто этот верховный?

— Последний из Инаэор. Я думала, что весь их род истребило Братство, и не поверила, что призыв и правда послал Ельдрасатин. Может, это и не он вовсе, я не знаю, прошу, не трогайте моих детей, они...

— Тихо.

Райз снова зажал ей рот и замер.

Къарт догадывался, о чем тот думает. Он и сам думал о том же. Ельдрасатин Инаэора. Полное родовое имя — Осмельд Ельдрасатин Инаэора. Тот самый парнишка охотников, который был осужден и якобы сослан в Сцеофский рудник, а те, кто сопровождали его — в Тхаутский. Теперь становилось предельно ясно, кто и зачем организовал нападение. Фелис мог бы и упомянуть кроме его имени еще и то, что в будущем от парня следует ждать проблем.

Къарт посмотрел на Кару. Она тоже слышала сказанное некроманткой, но еще не понимала, что именно значит названное той имя. Для нее и всего Братства Осмельд был всего лишь Осмельдом. Знай они, что в их руки попал некромант из древнего рода, единственный наследник главы уничтоженного ковена, и никто бы не додумался оставлять его в живых.

Но Къарт с Райзом узнали об этом почти сразу после суда. Если бы тогда они предупредили Братство, жертв в Тхаутском руднике можно было бы избежать, как и блокады всего Непрадского полуострова. Правда, тогда им самим пришлось бы объяснять, откуда они владеют информацией такого рода и почему получили ее только после суда. Райз, конечно, что-нибудь придумал бы, но...

А ведь позволь он Каре казнить парня на месте еще тогда, когда она поняла, что тот — некромант, и всего этого не произошло бы.

— Тебе известно, где сейчас находится верховный? — прозвучал следующий вопрос.

— Где-то на Непрадском полуострове. Ковен ушел туда, но я не знаю ничего о том, что там происходит. Поверьте мне, я не вру.

— Знаю.

Райз помедлил.

— Как и было обещано, я тебя отпускаю. Не кричи и не бойся. С тобой ничего не случится. Но мне не нужно, чтобы ты бросилась следом, как-только я уйду. Веди себя смирно, и скоро сможешь вернуться к своей прежней жизни.

Он снова закрыл ей рот и зажал локтем шею. Пол минуты, и женщина обмякла в его руках.

— Все так, как тебе хотелось? — вернувшись, с беззлобной издевкой поинтересовался Райз.

Къярт ничего не ответил, но тот и не нуждался в ответе. Его голова была занята мыслями об Осмельде и о том, что делать дальше.

Они забрали гривов и коня Кары и оставили город через северные ворота. Те были закрыты, а на стене стояли дозорные Братства, следящие за тем, чтобы ничто не подобралось к Углару незамеченным со стороны полуострова. Паладины получили распоряжение никого не выпускать из города, и только присутствие Кары и ее заверения, что она здесь по приказу главы руферонского отделения — что, в некотором роде, было правдой — смогло отпереть ворота.

Углар и Непрадские земли разделяло двадцать пять километров узкой полоски суши, с запада и востока зажатой в ледяные тиски Северного моря. Холодные, секущие все живое и мертвое ветра не давали на нем прижиться ни зверю ни растительности, и даже скальная гряда, которой и являлся перешеек, год за годом становилась все тоньше.

Узкая долина, протянувшаяся между двух каменных гребней, уходила вниз. Троица ехала вдоль железнодорожной колеи, совсем еще новой, проложенной уже после того, как Непрад присоединился к Афракскому Союзу. Здесь почти не было ветра, тогда как с верхушек нагих скал то и дело доносилось его тоскливое, надрывное завывание.

— План прежний? — спросил Къярт, когда они проехали почти половину пути, а никто так и не промолвил и слова.

— Да. Найдем главу ковена, узнаем все то, что ему известно, заберем его цепное чудище, и покончим с этой историей, — Райз придержал Клыка. — Или у тебя какие-то возражения?

— Нет. Он ответственен за гибель стражей в Тхауте и, кто знает, скольких еще людей на полуострове. Подумать только, ведь он казался совершенно нормальным парнем. Безобидным.

— Его семью приговорили к заключению, его самого загнали в угол — не удивительно, что он решил показать зубы. Занятно, что они у него-таки оказались. В прошлые наши встречи он нисколько не смахивал на того, кто способен заварить такую кашу.

Райз посмотрел на Кару.

— Сейчас у тебя появиться идеальная возможность сказать: «я же говорила», — с усмешкой произнес он, чем вызвал еще больше недоумения на ее лице. — Помнишь парня-некроманта, Осмельда, которого судили в Аклене?

Та кивнула.

— Если та некромантка права, он и есть наш верховный некромант. Осмельд Ельдрасатин Инаэора.

Кара едва нахмурила брови.

— Все Инаэоры мертвы.

— Кроме этого. Те охотники, с которыми мы были — Под, Вильма и остальные — подобрали его, когда он бежал от Братства.

— Вот значит как, — сдержанно произнесла Кара и, медленно отведя взгляд, точно тяжелый клинок, уставилась перед собой. — Ну, надеюсь, теперь вы довольны, что покрывали его.

— Мы его не покрывали. Мы и правда не знали, что он некромант. И о том, что он не просто какой-то рядовой некромант, а наследник древнего рода, нам стало известно уже позже.

Кара молчала. Она о чем-то размышляла, и, похоже, не о том, что ее спутники ей врут.

— Нет, это не может быть он, — резюмировала она. — Его отправили в Сцеоф, а оттуда никто не сбегал — ни сейчас, ни когда-либо прежде. Из Сцеофа невозможно сбежать.

Къярт с Райзом переглянулись. Вот и пришло время сдержнуть полог с одной из особо постыдных тайн Братства.

— Только потому, что нельзя сбежать из места, которого не существует, — Райз начал первым. — Ты же сама говорила, что никогда не видела этот рудник. Осмельда не заключали в Сцеофе. Не знаю, куда его в итоге отправили, но где бы он ни оказался, он должен был играть роль так называемого «ручного» некроманта Братства. Делать, что ему велят, поднимать умертвия, отправлять их запугивать людей, чтобы потом появились паладины в белоснежных мундирах и всех спасли. Естественно, не задаром.

— Неплохая сказка, — Кара не сдержала смешок.

Райз не разделил ее веселья — только сдержанно улыбнулся и перевел взгляд на Къярта.

— Увы, это так, — подтвердил тот. — Я сам не хотел в это верить, но затем мы встретились с двумя такими «ручными». Один подтвердил это лично, а в случае второго я призвал его душу, и могу с уверенностью сказать, что у него был договор с Братством.

— Нет, — твердо произнесла Кара и отрицательно покачала головой. — Нет, это ложь.

— Прости, — тихо добавил Къярт.

Кара поджала губы и осталась при своем мнении.

Выход с перешейка охранял исполин. Когда-то охранял. Сейчас же от него осталась только сорокаметровая громада, застывшая в самой узкой части долины: места здесь оставалось только для железнодорожной колеи и свободного пространства в пять шагов по бокам от нее. Этого прохода и вовсе не было бы, если бы человекоподобный исполин не закрыл его собой от обвала. Гигант стоял, уперевшись руками в скалы по обе стороны долины, и многотонные глыбы лежали на его спинных пластинах, напоминающих крошечные несформировавшиеся крылья.

— Как насчет подзарядки? — Райз остановил Клыка прямо под исполином.

Къарт поднял на гиганта взгляд; вспомнил очертания исполина, внутри которого находилась душа Кары и многих других паладинов; вспомнил исполина в пещере, чью энергию он поглотил. Тогда он только предполагал, что та энергия — ничто иное, как душа исполина, но после призыва Кары Къарт в этом не сомневался. Повезло, что паладины не знали о том гиганте, и его останки не стали вместительным для душ их павших товарищей. Но это было слабым утешением. Становилось гадко от одного только осознания, что он поглотил душу существа, которое, возможно, даже не являлось мертвым. Что, если этот, склонившийся под тяжестью скалы, тоже жив? Что, если исполины просто впали в спячку, чтобы накопить больше сил к следующему приходу Орды? Что, если армия, которую они с Райзом ищут, уже существует? И все, что они должны сделать — это не уничтожить ее своими же руками.

— Нет. Не стоит.

— Ты уверен? Отказываться от энергии, которая вот так лежит на блюдечке, глупо.

— Пока достаточно той, что есть. Оставим этот вариант на крайний случай.

— Къарт...

— Оставим на крайний случай, — с нажимом повторил он и пустил Когтя галопом мимо исполина.

Он придержал грива, только когда скала отступила, а во все стороны раздалась равнина Непрадского полуострова. Покрытая пожухлой травой с редкими вкраплениями снега в оврагах, она была отменным пристанищем для северных ветров.

— О чем шла речь? Возле исполина, — Кара поравнялась с Къартом и поехала рядом.

— О поглощении его энергии, — нехотя ответил тот.

— Поглощении? Некроманты не могут ее использовать. Это невозможно.

— Къарт у нас специалист по невозможным вещам, — Райз ехал по другую сторону от девушки.

Кара не сразу заговорила вновь:

— Исполин у Галага. Тот, которого вы обнаружили. Это ты вытянул из него энергию?

Къарт кивнул. Он пялился в холку Когтя, пряча от Кары взгляд.

— Вот оно значит как, — сдержанно произнесла та. — Теперь понятно, что с ним произошло.

— А что с ним? — заинтересовался Райз.

— Он пуст. Не пригоден для проведения ритуала посвящения. И не думаю, что когда-нибудь станет пригодным.

Злилась ли Кара? Она скрывала свои эмоции не хуже Къарта, но то, что он уж точно не

двигался по пути завоевания ее расположения, было очевидно.

Когда на полуостров опустились вечерние сумерки, а вместе с ними небо осветило зарево пожара, у Райза появилось первое место на карте, которое следовало проверить.

Дорога к рыжему пятну на горизонте заняла почти два часа. В отличие от Когтя с Клыкком, конь Кары не мог вот так легко рассекать в сумерках карьером без риска переломать себе ноги или оказаться загнанным до полусмерти. Когда тройца добралась к месту, их встретил не огонь, но дымящиеся руины.

Еще недавно здесь была деревня: небольшая, построенная теми, кто считал, что при должном количестве любви и труда южные земли Непрада станут пригодны для земледелия. Но камень и глина отказались принимать посевы, и в деревне едва набралось два десятка домов, от которых теперь остались одни обугленные остовы.

— Мы несколько припозднились, — Райз укрылся за небольшим холмом, с которого открывался отличный вид на деревню. — Там только алчность и веселье. Сомневаюсь, что кто-то из деревенских еще жив.

— А те двое? — Къярт указал взглядом на пару мужчин. Те стояли прямо посреди поля за крайними домами и смотрели в темноту.

— Умертвия, — хмуро ответила Кара. — Их здесь полсотни, не меньше.

— А сколько некромантов?

— Шесть или семь. Один из них заметно сильнее остальных.

— Случаем, не наш Инаэора? — поинтересовался Райз.

— Этого я сказать не могу.

— Тогда остановимся на предположении, что это он.

Райз отошел к затаившимся в глубине роци гривам и снял с Когтя седло с сумками.

— Что ты собираешься делать? — спросил Къярт.

— Не я, а ты, — Райз отстегнул от седла Клыка глефу. — Придется пойти на риск, но другие варианты еще хуже. Ты возьмешь гривов и отправишься к своим братьям некромантам. Проявишь дружелюбие, выяснишь, не среди них ли Осмельд, и, если нет, то где его искать.

План вызвал неприятие еще на пункте про «проявить дружелюбие».

— К чему все это? Почему просто не зачистить деревню? Допрашивать мертвых куда проще, чем живых.

— Решил отложить в сторону миролюбие? — задал риторический вопрос Райз. Он не хуже Къярта знал, что миролюбие того заканчивается там же, где некроманты начинали проявлять свою суть. — Да, можно было бы и так, но это путь большего риска. С семьей некромантами в ближнем бою тебе никак не успеть разобраться прежде, чем они смогут нанести удар в ответ. Той энергии духа, что там есть, недостаточно, чтобы я смог устранить их всех. Отправить туда Кару — и если среди них окажется Осмельд, или то чудище, которое убило паладинов в руднике, вряд ли кто-то из нас уйдет живым. Мы даже не знаем, что именно оно из себя представляет. По этой же причине я не сторонник нападения всем сразу. Один маленький просчет, и ситуация обернется против нас. Если же они окажутся безобидны, то мы на ровном месте на несколько дней потеряем паладина, способного воплотить броню. Поэтому сначала все разведаем, а затем решим, что и как делать.

— Что им помешает убить Къярта? Раз вы утверждаете, что не заодно с ними.

— Если Къярт не станет сообщать им это первой же фразой, не думаю, что они станут кидаться на того, кого считают своим. Мы старались не конфликтовать ни с паладинами, ни

с некромантами, и вряд ли кому-либо из них известно наше к ним истинное отношение. Если же среди них есть Осмельд, все становится несколько сложнее, но, думаю, он не станет нападать без предупреждения. В этом случае, Къярт, тебе придется позвать меня и Кару, а гривам защищать тебя, пока мы не подойдем. В любом случае у тебя в запасе три жизни, как-нибудь да продержишься.

Къярт смерил напарника скептическим взглядом, но деваться было некуда.

Клык, в седло которого он сел, поначалу недовольно рычал, но стоило Къярту коснуться его шеи ладонью — последний раз он надевал перчатки еще до встречи с Аелитт — и гривы тут же притих.

Рошу и деревню разделяло полторы сотни шагов, и как только Къярт выехал на открытую местность, одно из дежуривших умертвий направилось к своему некроманту с докладом.

Къярт знал, что впереди его не ждет ничего хорошего, и дело было отнюдь не в некромантах. Чем ближе он подъезжал к окраинным домам, чем отчетливее становился запах жженой древесины и мяса, тем больше он утверждался в мнении, что Райз отправил его в деревню не для одной только разведки.

Его никто не останавливал. Некроманты были здесь полноправными хозяевами, и одинокий путник, пусть и с двумя гривами, не представлял для них угрозы. Провожаемый немигающими взглядами умертвий, еще совсем недавно бывших жителями этой деревни, Къярт медленно ехал по главной улице.

Среди мертвецов были не только сельчане, но и те, кто напал на них: умертвия, одетые в броню и вооруженные пиками и арбалетами. Они неподвижными изваяниями стояли вдоль дороги, а на их шлемах и кирасах плясали блики тлеющих руин.

Землю покрыли темные пятна крови, но тел не было. Некроманты подняли всех погибших до последнего, даже детей, которых не посчитали нужным пощадить. Всякий раз, когда взгляд цеплялся за кого-то, кому Къярт не дал бы и двенадцати, внутри с пущей силой разгоралась злость. словно бы чувствуя ее, опустив головы к земле, тихо рычали гривы.

Некромантов было шестеро. Во всяком случае, именно столько человек сидело возле огромного костра, разведенного посреди сельской площади. Обломки домашней утвари, которую пустили на хворост, сложили кучей вокруг вбитого в землю столба, с прикованным к нему обгоревшим телом.

— Даже не знаю, как на такое и реагировать, — подал голос один из сидящих у костра, когда Къярт остановился с противоположной стороны. — Назовись, раз решил заглянуть к нам на огонек.

Отсветы нервного пламени делали резкие черты некроманта похожими на гротескную маску в окаймлении вьющихся темных волос. Он был единственным среди присутствующих, чьи метки-призыва не скрывала одежда. Черные точки подчеркивали его скулы, обручем обнимали лоб. Скорее всего, о нем и говорила Кара, когда упоминала некроманта, чья сила превышала силу других. Еще в свою прошлую встречу с группой некромантов Къярт пришел к выводу, что демонстрируют свои печати только те, кто сидит выше остальных.

Он скользнул взглядом по лицам остальных и не обнаружил Осмельда или кого-либо, чья внешность была бы примечательна. Они казались вполне заурядными мужчинами, разве что парочка имела откровенно разбойничью наружность. На коленях одного из них сидела девушка, немногим старше пятнадцати лет, с кровавым пятном посреди живота и с застывшим в глазах ужасом.

Чертов Райз. Он наверняка заметил ее энергию духа, но все равно сказал, что в деревне нет выживших — не совсем ложь, но в то же время Къярт не припоминал, чтобы Райз видел различия в энергии духа призванных второй ступени и живых людей.

Плевать.

— Ты оглох? Или струсил? — среди некромантов прокатился смешок. — Не бойсь, парень, с тобой вон какие большие злые звери. Назови свое имя.

— Къярт Яртлен Енкарта, — ровным голосом ответил он.

— Енкарта, значит, — некромант скривил губы, будто бы ему под нос сунули кусок тухлого мяса. — Родственник Истлена, что ли?

— Что ли.

Некромант хмыкнул.

— Покажи метки, — в его голосе прозвучало слишком много приказных ноток. — Одного твоего имени недостаточно, чтобы иметь право находиться здесь в живом виде.

— Я ничего тебе не буду показывать.

— Парень, или ты докажешь, что ты тот, кем назвался, или пеняй на себя.

Къярт снова посмотрел на девушку, сидящую на коленях бритоголового. Его рука шарилась у нее под юбкой, но жертва не могла ни вырваться, ни позвать на помощь. И кого бы она звала?

Къярт двинул желваками, когда она, почувствовав, что он смотрит, подняла на него взгляд. Точно такой же страх он читал в глазах Кары, когда они останавливались на ночлег в первые дни после ее призыва. Тогда он даже не подумал о подобном, но сейчас от мысли, что Кара тоже боялась, что с ней могут обойтись так же, как с этой несчастной, похолодели ладони.

Эту девушку было не спасти. Она уже умерла, и единственное, что мог сделать Къярт, — избавить ее от этого кошмара. А заодно предоставить главарю шайки доказательство, которое тот так хотел.

Некромант, призвавший девушку, болезненно вскрикнул, тогда как Къярт, уже привычный к отдаче от перехвата контроля над призванным, всего на мгновение прикрыл глаза. Повинуясь приказу нового хозяина, девушка встала с колен ошарашенного некроманта и сделала шаг в сторону. Страх в ее глазах сменился замешательством, но Къярт не знал, сколько в ней осталось от нее прежней. Все же перехват контроля приводил к разрушению предыдущей печати и неизбежному повреждению души призванного.

— Что за... а ну верни! — взревел потерявший слугу некромант и схватил ее за руку.

Къярт разрушил метку привязки, освобождая душу, и тело девушки безвольно упало на землю.

— Ах ты говнюк, тебя не учили не трогать чужое?!

Некромант собирался кинуться на Къярта, но главарь остановил его.

— Спокойнее. Призови ее опять, если она так тебе приглянулась.

— Я хотел душу с целой личностью, а не калеку!

— Ой, да расслабься, еще сотня других будет, — отмахнулся главарь. — Или умолкни, или исчезни с глаз моих. Я хочу поговорить, — сказал он и, тут же забыв о прикусившем язык приспешнике, посмотрел на Къярта. — Ловко. Слезай с седла, и побеседуем. Уступите отпрыску Истлена место.

— Мне и здесь неплохо.

— Вы только гляньте на него! Еще пацан, а такой борзый, — подал голос некромант,

сидящий от главаря дальше всех. Он был самым младшим из них, светловолосый, с горящими глазами и широкой улыбкой.

— Это ты еще пацан, — одернул его главный и перевел взгляд на Къярта. — Да, теперь ваше с Истленом родство видно невооруженным глазом. Тот в твои годы был таким же заносчивым засранцем.

Сравнение с Фелисом неприятно укололо, но Къярт не подал виду.

— Что, даже имени моего не спросишь? — поинтересовался некромант.

— Мне оно ни к чему. Я ищу Инаэору. Вам известно, где он сейчас?

— Инаэору ищешь? — некромант едва прищурился. — И зачем он тебе понадобился?

— Это уже мое дело.

— Еще бы, — он хмыкнул. — Только Инаэоре нет до тебя дела так же, как и тебе до элементарной вежливости.

— Сукин сын использовал нас, как бордельную шлюху, и выбросил, — сказал, как сплюнул, некромант, чью призванную отобрал Къярт.

— Прикуси язык, или я тебе его отрежу, — рыкнул главарь.

Он осадил его не потому, что тот сболтнул при чужаке лишнее, но из стремления защитить честь того, о ком шла речь, что было удивительно, учитывая, что сам он об Инаэоре говорил с едва скрываемым презрением.

— Но, как и было сказано, юный Инаэора не желает видеть подле себя никого из своих верных последователей, — желчно произнес некромант. — Так что можешь брать все, что тебе приглянется на полуострове, но к нему соваться не советую. Прибьет ведь по своей молодецкой вспыльчивости. Тем более после того, как твой родич зарекся иметь какие-либо дела с ковеном, ты уж точно в его любимчиках ходить не будешь.

— Как мне к нему не соваться, если я даже не знаю, где он?

Некромант ухмыльнулся. Его вполне устраивал такой расклад.

— Спрятался в Западном Бреуде, трус поганый, — подал голос бритоголовый, явно нарываясь на то, чтобы главарь воплотил свою угрозу в жизнь. — Прикрылся своим доисторическим призванным и зарылся норе.

— Что за доисторический призванный?

— Тварь со времен последнего пришествия, сраный перевертыш, — бритоголовый сплюнул на землю.

— Перевертыш? Я слышал о гигантском чудовище, напавшем на рудник.

— Оно самое. Личина, размер — ему плевать, что менять. Лучше бы прикинулся Инаэорой, а того сожрал — никто не стал бы горевать.

Главарь не успел заткнуть бритоголовому рот, как тот продолжил:

— Так все здесь считают. И ты в том числе. Ты мог бы собрать свой собственный ковен, если бы...

— Если бы на моем роду не лежала клятва верности Инаэорам, — прервал главарь. — И пока жив хотя бы один из них, пусть и самый ничтожный — никакого основания ковен. И хватит об этом.

— Так почему бы вам его не убить?

Вопрос Къярта прозвучал точно гром среди ясного неба — рискованный ход, который мог обернуться как полным провалом и необходимостью спешно ретироваться, так и получением информации о тех, кто охраняет Осмельда. Вполне возможно, что часть его охраны сейчас находилась здесь.

Сидящие у костра расхохотались, и только их главарь ограничился сдержанной ухмылкой.

— Да, идея достойная Енкарт, — произнес он. — Один отрекся от ковена, а второй предлагает убить Предтечу. Может, у тебя и место заготовлено, где после такого прятаться от Орды?

Къярт едва свел брови. Он ничего не знал о Предтечах, как о них не знала ни один из его призванных.

— Почему Инаэора — Предтеча?

— Потому что он — Инаэора, придурок, — ответил бритоголовый.

— Заткнешься ты сегодня, или нет? — вяло поинтересовался главарь. Вздохнув, он со снисходительной улыбкой посмотрел на Къярта. — Истлен решил совсем порвать все связи и не удосужился посвятить тебя в историю ковенов, да? Ты, похоже, способный мальчик. Присоединяйся ко мне. Узнаешь много того, о чем умолчал твой родич.

— Мне будет достаточно истории о Предтече.

— Ну конечно, из Енкарт не вытравить этой любви к единоличности. Но она не доведет тебя до добра. Тем более, стыдно не знать таких элементарных вещей, парень.

— Так, может, просветишь?

— Может быть просвещу. А может быть, спроси это у Инаэоры сам, — некромант осклабился. — Ладно, не отправлять же такой талант на расправу юнцу. В основе всех сильных ковенов, настоящих ковенов, стоит род Предтеч, тех, кто явился в этот мир вместе с Ордой. И когда она придет вновь, а случится это очень скоро, Предтечи присоединятся к ней, взяв с собой тех, кого считают достойными. Тех же, кто додумался убить кого-то из них, вроде Братства, в свое время истребившего род Инаэор, настигнет возмездие.

— Орде нет дела до мелких сошек вроде Ельдрасатина, — фыркнул бритоголовый. — Пацан дело говорит. Сраный предатель, за его убийство нас еще отблагодает...

Клык дернул головой, первым заметив движение. Из шеи некроманта выросло острие пики, которую метнуло одно из стоявших поблизости умертвий.

Сидящие у костра вздрогнули, но никто не проронил и слова. Побулькав в горле кровью, бритоголовый завалился на бок.

— Гляди, Енкарта, в нашем тесном дружеском кругу освободилось место, — с улыбкой произнес главарь. — Присоединяйся.

— Я воздержусь, — сдержанно ответил Къярт и тронул повод Клыка.

Скалясь, грив сделал шаг назад.

— Уже уходишь? Зачем вообще тогда приходил?

— Я же сказал, что ищу Инаэору.

— Ну, теперь ты знаешь, что это не самая светлая идея, зачем бы он тебе ни понадобился.

— Я это учту.

Поворачиваться к некромантам спиной не хотелось, но и трусливо пятиться тоже было нельзя. Къярт развернул Клыка и в сопровождении Когтя направился прочь из деревни.

— Не лезь к нему, Енкарта, — бросил ему вслед некромант. — С ним такие фокусы не пройдут.

Къярт поторопил грива. Убраться поскорее отсюда и больше не видеть ни некромантов, ни тех, кого они подняли. И, похоже, придется срезать меховой воротник на куртке: вряд ли из него выветрится запах горелого человеческого мяса.

По возвращении в рощу его встретил напряженный взгляд Кары и совершенно невозмутимый Райз, чья улыбка только подогрела клокочущую внутри злость.

— Я проявил достаточно дружелюбия? — сухо поинтересовался Къярт.

— Да, просто отлично. В деревне нет выживших?

— Ты же сам говорил, что нет. Только некроманты.

— И правда, чего это я? — улыбка Райза стала шире. — Удалось что-то узнать?

— Да, они были крайне разговорчивы.

— Значит, меня ничего не останавливает?

— Ничего.

— Тогда пригните головы.

Райз не стал дожидаться, когда Кара выполнит его просьбу, и сам увлек ее в ложбину у подножия холма.

На мгновение ночь стала днем, а ударная волна, накрывшая рощу, сорвала с деревьев остатки не опавшей листвы. На лице Райза появилась виноватая улыбка: он совершенно забыл о жеребце Кары, и тот, оборвав узду, галопом унесся прочь.

— Ты не мог бы...? — спросил он у Къярта, когда в ушах перестало звенеть.

Къярт кивнул, и Коготь ринулся следом за лошадью.

— Это что еще такое?!

Выглянув из укрытия, Кара смотрела на раскуроченную взрывом деревню. От нее остались только стоящие на окраине дома, но и в тех повыбивало окна и поносило крыши.

— Недурно, да? — Райз не скрывал своего удовлетворения проделанной работой. — Назовем это сконцентрированной нелюбовью Къярта к некромантам.

Западный Бреуд перерос определение «большая деревня», но до понятия «город» так и не дотянул. Он стоял на краю отвесной скалы, полсотней метров ниже которой буйствовали холодные воды Северного моря, в которые сунулся бы только полный безумец. Какой смысл был возводить поселение на продуваемом всеми ветрами отроге, где не заняться рыбной ловлей, а на десятки километров вокруг — один только поросший мхом камень?

Вероятно, его основатели делали ставку на останки исполина, который лежал на краю обрыва, протянув толстую, многосуставную руку в направлении моря, и что стекающиеся со всех сторон паломники накормят город. Только тем и самим было бы что поесть, а за времена торговой блокады Бреуд окончательно обнищал, и от прежнего лоска и ярких праздничных фонарей, круглый год освещавших улицы, мало что осталось.

Осмельд выбрал неплохое место, чтобы спрятаться. Даже Каре с ее талантом сенсора не представлялось возможным засечь некроманта в разбросанном по скале городе, что уж говорить о других паладинах. К тому же, однажды уже обжегшись, парень наверняка обзавелся куда более надежными скрывающими печатями.

Как правило, наличие останков исполина в населенном пункте или же поблизости от него являлось почти абсолютной гарантией того, что Братство разместит в нем штаб. Но в Бреуде не было даже приезжих паладинов — довольно странно, учитывая, что Союз отмежевался от Непрада как раз из-за присутствия на его территории группы радикально настроенных некромантов.

Но жителей города те волновали в последнюю очередь. Сейчас в Бреуде остро стоял вопрос продовольствия: цены на рынках взлетели до небес, а мелких воришек, которые пытались стащить с прилавков лишний кусок хлеба, горожане едва ли не казнили на месте еще до прибытия стражи.

Сложившаяся обстановка не способствовала поискам Осмельда. Расспросы торговцев на рынках, официантов в барах и владельцев небольших гостиниц о приезжих, о происшествиях и о пропаже людей ничего не давали. Мало того, что скрывающийся некромант, даже будь он трижды дураком, не стал бы привлекать к себе лишнего внимания, еще и сами горожане не были особо стоворчивыми. И усердствовать с расспросами тоже было нельзя — чтобы по городу не поползли слухи уже о тех, кто проявлял нездоровый интерес ко всякого рода странностям.

Троица остановилась в небольшой гостинице на отшибе — неброской, но построенной добротно: когда за окном завывал ветер, за ее крепкими стенами, как нигде до этого, ощущалось тепло и покой. Где-то там, во мраке и северной стуже рыскали гривы, предоставленные самим себе. Даже окажись в Бреуде подходящие стойла, в Непраде гривы были редкостью, и появление сразу двух представителей их вида привлекло бы ненужное внимание. Так что теперь Клык сам должен был добывать пропитание, а Коготь — всюду следовать за ним. Жеребцу Кары повезло больше: он коротал время в конюшне при гостинице, поглощая запасы сена, которое обходилось дороже, чем проживание его хозяйки.

— Что именно вы собираетесь делать, когда найдете Инаэору? — спросила Кара в один из вечеров, когда они только приехали в Западный Бреуд.

— Он устроил достаточно бардака, — Райз сидел в кресле с кружкой горячего чая и смотрел на пляшущий в камине огонь. — Вряд ли его устранение сможет решить проблемы

Непрада — уж точно не сразу, — но, быть может, предотвратит возникновение новых. Мы найдем парня, заберем его «перевертыша» и узнаем, что ему известно об остальных. Если он смог откопать одного монстра времен пришествия Орды, вероятно, знает, где найти и остальных.

— А если он не станет говорить?

— Ему и не нужно, — Райз усмехнулся и посмотрел на Къярта. — Или у тебя могут возникнуть какие-то проблемы с тем, чтобы призвать его душу?

Къярт смерил напарника тяжелым взглядом и отрицательно качнул головой. Райз уже второй раз спрашивал об этом, словно ему нравилось донимать его сложившейся ситуацией.

Необходимость забрать жизнь претила, пусть Къярт и понимал, что на Осмельда больше нельзя смотреть, как на трясущегося от шелеста листвы мальчишку, которого всюду таскало за собой семейство охотников на нечисть. Он — Предтеча, вестник Орды и наследник древнего рода некромантов — такой итог был вполне закономерен.

— Что же касается тех, кто рядом с ним, — продолжил Райз, — если ими окажутся те, кого Иназора освободил...

— Никто их не убьет, — закончил за него Къярт. — Они не совершили никакого жуткого преступления...

— Всего лишь покрывали некроманта, который в итоге устроил резню в рудниках и отдал на растерзание своим приспешникам целый полуостров, — буднично заметил Райз.

— Ничего бы этого не произошло, если бы Братство казнило Осмельда вместо того, чтобы пытаться посадить его на цепь. Или же если бы мы не помешали Каре сделать это самой.

— Не многовато «если»? Ладно, я понял: тебя накрыл очередной приступ милосердия — спорить бесполезно. И что тогда прикажешь делать с его семейством?

— Передадим властям.

— Да, отличный план. Им как раз не хватает лишних ртов в казематах. Но, может быть, суд решит пустить их на консервы и раздать бедным. Хоть какую-то пользу обществу принесут.

— Райз, — с упреком произнес Къярт.

Не только он, но и Райз чувствовал в происходящем на Непрадском полуострове свою долю вины. А потому хотел поскорее со всем покончить и больше не возвращаться к этой истории, и не разгребать последствия неверно принятого решения.

Поиски увенчались успехом на шестой день пребывания в городе.

Райз беседовал с торговкой, продающей прошлогодние овощи, когда Къярт различил в толпе знакомую походку. Сперва ему показалось, что когда-то он уже видел эту манеру двигаться, а затем закутанная в платки женщина повернулась, и он узнал профиль Вильмы, пусть и с исхудавшим лицом и темными кругами под глазами.

— Райз, — едва слышно позвал Къярт и тронул того за локоть, обращая внимание на свою находку.

Вильма была не одна. Вместе с ней на рынок пришла высокая тучная женщина с не вызывающим симпатию лицом.

— Призванная, — тихо произнесла Кара. — Та, крупная.

— Можешь отследить, где находится ее некромант? — поинтересовался Райз.

— Нет. Печати не позволяют ощутить нить связи.

— Не страшно. Пойдем за ними. Вероятно, эта дамочка рядом с Вильмой и есть

перевертыш. У нее странный окрас энергии духа, как для текущей ситуации. Больше похож на гривий, чем на человеческий, — Райз помедлил, размышляя. — Къярт, получится перехватить контроль? Не сейчас, потом, если подвернется удобный момент, и рядом не будет таклюдно. Или же если перевертыш нас заметит, и другого выхода не останется.

— Я попробую.

Вильма недолго ходила среди торговых рядов. Приобретая все необходимое и отдав покупки сопровождающей, она спешно покинула рынок.

Следовать за целью с приставленной охраной оказалось куда сложнее, чем за некроманткой в Угларе, чью голову занимали только мысли о том, чем накормить детей. Приходилось держаться на относительном отдалении, сливаться с толпой, которой не могли похвастаться улицы Бреуда. О том, чтобы отстать на квартал или два, как в Угларе, не могло быть и речи: Кара переставала ощущать призванную уже через пятьдесят шагов. Спасали только витиеватые улочки, становящиеся все закрученнее по мере отдаления от оживленной части города.

Добравшись до домов на окраине, Вильма и сопровождающая ее свернули в переулок, в конце которого начиналась скальная гряда, и Къярт понял, куда они идут.

Бреуд занимал на карте немало места: плотной равномерной застройке мешали скалы. При желании их можно было бы сравнить с землей, но, учитывая, как быстро город оброс островками-предместьями, в которых возвели дома не самые бедные горожане, становилось понятно, что знать попросту хотела скрыться от городской кутерьмы.

К одному из таких предместий, южному, вела широкая мощеная дорога, по которой ехали телеги с товарами для районного рынка. Вильма же шла напрямую через скалы, сокращая путь и избегая мест, где на нее могли обратить лишнее внимание.

— А вот и тот самый удачный момент, — произнес Райз, когда женщины скрылись за камнями.

Догнать и перехватить контроль. Единственной сложностью была необходимость видеть цель, но и она исчезла, едва Къярт ступил на территорию пустыря. За узкой расселиной тропа уходила вниз, в небольшую долину, ведущую к поместьям знати впереди. Отсюда он отлично видел макушку Вильмы и спину второй женщины.

Къярт сложил печать и сунул руку под ворот куртки, приготовившись поставить метку привязки возле лопаток. Но ничего не вышло. Женщины продолжали отдаляться, а в ответ на попытки активировать печать, Къярт получал такой же отклик, как и в свои первые попытки перехватить контроль над Оокой.

Нужно больше энергии. Сейчас, пока еще не поздно.

В какой-то момент ему начало казаться, что он чувствует призванную так же, как ее чувствует Кара. Къярт прикрыл глаза, полностью сосредотачиваясь на печати.

Он инстинктивно оставил на коже метку, когда его словно бы ударило дубиной по голове. Отдача от этого перехвата в разы превосходила все предыдущие. Къярт едва не потерял сознание, но белая пелена перед глазами постепенно спадала; мир вокруг возвращал себе прежнюю четкость.

— Райз? — встревоженный голос Кары прозвучал словно бы сквозь воду.

Обернувшись, Къярт увидел опершегося на камень Райза и только тогда почувствовал, что удерживающая того печать тянет куда больше энергии, чем прежде.

Восстановив дыхание, Райз сплюнул на землю кровь и выпрямился.

— Тебе каждый раз так достается во время перехвата? — он выдавил подобие улыбки.

— Нет, в этот раз хуже, чем в предыдущие, — Къарт перевел взгляд на замерших в долине женщин. — Но все получилось. Контроль у меня.

— Тогда не будем заставлять девушек ждать.

Спускаясь в долину, Къарт то и дело поглядывал в сторону Райза. Исцеляющая печать сделала свое дело, и лицу напарника вернулся здоровый тон, но беспокойство не отступало. В чем же было дело? В этом призванном перевертыше? В том, что он принадлежал Предтече? Или же в самом Къарте?

— Шии, в чем дело? — до них донесся встревоженный голос Вильмы.

Обретя контроль над призванной, Къарт первым делом приказал той оставаться на месте и ничего не говорить.

— Шии, что такое? — волнения в словах Вильмы становилось все больше.

Нервничая, она выхватила револьвер из кобуры и стала настороженно осматриваться. Призванная выпустила из рук корзину с продуктами, одним молниеносным движением отобрала револьвер и скрутила Вильму, зажав рот прежде, чем та посмотрела в сторону спускающейся к ним тройцы.

— Давно не виделись, — поприветствовал Райз и кивнул на нагромождение камней в стороне.

Если этим путем пользовался кто-то еще, лучше было укрыться за скалами и не привлекать к себе внимание случайных прохожих.

— Далеко же вы забрались, ребята, — заметил Райз, когда они оказались на небольшом пятачке, со всех сторон окруженном камнями. — Я задам тебе несколько вопросов, Вильма, а ты будь послушной девочкой. Это единственный призванный Осмельда, или есть еще?

Призванная убрала руку ото рта Вильмы, но та не спешила отвечать. Ее взгляд, в котором паника смешалась со злостью, метался от Райза к Къарту и Каре и назад.

— Вильма, не глупи, — попросил Райз. — Отвечай на вопрос.

— Есть еще, — сказала она. — Еще восьмеро. Они разорвут вас, как только приблизитесь.

Губы Райза растянулись в вежливой улыбке, и он перевел ожидающий взгляд на Къарта.

— Больше никого нет, — низким, грудным голосом сказала призванная. — Только я.

— Шии!

— Тише, Вильма. У нее теперь другой хозяин.

Затравленный взгляд Вильмы метнулся к Къарту. Понимание произошедшего, которое женщина до этого гнала от себя, лишило ее остатков самообладания.

— Осмельд был прав, — прошептала она. — Ты действительно некромант, — она посмотрела на Кару и горько усмехнулась. — Какая же ты лицемерная сука. А я ведь считала, что кто-кто, а прославленный руферонский Палач не имеет отношения к этой грязи. А оно вон как получается: когда удобно — в сверкающем мундире сносишь головы некромантам, а когда надо — являешься с очередными прислужниками Братства вернуть недавнее приобретение.

Взгляд Кары потемнел.

— Видишь ли, Вильма, мы здесь не за тем, чтобы возвращать чьи-либо приобретения, — начал Райз. — Ваш парнишка много шороху навел. Ладно еще рудники: спасал семью, перестарался, по неопытности — понять несложно. Но с полуостровом вышел откровенный перебор. В Союзе и без того проблем по горло. Но так, быть может, станет одной меньше.

Осознание, что именно подразумевает Райз, пришло к Вильме мгновенно. Она переменялась в лице, отрицательно замотала головой, на ее глазах навернулись слезы.

— Нет, Осмельд здесь ни при чем. Он ни при чем, это не он, — затараторила она. — Он всего лишь ребенок, попавший...

— Все они дети, — холодно обрубил Кара.

— Это не он! — в сердцах выпалила Вильма и с мольбой уставилась на Райза. — Умоляю, не трогайте его. Хотите кого-то отправить на плаху, отправьте меня. Это я уговорила Осмельда увести некромантов в Непрад. Да, они разоряют полуостров, но лучше так, чем если бы он натравил их на центральные земли Союза.

— Ты ведь понимаешь, что твои слова никак не играют в его пользу?

— Это не он! — надрывно повторила Вильма. — Что-то произошло в крипте, когда он призвал Шии-то. Мы не знаем, что именно, но он перестал быть собой. Осмельд никогда не причинил бы другим вреда, и уж тем более не стал бы убивать паладинов. Он хороший парень.

— Да уж, отличный просто, — иронично согласился Райз.

Стерпев укол, Вильма продолжила:

— Сами подумайте, силы Шии было более, чем достаточно, чтобы освободить нас без кровопролития. Но вместо этого Осмельд созвал ковен. В этом не было смысла, уж точно не для него. Парни, вы же были с нами столько времени. Вы же знаете его, он не плохой, — Вильма с надеждой посмотрела на них. — Я сразу заметила, что с ним что-то не так, и не только я. Мы уговорили его уйти в Непрад, отпустить некромантов, и, как только подвернулся удобный момент, ввели в медикаментозный сон, чтобы выиграть время и все исправить.

— И призванная позволила вам это сделать? — спросил Кьярт.

— Это не она, а оно. Шии-то. Его главным приказом была наша защита, поэтому оно не могло навредить нам.

Вильма замолчала, гадая, изменили ли ее слова хоть что-нибудь. Судя по тому, что Райз не перебивал ее и больше не смотрел на Кьярта в ожидании подтверждения со стороны Шии-то, Вильма не врал.

— Осмельд — не преступник. Он просто мальчик, который угодил в ловушку. Ему нужна помощь, — пробормотала Вильма. — Последние пару месяцев мы пытаемся понять, что с ним произошло, но все тщетно.

— Повторишь свои слова про «не преступника» супругам и детям тех, кого убили по его приказу? — Кара оставалась неумолима.

— Это был не он, — слабым голосом произнесла Вильма. — Не мой Осмельд.

— Средненькая отговорка, — заметил Райз. — Ладно, как бы там ни было, нам придется прогуляться к вашему дому. Только без глупостей, Вильма. Не усугубляй ваше положение. Веди себя тихо, и будешь жить.

— Умоляю, Райз, не трогайте Осмельда!

— Вильма, — шикнул он на нее, и женщина притихла.

Дом, в котором поселились охотники, выглядел неприметно. Не хоромы, но и не трущобы — точно такой же, как и все остальные в округе. По дороге к нему Райз расспросил Шии-то о доме, об охране и о том, что их там ждало. Но Шии-то оказалось единственным серьезным оружием, которым владел Осмельд. Конечно, охотники располагали небольшим запасом гранат и огнестрелом, но оно не представляло угрозы для перевертыша.

Къярт не предполагал, что перевертышем — метаморфом, как его называла Вильма — окажется вполне разумное существо. Он ожидал найти простого хищника, или кого-то вроде гривов. Но Ши-то было разумно. У его вида не существовало разделения на мужские и женские особи, так как любой из их рода мог выступить в роли того или другого, изменяя свой гормональный фон и даже органы. Умения мертвого метаморфа заметно уступали живому, как и перечень возможных источников питания и накопления силы, но даже в виде призванного они оставались серьезной угрозой. Ши-то питалось страхом и путем трансформации полученной энергии в материю видоизменялось. Этот факт вызвал у Райза особый интерес: для его силы энергия страха не была средством созидания.

— Что-то не так, — растерянно произнесла Вильма, когда они приблизились к двухэтажному особняку, овитому безлистными лозами плюща.

Она ускорила шаг, и Ши сразу поймало ее за руку.

— Вильма, я же просил тебя не делать глупостей, — с укором произнес Райз.

— Две свечи! — выпалила она, вперившись в него взглядом. — В окне второго этажа две свечи. Это сигнал, что что-то не так, и нужно возвращаться.

— Все верно, — подтвердило Ши.

— Не думаю, что в доме тебя ждут проблемы бóльшие, чем те, что тебя сопровождают.

Но Вильма будто не слышала. Все ее внимание приковали два огонька, виднеющиеся в окне второго этажа.

— Как правило, кто-то всегда дежурит у окна, — сообщило Ши.

— Но не сейчас, — закончил Райз и зашагал быстрее.

Двор за высокой изгородью выглядел заброшенно. От некогда услаждающих глаз клумб остались пожухлые пучки стихийно разрастающихся цветов; на дорожку из мощеного камня, ведущую к главному входу, ливнями намыло грязь.

Ши вошло в дом первым. Оно все еще придерживало Вильму, которая была готова броситься на второй этаж по широкой, накрытой пыльным ковром лестнице.

— Вильма! — сверху донесся зычный голос Хаука.

Не прошло и несколько секунд, как он появился на небольшом балкончике наверху.

— Хаук, нет! — выкрикнула она, когда тот, вытаращившись на тех, кого никак не ожидал увидеть, выхватил револьвер.

Он не успел выстрелить. Ши, преодолевая все мыслимые и немыслимые законы физики, метнулось к нему, отчего ступени под его шагами жалобно затрещали, выбило оружие и заломило руки.

— Какого хрена?!

Его крик привлек Пода.

С того дня, когда Къярт видел охотников в последний раз, изменилась не только Вильма, но и ее супруг. Его черты одеревенели, а взгляд стал тяжелым и угрюмым, словно ему день изо дня приходилось тащить на спине ношу, которую и бросить было нельзя, и нести невмоготу.

— Пожалуйста, не делайте ничего, — взмолилась Вильма и с опаской посмотрела на Райза.

Как и прежде, охотники продолжали обращать взгляды к нему, будто это он мог приказать Ши свернуть Хаука и остальным шею. Къярт по-прежнему оставался для них невидимкой, как, впрочем, и Осмельд — для всех, кто встречался охотникам по пути.

Как бы прошедшие месяцы ни повлияли на Пода, рассудительность его не оставила. Он

обвел присутствующих мрачным взглядом, задержал его сначала на Каре, затем на Къярте, быстро смекнул, что к чему, и сдержанно кивнул.

— Успокойся, Хаук. Мы уже проиграли, — только и сказал он.

— Эй, вы чего там застряли? — раздался голос Офрена. — Мне здесь помощь не помешала бы.

Его слова придали лицу Пода новых теней. Он больше не смотрел ни на Къярта, ни на Кару: его взгляд всецело принадлежал Вильме, и с каждым мгновением от ее лица отливало все больше красок.

— Что вы собираетесь делать дальше? — Под обратился к Райзу.

— У вас, кажется, проблема там какая-то, — тот развел руками.

— Мы можем продолжить ее решать?

— Пожалуйста. Мы не слишком торопимся.

Получив от Райза утвердительный кивок, Вильма бросилась наверх.

Зная вспыльчивость Хаука, Къярт отдал Ши приказ присматривать за ним, но тот все равно не стал упускать своего.

— Двуличная тварь, — прорычал он вслед прошедшей мимо Каре. — Нужно было пристрелить тебя, когда была такая возможность.

Он собирался добавить что-то еще, когда на его плечо опустилась рука Райза.

— Ступайте, — с улыбкой сказал тот. — И ты, Ши, тоже. Мы вас догоним. Нам нужно перекинуться парой словечек.

В просторной комнате, в которую молнией влетела Вильма, а за ней вошел и Под, были зашторены окна. Снесенные, казалось, со всего дома масляные лампы разгоняли темноту, но даже они не могли прогнать стоящий в воздухе дух тревоги, от которого спирало в груди.

Осмельд лежал на широкой кровати, его голова была повернута на бок, а подушка и простынь залиты кровью. Потерявший тот немногий вес, что у него был прежде, с бледной кожей, он больше походил на мертвеца, чем на живого человека. Но его грудь все еще порывисто вздымалась.

Офрен сидел на кровати рядом. Задрав рубаху Осмельда, он выводил на его животе печать.

— Что произошло?! — с нескрываемым ужасом прошептала Вильма.

Она упала на колени рядом с кроватью, бросила мимолетный взгляд на стоящую рядом капельницу. Осмельд был отключен от нее, а в стиге его руки алело запекшейся кровью место недавнего прокола.

— Не знаю, где-то минут двадцать назад у него нача... ой-ей!

Оторвав от печати взгляд, Офрен заметил, что в комнате есть посторонние. Его губы растянулись в нервной улыбке, а взгляд скакнул к Поду в надежде на подсказку, как ему быть. Тот отрицательно качнул головой.

— А ты, я погляжу, все не унываешь, Офрен, — Райз втолкнул в комнату Хаука и вошел следом.

— Откуда ж тут взяться унынию? — тот натянуто рассмеялся.

Он проводил взглядом Хаука, прижимающего предплечье к солнечному сплетению, покосился на стоящее истуканом за спиной Къярта Ши-то.

— Вы, парни, пришли нас опять выручить? — по мере того, как Офрен осознавал, что все как раз наоборот, его улыбка становилась шире. — И бывают же еще в наше время такие прекрасные люди. Еще и госпожу Раяду привели в помощь. Замечательно ведь...

— Офрен! — одернула его Вильма. — Закончи уже печать!

— Я стараюсь, стараюсь я, — пробормотал тот и снова склонился над Осмельдом. Его рука, сжимающая стержень, подрагивала. — Но это уже третья, и я не уверен, что и первые две хоть как-то помогли. Все было нормально, я ведь не отходил от него, а потом...

Офрен умолк, усердно выводя линии печати.

Она не могла помочь. Присмотревшись, Къярт узнал ее схему. Он использовал почти такую же, когда заживлял рану Хаука: хороша для внешних и умеренно глубоких повреждений, но почти бесполезна при внутренних.

Двадцать минут назад... Именно тогда Къярт перехватил контроль над Ши, и отдача ударила по Райзу. Если бы не исцеляющая печать, тот, вероятно, находился бы сейчас в том же состоянии, что и Осмельд.

— Не нужно, — тихо произнес Райз, предугадав мысли Къярта еще до того, как они оформились в его собственной голове. — Призовешь его душу, когда все закончится. Так будет даже лучше. В том числе и для него.

Вильма обернулась, посмотрела на Райза глазами полными слез.

— Нет, — выдавила она, — не получится. Это убьет его, — она указала на Къярта. — На Осмельде стоит родовая печать. Попытка призвать его душу убьет призывающего.

— Вильма! — рыкнул на нее Хаук.

— Его смерть не стоит жизни Осмельда, — огрызнулась женщина.

— Он будет казнен в любом случае, — припечатала Кара.

В комнате повисла тишина. Офрен продолжал выводить печать на животе парня, пусть уже и сам не верил в то, что это имело какой-либо смысл. Вильма держала ладонь Осмельда в своей и не сводила с Къярта взгляда. Надеялась на то, что один некромант не будет смотреть, как умирает другой? Или на то, что Братство предпочло бы заполучить беглеца живым? Или же просто ждала чуда?

— Офрен, отойди, пожалуйста, — попросил Къярт.

— Ты что собрался делать?! — возмутился Хаук.

— Помолчи пока. Все молчите.

Къярт приблизился к кровати и протянул руку, прося стержень с чернилами. После недолгого колебания, Офрен отдал инструмент и уступил место.

Осмельд нужен был живым. Если его нельзя призвать — а Ши не стало это опровергать, как и Райз — значит, единственный способ получить необходимую им информацию — сохранить ему жизнь.

Но это была не единственная причина, из-за которой Къярт хотел помочь, и, вероятно, не главная. Чего уж скрывать: он был только рад возможности отсрочить казнь парня.

На тумбочке рядом стояла миска с водой и полотенцем, которыми пытались снять жар. Къярт выжал лишнюю воду и стер с живота Осмельда незаконченную печать. Извлек из ножен небольшой нож и разрезал рубаху на его груди.

Быстрыми резкими штрихами он рисовал печати: сначала на груди, затем на лбу и на животе, и после, когда чернила первой полностью исчезли, снова на груди — общего восстановления. Когда Къярт перешел к последней печати, дыхание и пульс Осмельда выровнялись.

Он прочертил финальную линию, активируя печать. Осмельд закашлялся, выплевывая темные кровяные сгустки. Вильма побледнела еще больше, но приступ быстро прошел, и парень зашевелился, приходя в себя.

Приоткрыв веки, он посмотрел на сидящую рядом женщину. В его взгляде читалось непонимание.

— Осмельд, — выдохнула Вильма, больше не сдерживая слезы, — как же ты напугал меня!

Она сжала его пальцы и, уткнувшись лбом в тыльную сторону его ладони, расплакалась.

Осмельд сидел в кресле, закутавшись в шерстяной плед, и в свете разведенного в очаге огня его худоба казалась еще болезненнее.

Кухню дома, в котором обосновались охотники, нельзя было назвать маленькой, но даже она стала тесной, когда в ней собрался десяток человек. В воздухе стоял густой аромат мясного бульона, который спешно готовила Вильма.

— На душу Шии-то было наложено проклятие.

Голос Осмельда звучал тихо и хрипло. Печати исцелили тело, но теперь его ждала не одна неделя восстановления после месяцев, проведенных в медикаментозном сне.

— Я не знал о нем. Хотя стоило догадаться, что Орда не оставит свое оружие вот так валяться, пока его не подберет какой-нибудь некромант. Это проклятие обязывало того, кто свяжет себя печатью призыва, действовать в интересах Орды. Прошлой или будущей — неважно. Поначалу влияние было слабым, неощутимым, но, судя по произошедшему, оно быстро вошло в полную силу.

Къярт заметил, как едва дрогнули брови Райза. Тот сидел на стуле напротив Осмельда и внимательно слушал. Парня не пришлось долго упрашивать ответить на вопросы — только подождать, пока тот придет в себя в достаточной мере, чтобы облекать мысли в слова.

— И теперь, после того как связь с Шии перешла к Къярту, это проклятие..., — Райз не закончил фразу и перевел взгляд на Къярта.

Перевел взгляд не только он, но и все присутствующие.

— Да, вероятно, оно теперь на нем, — Осмельд кивнул. — Оно не имело бы смысла, если бы от него можно было избавиться просто призвав Шии-то во второй раз.

— Но призыва как такового не было, — возразил Къярт. — Я перехватил контроль.

Осмельд в замешательстве захлопал глазами.

— Перехватил? Я думал, что метку привязки уничтожили физическим путем, а ты уже призвал Шии-то после.

— Так что с проклятием? — Райз вернул разговор к тому, что беспокоило его больше всего.

— Я больше не чувствую его влияния. Быть может, перенос печати с одного некроманта к другому повредил его. Все же воровство чужих призванных редкая техника, а когда речь идет о ком-то, вроде Шии-то, такое и вовсе лучше не практиковать.

— Это из-за переноса печати ты едва не умер? — подал голос Под. Он застыл в углу, неподалеку от Вильмы, пытающейся отвлечь себя готовкой.

— Скорее всего.

На кухне воцарилась тишина, и взгляды всех присутствующих снова обратились к Къярту.

Сначала способность поглощать чужие жизненные силы, затем некромантия, и теперь — это. Словно бы само провидение неусыпно следило за ним, поджидая момент, когда он наконец освободится от груза прошлого, чтобы подбросить ему новый повод считать себя чудовищем.

— Если вы хотите знать, не появилось ли у меня желание собрать ковен и присоединиться к некромантам на юге, то мой ответ — нет, — сдержанно произнес он.

— Хорошо. Дай знать, если это изменится, — Райз улыбнулся и снова обратился к

Осмельду: — Шии-то было единственным, кто остался от Орды и кто годился для призыва?

— Нет. В одном только Афракском Союзе расположены три крипты. Это огромные подземные захоронения, созданные некромантами после поражения последней Орды. В том, где было Шии-то, находится две тысячи метаморфов. Сколько в других — мне не известно. Но не думаю, что меньше. Метаморфы — универсальные солдаты, особенно если дать им возможность развиваться и накапливать силу.

— И на каждом из них проклятие вроде того, что на Шии-то?

— Скорее всего да, — плед соскользнул с плеча Осмельда, и тот, зябко поежившись, натянул его до подбородка. — Чем больше я об этом думаю, тем больше вспоминаю, что читал о чем-то похожем в семейной библиотеке.

— В том, что ты читал, случайно, не упоминалось, как снять проклятие?

— Возможно, упоминалось.

— После зачистки паладины забрали все документы Инаэор, — сухо сообщила Кара. С самого пробуждения Осмельда она не проронила ни слова, и только маячила в стороне тенью полной молчаливого осуждения.

— Точно не из сокровищницы. Ее открыть может только кровь моего рода.

— И взрывчатка, — хмыкнул Райз.

— Прости, что?

— Взрывчатка. Универсальный ключ, главное, правильно подобрать размер. Кара?

— Мне неизвестно, чтобы в поместье Инаэор вскрывали какое-либо хранилище.

— Сокровищница находится не в поместье, — тихо произнес Осмельд. — Кто стал бы держать такое у всех на виду?

— Но ты же знаешь, где она? И где те три крипты? — Райз с улыбкой посмотрел на парня.

— Знаю.

Осмельд не разделял его приподнятого настроения. Он был похож на загнанного в угол зверька, полностью осознающего плачевность положения, в котором оказался, но, вероятно, еще ищущего способ выкрутиться.

— Позвольте моей семье уйти, — подняв на Райза взгляд, произнес он. — Отпустите их и не преследуйте, и я отвечу на все ваши вопросы. Сделаю все, что прикажет Братство, — он посмотрел на Кару, отчего та помрачнела еще больше. — Не буду сбегать. Только позвольте им уйти.

— Осмельд..., — Вильма оторвалась от готовки, но Под едва качнул головой, и женщина не стала продолжать.

— Парень, не тебе сейчас ставить какие-либо условия, — Райз усмехнулся. — Если ты этого еще не понял.

— Они не преступники! — с жаром выпалил Осмельд, и его голос предательски сорвался. — Они всего-то приютили меня, хотели дать нормальную жизнь, воспитать достойным человеком! Нет их вины в том, что я тот, кто есть. Делайте со мной все, что хотите, но позвольте им уйти!

Осмельд умолк. Его грудь тяжело вздымалась, стараясь наверстать нехватку кислорода.

— Вот как мы поступим, — выдержав паузу и убедившись, что Осмельд сказал все, что хотел, начал Райз. — Ты и вы четверо, — он обвел охотников взглядом, — беспрекословно выполняете все, что вам велят. С этого момента Шии-то не отойдет от Вильмы больше, чем на пару шагов, и, если хоть кто-то из вас решит выкинуть какую-то глупость, свернет ей

шею.

— Я лучше сам тебе шею сверну, — прорычал Хаук.

— Вот! Отличный пример глупости! Молодец, Хаук.

Осмельд побледнел, бросил мимолетный взгляд на Шии-то, словно бы оно могло выполнить распоряжение Райза уже сейчас. Но приказы призванному отдавал не он.

— Райз, это уже слишком, — заметил Къарт.

— Почему же? Если все будут вести себя прилично — никаких жертв. Не вижу причин для возмущений. Так что отдай приказ Шии-то, и закончим с этим.

Къарт вздохнул, и выполнил просьбу. Метаморф тут же сдвинулся с места и встало неподалеку от Вильмы.

— Славно. С правилами поведения разобрались, переходим к дальнейшим планам. Сначала посетим сокровищницу Инаэор. Если сможем найти способ снять проклятие, наведаемся и в крипты.

— Зачем это вам? — спросил Под, за все это время не проронивший и слова.

— Кто знает, когда и для чего может пригодиться армия мертвых, — с улыбкой ответил Райз.

— Одному некроманту всех не поднять, — тихо произнес Осмельд.

— Добавим-ка к правилам поведения еще «не задавать лишних вопросов» и «не совать нос не в свое дело», — Райз хлопнул ладонями по коленям и поднялся со стула, подытоживая разговор. — Советую всем хорошенько сегодня отдохнуть. Выезжаем завтра утром. У вас же есть лошади?

— Завтра? — переспросила Вильма и посмотрела на Осмельда. — Он едва на ногах держится! Еще и в такой мороз. Он же окоченеет по дороге!

— Так найдите ему нормальную одежду. И коня, — Райз пожал плечами и вышел из комнаты.

После беседы с Осмельдом он куда-то запропастился, тогда как Къарт с Карой обосновались в небольшой, согретой камином гостиной.

Механически ковыряя ногтем щербинку на подлокотнике кресла, Къарт размышлял о Шии-то. Метаморфа призвали второй ступенью, а перехват контроля повредил его душу. Могли ли эти повреждения затронуть и проклятие? Къарт не переставал прислушиваться к себе, к своим мыслям и порывам, и все без конца гадал, не навязано ли проклятием его желание спасти жизнь Осмельда. Но как бы там ни было, он мог с уверенностью сказать: что с проклятием, что без, он бы предпочел сохранить парню жизнь.

Спустя какое-то время появилась Вильма. Она принесла поднос с одной единственной тарелкой бульона и поставила ту перед Къартом.

— Спасибо, — сдавленно произнесла она и спешно ретировалась.

Къарт устало прикрыл глаза. Он предпочел бы находиться у охотников в такой же немилости, как и Райз с Карой. И чтобы Вильма поменьше выражала благодарность за спасение Осмельда, тем самым подливая масла в огонь неприязни, которую к нему испытывала Кара.

Но жест Вильмы не вызвал у той неприятия. Кара не казалась раздраженной или злой, скорее потерянной. Ее взгляд меланхолично ощупывал поленья в камине и лишь на мгновение коснулся Къарта, когда тот предложил ей принесенный бульон. Сдержанно отказавшись, она снова погрузилась в свои мысли.

Вскоре вернулся Райз. Скинув куртку, на которой блестели росинки бывшие недавно

снежинками, он пододвинул к камину свободное кресло и протянул окоченевшие руки к огню.

— Почему мы не отпустили остальных? — Къарт был готов говорить о чем угодно, лишь бы прервать молчание. Лучше идеи не нашлось. — Осмельд ведь обещал сотрудничать. Он все равно ничего не смог бы сделать.

Райз посмотрел на него и улыбнулся уголком губ.

— Что ж, если из моего прошлого ты не вынес этот урок, скажу прямо: когда у тебя есть выбор между честным словом пленника и рычагом давления на него — выбирай рычаг давления.

Спорить здесь было не о чем.

Они еще долго сидели бы в молчании, если бы Райз, наконец отогрев руки, не обратился к Каре:

— В чем дело?

— С чего ты взял, что что-то не так?

— Забыла, что я вижу чужие эмоции?

Къарт удивленно приподнял брови, когда Кара посмотрела на него, словно ища поддержки.

— Меня тоже по началу раздражало, — признался он. — Но со временем привыкаешь.

Кара понимающе кивнула.

Райз продолжал ждать ответ, всем своим видом выражая, что не отстанет, пока не получит свое.

— Просто гадко на душе, — Кара завозилась в кресле, надеясь спрятаться в нем от мира вокруг. — Сначала узнать, что один из представителей высшего сословия, которому Братство оказывало редкое доверие, оказался некромантом, а второй — его призванным. Потом самой стать такой же..., — она замешкалась, подбирая слово, — такой же нечестивой. И в итоге выяснить, что само Братство, оплот человечества, бессменный страж, заключает тайные союзы с врагом. У людей не осталось ничего святого, да? Никаких границ?

Она болезненно нахмурила брови и умолкла.

— Дела, — протянул Райз. — Ладно Къарт — святая наивность, но с чего тебе-то считать, что общество совершенно? Вешать все грехи на некромантов, и боготворить паладинов...

— И как бы ты поступил? — с вызовом спросила Кара.

— Так же, как однажды уже советовал Къарту: не награждал бы людей добродетелями, которые им не свойственны. И уж точно не сокрушался бы, найдя подтверждение их отсутствия. Братство не идеально: есть идейные бойцы, положившие жизнь на борьбу, которой не будет конца — вроде тебя; а есть те, кто делает на таких дураках, как вы, состояния. Уж для наследницы состоятельной семьи такие вещи должны быть очевидны.

— Райз! — Къарт в непонимании уставился на него.

Тот едва дернул бровью. Тряхнул волосами. Поднялся с кресла.

— Извини, — он посмотрел на Кару. — Не забивай себе голову всякой ерундой. Важно не кто ты и откуда, а как и куда идешь. Я вот иду проветриться.

На его лице снова появилась привычная улыбка, с которой он и покинул гостиную.

Кара тоже не стала засиживаться. Не задержался надолго и Къарт. Погасив огонь в камине, он отправился следом за девушкой, но нашел ее куда раньше, чем ожидал.

Она стояла у окна, выходящего на задний двор, и не отрывала взгляд от чего-то по ту

сторону обледеневшего стекла. Помедлив, Къярт подошел к ней.

На улице шел снегопад. Крупные, похожие на клочки ваты, белые хлопья сыпались с неба, покрывали траву и плечи стоящего посреди двора Райза. В одной рубашке, запрокинув голову, он смотрел в небо.

— Чего это он? — словно бы нехотя спросила Кара.

— По нему не скажешь, но Райз готов любоваться всем на свете. Видела бы ты его в первое время, после того, как Фелис призвал нас, — Къярт осекся, поймав себя на том, что мысли о тех днях больше не вызывают в нем неприятия. Скорее наоборот. — А сейчас вот — снегопад. Последний раз он видел его еще в детстве.

— Почему в детстве? После жил на юге?

— После жил под землей.

Кара больше ничего не спрашивала, а Къярт не мог оставить все вот так, как есть. И какая муха укусила Райза, из-за чего тот заговорил с Карой в таком тоне, и это при его-то отношении к ней?

— Не злись на него, — Къярт все же решился сказать то, что крутилось на языке. — Пусть порой Райз и ведет себя, как циничный засранец, но он — хороший человек. Один из лучших, что я знал. Думаю, на его родине его считают героем.

Кара посмотрела на Къярта с вопросом в глазах.

— Он посвятил жизнь тому, чтобы защитить ее от захватчиков, собиравшихся перебить местное население. И как он защитил свою родину, так защитит и твою.

А ведь в его голове эти слова звучали не так приторно.

Кара хмыкнула.

— Не перестаю удивляться, как вы двое не упускаете ни одной возможности повздорить и при этом не перестаете выгораживать друг друга.

В молчании они оба смотрели на, казалось, превратившегося в статую Райза. Словно бы почувствовав чужое внимание, тот повернул голову, встретился с Къяртом взглядом и улыбнулся.

В морозном воздухе медленно кружащиеся снежинки казались чем-то воистину волшебным — тем, чья жажда движения смогла преодолеть холод, в котором застыло даже время.

Снег скрывал землю, деревья, дом, в окнах которого бледно горели свечи. Если бы не они, Райз и вовсе счел бы, что снова оказался на острове Республики. Тогда он тоже любил стоять во дворе, смотреть в темно-синее небо и считать падающие хлопья. Только в те времена белизну вокруг освещал не слабый свет свечей, но яркий, порожденный электрическими лампами высоты Дома. Да, сейчас разница в свете была единственным существенным различием.

Райз посмотрел в сторону дома, туда, где за скованным изморозью окном стояли Къярт с Карой, и улыбнулся.

Улыбаться. Нужно улыбаться, даже если такого желания совершенно нет. Он и так остутился, проявив излишнюю резкость. Благо, Къярт не настолько дотошен и подозрителен, чтобы придать этому большое значение. Главное, не совершать других ошибок.

Райз снова посмотрел в небо.

Он понял, что что-то не так, еще когда Къярт перехватил контроль над Шии-то. Что-то не так кроме того, что в тот момент некая сила едва не вытащила его желудок через горло. Но с физическим недомоганием печати справились на раз, чего нельзя было сказать о вещах куда более серьезных и опасных.

Сначала Райз не понимал, что происходит. Он бы и вовсе ничего не заметил, если бы не был уже знаком с ощущением, что он не один в своей голове. Искривленное восприятие окружающего мира, спонтанные порывы, словно бы продиктованные чужой волей — сначала эти изменения были едва заметны, но к концу вечера Райз уже отлично различал пришедшие извне импульсы.

Проклятие на душе Шии-то. Когда Вильма только обмолвилась о странном поведении Осмельда, Райз отложил догадку в сторону: на тот момент почва для предположений была слишком хлипкая. Но затем парень пришел в себя, заговорил о проклятии, и с тех пор Райз видел его проявления в каждой спонтанной мысли, точно ипохондрик — смертельную болезнь в малейшем недомогании.

Полчаса на отрезвляющей разум холодрыге — и Райз взял себя в руки. Он всю свою прошлую жизнь оттачивал навык разделять свое от навязанного, сопротивляться, отсекать. Несколько месяцев без практики не могли стереть накопленный опыт.

Почему проклятие, которое должно было ударить по Къярту, перешло на него? Ведь составленная Ашшей печать работала только с физическими повреждениями. С другой стороны, возможно, проклятие действительно прицепилось к Къярту, но воздействовало на физиологическом уровне, что расценивалось зеркальной печатью как вред организму. Но что на уровне биохимии могло дать четкое указание «служи Орде»? Как бы там ни было, он это указание получил, впрочем, как и в свое время указание «служи друидам» и множество прочих, исковерканных или же и вовсе проигнорированных им.

Райз не собирался ставить Къярта в известность. Во всяком случае, не сейчас. Даже если его подозрения окажутся обоснованными, нечего поднимать панику раньше времени.

Не планировал он и избавляться от Шии-то. Возможно, это избавило бы его от влияния

проклятия, а возможно, и нет. Но пока метаморф представлял ценность, а ситуация находилось под контролем, от кардинальных шагов лучше было воздержаться.

Единственное, чего опасался Райз — что на следующее утро в его теле проснется не он, а кто-то другой. Если проклятие продолжить набирать силу, по пробуждении он может оказаться не готовым к случившемуся за время сна скачку. Так он провел ночь в полудреме, спохватываясь всякий раз, когда его разум понимал, что его затягивает в глубокий сон.

Охотники вели себя смирно. Угроза жизни Вильмы оказалась действенным средством, и даже Хаук, которому наверняка вставили мозги, ограничивался одними только враждебными взглядами.

— Мы задержимся здесь еще на несколько дней, — заявил Осмельд, когда Райз позволил себе опрометчивую мысль, что все идет слишком хорошо.

— Проблемы с памятью, парень?

— У меня встречный вопрос, — бесстрашно огрызнулся тот. — Вильма рассказала, что согласно вашим же словам, вы явились не за тем, чтобы вернуть меня Братству, а чтобы казнить за то, что я отдал Непрад на поживу некромантам. Но за все это время никто из вас даже не заикнулся о том, чтобы прекратить их самоуправство. Паладинам настолько плевать на эти земли?

Осмельд исподлобья взглянул на Кару. Он все еще с трудом держался на ногах и сейчас стоял, опираясь на спинку стула, бледный и суровый, как неупокоенный призрак.

Проклятье. Райз и правда не подумал об этом. Одно дело — отсеять навязанные мысли, и совсем другое — сбросить те, которых его пытались лишить. Ему следует проявлять больше бдительности. Такие осечки недопустимы.

— Мне нужно несколько дней, чтобы разослать некромантам приказы и получить подтверждения. Я хочу собрать их в одном месте, в заброшенной крепости на севере, раз полуостров им все равно не покинуть. Поблизости от нее нет населенных пунктов, и я запрещаю им высовываться до моего возвращения.

— Ты помнишь, что будет, если ты сделаешь какую-либо глупость? — поинтересовался Райз.

— Проблемы с памятью здесь не у меня, — сухо ответил тот.

В роли посыльных Осмельд использовал птиц. В первый же день Под принес целый десяток, подстреленных местными охотниками, и, вернув их к жизни, парень выпустил крылатых в небо. Никаких посланий и прикрепленных к лапке записок — только птица, которая должна была прилететь к получателю и отстучать клювом приказ. С одной стороны, метод сомнительный: одному только Осмельду было ведомо, что и кому настучали его пернатые слуги. Но Райз видел, что парень не лжет, и знал его достаточно, чтобы не сомневаться: тот не станет рисковать жизнью Вильмы. В одном женщина оказалась права: Осмельд не был злодеем. Некромантом, готовым пойти на многое ради спасения семьи — да. Но не злодеем.

Ответы начали приходить вечером второго дня. Как и Осмельд, некроманты отправили птиц: те выбивали клювами на подоконниках свои сообщения, и с каждым новым прибывшим гонцом парень мрачнел все больше.

— Какие-то проблемы?

— Они недовольны, — с неохотой признался Осмельд. — И не согласны. Но сделают то, что велено. Во всяком случае, сейчас. Другие кованы не примут их после того, как они присягнули мне.

Пока птицы выдалбливали в подоконниках дыры, охотники искали подходящих лошадей. Под опасался, что даже тех, которых они продали по приезду одному из торговцев, пустили под нож, чтобы прокормить ораву детей. Но четырех скакунов им все же удалось найти. Вильме достался принявший облик грива метаморф. Женщина пыталась уговорить Райза позволить Осмельду ехать на Шии-то — все же гривий ход отличался несравнимой ни с чем плавностью — но тот оставался непреклонен.

Сокровищница Инаэор находилась на плоскогорье перед одной из Эшенских гряд. Дорога выходила не близкой: сперва на поезде из Углара до Руферона, там пересесть на идущий в Коуфлад состав, и оттуда строго на юг до упора в горы. Углар и Руферон были самыми узкими местами в плане. Углар — из-за присутствия в нем взвинченных донельзя паладинов; Руферон — из-за главы отделения, который мог узнать охотников и Осмельда в лицо. Со вторым дело обстояло проще: Регрору совершенно нечего было делать на вокзале — единственном месте, где они могли столкнуться. В случае с первой точкой маршрута ставка делалась на то, что печати, поставленные Къяртом на Шии-то, не подведут, а Кара обеспечит им отсутствие проверок.

Ей не нравилось происходящее. Находился ли Осмельд под влиянием проклятия, не находился — он оставался некромантом, который слишком долго бегал от плахи. А то, что он обладал важной информацией... При желании Райз мог вытянуть ее всю до последней капли. Но кто бы позволил ему пытаться семнадцатилетнего пацана? Уж точно не Къярт.

Каре оставалось только смириться. На удивление, все время, проведенное в доме в Западном Бреуде, а затем и всю дорогу к Углару она держалась рядом с Къяртом. Выбрала из двух зол меньшее или же предпочла не выпускать из виду того, кто сейчас представлял большую опасность как некромант?

Как и ожидалось, паладины на посту в Угларе не стали препятствовать: только выразили озабоченность такой наглой попыткой протащить с закрытого полуострова людей. Но Райз помахал перед носом стражи родовым листом Енкарт, сердечно пообещал, что они сегодня же исчезнут из Углара, и вопрос решился.

Грузовой вагон все еще стоял в отстойнике, дожидаясь двух гривов, коня и прибавившегося к ним метаморфа. Пусть Вильма временно оставалась без своего надзирателя, но из одного вагона, который Райз выкупил целиком, семейству было некуда бежать.

Все это время он наблюдал за ними, за их энергией духа и каждый день убеждался в том, что это все те же охотники, которых они встретили на пути в Руферон. Серые от промозглого холода и свалившихся на них злоключений, но все те же. Они не были им врагами, как не был и Осмельд — обычный парень, с неудобной родословной, который хотел покоя для своей семьи.

Единственным, кто не унывал, был Офрен: он не стеснялся выражать свой восторг и сообщать на весь вагон, как удобно и приятно путешествовать в обществе знати. Но как бы он ни старался сгладить острые углы, получалось неважно. Хаук продолжал злиться, а мрачного, как промокший до нитки тощий кот, Осмельда ко всему прочему еще и грызло чувство вины, что он стал причиной, по которой охотники все глубже увязали в неприятностях.

Сильнее всех была неприязнь Пода, спрятанная под маской спокойствия: угроза жизни его супруги мало способствовала установлению дружеских отношений.

В какой-то момент напряжения в ресторанной части вагона стало так много, что Райз

отклонялся и закрылся в своей комнате. Это, конечно, не избавило его от лицемерия энергии духа охотников, но теперь в него хотя бы не втыкались, как ножи и пики, их взгляды. Раньше такая ерунда не задевала его. Но сейчас он все еще находился в поисках той точки баланса, в которой мог легко отсекал порывы, навеянные проклятием, и не подвергать тщательному досмотру каждое свое желание, определяя, таким ли своим оно является.

Все сомнения в том, что проклятие ударило по нему, улетучились, когда накануне вечером, в очередной раз споря с Къяртом о какой-то ерунде, он поймал себя на мысли, что было бы неплохо свернуть тому шею, а его разум тут же принялся просчитывать шаги. С учетом зеркальных печатей, свернуть шею нужно было как минимум трижды, что ему никто не позволил бы сделать. Нужен был другой план.

Это было самое грубое, самое топорное влияние проклятия за все время. Враг показал себя, и пришло время стряхнуть пыль со старых умений и подготовиться к затяжным сражениям в собственной голове.

Райз почти задремал, когда донесся стук в соседнюю, принадлежащую Къярту, комнату, а затем, после недолгой паузы, и стук в его собственную. По ту сторону двери стояли его мучители.

— Заходите, — Райз сел на кровати и провел ладонью по лицу, прогоняя сон.

Появившийся первым на пороге Къярт не был инициатором этого собрания. Зайдя следом, Кара плотно закрыла дверь и заняла место на диванчике напротив. Къярт устроился на краю его же койки, словно отрезая пути к бегству. Повеяло близящимся серьезным разговором, тема которого была известна только Каре.

— Он уже что-то натворил? — с напускной беззаботностью поинтересовался Райз и после того, как Кара одарила его многозначительным взглядом, добавил: — Я еще ничего не успел сделать. Так что это точно был Къярт.

— Прекрати валять дурака, — беззлобно ответила Кара. — Нам до одного только Руферона ехать еще сутки, так что..., — она помедлила, словно собираясь с духом. — В доме Енкарты ты обещал, что вы расскажете о своем прошлом, когда я об этом попрошу. Собственно, я прошу рассказать.

Райз с Къяртом переглянулись. Ни один из них не ожидал, что Кара изъявит желание выслушать их так скоро, да и события последних дней не располагали к ведению душевных бесед. Но в одном она была права: сейчас времени для долгих историй — хоть половником черпай. Только вот Къярт вряд ли горел желанием снова ворошить свое прошлое.

— Что ж, раз обещание давал я, мне и начинать, — Райз улыбнулся.

— Нет. Пусть он начнет, — возразила Кара.

Райз предполагал, что в этот раз Къярт опустит часть деталей своей биографии. Но тот излагал одно за другим, едва ли не теми же фразами: сперва нелюбимая история о его жизни до того, как ему стало известно о надвигающейся на его планету катастрофе; затем — о еще менее приятных событиях, последовавших за этим известием.

А из парня получился на удивление хороший рассказчик.

Кара слушала, не перебивая, только время от времени хмурила брови и щурила глаза, отчего в их уголках появлялись тонкие, изящные морщинки.

Къярт замолчал, когда за окном рассвело, а в комнате витали нити серебристой взвеси.

— Мне очень жаль, — дипломатично произнесла Кара. Поверила ли она хоть во что-то из услышанного? — Твою сестру. И вообще.

— Если у тебя нет вопросов, я пойду.

Къярт посмотрел на дверь, как на недостижимый путь к спасению.

Вопросов не было, но только у Кары.

— А что же насчет твоих походов в этом мире? — одернул его Райз. Последние пару часов он сидел, подложив под локоть подушку и вальяжно вытянув ноги, оставив Къярту место на самом краю. — Если уж играть по честному, то ты должен рассказать все, что произошло до того момента, как мы случайно столкнулись с Карой во всеми забытой деревеньке, и все пошло наперекосяк.

— Не в этот раз, — отрезал Къярт и поднялся со своего места.

Кара перевела вопросительный взгляд с него на Райза.

— Нет, ничего такого, из-за чего ты отказалась бы с ним разговаривать, — заверил тот. — Он просто стесняется. Видишь ли, я не все время находился рядом, и Къярт не стал упускать своего счастья и...

— Ты утомилась когда-нибудь или нет?

— А ты мне прикажи, — Райз хохотнул.

Къярт безнадежно покачал головой и вышел, закрыв за собой дверь. Далеко он, конечно, не ушел — его комната была через стенку, но Райз уже был доволен собой: пусть напарник забивает голову мыслями о фурии, чем о тех, кого не смог спасти.

— Тебе тоже лучше отдохнуть, — сказал Райз. — Сегодня вечером пересадка в Руфероне, выпишись к тому моменту.

— Кто-то должен следить за Осмельдом.

— Этим кем-то буду я, — он улыбнулся. — Отдыхай, Кара.

Проскучав в своей комнате до полудня и перекусив в обществе проснувшегося Къярта запеченной в сливах уткой, Райз отправился спать.

Пересадка в Руфероне прошла без сучка и задоринки. Правда, пришлось задержать поезд, отбывающий в Коуфлад, чтобы перецепить грузовой вагон с гривами и лошадьми. Под честное слово, что те не покинут вагон, им было позволено въехать на территорию города.

Поезд в Коуфлад имел вид еще более представительный, чем угларский. Как никак, его маршрут пролегал с запада на восток через центральные земли Союза, в том числе с остановкой в столице — Афраксе. Но, несмотря на весь лоск выкупленного вагона, он не стоил того, чтобы ломить цену вдвое.

— Что, тоже хочешь послушать? — спросил Райз, когда поезд выехал из Руферона, а Кара появилась на пороге его комнаты в сопровождении Къярта.

— Я обязан проследить за тем, чтобы ты не привирал.

— И как ты только можешь так плохо обо мне думать?!

В этот раз Къярту и Каре достались свои собственные, глубокие и мягкие кресла. За окном мелькал промозглый, потрепанный поздней осенью пейзаж, но по эту сторону было тепло и сухо. От сидений и обивки кресел пахло дорогим парфюмом, а сквозь закрытую дверь доносился ненавязчивый перебор арфы музыкантом, приглашенным для развлечения уважаемых гостей. Вряд ли он ожидал, что в итоге ему придется развлекать охотников, не слишком похожих на представителей знати, но просто взять и уйти, оскорбив тех, кто позволил себе выкупить целый вагон, он не решился.

Когда все приготовились слушать, Райз осознал, что не знает, с чего начинать, и что, собственно, говорить. Прежде ему не доводилось рассказывать о своем прошлом. Что было важным, а что незначительным? Попытки отыскать ответ приводили к тому, что все в итоге

или казалось суетой сует, или же не оставалось ничего, что допустимо было не упоминать. В итоге Райз отбросил размышления, собственное отношение к пересказываемым событиям и ограничился банальным изложением фактов. Подбираясь к последним дням своей прошлой жизни, он упрочился в мысли, что все эти рассказы о давнем — изначально дурацкая затея, которую он окончательно испоганил. Мотнув головой, он не без труда разделил свое восприятие ситуации и навязанное проклятием, и поставил в изложении точку.

— Что насчет того, что было после? — как бы между прочим поинтересовался Къярт. — Твоя версия недавних событий куда занимательнее моей.

— Неужто ты целый день вынашивал этот подлый план?

— Конечно. Глупо было приходить не подготовившись.

— Глупо было вообще совать палец в дверь. Но раз таково твое желание, то возьми и сам расскажи Каре, что было после. У тебя даже лучше получится: можешь изложить в ролях.

Къярт смерил Райза тяжелым взглядом.

— Знаю, грязный удар, но ты первый полез.

— Если хочешь, я сама могу спросить его, — предложила Къярту Кара. — Помнится мне, кто-то обещал «ответить честно на любой вопрос».

— И не совестно тебе так открыто заключать союз с некромантом? — с укоризной в голосе спросил Райз.

Кара с невозмутимым видом пожала плечами.

В Коуфладе никто и никогда не знал о голоде, что грозил Непраду. Владелец обширных пахотных черноземов и дремучих лесов, он мог прокормить в одиночку добрую половину Союза и еще продать остатки соседям. Нарядные трех- и четырехэтажные дома, принадлежащие семьям потомственных землевладельцев, заняли три холма, в ложбине между которыми расположился исполин. Точно усталый воин, преклонивший колени, он стоял опершись на нечто, напоминающее серп. Его лицо — отполированный камень, лишенный каких-либо черт — было обращено к земле.

Причин задерживаться в городе не нашлось, и дорога повела на юг, к белеющим вдалеке вершушкам эшенских гор. На улице стоял первый месяц зимы, но холода еще не успели добраться сюда, слишком заняты захватом непрадского полуострова. Но осень, не та, что с позолотой на деревьях и солнечными, расшитыми летучей паутиной днями, а промозглая, порванная ветром, рождающая единственное желание — забиться в нору и не высовываться до весны, все еще была здесь. Къярту холод был нипочем, Каре не позволило выказать слабость чувство собственного достоинства, а Райз находил прелестной и такую погоду. Хлещущий в лицо и толкающий в спину ветер будил воспоминания о былых днях, когда Райз мог не только ощущать на себе буйство воздушной стихии, но и повелевать ею.

Охотники такой стойкостью и воодушевлением похвастаться не могли. И когда Осмельд привел их к охотничьей сторожке, забравшейся в расселину меж двух скал плоскогорья, что предварило горный кряж, они выдохнули с облегчением.

— Сколько нам еще тащиться? — спросил Хаук, когда они все собрались вокруг разогреваемых на огне коуфладских консерв.

— Мы на месте, — ответил Осмельд и бросил на Райза короткий взгляд. — Вход в сокровищницу здесь. Под очагом, — он посмотрел на пламя. — Если разобрать его, там будет дверь.

— Ты был здесь раньше? — спросил Къярт.

— Нет. Мне рассказывали, как найти сокровищницу. Это и склад и убежище на случай, если понадобится скрыться.

— Есть что-то, что нам нужно знать? — Райз внимательно посмотрел на Осмельда.

Тот ответил не сразу.

— Когда я открою дверь, все охранные заклятия будут сняты. Никакой опасности.

— Отлично. Вильма останется с нами. Для гарантий.

— А какие гарантии у меня?

— Твое примерное поведение и примерное поведение остальных — лучшая гарантия.

Когда поленья в очаге догорели, Шии-то, принявшее облик сурового вида здоровяка, разгребло угли и разобрало камни, обнажив покрытую пеплом круглую плиту два метра диаметром. В самом ее центре находилась крошечная выемка, словно от удара штырем — удара достаточно сильного, чтобы от нее в стороны разошлась густая сеть трещин.

Опустившись на колени, Осмельд порезал ножом палец и выдавил кровь в выемку. После десятка проглоченных алых капель плита задрожала, покрылась периной из поднятой пыли. Осмельд встал на ноги и отошел в сторону. Несколько минут — и камень осыпался в черный зев прохода, обнажив уходящую круто вниз лестницу.

Вспомнилось святилище из другого мира. Технологии запечатывания использовались,

вероятно, разные, но некоторое сходство определенно присутствовало.

— Что это за магия? — тихо спросила Вильма, положив руку на плечо парня.

— Связующее камень и кровь заклинание. Таким же пользовались те, кто..., — Осмельд запнулся, — кто непосредственно был частью Орды. Я пойду первым?

Райз кивнул.

Прихватив старую надколотую масляную лампу, Осмельд начал спускаться вниз. Лестница оказалась короткой: всего-то два десятка узких ступенек, за которыми начинался длинный, погруженный в темноту и затхлость туннель.

Стоило им оказаться в его начале, и энергия духа Кьярта переменилась. Райз едва нахмурился. Все верно: в прошлой жизни напарника, перед тем, как все полетело в бездну, его вели как раз по такому вот туннелю с неведомым концом.

Райз взял Вильму за локоть и улыбнулся в ответ на тяжелый взгляд Пода:

— Я ей ничего не сделаю. При соблюдении оговоренных условий.

Проход все тянулся и тянулся, уводил вглубь горы. В обступившем со всех сторон мраке начали мерещиться гримасы, но это были всего лишь порождения рытвин на стенах и трусливо дрожащего света лампы.

Тупик вынырнул из темноты внезапно: точно такая же плита, как и под очагом, только вертикальная, а вместо небольшой выемки в центре — дыра, в которую могла пролезть спелая вишня.

Немного потоптавшись на месте, Осмельд сунул в нее палец, а его энергия духа приобрела легкий голубоватый оттенок естественного страха перед неизвестностью.

И снова легкая, дробящая камень, дрожь.

По ту сторону царила темнота. Но она заполняла не коридор, а по меньшей мере, просторный зал — эхо шагов Осмельда унеслось вдаль да так и не вернулось.

— Где-то здесь должен быть..., — он сделал несколько шагов вдоль стены, — должен быть рычаг.

В камне, немногим поодаль от входа, и впрямь обнаружилась небольшая металлическая панель с переключателем.

Темнота заскрежетала механизмами, сверкнула искрами, и следом за ними вспыхнули десятки установленных на стенах светильников, проливая свет на содержимое сокровищницы Инаэор.

Это место выглядело, как бездонная кладовая, но, учитывая ценность того, что в ней хранилось, все же было сокровищницей. Неспроста Осмельд называл ее не просто хранилищем, но убежищем. Кроме рядов шкафов, что тянулись вдоль левой и правой стены, здесь были бочки с маслом для светильников, шкуры, долгохранящаяся провизия, разная утварь, что могла пригодиться тому, кто захочет здесь отсидеться — точно гигантский амбар, разделенный на секции.

Удивительнее всего были тепло и вода. В родном мире Райза тоже существовали обогретые недрами планеты пещеры: с ручьями, крошечными озерами и вполне убедительной растительностью — друиды обосновались как раз в одной из таких. И пусть сокровищница Инаэор не дотягивала до уюта Лона, но бьющий из стены и скрывающийся в камне источник весомо добавлял ей привлекательности.

— Как давно запечатали это место? — спросил Райз, осматривая подвешенное на крюках вяленое мясо. Сколько лет оно здесь хранилось? Естественным методом или же не без консервирующих печатей?

— Его не запечатывали: заперли дверь, которую можно как открыть, так и закрыть. Я могу восстановить плиту на входе, — предложил Осмельд.

— Не стоит, — Райз качнул головой и выпустил локоть Вильмы. Теперь достаточно было и того, что за ней присматривало Шии-то.

— Я привел вас в сокровищницу, как вы того хотели. Чего еще вам нужно?

— Нужна не сокровищница, а способ снять проклятие с метаморфов. Поисками его и предлагаю заняться всем желающим, — Райз окинул взглядом шкафы, доверху забитые книгами. — Если ты, конечно, не знаешь, где именно эта информация находится.

— Даже то, что она вообще существует, — всего лишь мое предположение.

Райз приподнял бровь.

— Оно должно быть, — поспешил добавить Осмельд. — Если не в готовом виде, то хотя бы наброски. Не думаю, что мой род не попытался бы найти способ снять проклятие.

— Зачем, если вы и так прислужники Орды? — холодно спросила Кара.

— Служить добровольно и по принуждению — разные вещи, — Осмельд зябко пожал плечами. — Тем более для тех, кто сам привык повелевать.

Каждый раз, когда речь заходила о Инаэорах, Осмельд называл их «мой род» и никогда «моя семья». С тем, что сейчас его семьей являлись охотники, никто не спорил, но то, как он отделил себя от давших ему жизнь, вызывало вопросы. Воспитание Вильмы так сказалось, или у парня еще до зачистки ковена не все было гладко с родными?

— Что ж, чем раньше начнем поиски, тем раньше закончим, — Райз приглашающе махнул рукой в сторону шкафов.

Прежде чем приступить к изучению архивов, он отозвал Къярта в сторону и попросил заняться изучением печатей и чего-либо, что могло пригодиться в будущем. Без лишних обсуждений, каждый взялся за свое дело.

Пересматривая толстые пыльные папки, содержащие оригиналы переписок между главами ковенов, подписанные соглашения и некие подобию законодательных актов и хартии для некромантского сообщества, Райз поймал себя на мысли, что нахождение под землей не вызывает у него прежних чувств, как, например, когда он копался в бумагах святилища в соседнем мире. Неужто прожитые среди друидов годы стали забываться, или же это проклятие так ненавязчиво пыталось стереть его же личность?

Райз сдержал желание чихнуть, тряхнул головой, прогоняя наваждение, и перешел к следующему документу — переписи некромантов, входивших в ковен Инаэор. В ней приводились не только списки имен, но и родословные каждого упомянутого в ней, принадлежащие им земли, место проживания, уровень одаренности и даже владение артефактами и особо примечательными призванными.

Кроме всего прочего в записях значились даты смерти. И если на первых страницах они были вполне объяснимы, то на последних их близость к датам рождения намекала, что проблемы в ковене Инаэор начались задолго до того, как Братство истребило их. После зачистки некому было обновлять записи. Оставалось только гадать, кто из упомянутых на последней сотне страниц еще жив, а кто мертв. Не очень удачно. С такой адресной книгой можно было бы постучаться в дверь ко многим, кто представлял ценность.

Райз листал страницы и уже собирался отложить перепись в сторону, когда его взгляд зацепился за приписку, имеющуюся всего у нескольких некромантов: «проклят кровью, лишен возможности использовать печати призыва». Но значение имело не наказание, которому подвергли некроманта, а его проступок: «убийство трех паладинов из семьи

Далоран, поставившее под угрозу безопасность ковена».

Райз скользнул взглядом к началу страницы. Керава Вашатру Рутеру. Ему было всего шесть, когда Братство уничтожило весь род Рутеру.

О постоянстве, с которым паладины позволяли улизнуть от них всякой малышне, в пору было сочинять глумливые куплеты.

В итоге Инаэоры забрали Кераву к себе, а спустя двадцать один год тот напал на семью Кары, чем, по всей видимости, привлек к ковену излишнее внимание. Это из-за него пять лет спустя Братство стерло в порошок Инаэор со всем ковом? Присутствовал ли среди них Керава?

Райз посмотрел на маячащую среди шкафов Кару. Необходимость прикоснуться к трактатам вызывала у нее примерно те же эмоции, которые вызвали бы поиски потерянной сережки в свинарнике, но ее черты оставались высеченными в камне. Ей бы соревноваться с Кьяртом: чье равнодушно-спокойное выражение лица равнодушнее.

Если бы паладины тогда убили Кераву, то они должны были сообщить об этом Каре. Если, конечно, знали, кто именно напал на род Далоран. А могли и не сообщить, чтобы та не потеряла запал, с которым охотилась на некрмантов. Варианты с одинаковой вероятностью. Хотя... в операции таких масштабов дело явно не обошлось одними руководителями отделений, а значит, оставался шанс, что о Кераве будут знать не только те, кто решит придержать информацию. А слухи, как ветер — их ничем не сдержать. Следовательно, скорее всего Братство даже не знало, что Керава состоял в ковене Инаэор.

Или не состоял? Какой прок Предтечам держать подле себя некрманта, по их же распоряжению лишившегося силы?

Райз снова пробежался взглядом по строкам. Кераве позволили сохранить тех призванных и умертвий, что были при нем на момент проклятия: одного грива, пару хищников поменьше и полтора десятка человеческих умертвий — никого, с чьей помощью он мог бы убить трех воплотивших броню паладинов.

— Эй, Осмельд, подойди-ка сюда, — позвал Райз, когда гадать в одиночестве надоело.

— Что-то нашел? — тот не проявил энтузиазма.

— Да, кое-что, — Райз усмехнулся и добавил, понизив голос: — Но не касательно проклятия. Тебе что-нибудь известно о нем?

Он развернул перепись лицом к Осмельду. Тот быстро смекнул, что к чему. Парень хотел было обернуться в сторону Кары, но его остановила опустившаяся на запястье рука Райза.

— Так известно, или нет?

— Выскочка, который сгубил весь ковен. Род пытался замести следы, но Братство вцепилось мертвой хваткой. О нем много говорили в последние годы, до того как..., — Осмельд оставил фразу незаконченной. — Его имя стало почти нарицательным. Такие самодуры, еще и из древнего рода, редко встречаются.

— Ничего конкретнее у тебя нет? Его убили, как и остальных?

— Он был проклят и изгнан, после чего вернулся в родовое поместье. Вряд ли он часто из него высывался. Если бы кто-то из некрмантов решил убить его за все причиненные ковену неудобства, мой род не стал бы судить убийцу слишком строго.

— Судить?

— Рутеру — древний род. Не такой, как Инаэоры, но древний. Убить последнего из рода, а тем более еще и воспитанника Инаэор — преступление. И не важно, что наследник и

сам находился в опале.

— Значит, Керава может быть еще жив. Какая ирония. А что за проклятие на крови?

— Одно из самых сильных. Оно будет действовать, пока жив хотя бы один из тех, в ком течет кровь проклявшего рода.

— ...Оставалось только натравить на вас паладинов, и проклятие было бы снято. Жаль, исполнители подкачали.

— Он бы не посмел, — решительно заявил Осмельд.

— Сейчас это уже не важно.

Райз отыскал в тексте упоминание о поместье Рутеру и хмыкнул. Если он верно помнил карту Эшшенских гор, до места, где мог окопаться Керава, было каких-то два дня пути.

— И как еще не вышло так, что сокровищницу не сделали в подвале у Рутеру.

— Так и вышло. Практически, — Осмельд говорил односложно, с долгими паузами, словно заставляя себя признаться в провинности. — Рутеру не одно поколение служили моему роду. И сокровищницу построили поблизости от них, потому что они были ее стражами — до изгнания Керавы. После этого его род лишили права открывать дверь. В переписи об этом ни слова, сам понимаешь, почему.

Да, узнай кто-то, что ключики от двери не только у Инаэор, наверняка наведались бы к владельцам дубликата.

— А вы с Рутеру, считай, не разлей вода были.

— Не «мы». Мой род, — хмуро поправил Осмельд.

— Ну разумеется, — Райз улыбнулся и задумался. — Значит, у Керавы был доступ в сокровищницу. Здесь хранилось что-то, что могло справиться с паладинами?

— С Далоран? Я не знаю. Здесь много всего было и есть. Нужно изучать инвентарную книгу. Но, насколько я знаю, никому не было известно, как именно Керава справился с паладинами. Говорить он отказался.

— Может, спрашивали недостаточно настойчиво.

— Он Рутеру и воспитанник Инаэор. Его не позволили бы пытаться.

— Пытаться — нет, а проклясть и лишить сил — запросто. Занятные же у вас порядки, — Райз хохотнул и, покосившись на Осмельда, поправился: — У Инаэор. Ладно, парень. Расскажи ты обо всем этом сам, до того, как я нашел записи, мог бы заработать себе очков, — он указал взглядом в сторону Кары.

— А они мне как-нибудь помогли бы?

— Как ты там говорил: «я готов на все, что угодно, только отпустите Вильму и остальных»?

— Но вы не отпустили.

— Завязывай пререкаться, пацан. Не сказал раньше, вот и дальше помалкивай. А заодно, пока ищешь информацию о том, как снять с метаморфов проклятие, поищи и что-нибудь о том, с чем Керава мог напасть на Далоран. Все понял? — Осмельд кивнул. — Вот и умница. Можешь идти.

Осмельд вернулся к поискам, а Райз еще какое-то время сидел и размышлял о том, как все закручивается в клубок: Инаэоры и Рутеры, Керава, почти уничтоживший семью Далоран, Кара и Осмельд — и все они, оказавшиеся в одном месте. Знала ли, что все так сложится, «высшая сила»? Знал ли Фелис? Его имя тоже значилось в переписи Инаэор — с припиской, что тот вышел из ковена. Без скандалов, но и без доброго слова напоследок.

Узел затягивался все туже и туже, и оставался только один вопрос: на чьей шее?

Устав от собственных мыслей, Райз отозвал Къярта в сторону.

— Есть кое-что интересное в двух днях пути отсюда. Существует вероятность, что на соседнем горном кряже окопался тот, кто вырезал семью Кары. Я нашел упоминания о нем в документах и поболтал с Осмельдом.

Къярт удивленно приподнял брови.

— Наведаемся туда, пока охотники перебирают книжки, — продолжил Райз. — Вместе с Карой. Не говори ей пока ничего. Не стоит ее зря обнадеживать на случай, если зацепка не оправдает себя.

— Ты хочешь отправиться туда сейчас?

— Чем раньше разберемся с этим, тем лучше. Убить этого гада было целью ее жизни. Как твоей — спасти твой мир, а моей — защитить мою родину. Мы их выполнили, а она умерла, так и не добившись своего. Просто так это ее не отпустит. Не даст двигаться вперед, как ни старайся.

Къярт медленно кивнул, все еще переваривая новость.

— Не будем тянуть, — подытожил Райз. — Я сам все устрою, а ты не говори лишнего и просто поддакивай.

Вернувшись к остальным, он попросил уделить ему несколько минут внимания.

— В плане кое-какие изменения, — его первые же слова заставили охотников напрячься, и Райз поспешил миролюбиво улыбнуться. — Ничего такого, о чем вам следовало бы беспокоиться. Вы продолжите поиски, а мы отлучимся на несколько дней. Если найдете способ снять проклятие раньше нашего возвращения, не расходитесь. Не сложно ведь?

Ответом было молчание. Только Офрен отрицательно качнул головой.

— И да, еще. Возможно, нам понадобится поддержка, так что Шии-то пойдет с нами. Я могу рассчитывать, что вы не разбежитесь во все стороны, как только мы выйдем за порог? Не хочется потом гоняться за вами по всему Афракскому Союзу.

— Да с места не сдвинемся, — фыркнул Хаук.

— Мы останемся тут, — пообещал Осмельд.

— Вот и славненько.

Парень не врал. Во всяком случае, сейчас он не собирался никуда сбегать, как и все его семейство (за исключением Хаука). Сбитые с толку, они не спешили строить план побега.

Райз не первый раз задумывался о том, что с текущим раскладом, когда их сотрудничество держалось на угрозах семье Осмельда, далеко не уйти. А лояльному некроманту из древнего рода всегда найдется применение.

— Ты это серьезно? Собираешься оставить некроманта без присмотра? — взгляд Кары на ситуацию, ожидаемо, отличался.

— За ним Вильма с Подом присмотрят. Восемь лет как-то справлялись, так что несколько дней осилить должны. А Шии-то нам и самим пригодится.

— Райз...

— Кара, обсудим это по дороге, — мягко одернул ее тот. — Соберем припасы на пять дней и сразу выедем. Вряд ли по пути нам встретятся таверны.

Набив сумки вяленным мясом, троица в сопровождении Шии-то зашагала по туннелю. За всю дорогу наверх никто так и не проронил ни слова, но стоило им оказаться в пахнущей деревом и пылью лачуге, как Кара заговорила:

— От них и следа не останется, когда мы вернемся. Куда ты вообще собрался, и почему это нужно делать прямо сейчас?

— Здесь неподалеку в горах, возможно, живет некромант, в прошлом имевший доступ к сокровищнице. Предположительно, он мог вынести из нее нечто ценное. Не очень получится, если мы потратим время на поиски здесь, когда необходимая информация находится у него. А так, пока охотники заняты изучением библиотеки, мы проверим, не завалилось ли у ее бывшего зрителя чего-нибудь полезного.

— Нам обязательно тащить Шии-то с собой? Оно было единственной гарантией послушания некроманта.

— Я бы не был так категоричен, — Райз лукаво улыбнулся. — Все же Осмельд неплохой парень. Да, он некромант, но кто идеален?

— Откуда в тебе только взялась эта беспечность? Къарт, ты, что, тоже согласен с ним?

Кара посмотрела на хранившего до этого многозначительное молчание парня, и ее лицо изменилось. Когда она перевела взгляд на Райза, в ее глазах читалось понимание, доступное Къарту еще с того момента, как Райз озвучил мысль взять Шии-то с собой.

— Ты не собираешься оставлять охотников без присмотра, — тихо произнесла Кара, осознав собственную оплошность.

— Нет, конечно же, — Райз расплылся в улыбке от уха до уха. — У нас пока не те еще отношения. Но мы будем над ними долго и усердно работать. Шии-то, сможешь продолжить следить за тем, чтобы охотники не выкинули какой фокус, и при этом оставаться незамеченным?

— Смогу.

— Отлично. Къарт, отдай ему новый приказ. Если охотники все же додумаются сглотить, пусть Шии-то обезвредит их. Без убийств.

Получив безмолвный приказ, с мерзким щелканьем, почвакиванием и скрежетом Шии-то начало морщиться, усыхать, пока его одежда, опустев, не упала на пол. Под тканью что-то зашевелилось, заерзало. Из вороха тряпья показалась летучая мышь, несколько раз ударила крыльями, проверяя их на крепость, и скрылась в черном зеве прохода в сокровищницу.

— И куда только оно девает столько мяса? — Райз собрал одежду метаморфа в охапку и спрятал в сундук в углу.

— Трансформирует в энергию и обратно, — ответил Къарт. — При больших объемах накопленной энергии он недолго может оставаться в форме чего-то мелкого без вреда для себя. Думаю, он вернется к охотникам в таком виде, а затем затаится где-то в обличье, более подходящем для хранения энергии.

Гривы ждали их снаружи: Клык косился на прилипших к сеннику лошадей, а Коготь, с грустью во взгляде, — на Клыка. Пусть грив больше и не чувствовал голода, заставляющего мечтать о конине, смерть не лишила его инстинктов.

— Ехать придется через горы, и коня лучше оставить, — Райз закончил седлать Клыка и, забравшись в седло, протянул Каре руку. — Ездил когда-нибудь на гривах?

— Как-то не доводилось прежде, — она покосилась на нетерпеливо переминающегося с лапы на лапу Клыка, посмотрела на Къарта с Когтем, и взялась за руку Райза.

Он не рассчитывал на легкую дорогу, но надежда, что они смогут набрести на путь, которым пользовались Рутеру, все же была. Но ни пути, ни даже захудалой кривой тропки не было. Только острые нагромождения камней, и не менее острый мороз, набросившийся на них, едва гривы перешли через первый кряж. Словно бы зима в Афракс приходила не с севера, а с юга, и Эшсенские горы были единственной преградой на ее пути, принимая на себя весь удар холодов. Пробирающиеся до костей ветра пытались содрать с лица кожу, и

чтобы хоть как-то согреться, Кара жалась спиной к груди Райза. Возможно, ему просто хотелось думать, что это было результатом ее осознанного выбора, а не рассчитанного только на одного всадника седла.

Ориентиром служил теряющийся в облаках пик Шетской горы — самой высокой точки на ближайшие сто километров. Поместье Рутеру находилось на ее юго-западной стороне, и главной сложностью было не отыскать его, а добраться к месту, не отморозив себе все пальцы.

Но несмотря на не располагающую к прогулкам погоду, когда они остановились на ночлег в небольшом, защищенном от ветров гроте, Райз пребывал в приподнятом настроении. Он был рад хотя бы ненадолго избавиться от присутствия посторонних, и даже навеянные проклятием мысли перестали его донимать. Вероятно, в Эшченских горах для них было слишком ветрено и холодно.

Для идеального отдыха не хватало только костра, но поблизости не росло и травинки, не говоря уже о чем-либо, что можно было пустить на дрова. Отпуская Клыка на охоту — а вдруг тому удастся найти поблизости что-то съестное — Райз никак не ожидал, что спустя час тот приволочет, скрежеща ветками по камню, высушенное дерево.

Слушать завывания ветра, сидя в укромном гроте у костра, и уплетать не замерзшее в лед мясо было бесспорно славно. Коготь улегся на входе, не впуская холод и не выпуская тепло наружу. Клыка же забрали внутрь: его шумное, влажное дыхание согревало воздух не хуже огня.

— У тебя не завалялось никакой согревающей печати? — спросил Райз, бросив короткий взгляд на жмущуюся к горячему боку грива Кару. Поменяться бы со зверем местами...

— Ничего, что было бы безопасно для живого организма. Прости, — Къарт с сочувствием посмотрел на девушку.

— Не беспокойся, — та едва качнула головой. — Это больше в моей голове, чем на самом деле.

Райз мог лично подтвердить ее слова. Едва они укрылись от ветра и белой крупы, как Кару окружила ее собственная серебристая взвесь. Не такая насыщенная, как прежде, но все равно не естественная, как для той, чья энергия духа большую часть времени была едва различима.

— Снова думаешь о Братстве? — Райз подбросил в огонь ветку.

— И впрямь раздражает, — пожаловалась Къарту Кара. — Через сколько там, ты говоришь, привык?

— Месяца два-три.

— Да ладно, ты и сейчас бесишься. Просто прекратил распускать нюни.

— И он не перестанет? — Кара в упор не замечала Райза, будто его и вовсе не существовало.

— Не перестанет, — Къарт покачал головой. — Если вцепился, то уже не отпустит.

Она понимающе кивнула.

— Какие вы неженки, — с напускной обидой произнес Райз. — А ведь в некоторых мирах люди живут бок о бок с ментальными магами и не ропщут.

— Не ропщут? — переспросил Къарт. — Хочешь обсудить причины напряженности в обществе Огнедола?

— Вот же гадкий некромантишка, — Райз тихо рассмеялся и посмотрел на Кару. — Вот

этот, между прочим, всю твою подноготную знает, и не раздражает?

Та отрицательно качнула головой, и в этом жесте не было ни капли лжи.

— Да это же бессовестный сговор!

— Однозначно, — согласилась Кара и вздохнула. — Нет, я не думаю ничего такого о Братстве. Мне просто нужно время, чтобы смириться, что те, кого я считала хоть сколько-то приближенными к образцу доблести и чести, продали эту самую честь. И что некромант и призванный, от которых не следовало ждать ничего хорошего, в прошлом занимались спасением цивилизаций. Все перевернулось вверх дном, смешалось. А я... я сижу здесь и говорю о всякой бессмыслице с теми, кого должна бы убить при первой возможности. Но у меня нет такого желания. Как больше и нет точки опоры. Я даже не знаю, кто я теперь.

— Первый в истории паладин, которого смог призвать некромант? — предположил Райз.

Шаг был рискованный. Но высокий риск — высокий выигрыш. Если только Райз не ошибся.

Кара одарила его пристальным, немного удивленным взглядом. Уголок ее губ дрогнул, превратился в усмешку, а затем она рассмеялась. Почти так же, как она смеялась над его фразой об уничтожении Орды, когда они сидели у костра после свершившегося суда над Осмельдом.

— Даже не знаю, кто здесь больший недотепа, — сквозь смех произнесла она. — Паладин, умудрившийся влипнуть в эту историю, или некромант, не сумевший выучить простое правило: призвать паладина невозможно.

— Ну, со своей стороны могу сказать, что в плане влипания в историю вы оба стоите друг друга, — Райз усмехнулся и перевел взгляд на Къярта. — Будет, что возразить, или удержишься, как обычно?

Къярт улыбался. Конечно, его возвышенно-скорбное лицо не озарила полноценная улыбка — это было бы слишком — но все же он улыбался.

В голове промелькнула мысль, что это отличная возможность подначить напарника. Но Райз не стал. Не в этот раз. Сейчас все было слишком хорошо, чтобы портить момент дурацкими шутками.

Следующий день выдался таким же холодным и ветреным. Небо супилось тучами, грозило засыпать все снегом. Но Шетский пик неминуемо приближался и приближался куда быстрее, чем Райз рассчитывал.

— Сделаем последнее усилие, чтобы заночевать сегодня под теплой крышей, — предложил он, когда сгустились сумерки.

Гривы стояли на вершине примыкающей к Шетскому пику горной гряды и тянули носами воздух.

— На то, чтобы добраться до юго-западного склона, уйдет час-полтора, — продолжил он.

— По скалам и в крошечной темноте? — Къарт посмотрел на небо. Затянувшие его облака не обещали этой ночью лунный свет.

— Так не своими ногами идти. Ты как, не против вечерней прогулки? — Райз почесал пяткой бок Клыка. — Чем раньше доберемся, тем раньше сожрешь некроманта.

Клык был только «за».

— С этим, значит, не собираетесь сотрудничать? — без обвинения в голосе спросила Кара.

— Нет, с этим — нет, — Райз улыбнулся и состроил оскорбленную мину, пусть и сидящая впереди него девушка не могла ее увидеть. — Погоди-ка! Из всех встреченных нами некромантов только Осмельд все еще дышит.

— Где один, там и два, — с нарочитым равнодушием произнесла Кара и натянула меховой воротник до самого носа. — И ты забыл про некромантку из Углара.

— Мы с ней не сотрудничали. В любом случае со всеми претензиями по этому поводу обращай к нашей жалостливой душе.

Кара бросила взгляд на Къарта, но ничего не сказала.

Райз направил Клыка в сторону склона более-менее пригодного для подъема, но тот, сделав пару шагов, фыркнул и затряс головой; отступил назад и попытался развернуться, косясь глазом в сторону обрыва по правую руку.

— Эй-эй, ты чего это удумал?! Человечина тебя уже не привлекает?

Она привлекала, но Клык планировал пожить с ней куда раньше и без необходимости карабкаться в потемках по скалам. Игнорируя указания хозяина, он подошел к самому краю и заглянул в пропасть, продолжая принюхиваться.

— Прекращай, Клык, — Райз дернул повод, а грив, споря, потянул голову к земле, словно бы намереваясь сигануть вниз. — Ты же помнишь наш уговор? Или ты послушен, как Коготь, добровольно, или...

Райз осекся. Его восприятие, ищущее ответ, что могло заинтересовать зверя, расширило границы обнаружения энергии духа, и внизу проявила себя мелкая россыпь белесо-голубых крупиц. Будь сейчас день, и Райз не заметил бы их на фоне снежной белизны.

— Внизу человек, — сообщил он и прищурился. — Да, скорее всего человек, не зверь. Не думаю, что это нам интересно.

— Откуда он взялся? Что ему тут делать посреди ночи? — Къарт подвел Когтя к краю обрыва и посмотрел вниз. Нет, человеческое зрение тут бессильно. — Он движется или стоит на месте?

— Стоит на месте. Или сидит, — Райз вздохнул и ослабил повод Клыка, понимая, что в их маршрут придется внести корректировки. — Он не слишком-то доволен жизнью.

— Проверим, — коротко сказал Къярт и направил Когтя вниз.

Клык, явно не готовый к тому, что собрат первым доберется до добычи, которую обнаружил именно он, сиганул следом — Райз только и успел, что одной рукой ухватиться за заднюю луку, а второй — обнять Кару, чтобы та не слетела на землю.

Выворачивая лапами камни в попытке опередить другого, гривы спускались все быстрее, и только чудо помогло всадникам остаться в седлах.

— А ну, пшли прочь, твари! — вместе с мужским выкриком впереди что-то чиркнуло и мглу разорвал трещащий факел.

Нервный, дерганый свет обрисовал черты испуганного лица сидящего на земле мужчины. Он был, может, лет на пять старше Райза: из-за натянутой до самых бровей шапки сказать наверняка было сложно.

В нескольких шагах от него валялись две корзины, коромысло, на котором он их нес, и раскатившиеся в разные стороны свертки.

— Ох, простите, почтенные господа, я уж было решил, что это барки по мою душу явились, — пробормотал мужчина и в растерянности посмотрел на прошествовавшего мимо Клыка.

Уткнув нос в землю, грив остановился рядом с разбитым кувшином и принялся упоенно лизать примерзшую к камню сметану.

— Кто бы мог подумать, что есть что-то, что ты любишь больше человечины, — Райз спрыгнул на землю и улыбнулся побледневшему мужчине. — Шучу я, шучу, этот парень есть исключительно молочных поросят и телят. И как это тебя угораздило?

Он присел на корточки рядом с мужчиной и посмотрел на его штанину, ниже колена пропитанную кровью. Теперь ясно, почему тот сидел на земле и, по всей видимости, сидел не первый час. Далеко ли уйдешь с переломом? Одно хорошо: если беда до сих пор не истек кровью и выглядел сносно, значит, рана не представляла серьезной опасности.

— Все дурость человеческая, — тот вздохнул. — Моя деревня здесь совсем рядом, на обратном склоне горы, а в дне пути отсюда на север — наши овечьи пастбища. Сменщик принес весть, что супруга родила мне сына, и я вот..., — он обвел рукой лежащие на камнях свертки, — собрал, что было. Думал, навещу, принесу всякого полезного. Хотел сократить путь, — он кивнул в сторону склона, — не идти в обход по овечьей тропе. А на деле вон оно как вышло — вместо пути укоротил себе век. Я уж думал, что так и помру здесь от холода. Если барки раньше не сожрут.

Мужчина перевел взгляд с Райза на подошедших Къярта и Кару; с настороженностью покосился на оставленных без присмотра гривов. Но Коготь флегматично осматривал округу, а Клык был слишком занят сметаной.

— Меня Говром зовут, — представился мужчина. — А вы... почтенные господа, что вас привело в такую-то глушь да еще и зимой?

— Вполне может быть, что тоже человеческая дурость. Нужно найти место, где остановиться на ночь. Эй, даже не думай! — Райз одернул Клыка, заметив, что тот расправился со сметаной и теперь обнюхивал один из круглых свертков с завернутым в него сыром. — Это не тебе.

Клык поднял голову и, не сводя с Райза взгляда, раскрыл пасть, собираясь демонстративно сожрать сыр вместе с тряпкой.

— Давай, попробуй только, и знаешь, что будет.

Грив возмущенно заверещал, взяв несвойственную ему высокую ноту, отчего Говр вздрогнул, а вся живность, если такая была в округе, наверняка стремглав бросилась прочь, и отошел от свертка.

— Не бойся. Ни холод, ни барки тебя не тронут, — пообещал дрожащему мужчине Райз. — Заночуем здесь, а завтра доставим тебя в деревню.

— Почтенные господа, не знаю, как вас и благодарить, — смущенно пробормотал Говр. Место для ночлега нашлось в пятидесяти шагах — в крупной расселине в скале. Простором она похвастаться не могла, но Клык туда втиснуться смог и без всякого костра нагрел за несколько минут воздух дыханием.

Райз помог Говру доковылять до расселины и расположил его в самой глубине: с противоположной стороны от выбранного для костра места и подальше от гривов. В этот раз поиски хвороста доверили Когтю.

— Нужно заняться ногой, — когда расселину наполнил рыжий свет костра, Къярт направился к устроившемуся снаружи Когтю.

Райз поспешил следом.

— Къярт, — тихо позвал он, оперевшись плечом на бок грива и глядя, как тот роется в седельной сумке. — Никаких печатей. Мы поможем этому бедолаге, доставим его в деревню, но не надо делать глупостей.

Къярт бросил в сторону Райза короткий взгляд и продолжил копаться в сумке.

— Он и без исцеления прекрасно справится, а давать лишний повод для вопросов — не то, что нам надо. Особенно учитывая, куда и зачем мы идем. Къярт!

— Чего? — тот достал валявшуюся на самом дне сумки рубашку, забросил ее на плечо и принялся расседлывать Когтя. — То, что ты упорно продолжаешь считать меня идиотом, не значит, что я не понимаю, что можно делать, а что — нет. Но ты продолжай читать нравоучения, мне не в тягость тебя послушать.

Райз усмехнулся.

— Будем считать, что в этот раз я тебе поверил.

— Конечно, если тебе так удобно.

Когда они вернулись к костру, Говр уже скинул свою шапку и тулуп и теперь разглядывал свою ногу, не зная, как к ней подступиться. Малейшее движение, попытка согнуть колено — и на его лице появлялась болезненная гримаса.

— Вот же угораздило, — буркнул он и с недоверием покосился на опустившегося рядом Къярта. — Почтенный господин, не думаю, что вам стоит..., — вяло продолжил он, когда Къярт потянулся к его ноге.

— Нogu нужно зафиксировать, — тот осторожно стянул сапог Говра и распорол ножом штанину. — Я немного могу сделать здесь, но и оставлять, как есть, тоже нельзя.

Перелом был закрытым. Пропитавшая штанину кровь взялась из полученных при падении ссадин, но в месте, где голень неестественно выгнулась, только синела гематома.

— В твоей деревне есть кто-то, кто сможет тебе помочь? — спросил Къярт.

— Разумеется. Не будь у нас своего врача, мы бы в этих краях долго не протянули бы.

— Хорошо. Все не так уж и плохо. Райз, принеси рукоятку глефы и ту жердь, что лежала рядом с Говром.

— Рукоятку глефы? — со скептицизмом переспросил тот.

— Да, если у тебя нет ничего другого, из чего можно сделать шину.

Пока Къярт фиксировал ногу, Говр без конца бледнел и потел, вытирал рукавом лоб и не без облегчения выдохнул, когда его конечность наконец оставили в покое.

— Нужно будет придумать, из чего сделать носилки, — отпыхтевшись, сказал он.

— Шкуры есть, так что как-нибудь сделаем, — заверил Райз. — Запряжем Когтя. К твоей деревне есть нормальная дорога?

— Да, овечья тропа. Она хоть и длинная, но пологая. К вечеру будем на месте. Простите, почтенные господа, я доставил вам столько хлопот, еще и даме из-за меня ночевать невесть где.

— Мне не привыкать, — Кара сдержанно улыбнулась.

— Эй, я тебе что говорил?! — Райз окликнул Клыка, когда тот завозился, надеясь ползком добраться до стоящих в стороне корзин со свертками.

Грив обиженно фыркнул и затих.

Ужин прошел в тишине. Поначалу Говр пытался отказаться от предложенного ему вяленого мяса, все твердил, что вполне обойдется тем, что прихватил с фермы, еще и предлагал поделиться с «почтенными господами», но Райз быстро зарубил его великодушный порыв. Раз столько хлопот из-за сыров для супруги Говра, то к ним не притронется ни он, ни грив, ни кто-либо еще.

— Славный зверь, — тихо сказал Говр, когда с трапезой закончили, а Клык, уgomонившись, задремал.

— В вашей деревне не слишком-то много о гривах знают, — заметил Райз.

— Вы о том, что они сожрут любого, в том числе и хозяина, дай им только волю? Это и детям малым известно. Но я скажу так: зверь просто перенимает характер владельца. Но в отличие от последнего, его не сдерживают правила и манеры. Так что коли грив жрет соседа, значит, его хозяин и сам не прочь тем закусить.

Къярт кашлянул и спрятал за ладонью усмешку. Говр истолковал его жест превратно и, сообразив, что ляпнул лишнего, засуетился:

— Ох, простите меня дурака, почтенные господа. Я всего-то хочу сказать, что у добрых людей и гривы добрые.

До этого старательно сохранявшая нейтральное выражение лица Кара беззвучно засмеялась, чем еще больше повергла Говра в замешательство.

— Не обращай на них внимания, — Райз елеинo улыбнулся. — Клык и правда редкостный добряк.

— Да, именно так, — мужчина энергично закивал головой. — Хороший грив у хорошего человека. У нашего господина такой же. Представляете, как-то к нему во двор забралась детвора, мелкие шалопаи, а грив и волоска на их голове не тронул. И это на территории, что он стережет! За все время ни одной овцы не уволок, ни собаки. Только на барков охотится, но эти гады так плодятся, что и десяти гривов не хватит, чтобы их с концами извести. Да, у господина отличный грив! И господин наш — прекраснейший человек. Вам обязательно нужно заехать к нему! Он будет рад гостям, тем более таким славным людям.

— Ваш господин? — переспросил Райз.

О ком идет речь было понятно и без вопросов, тем более после истории о смирном гриве, причина идеального поведения которого была такой же, как и у Когтя.

— Да, господин Рутеру. У него поместье в нашей деревне. Уж не знаю, кто поселился на Шетском пике первым: почтенные Рутеру или же овцеводы. Скорее всего, Рутеру — без них никто не стал бы держаться за эту гору. Конечно, какое-то время мы торговали с

купцами, но где-то лет десять назад на единственном пути на север случился обвал, и с тех пор никто к нам не ездит. Приходится самим доставлять товар, чтобы выручить хоть какие-то деньги и купить то, что не можем вырастить сами.

— Почему вы не уедете, если все так плохо? — спросил Къарт.

— И бросить господина Рутеру? — Говр посмотрел на него с недоумением. — Он не оставит поместье: он даже за его ворота не выходит, что уж говорить о том, чтобы уехать с Шетского пика. А мы не можем его покинуть. Он всегда о нас заботился — после того, как вернулся. Его родители погибли, когда он был еще ребенком, а его забрали дальние родственники. Он изредка навещал поместье, а затем, десятилетие назад снова поселился в нем. Как раз после того, как проклятый обвал лишил нас торгового пути. Словно бы знал, что нам нужна его помощь. Он даже купил нам лошадей, чтобы мы могли ездить в город. И еще без возврата дал фраксы на новых овец, когда барки растащили отару. А однажды, — глаза Говра загорелись, — тоже зимой, началась лютая метель. Было так холодно, что, казалось, стекла в домах полопаются. И тогда господин Рутеру пустил всю деревню к себе, кормил неделю, пока метель не стихла и хоть чуток не спали морозы.

Говр замолчал, чтобы перевести дух.

— Нет, никто не бросит почтенного господина Рутеру. Правда, скорее всего нашим детям все же придется оставить Шетский пик, — он посмотрел на свои ладони. — Даже господа благородных кровей не живут вечно, а господин Рутеру один и вряд ли найдет себе пару безвылазно сидя в поместье. Разве что она сама придет к нему, но каким образом, если сюда экипажи вовек не доберутся?

Озарение посетило Говра внезапно, и он поднял на Кару взгляд, в котором слишком откровенно читалась надежда.

Райз многозначительно кашлянул.

— Ох, простите меня дурака, почтенные господа, — тут же спав с лица, выпалил Говр. — Сам не понимаю, что говорю.

— Ты просто устал. Отдыхай, завтра у тебя будет тяжелый день.

— Главное, что он будет. Все благодаря вам, почтенные господа.

Следующий день выдался тяжелым не только для Говра. На человеческие носилки не нашлось ресурсов, так что пришлось пожертвовать уздой Когтя, ограничиться привязанными к ней шкурами, на которых расположили Говра, и двигаться едва ли не медленнее, чем человеческим шагом. Но Къарт был только рад носиться с несчастным селянином, а Райз не считал один потраченный впустую день чем-то критичным, чтобы из-за этого устраивать очередной спор.

Они добрались до деревни Говра уже после сумерек. Селение устроилось в котловане, с трех сторон окруженном скалами, одна из которых уходила дальше в облака. На ее уступе — на некотором возвышении и отдалении от деревни — стояло поместье-крепость Рутеру. С поселением овцеводов его соединяла прорубленная в горе дорога, напоминающая туннель без одной стенки.

Деревня не спала. В шарах света вокруг масляных фонарей кружили снежинки; стучали ведра и кастрюли; лаял, споря с хозяином, пес.

Гривов заметили еще на подъезде отдыхающие на завалинке крайнего дома мужики. Завидев Говра, один из них крикнул в дом супруге, чтобы та привела Марту, а другой, когда стало ясно, что их сосед не просто так вылеживается на шкурах, кинулся за врачом.

Первой прибежала Марта — приземистая розовощекая женщина — бросилась к Говру,

стала хлопотать над ним, не внемля ни единому его слову. Она отошла от него только тогда, когда пришел врач, и со слезами на глазах бросилась благодарить привезших его.

— Оставайтесь у нас на ночь, — мягко прервав ее, предложил один из встретивших их мужчин. — Еда, выпивка — все, что пожелаете. Мы с супругой держим таверну, я попрошу ее подготовить две свободные комнаты. Мы немного можем предложить благородным особам, но то, что есть...

— Никуда не годится, — оборвал его Говр. — Ты бы еще в хлеву им предложил переночевать! Поезжайте к господину Рутеру, почтенные господа. Там вы сможете разместиться со всеми удобствами, а он будет так рад вашему визиту.

— Даже не сомневаюсь, — Райз усмехнулся. — Так и поступим. Только сначала я бы хотел получить назад рукоятку.

Дождавшись, пока помощник врача вынесет рукоятку глефы, а заодно и выслушав еще одну благодарственную речь Марты, троица распрощалась с деревенскими и выехала в сторону крепости. Коготь, которому больше не нужно было изображать из себя тягловую лошадь, взбодрился, а Клык и вовсе шел облизываясь, памятуя об обещанном ему некроманте. Однако, Кара не разделяла его воодушевления.

— Я так понимаю, после хвалебной оды этого селянина, вы передумали скармливать некроманта Клыку.

Грив в непонимании рыкнул.

— Сложно сказать, — протянул Райз. — Думаю, в этот раз его участь решишь ты. Поступим так, как захочешь.

Удивленная, Кара обернулась, и ее лицо оказалось неожиданно близко.

— Что, не ожидала?

— Ты тоже с этим согласен? — она в замешательстве посмотрела на Кьярта.

— Да. Как решишь, так и будет.

В окнах поместья Рутеру маняще горел свет, подсвечивая кружащие в воздухе снежинки, и от этого света веяло теплом и уютom, будто от гнездовья на скалах — единственного островка покоя среди заточенных морозом ветров.

Прорубленный в горе путь подходил вплотную к поместью, и выйдя из-под укрытия скал, троица сразу оказалась у каменной изгороди.

— Призванные, — сообщила Кара. — Один во дворе, остальные в доме. И там же некромант.

На территории поместья находилось два мелких сгустка энергии духа, вероятно, принадлежащих некроманту и призванному второй ступени.

— Тот, что на улице, скорее всего грив, — произнес Райз. — Предлагаю не нежничать и сделать все быстро. Заберем грива и всех, кто встанет на пути. Согласен?

Къярт кивнул.

— Кара, не призывай броню, если Къярт не попросит о другом.

— С чего мне ее призывать? Вы же без моей помощи прекрасно справляетесь даже с десятком некромантов. А здесь всего один.

— Да, один.

Один, сумевший в свое время разобраться с тремя паладинами. Скорее всего, тогда он использовал оружие, прихваченное из сокровищницы Инаэор, и которое никто бы не позволил ему оставить у себя после изгнания. Но все же шанс, что Керава применил какое-то заклятие или что-то, припрятанное в рукаве, присутствовал. При таком раскладе опасность стычки с ним возрастала в разы — быть может, только для паладина и только если тот в броне. Этих «скорее всего», «вероятно», «возможно» было слишком много, чтобы строить предположения. Но, так или иначе, когда придет Орда, их число только возрастет. Пора привыкать справляться с ситуациями со множеством неизвестных.

Коготь первым перемахнули через забор. Когда Клык опустился на обледеневший двор рядом, охраняющий крепость грив уже лежал на земле и смотрел, не мигая, на Къярта в ожидании приказа.

— Он знает, — сообщила Кара, глядя в сторону поместья. — Призванные пришли в движение.

— Еще бы он не знал. Перехват контроля — не самая приятная процедура, — Райз бросил мимолетный взгляд в сторону Къярта, убедиться, что тот в порядке. — Они идут сюда?

— Только один. Остальные сходятся в одну точку в глубине дома.

— Что ж, подождем этого одного.

Райз не спрашивал о некроманте. Он и сам видел, как одно облако покрылось голубизной страха, а затем и второе, по всей видимости, принадлежащее призванному второй ступени, стало таким же. Его страх множился по мере того, как он спешил к главному входу в поместье. Похоже, Райз переоценил опасность некроманта. Инаэоры неплохо сбили с того спесь, и без возможности призывать новых слуг, Керава наверняка пересмотрел свои взгляды на жизнь.

— Призванный за дверью, — сказала Кара.

Так и было. Синее облако застыло по ту сторону от входа.

— Прошу, позвольте мне говорить, — донесся не твердый мужской голос.

Райз встретился с Къяртом взглядом и кивнул.

Выждав несколько секунд, призванный открыл дверь.

На пороге дома стоял подтянутый мужчина лет пятидесяти, в накрахмаленной рубашке и с выправкой потомственного дворецкого. Именно эта выправка позволила ему сохранить на лице спокойное выражение и даже выдавить подобие приветственной улыбки.

— Позвольте поприветствовать вас от имени господина Рутеру, — произнес он и поклонился. Его взгляд скользнул по гриву, еще недавно принадлежавшему его господину, и синь вокруг него стала плотнее. — Он не стал бы нападать. Не должен был. Прошу простить за это недоразумение.

— Кого? Грива, тебя или вашего господина? — с долей насмешки спросил Райз.

Если бы тело призванного было живым, тот наверняка бы побледнел. Но сейчас он и так не отличался румянцем, и его страх выразили только глаза и синяя дымка вокруг.

— Позвольте проводить вас к господину Рутеру, — стараясь сохранить лицо, произнес дворецкий. — Он будет рад вашему визиту.

— Как же, — хмыкнул Райз и первым спрыгнул на землю.

Под внимательным взглядом дворецкого он отстегнул от седельных сумок оба меча глефы.

— Веди.

Оставив гривов снаружи, они вошли в поместье следом за призванным.

Рутеру не стесняли себя в удобствах. Покрытый ковровыми дорожками мраморный пол, перила ведущей на второй этаж лестницы из отполированного красного дерева, украшенная позолотой лепнина на потолке — все это создали не одно десятилетие назад. При меньшем уровне заботы поместье давно утратило бы свой лоск, но его бережно хранили, как напоминание о прежнем величии.

В том, что величие было прежним, Райз убеждался с каждым шагом. Вместе с теплом раскопечаренных печей и светом ламп, воздух крепости пропитал аромат уходящего могущества. Он не выражался в чем-то особенном, но Райз ощущал его едва ли не кожей. Занятое обострение чувствительности.

— Где остальные призванные? — спросил он.

— Им приказано не выходить из кладовой, чтобы их появление не было истолковано превратно и не привело к их потере, как в случае с гривом.

— А тебя, значит, не жалко потерять? Твой господин мог и сам выйти встретить гостей.

Дворецкий застыл на месте и посмотрел на Райза с едва скрываемым страхом.

— Прошу, не лишайте господина и этой малости! — взмолился он. — Его и так всего лишили, будьте милостивы, не забирайте последнее! Он понес достаточное наказание и ни в чем вас не ослушался.

— Хватит болтать. Веди к своему господину.

Дворецкий сдержанно кивнул и открыл дверь в изголовье лестницы.

За ее порогом находился зал, в свое время использовавшийся для торжеств. Но сейчас в нем царил запустение и холод: помещение было слишком велико, потолки слишком высоки, а из шести каминов — по три с каждой стороны — работали только два.

Керава ждал их в комнате за дверью в противоположном конце зала — вероятно, в своем кабинете.

— Подожди нас здесь, — попросил Кару Райз, когда они оказались в центре зала.

— Почему?

— Просто подожди нас здесь. На всякий случай, — с нажимом повторил он.

Кроме того, что он не планировал так быстро раскрывать перед некромантом карты, — все же тот мог узнать Кару — Райз хотел сам перекинуться с ним парой слов, прежде чем передать девушке право распоряжаться судьбой Рутеру. Вряд ли после этого им представится возможность поболтать. А просить Къярта призвать его... с него хватит и того, что он пережил в теле Кары. Снова окунаться в те события, но уже от лица Керавы, нужды не было.

— Прошу, — произнес дворецкий, приглашающе открыв дверь.

— Ты тоже зайдешь, — сказал Райз на случай, если тому было приказано оставить их с некромантом наедине.

Догадка насчет кабинета оказалась верна. Только кабинет был в духе некромантов: уставленный склянками, кристаллами с эссенцией жизни, которую некроманту некуда было девать, и кучей задохнувшихся в пыли книг.

Керава стоял у стола и нервно потирал костяшки кулаков: высокий субтильный тип, с темными, зачесанными назад волосами и бородкой, подчеркивающей острый подбородок. Глубоко посаженные глаза смотрели заискивающе, но что-то в них было такое, что заставило Райза насторожиться.

Он взглянул на Къярта и сразу понял, что перед ними именно тот, кого они искали. Къярт узнал его.

— Признаться, я не ожидал увидеть здесь кого-либо из Зова, — произнес некромант и обвел гостей взглядом. — И что это будет кто-то, с кем я не знаком. Чем обязан визиту?

Зов? Что еще за Зов?

— Есть разговор, Керава. Мы зададим несколько вопросов, а ты на них ответишь.

Взгляд некроманта переменился, и это изменение было паршивым. Керава едва прищурился; в его глазах промелькнула догадка, затем испуг, а после не осталось ничего, кроме мрака — такого же, который порой поселялся в глазах Фелиса.

— Вы не из..., — Керава осекся. Он и так уже сболтнул лишнего. — Вы пришли от Инаэор.

Проклятье. Что заставило его изменить мнение? Что-то, из сказанного Райзом, манере обращения, или же он догадался, используя какие-то свои фокусы?

Проклятье. Придется изворачиваться. Но это, возможно, к лучшему. Все же родная стихия на то и родная.

— Если уж на чистоту, мы здесь по собственной инициативе, — Райз улыбнулся. — Но ты прав, с Инаэорой мы знакомы.

— Только с одним?

— А больше никто и не выжил.

Некромант задумался. Теперь изменился не только его взгляд, но и он сам. Керава выпрямился, расправил плечи, не оставив на лице и намека на заискивание.

— С чего вы взяли, что я стану вам что-либо говорить? Я не знаю, ни кто вы, ни откуда. Я больше не веду дел с ковенами.

— Как я и сказал, мы здесь по собственной инициативе. В ковене об этом ничего не знают. Так что не вижу ни одной причины не побеседовать. Считаю, мы здесь с дружеским визитом.

— С дружеским? Это поэтому мой грив теперь уже не мой? — Керава перевел взгляд с Райза на Къярта, гадая, кто именно стал новым хозяином его зверушки.

— Он напал. Что нам оставалось делать?

— Ему запрещено нападать на людей, — процедил некромант. — По собственной инициативе.

— Ой, да ладно тебе. Призовешь его назад. Или какого-нибудь другого, на свой вкус.

Глаза Керавы сузились еще больше. Поджав губы, он бросил мимолетный взгляд в сторону приросшего к двери призванного. Наверняка некромант сейчас гадал, как много известно незванным гостям о его положении, и как много успел им выдать дворецкий.

Рыба почти проглотила наживку.

— Это как раз то, о чем мы хотели поговорить, — продолжил Райз. — Одно из. Нам известно о твоей проблеме с Инаэорами и о способе ее решения. Ответь на наши вопросы, и мы отведем тебя к последнему выжившему из них. Он как раз здесь, неподалеку, в их родовой сокровищнице. Если не будем тратить время на пустые пререкания, еще успеем застать его там. Как тебе такой обмен?

— Твоего друга, похоже, он не слишком устраивает.

Скептически приподняв бровь, Райз посмотрел на Къярта. Неужто тот решил изменить себе и как-либо выдать свое отношение к происходящему? Прежде за ним такого не водилось: Къярт сохранял нейтральное выражение лица, даже когда Райз переходил все мыслимые и немыслимые границы, выставленные пацифистским разумом напарника.

Но, как и всегда, Къярт оставался спокоен. Разве что он научился молчать настолько красноречиво, что Керава загривком почувствовал отношение парня к происходящему.

— А, не обращай на него внимания. Он не слишком общительный. Но причин вступаться за Инаэору ни у меня, ни у него нет. Ну так что? Согласен?

Керава помедлил, прежде чем ответить:

— Я не могу покинуть поместье. При всем своем желании, не могу.

— Из-за Инаэор? Или из-за Зова?

— Последнее.

— Что ж, это не проблема. Думаю, у нас получится привести Инаэору к тебе. Он еще совсем зеленый мальчишка: куда его толкнешь, туда и пойдет. Это, конечно, потребует немного больше усилий, — Райз цокнул языком. — Но мы можем задать тебе больше вопросов.

Керава оперся о край стола и скрестил руки на груди.

Райз ждал. Он знал, что маг, однажды насильно лишенный своей силы, не откажется от возможности вернуть ее. Особенно, когда речь шла о силе, дающей власть над чужими душами.

— Что вы хотите знать?

— Для начала о твоём приключении с Далоран, — Райз улыбнулся, а Керава нахмурился. — Ты же помнишь таких? Довольно шумно получилось.

— Я и не пытался сделать тихо, — в голосе некроманта засквозил холод.

— Ну, как хотел, так и получилось. Только в шуме этом конкретики было мало. Как ты разобрался с паладинами? Еще и с тремя сразу?

— Раз не знаете этого, пусть оно так и остается. Спросите что-то другое.

Он хотел рассказать, воспользоваться шансом избавиться от проклятия. Но его останавливал страх, и страх уж никак не перед Инаэорами.

— Нет, Керава, так дело не пойдет. Конечно, если тебя устраивает твое нынешнее положение, — Райз развел руками. — Мне этого не понять, но у всех разные ожидания от

жизни, так что осуждать не буду.

— Да чтоб его все, — прошипел Керава. — Зачем вам это?

— А есть кто-то, кто откажется от знания, как избавиться от паладинов? Меня удивляет, почему к тебе очередь не выстроилась за этим секретом.

Керава фыркнул. Он был, словно гигантский валун на краю обрыва, который приходилось раскачивать и раскачивать, чтобы в итоге тот сдвинулся с места и полетел в пропасть.

— Знание ничего не изменит. Вам не заполучить эту силу.

— Так в чем проблема сказать, если оно ничего не изменит? — Райз склонил голову набок и пристально посмотрел на некроманта. — Ты так боишься Зова?

Керава рассмеялся.

— Мальчишка, ты даже не знаешь, о чем говоришь!

— Возможно. Как и не знаю, чем можно напугать того, у кого и так ничего не осталось.

Керава с бессильной злобой посмотрел на него.

— Что за безграмотная молодежь пошла? — ядовито произнес некромант. — Могли бы и своими мозгами додуматься. Как Орда убивала исполинов? Как вообще можно убить того, у кого не бьется сердце? Как убить того, кого нельзя ранить?

— Поглотить его энергию, — сдержанно ответил Къярт. — Эссенцию жизни или душу.

— Хоть кто-то прилежно учился, — похвала в исполнении Керавы прозвучала уничижающе. — Орда использовала специальные кристаллы-поглотители. Не те, в которых хранят эссенцию, а те, которые сами могут ее направленно поглощать. Их уничтожили вместе с Ордой, но осколки некоторых из них удалось найти и сохранить. Я использовал один из таких, чтобы убить Далоран.

— Он все еще при тебе?

Керава снова зашелся хохотом.

— Да, конечно, сейчас достану из ящика стола, — с нескрываемой издевкой бросил он. — Разумеется, его забрали.

— И у кого он теперь? У Зова?

Взгляд некроманта потемнел.

— Я дам вам простой, но очень дельный совет: забудьте это название и никогда не произносите вслух. Иначе ваша жизнь закончится очень быстро.

Да, кристалл находился у этого Зова, чем бы тот ни являлся: тайным клубом изгнанных некромантов, кружком последователей Орды или, Проклятый знает, чем еще.

— Это твоя промашка, Керава, не наша, — Райз улыбнулся. — Это ты первый назвал вслух то, о чем не стоило говорить. Так что, согласно твоему же предостережению, твоя жизнь закончится очень быстро.

И снова некромант переменялся, словно по щелчку пальцев. Спал с лица, осунулся, стал тем шуплым загнанным человечком, который встретил их несколько минут назад.

— Нет-нет-нет, я не сделал ничего, за что меня следовало бы наказать, — залепетал он. — Я не преступил ни один запрет, я не...

— Кристалл у Зова? Отвечай! — рыкнул Райз, прерывая бормотания некроманта.

Керава сжался, закрыл ладонями лицо. Его призванный хотел было броситься к нему, но одного взгляда Къярта хватило, чтобы тот застыл на месте.

— Прощу, не забирайте меня... — забормотал дворецкий.

— Заткнись, — обрубил Райз и впился взглядом в Кераву. — Ты, что, не расслышал мой

вопрос? Кристалл сейчас у...

— Да, у Зова Крови, — едва ли не выкрикнул некромант, запустив пальцы в волосы. Его дыхание сбилось, зачастило, к лицу прилила кровь. — У него, все у него, — прошептал он, уставившись в пол перед собой.

— Что за Зов Крови? Где его найти?

— Я не знаю, не знаю, я не сделал ничего, за что меня следовало бы наказать...

— О, я так не думаю. Где найти Зов Крови? Кто в него входит?

— Они все на юге. Вместе с ковенами. Ковены думают, что они там одни, но Зов всегда рядом. Он смотрит, он видит, он слышит, он ждет! Предтечи не достойны вернуться в Орду, не достойны, нет, совсем не достойны, — бормотание Керавы становилось все менее связным. — Говорящие головы. Они все сидят и ждут, ждут и сидят, не делают ничего. И я не сделал ничего, за что меня следовало бы наказать. Не знаю я, не знаю...

Керава обхватил себя руками и замотал головой из стороны в сторону. Райз брезгливо скривил губы.

— Думаю, здесь мы закончили, — произнес он и, дождавшись от Къярта утвердительного кивка, перевел взгляд на дворецкого.

Тот с ужасом смотрел на своего господина, но, почувствовав внимание Райза, запричитал:

— Прошу, не отнимайте меня, господин Рутеру ничего не...

Керава вскрикнул, когда печать, удерживающая призванного, разрушилась: один из клинков глефы вошел точно посреди груди дворецкого, разорвав его связь с некромантом.

— Пусть гривы проследят, чтобы остальные не вылезали из подвала раньше времени, — распорядился Райз.

Подойдя к Кераве, он схватил его за локоть и поволок прочь.

— Нет, я ничего не сделал, не сделал! Ничего, за что меня следовало бы наказать, — заголосил тот, вяло пытаясь высвободиться.

— Ты это не нам рассказывай.

Теперь, когда Райз узнал все, что хотел, и маски утратили всякий смысл, он позволил себе отдаться злости, разгорающейся в нем с самого начала их встречи с Керавой. Жаль, эту перемену было не скрыть от Къярта, и теперь, когда все закончится, тот снова будет коситься на него с настороженностью. А все из-за этого дрянного, ничтожного отребья.

Райз притащил некроманта в зал и швырнул Каре под ноги.

Непонимание на ее лице сменилось растерянностью.

— Он твой, Кара. Делай с ним, что хочешь, — сказал Райз и отошел подальше — на случай, если та не сдержится и воплотит броню.

Керава застыл на месте. Он узнал Кару, как и она его. И ее вид подействовал на него так же, как и сказанное Райзом в начале их беседы: он расправил плечи, поднял голову, а на его губах была заиграла усмешка.

Он хотел сказать что-то однозначно гадкое, но не успел. Кара сбила его с ног и вогнала нож по самую рукоятку в горло. Керава раскрыл, как рыба рот, захрипел, забулькал кровью.

Прежде чем потянувшиеся к шее пальцы некроманта коснулись бы ее, Кара выдернула нож и ударила вновь, на этот раз в грудь. Затем еще раз и еще.

Удар. Удар. Удар.

Она била и била, молча, без единого звука, словно лишенный эмоций призванный первой ступени, пока ее руки и одежду не залила кровь.

— Кара..., — Къярт попытался было остановить ее, но Райз отрицательно качнул головой, прося не вмешиваться.

Слушая, как металл раз за разом погружается в рваную плоть, как скрежещет по ребрам, Райз смотрел на окутывающую Кару черноту. Затянутые плотной поволокой, ее волосы казались темными — какими они были когда-то давно, до того, как Керава Вашатру Рутеру разрушил ее жизнь.

Ненависть. Ее сила должна быть куда разрушительнее, чем у энергии злости. Стоило воспользоваться моментом и проверить. Но от одной только мысли о том, чтобы прикоснуться к этой энергии, Райза едва не вывернуло, а сердце лихорадочно забилося в груди.

Удары Кары становились все медленнее. Она выдыхалась.

Схватив рукоять обеими руками, она в последний раз вогнала нож в грудь давно испустившего дух Керавы и замерла. Сделала несколько глубоких вдохов-выдохов, выравнивая дыхание. Вытерла ладонью лоб, оставив на нем кровавый след. Поднялась с тела некроманта. Посмотрела на Райза и направилась прочь.

Кара не сделала и десяти шагов, когда тишину зала нарушил кашель Керавы. Сплевывая кровь, он медленно сел, посмотрел на свою грудь и, кривясь, под ошарашенным взглядом обернувшейся девушки, вытащил нож.

— Ого, — произнес он.

Керава отбросил нож в сторону, сплюнул кровь, вытер рукавом губы и, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Когда это я успел тебя так обидеть? — он с усмешкой посмотрел на Кару. — Мне казалось, что тогда тебе даже понравилось. Иначе зачем тебе было приходить ко мне?

Кара была готова снова броситься на него, на это раз воплотив броню, но Керава отступил на шаг, выставив руку вперед.

— погоди, милая, не так быстро. Не стоит совершать необдуманные поступки, о которых потом будешь жалеть.

Он посмотрел на Къярта, на Райза и, улыбнувшись шире, снова перевел взгляд на Кару.

— И когда это только паладины успели подружиться с некромантами? Ну да неважно, — он освободил свою грудь от лохмотьев, в которые превратилась его одежда, и продемонстрировал затягивающиеся на глазах раны. — Знаешь, что это значит? Если нет, твои друзья некроманты, возможно, смогут тебе подсказать.

— Зеркальная печать, — ровным голосом произнес Къярт. Слишком ровным даже для него.

— Умница! Хоть кто-то выучил уроки, — похвалил Керава и посмотрел на свою грудь. — Сколько же тут... тридцать? Или сорок? Может, все пятьдесят? Кто-нибудь считал? — он обвел присутствующих взглядом. — А то я после второго перестал следить за происходящим.

— Ублюдок, — прошипела Кара.

— Как грубо, — Керава состроил осуждающую мину. — Ну ничего. В твоем положении простительно. Ты ведь никогда прежде не убивала столько мирных граждан Афракского Союза за раз? Но, если хочешь, можем продолжить. С такой страстной девушкой грех не провести время.

— Сколько печатей, Керава? — жестко спросил Райз. — Сколько их еще?

Некромант пожал плечами.

— Кто бы знал, — протянул он и задумался. — Может, еще сотня. Или две. Хм, или это были не сотни, а тысячи? Знаешь, сколько времени прошло с тех пор, как на меня навешали все проклятья, что придумали, лишь бы я никуда отсюда не выходил? Уже и не помню, со сколькими жизнями успел связать свою. Я по молодости, знаешь ли, был не слишком в этом деле разборчив. Идешь по улице, и — оп! Поставил печать на бегущую мимо девчушку или паренька. И сколько таких было, кто припомнит? — Керава посмотрел на Кару. — Одну такую и на тебя поставил. Но кто же знал, что ты подашься в паладины, и инициация выжжет ее. Это, между прочим, ранило меня до глубины души.

— Заткнись.

— Уже отдохнула и готова продолжить? — Керава, откровенно издеваясь, раскинул руки в стороны. — Что ж, давай. Только не забывай в этот раз считать. Мне и самому интересно, сколько тех печатей накопилось.

Окутанная черным облаком ненависти с прожилками алой ярости, Кара стояла на месте, осознавая собственное бессилие. Пойти до конца, наплевав на жизни невинных, она была не готова. Но нашелся тот, кто хотел закончить начатое.

— Къарт? — Райз едва приподнял бровь, когда тот направился к некроманту.

Не хватало еще, чтобы Къарт, на почве пережитого во время призыва Кары, слетел с катушек и наплевал на свои бесценные границы допустимого. Райз мог бы пойти на принцип и добраться до последнего, действительно последнего удара, и после этого спать спокойно. Но Къарт был другим.

— Все в порядке, — ответил тот и, приблизившись к Кераве, сжал пальцы на его шее.

— И что ты сделаешь? — насмешливо спросил некромант. Он даже не пытался сопротивляться. — Думаешь, свернуть шею поможет? Давай попробуем, мне самому интересно поглядеть.

— Как Орда убивала исполинов? — спросил Къарт.

— Что? К чему это?

— Как убить то, что нельзя ранить?

— Что за бред ты несешь?

— Как ты и сказал, я выучил уроки.

Слова Къарта все же заставили Кераву нервничать. Он вцепился в его руку, но сил убрать ее от себя у некроманта не было.

— Къарт? — снова позвал Райз.

Тот вздохнул и посмотрел на него.

— Помнишь, я говорил, что никогда не поглощу чужую душу?

Нахмурившись, Райз кивнул.

— Это было неосторожное обещание, — сказал Къарт и перевел взгляд на некроманта.

Праздничный зал крепости содрогнулся от крика Керавы.

Что-то ненормальное, противоестественное было в том, как союз исходящего из камина тепла, рыжего света масляных ламп и ломящейся в окно вьюги наполнял любое место уютом. И не важно — комнатуха ли это в захудалой гостинице на отшибе мира или же царственные покои в поместье свихнувшегося некроманта-убийцы.

Ночевать под крышей, под которой жил некромант, было всяко лучше, чем на продуваемой всеми ветрами скале. К тому же, сейчас некромант был мертвее мертвого, как и его призванные. На радостях Клык не оставил от них даже ботинок, но продолжал смотреть на всех голодными глазами, словно вопрошая: и где обещанная трапеза?

Каре было плевать на дальнейшую судьбу тела Керавы, но она бы поостереглась кормить грива дырявым мешком с дерьмом. Выслушав ее, Райз заявил, что если гриву приспичило почесать зубы о человечину, пусть сам ищет способ попасть в зал. Недолго думая, Клык выбил дверь вместе с рамой, попутно разворотив часть стены.

В глубине второго этажа обнаружилось несколько спальных комнат, а обыск кладовой обеспечил троицу ужином, от которого Кара категорически отказалась, и теперь, сидя за столом в доставшихся Къярту покоях, пила на пустой желудок красное крепленое вино.

— Тебе лучше заканчивать с этим, — заметил Райз, когда Кара, опустошив уже второй бокал, снова потянулась к бутылке.

— Не указывай мне, — ответила она и вылила остатки вина в бокал. Хватило только на половину. — Призванному может указывать только некромант.

— И не поспоришь, — Райз усмехнулся, откупорил еще одну бутылку, наполнил бокал Кары до краев и плеснул в свой. — Присоединишься?

Он взглянул на сидящего напротив Къярта. Тот, как и Кара, ничего не ел, но и не пил.

— Нет, не присоединится, — ответила Кара, не успев тот и рта раскрыть. — Он нужен мне трезвым.

Она сделала еще один глоток, отставила бокал в сторону и положила нож на стол.

— Помнишь, что ты предлагал мне в доме Енкарты? — Кара подняла на него тяжелый взгляд. — Я согласна. Больше мне незачем это напоминание, так что..., — она пододвинула нож ближе к нему. — Ты можешь их убрать?

Къярт молчал слишком долго, и, сочтя, что он не понял, о чем речь, Кара отодвинула рукав кофты, демонстрируя старые шрамы от клыков на предплечье.

— Ты хочешь сделать это сейчас?

— А для чего, по-твоему, я заливаю в себя вино? — несколько резко спросила она и, тут же пожалев, мотнула головой. — Прости. Прости. Да, я хочу сделать это сейчас. Хочу от них избавиться.

— Хорошо, — Къярт кивнул и поднялся с кресла. — Понадобится много чернил, чтобы приглушить боль. Они должны быть в кабинете.

— Я могу поискать, — предложил Райз.

— Я сам, — отказался тот и вышел из комнаты.

Райз посмотрел ему вслед.

Лучше Къярту было не видеть учиненный Клыком разбой. Грив набил себе желудок еще призванными и некроманта требовал больше из жадности, нежели из чувства голода. Скорее всего он не столько хотел сожрать его, сколько наиграться. Керава уже после устроенного

Карой выглядел неважно, а после встречи с гривом...

— Еще вина? — спросил Райз, чтобы хоть как-то развеять тишину, и указал взглядом на бокал.

Кара вяло кивнула.

После того, как все закончилось, и Керава рухнул на пол бездыханной, пустой куклой, на нее было больно смотреть. Окружавшая ее чернота и багрянец стремительно бледнели, и в итоге воздух вокруг нее насквозь пропитался сталью, которая в былые времена повсюду следовала за Къяртом.

Проклятый Керава с его печатями. Не мог он полежать смирно чуть подольше — пока Кара не уйдет из зала. Ограничься она одним ударом, и все было бы не так плохо. Неприятно, но не критично. Но она не ограничилась, а Райз не стал ей мешать и не дал Къярту остановить ее.

Проклятье. Хорошо, что хоть Къярт держал себя в руках. Во всяком случае, делать вид, что все в порядке, у него получалось даже лучше, чем прежде.

Кара опустошила третий бокал.

Слова о том, что она собирается вином глушить телесную боль, были слишком неумелой ложью. Къярт знал печати, которые могли, пусть и не лишит тело чувствительности, но умерить боль достаточно, чтобы не нужно было прибегать к помощи алкоголя. И Кара об этом знала. Но можно ли было винить ее за эту слабость?

Райз до последнего не мог определиться, стоит ли заводить разговор именно сейчас, но в итоге решил попытать удачу.

— Ты же знаешь, что я хочу сказать? — осторожно поинтересовался он.

— Знаю, — тихо ответила Кара, глядя на свои ладони.

— Хочешь услышать вслух?

Она отрицательно покачала головой.

— Прости, это моя ошибка, — все-таки продолжил Райз.

Кара подняла на него непонимающий взгляд. Она наверняка ждала что-то в духе «ты не виновата» и уже приготовилась спорить, но Райз решил зайти с другой стороны. Что так, что этак — идея одна. Но вместо того, чтобы убеждать ее в невинности, он пошел по пути поиска виновного.

— Это была моя идея. Я нашел в сокровищнице записи о Рутеру. Убедил Къярта не говорить тебе раньше времени. В итоге все было сделано впопыхах, без просчета всех вариантов, считай, вслепую. Мой дурацкий непродуманный план из-за которого погибли люди. Еще и воплотил его в жизнь твоими руками. Прости за это.

Глядя на него, Кара несколько раз моргнула, а затем рассмеялась. Что ж, он рассчитывал на несколько иную реакцию.

— И кто из нас выпил бутылку вина? — сквозь смех спросила Кара.

— Ты.

— Я тоже так думала, но уже не уверена, — успокоившись, она смахнула выступившие на глазах слезы, посмотрела на Райза и снова рассмеялась. — Ты уж извини, но это была настолько нелепая попытка, что я не могу сдержаться.

— Я, между прочим, старался.

— Неправда, — Кара несогласно замотала головой. — Да ну, ты шутишь. Ты не мог так схалтурить.

Райз развел руками.

— Даже не знаю, что и сказать, — приняв серьезный вид, попытожила она. — Наверное, я спишу это на твое обещание никогда мне не врать. Прибавим к этому еще запрет на использование всяких уловок да хитростей, и сгодится. Только тс-с.

Кара приложила палец к губам и замолкла.

Райз уже понадеялся, что алкоголь сделал свое дело, но, похоже, вино у Керавы было хуже, чем у Фелиса. Улыбка слетела с губ Кары, как сорванный ветром лепесток, а ее глаза потухли. Она отвела взгляд, поставила локти на стол и подперла голову руками, запустив пальцы в волосы.

— Кара?

— Все в порядке, — тихо ответила она, глядя перед собой. — Я все понимаю. Не маленькая девочка. Все пройдет. Мне просто нужно время, чтобы принять и смириться. Но спасибо тебе. Правда, спасибо.

Брови Райза едва дрогнули.

— Лучше так, — продолжила она. — Даже так, как вышло, чем если бы я продолжала гадать: ходит ли он где-то или сдох в какой-нибудь помойной яме. Но благодаря тебе я знаю наверняка: его сожрал Клык.

Вскоре вернулся Къарт: со стержнем, который всегда лежал в его сумке, и несколькими колбами чернил, припасенными Керавой.

— Ты готова? — спросил он.

Кара кивнула и, помедлив, поднялась со своего места.

— Лучше делать в ванной комнате, — продолжил Къарт. — Будет много крови, и неплохо иметь под рукой воду.

— Конечно.

Кара допила остатки вина и направилась к закрытой тяжелой шторой арке.

— Вам ведь не нужно мое присутствие? — спросил Райз. — Тогда я буду за стенкой. Позовите, если вдруг что-то понадобится.

Перед тем как уйти, он хотел было прихватить с собой оставшуюся бутылку вина, но передумал.

Он не стал разводить огонь в камине: больше, чем наслаждаться теплом, ему хотелось остудить голову. Но он должен был оставаться рядом на случай, если Къарт позовет его, и не мог выйти на улицу, как и не мог открыть окно, чтобы то и вовсе не выломало ветром. Все, что ему осталось — разглядывать мечущиеся снаружи снежинки, но свет зажженного торшера превратил черное стекло в зеркало, и Райз видел только свое отражение — куда более взъерошенное, чем тому следовало быть.

Бросив попытки разглядеть метель, он задернул шторы и, не снимая ботинок, улегся на кровать. Уставившись на натянутую на резных балках пыльную ткань балдахина, он почти не дышал. Райз и сам не заметил, как сжимал зубы, ожидая в каждое следующее мгновение услышать приглушенный стеной крик Кары, но все, что нарушало тишину — это скрип оконных рам под налетающим на них ветром.

Зря он так беспокоился. Физическая боль, какая бы она ни была, пройдет, и в случае с Карой не повлечет за собой вреда для здоровья. Напротив. А зная трепетное отношение Къарта, переживать и вовсе было глупо. Но, похоже, в этот раз доводы разума работали плохо.

Следя за энергией духа — Кары и Къарта — Райз отсчитывал минуты. Он продолжал считать даже тогда, когда сбился раза три или четыре, и в итоге окончательно потерял счет

времени.

Когда все закончилось, Райз услышал, как Кара пожелала Къярту доброй ночи, но вместо того, чтобы отправиться к себе, облако ее энергии духа остановилось за его дверью. Не серебристое, а рыжее, с примесью зеленого и еще целой массы не различимых оттенков.

Ручка двери опустилась, и Кара вошла в комнату. На ней не было кофты, только майка, не скрывающая рук и плеч, которые она никогда прежде не демонстрировала; ее кожа порозовела от прилившей к ней крови. Сколько же Къярту пришлось срезать? Он говорил, что шрамы покрывали все ее тело с ног и до шеи, но Райз не знал, насколько это «все» — все.

Кара бросила на него короткий взгляд и повернула ключ в замочной скважине, запирая дверь.

— Ты меня пугаешь, — Райз сел на кровати. — Если решила учинить расправу за какую-то обиду, то позволю себе напомнить, что я такой же мертвец, как и ты, так что...

— Тихо, — шикнула она.

Помедлив, Кара сделала шаг от двери.

— погоди, — поспешно сказал Райз, когда ее пальцы сжали края майки и потянули вверх, чтобы снять. — Я сам.

Замерев, Кара посмотрела на него со смесью удивления и заинтересованности. В ее глазах все еще плескался хмель. А Къярт и правда был бережен, иначе боль выгнала бы из крови весь алкоголь.

Райз приблизился к ней, встал за спиной, убрал руки от майки и едва подтолкнул в сторону кровати.

— Ложись, — попросил он.

— Что, вот так сразу? — она покосилась на него через плечо. — Даже без прелюдии?

— Даже без прелюдии, — Райз не сдержал улыбки.

Кара не спорила. Устроившись на кровати, она снова потянулась к одежде.

— Я же сказал, что сам. Просто лежи.

Убедившись, что она делает, как велено, Райз стянул с ее ног не зашнурованные сапоги, взял покрывало за край и набросил на Кару.

— Тебе нужно поспать, — присев на край кровати, тепло сказал он. — У тебя был тяжелый день. Отдыхай.

Райз убрал с ее лба прядку, улыбнулся в ответ на полный растерянности взгляд, и, потушив лампу, вышел из комнаты.

Привалившись спиной к двери, он закрыл глаза. Сердце колотилось в груди, разгоняя по телу жар. Да уж, пришлось приложить усилия, чтобы вот так взять и уйти.

Усмехнувшись начавшим сворачивать не туда мыслям, Райз отлип от двери и направился к Къярту. Постучав для приличия, он зашел.

Тот лежал на диване, закинув ноги на подлокотник, читал прихваченную из кабинета Керавы книгу и, судя по вопросительному взгляду, не ждал гостей. На долю мгновения это его удивление показалось подозрительным.

— Не собираешься спать? — вежливо поинтересовался Райз.

Къярт отрицательно качнул головой.

— Тогда я одолжу твою кровать.

— Что не так с твоей?

— Ее заняла Кара.

— Если ее заняла Кара, что ты тогда делаешь здесь? — вопрос прозвучал слишком уж буднично.

— Кем ты меня считаешь, раз думаешь, что я могу вот так воспользоваться перебравшей вином девушкой? — наигранно оскорбился Райз.

— Знаешь, даже пропустив через себя все твое прошлое, я порой не знаю, чего от тебя ожидать.

— А вот это сейчас было обидно. Без шуток.

Взгляд Къярта переменился. Отложив книгу в сторону, он сел на диване по-человечески и уставился в пол перед собой.

— Прости, — он все же посмотрел на Райза — всего на несколько секунд, чтобы извиниться. — Мне не стоило так говорить.

— Чего уж там, — отмахнулся тот и опустился рядом на диван. — То, что после всего ты не знаешь, что от меня ожидать, значит лишь то, что ты — болван, не умеющий делать выводы.

— Возможно.

Райз покосился на напарника и покачал головой. Хотел бы он посетовать: мало ему тоски Кары, еще и Къярт туда же — но это было не так. Вокруг того витало совсем немного серебристой взвеси, а сам он выглядел не столько подавленным, сколько рассеянным. Как ни удивительно, но перед Райзом сидел уже не тот человек, которого он впервые встретил в доме Фелиса.

— Все в норме? — спросил он.

— Да. Правда. Мы пришли убить некроманта. Мы его убили.

— Не совсем. Ты поглотил его душу. Это другое.

— Он был подонком. И я стараюсь не думать о том, что избавиться от него этот мир было даже приятно.

Райз тихо пристыдился и покосился на оставленную на столе недопитую бутылку вина. Неужто Къярт все же прикончил ее в одиночку?

— И о тех людях, которые погибли в процессе, тоже не думаешь?

Къярт посмотрел на него, и Райзу показалось, что еще мгновение, и тот рассмеется. Нет, все-таки вино у Керавы было что надо.

— Тебя интересует, переживаю ли я из-за нескольких десятков погибших, после того как разнес к чертям целую планету?

— Что-то вроде того.

— Будто ты сам не видишь.

— Да, в этом как раз вся соль.

Къярт отвернулся, и его губы застыли в невеселой, поддельной улыбке.

— Может быть, это и есть тот день, — он заговорил после недолгой паузы, — которого я когда-то боялся. День, когда я снова буду готов совершить то, чем не смогу гордиться.

— Если помнишь, я обещал, что не позволю тебе наломать дров.

— За тобой самим нужно следить, чтобы ты не наломал дров.

Райз на мгновение опешил.

— Ах ты гадкий некромантишка.

— Ну, какой есть, — Къярт пожал плечами и усмехнулся. — Все в порядке. Просто я под влиянием порыва поглотил человеческую душу, а теперь не ложусь спать, потому что боюсь того, что могу увидеть в своих снах. Они меня, конечно, не съедят, но... Но мне все

равно не хочется туда.

Райз понимающе кивнул.

— Я бы помог тебе, но в этом деле от меня мало толку, — сказал он и продолжил, когда Къярт с вопросом посмотрел на него: — Я пытался первое время как-то повлиять на эти твои кошмары — еще когда мы только оставили поместье Фелиса. Пробовал отгонять от тебя энергию духа. Это помогало, но ненадолго и ненадолго, — губы Райза растянулись в не предвещающей ничего доброго улыбке. — Так что, извини, Къярт, но с умениями Аелитт мне не тягаться. Придется тебе потерпеть, пока она где-то там, за морем.

Къярт встрепенулся, будто его поймали с поличным на преступлении, и наградил Райза мрачным взглядом.

— Как ты узнал?

— Ты же просыпаешься ни свет ни заря. А тут выбирался из комнаты едва ли не к обеду. Первый раз, второй, на третий я уже беспокоиться начал, решил зайти, а там такое.

— Она просто забирала кошмары, — смутившись, буркнул Къярт.

— Я уже и не удивляюсь, что она действительно просто забирала кошмары. Все же Ашша оказалась права на твой счет.

— Катись к черту, Райз.

Тот хохотнул.

— Неужто ты думал, что я вот так просто спущу тебе с рук это твое «не знаю, чего от тебя ожидать»? — он расслабленно откинулся на спинку дивана и уставился в потолок. — Не злись. В конце концов, я, похоже, недалеко от тебя ушел, раз явился просиживать штаны здесь, с тобой, а не остался с Карой. Но всему свое время и место.

Трещало дерево в камине, натужно выл ветер за окном. Скрежетали шестеренки, сдвигая секундную стрелку настенных часов.

Рассудив, что он не отказался бы от вина, Райз подошел к столу и приподнял откупоренную бутылку, проверяя, осталось ли на дне хоть что-то. Вина оказалось даже больше, чем он рассчитывал.

— Присоединишься? — он посмотрел на Къярта. — Сейчас здесь нет грозного паладина, который мог бы тебе запретить.

Тот отрицательно качнул головой, и Райз вылил остатки в свой бокал.

— Кстати, о времени и месте. Если ты не собираешься сегодня спать, можем воспользоваться случаем и посмотреть, не завалилось ли в библиотеке Керавы чего полезного.

Къярт не возражал.

Сомнительно, что за ночь после не самого простого дня они нашли бы что-то стоящее. Но даже если поиски приведут только к потраченному впустую времени, это был неплохой способ занять голову, чтобы в нее не лезли всякие сумасбродные идеи.

Как и ожидалось, на пару с Когтем Клык устроил в главном зале крепости погром, но даже Райз не ожидал, что в человеческом теле найдется столько крови.

Он украдкой посмотрел на идущего следом Къярта, но подобные вещи того уже не впечатляли — еще бы, после всего того, что произошло в крепости Аелитт, и что Къярт видел не только своими собственными глазами, но и глазами разорванных в той бойне фурий.

Ночные чтения ничего не дали. Пока Къярт изучал труды по некромантии, Райз искал упоминания о Зове Крови. Сейчас, в тишине, он мог как следует поразмыслить над словами

Керавы. Упомянутые тем кристаллы-поглотители были неприятным открытием. Если они найдутся и у новой Орды, это заметно все усложнит. Печати переноса урона защитят Къярта от физических атак, но что насчет этих поглотителей? Заполучить бы кристалл, который использовал Керава, или любой другой. Но где его взять? У пресловутого Зова Крови? А где его найти?

Призвать павших паладинов, снять заклятие и вернуть к жизни метаморфов, отыскать Зов Крови — пункты в плане подготовки ко встрече с Ордой плодились, как крысы в амбаре, и каждая новая выглядела крупнее, усатее и зубастее предыдущей. Но даже сплетись они в крысиного короля — будет ли этого достаточно? Райз сомневался.

Сыпавшая всю ночь снегом метель стихла только к утру. Никто не стал будить Кару, и она проснулась сама, только когда над Шетским пиком взошло позднее зимнее солнце.

Когда она вошла в оставленную открытой дверь, на столе уже все было готово к завтраку. Он мало чем отличался от обеда и ужина посреди гор, но нарезанное крупными ломтями мясо и сыр хотя бы лежали на тарелках, а не на тряпках, в которые до этого были завернуты.

— Выспалась? — с улыбкой поинтересовался Райз, разливая по чашкам парующий чай.

— Да, я... на удивление хорошо спала, — несколько рассеянно ответила она.

Кара села на свободное место и потянулась к тарелке с мясом.

Она не помнила. Скорее всего не помнила о том, как оказалась в комнате Райза, и чем все закончилось — судя по тому, как сдержанно-осторожно она держалась, и по кружащимся вокруг нее бледно-желтым искоркам неуверенности и замешательства. Признаться, Райз ожидал, что их будет больше. Но помня о его умениях, Кара старалась держать эмоции под контролем, что само по себе значило немало.

— Вот, Къярт, брал бы ты с Кары пример, — наставительно произнес он. — А то ни себе, ни другим.

— Извини, — тот пожал плечами.

Кара вопросительно приподняла брови.

Райз пояснил:

— Къярт решил, что сон — для слабаков. Так что сразу, как ты ушла спать, мы засели в местной библиотеке. Не мог же я бросить его одного.

— Нашли что-то стоящее? — Кара подхватила возможность увести разговор в другое русло.

— Увы, — Райз покачал головой.

Вот так коротко и просто вчерашний инцидент был исчерпан. Это рождало противоречивые чувства, но сейчас речь шла не о чувствах, а о рациональности.

За завтраком Райз пересказал Каре их разговор с Керавой: без лишних деталей, только то, что имело значение. А именно существование кристаллов-поглотителей и некоего Зова Крови. Кара не слышала ни об одной из этих вещей, так что оставалось надеяться, что их упоминания найдутся в записях сокровищницы Инаэор. А сейчас... сейчас их дела на Шетском пике были завершены.

Когда гривы собрались во дворе крепости, Райз задумался о том, что где-то нужно раздобыть еще одно седло, которое, если и имелось, то могло давно засохнуть и рассыпаться. Вряд ли Керава был любителем прокатиться по территории поместья.

После безуспешных поисков в кладовых Райз отдал Каре свое. Ему было не привыкать ездить на Клыке без седла, но дорога в несколько дней, еще и по горной местности...

обратный путь обещал быть занимательным.

— Только не свались, — участливо попросил Къярт и покосился на Клыка. — После вчерашнего пира он больше похож на шар, чем на грива. Постарайтесь на пару не скатиться с какого-нибудь уступа.

Клык обиженно рыкнул и, повернув голову, понюхал бок.

— Ничего себе! Мы уже и шутки шутить изволим, — Райз присвистнул и похлопал грива по шее. — Не слушай его. Лучше отрастить мягкий теплый бочок, чем дребезжать костями в вечно голодной мерзлой туше.

На этот раз пришел черед Когтю обиженно рычать и скалиться.

— Они, что, понимают каждое слово? — Кара с подозрением посмотрела на доставшегося ей грива.

— Ты и не представляешь, насколько они смекалистые, — Райз хмыкнул и толкнул Клыка пятками.

Они оставляли крепость Шетского пика в тишине, нарушаемой только скрипом снега под лапами гривов. А Клык и впрямь переел. Его шаг стал тяжелее, развалистее, еще и Коготь по сравнению с ним выглядел как вчерашний узник, которого неделями морили голодом.

Деревенские дома, как и все вокруг, стояли с нахлобученными снежными шапками, и Райз заметил сгустки серебра уже тогда, когда было поздно искать дорогу в объезд. Да и какой объезд? Единственный путь вел через ущелье, а взбираться на отвесные скалы... уж точно не с нынешней формой Клыка.

— Къярт, — окликнул Райз, когда Коготь проезжал мимо крайнего дома, за которым начинался спуск с пика. — Не останавливайся.

Кара в непонимании обернулась. Къярт нахмурился.

На подходе к деревне снега было не видать — его скрыли полотна ткани, накрывшие десятки тел. Одни лежали на носилках, другие — на голом снегу, в окружении тех, кому посчастливилось пережить эту ночь. Здесь собрались и женщины и мужчины, старики и дети — среди живых и среди мертвых.

При виде гривов и без того тихие разговоры смолкли. Лица присутствующих, одно за другим, поворачивались к чужакам: заплаканные, с темными тенями бессонной ночи и страхом непонимания, почему в один момент не стало половины деревни.

Люди провожали чужаков молчаливыми взглядами. Никто не посмел остановить их или попросить помощи. Только одна женщина, стоящая на коленях у одного из тел, с примотанным к ее груди младенцем, бросила им вслед:

— Это ваша вина! Вы принесли в наш дом мор! Это все вы! — срывающимся голосом прокричала она.

Обернувшись, Райз узнал в ней Марту. Ее супруг, Говр, оказался одним из тех, на ком стояла печать Керавы. Быть может, печать была и на ней, на каждом, кто жил в деревне. До них всего лишь не дошел черед.

Наверное, Марта продолжала бы кричать, сжимая кулаки и размазывая по лицу слезы, если бы на нее не накинлись и не заставили умолкнуть остальные. Райз поднял Клыка в галоп, за ним Къярт и Кара, и гривы унесли прочь от деревни и поднимающихся в морозное небо рыданий.

Они не останавливались до самой темноты, мчались во весь опор, и к ночи уже были у того же грота, в котором ночевали в первый день пути к Шетскому пику.

Больше не было бесед у костра. Кара забила в угол грота и сидела с каменным лицом, но окружающая ее взвесь выдавала ее с головой.

Райз не стал что-либо говорить. Сейчас ей не нужны были слова — только время забыть накрытые простынями тела и лица тех, кто стоял над ними.

Клык поднялся, отряхнулся, подошел к Каре и свернулся вокруг нее в калач, закрыв от посторонних взглядов. Уткнувшись лицом в горячую шею грива, она беззвучно плакала.

— Къярт, проснись! Подъем!

Голос Райза казался таким же маревом, как и все вокруг, и только появившемуся всего на мгновение жжению в щеке удалось выдернуть Къярта из тенет сна. Проснувшись, он осознал, что в горле снова застрял крик, а обе напряженные руки прижаты к земле.

— Пришел в себя? — поинтересовался нависший над ним Райз.

— Да, я... извини.

— Ерунда, — тот улыбнулся и отпустил его. — Будто ты первый раз пытаешься убить меня. Кстати, любопытно, что будет, если ты попробуешь поглотить мою эссенцию жизни.

— Можем попробовать, если тебе так хочется, — буркнул Къярт.

— Не особо.

Проводив хмурым взглядом направившегося к седельным сумкам Райза, он провел ладонями по лицу и сел. Осмотрелся.

— Прости, что разбудил, — виновато произнес он, встретившись взглядом с Карой, на лице которой застыло непонимание и толика обеспокоенности. Или он надумал ее сам себе в неверном свете луны?

— Ничего страшного. Но что это было?

— Къярт решил поностальгировать по старым добрым временам, — Райз вернулся к костру с наполненным снегом котелком и принялся складывать шалашом остатки веток поверх погасших углей. — Было время, когда он не давал мне спать своими криками. Но знаешь, есть что-то волшебное в этих ночных чаепитиях. Я даже соскучился по ним.

Чиркнула зажигалка, высекая искру.

— Я помню в первую ночь после того, как ты у..., — Кара осеклась на полуслове, — призвал мою душу, ты проснулся так же. Дурные сны?

— Да, что-то вроде того, — Къярт посмотрел на таящий в котелке снег. — Мне снятся люди из прошлой жизни. Те, кого я не смог защитить. И я снова и снова вижу их смерть. Иногда это я их убиваю. А бывает, что я вижу тебя или Райза, или... других. Но конец всегда один.

— Сегодня было не как всегда, — заметил Райз.

— Да, не как всегда.

О том, что существовало только в его голове, вспоминать не хотелось, но мысли настойчиво лезли в голову.

Къярт опустил взгляд на свою руку. Он будто все еще чувствовал жар от поглощенной души.

— Давай уже, признавайся, чего натворил.

— Поглотил твою душу.

Райз хохотнул.

— А я и не предполагал, что успел так тебя достать, — с улыбкой сказал он и бросил в закипевшую воду несколько щепоток чая.

— Райз, — в голосе Къярта зазвучал упрек. — Тебе когда-нибудь надоест шутить по поводу, явно не подходящем для шуток?

— А тебе когда-нибудь надоест драматизировать по поводу всякой ерунды? Это всего-навсего дурацкие сны. Тем более мы оба знаем, что тебе не обязательно видеть их до

скончания времен.

— От кошмаров можно избавиться? — кутаясь в шкуру, Кара пододвинулась к огню. — Как?

— Не самостоятельно, — Райз усмехнулся.

— Заткнись.

— Вот, опять он стесняется.

— О чем речь?

— Ни о чем. Не слушай его. Райз несет всякую чушь.

— И я буду нести ее каждый раз, когда на твоём лице без какого-либо уважительного повода будет появляться эта кислая мина.

— И решать — уважительный повод или нет — конечно же будешь ты.

— Разумеется.

— Может, вы все-таки объясните, о чем речь?

— Я бы с радостью, но это великая тайна Къярта, а не моя. Ему и рассказывать.

Кара в ожидании посмотрела на него.

Он не знал, почему ему так трудно говорить об Аелитт. Казалось бы, что в этом такого? Но или так сказались дурацкие подшучивания Райза, или что-то другое, но каждый раз при мысли о том, что ему нужно рассказать о фурии или произнести ее имя, казалось, что он собирается выдать нечто сокровенное.

Кара заговорила первой:

— А знаешь, меня вполне устраивает жить с мыслью, что эти кошмары с ним навсегда. Должен же некромант хоть как-то платить за то, кем является. Так что да, я не хочу знать, как от этого избавиться.

Не ожидавший от нее ничего подобного, Къярт замешкался, прежде чем благодарно кивнуть.

— Не слишком радуйся, мой тебе совет, — Райз снял с огня котелок и разлил чай по дорожным чашкам. — Тебя только что сделали должником. А быть в долгу у дамы, еще и привлекательной — опасное положение. Как бы не пришлось отрабатывать пугалом, отгоняющим надоедливых поклонников.

— Я как-нибудь да справлюсь, — Къярт ответил ему выразительным взглядом и забрал протянутую чашку с чаем.

Они оставили грот, когда начало светать. На небе не было ни облачка, и заснеженный плес сверкал как начищенная песком сковорода — смотреть больно. Клыкку это тоже пришлось не по вкусу: он то и дело фыркал и даже пару раз чихнул.

С приходом темноты за их спинами осталась последняя горная гряда, а внизу среди скал показались спины прилипших к сеннику лошадей.

Охотники все еще были в сокровищнице и выглядели куда расслабленнее, чем прежде. Хаук с Офреном играли в карты, и только Вильма с Подом помогали Осмельду, по-прежнему сидящему за документами Инаэор.

— Не подошли, значит, — кисло протянул Хаук.

— Твоими молитвами, — Райз любезно улыбнулся в ответ и направился к Осмельду.

Тот сидел, склонившись, над ворохом бумаг и что-то черкал.

— Удалось что-то найти?

— Да. Много чего, — Осмельд отложил в сторону карандаш и обвел троицу взглядом. — Способ снять проклятие с призванных и правда есть. Достаточно печатей и

эссенции жизни. И еще проверить на практике, что он действительно работает.

— Это они? — Райз указал взглядом на разложенные на столе бумаги.

— Да.

— Къярт, взглянешь?

Тот кивнул.

— Что еще, Осмельд?

Парень замялся, покосился на стоящую рядом Кару.

— Рутеру мертв, — сообщил Райз. — Можешь говорить обо всем открыто.

— Когда-то давно в сокровищнице было кое-что, что могло убить паладина. В броне он или нет — не важно. Эта вещь могла убить не только паладина, но вообще кого угодно.

— Ты о кристаллах-поглотителях?

Взгляд Осмельда переменился.

— Да. Они. Один из них.

— И Керава в свое время его одолжил. Это нам тоже известно.

— Нет, не Керава. Единственный кристалл, который находился в этой сокровищнице, пропал задолго до его рождения. И, что странно, никто даже не хватился. Где-то здесь, — Осмельд посмотрел на стопки книг, выросшие вокруг стола, — есть инвентаризационная книга. Вильма просматривала ее и обнаружила, что почти два века назад запись о кристалле пропала. Мы пытались найти хоть какое-то упоминание о том, забрали его или украли, какие-нибудь записи расследований, но ничего. Может, эта информация содержалась в документах, которые хранились непосредственно в доме моего рода.

— Тогда их можно найти только в архивах Братства, — сказала Кара.

— Сомневаюсь, что в них будет что-то о Зове Крови, у которого, вероятно, и находится кристалл. Слышал о таких ребятах?

— О Зове Крови? — Осмельд нахмурил брови. — Нет, никогда.

— А в здешних записях?

Парень покачал головой. Под с Вильмой тоже.

— Ладно. Отложим это на будущее. Что-то еще, что нам нужно знать?

Осмельд помедлил с ответом:

— Нет, ничего.

— Осмельд, молчание — не самая лучшая тактика в твоём случае.

— Нет ничего, что вам нужно знать. Никакой важной информации. Только мои мысли.

— Ну так излагай, — Райз улыбнулся и присел на краешек стола. — Мы здесь все в одной лодке.

— Сомневаюсь, — мрачно сказал парень и посмотрел на Вильму с Подом, словно ища поддержки.

Он будто вновь превратился в того щуплого боязливого мальчишку, которого они встретили когда-то. Къярту даже стало жаль его. Осмельд боролся с собой, не решаясь заговорить о том, что не давало ему покоя. Но Райз не оставил ему путей отступления.

— Я просмотрел перепись ковена, — отведя взгляд, с неохотой заговорил Осмельд. — И нашел в нем имя. Имя Енкарт, — он таки набрался храбрости посмотреть на Райза. — Фелис Истлен Енкарта входил в ковен Инаэор.

— Да, было такое.

— Он клялся в верности моему роду. Он дал клятву: он и все его потомки будут служить Инаэорам.

— Фелис вышел из ковена еще до твоего рождения.

— Ты ничего не знаешь о том, как работают клятвы на крови, да?

— Намекаешь, что теперь мы должны делать то, что нам скажет Инаэора? — Райз усмехнулся. — Прости, парень, но дело в том, что у Фелиса, насколько нам известно, не было родных детей. А вот сироток он подбирать любил. Так что какие клятвы не связывали бы его с Инаэорами, мы к ним не имеем никакого отношения. Больше тебе нечего сказать?

Осмельд сковано качнул головой, с настороженностью ожидая последствий за свой опрометчивый шаг. Но Райз находился в благодушном расположении духа.

— Что ж, если на этом все, и мы получили от этого места все, что хотели, переночуем, а завтра выедем к первой же крипте. Ты говорил их три. Где именно?

— Та, где находилось Ши-то — далеко на востоке, за Флааским хребтом. Еще одна на запад от Коуфлада. И последняя в Эшене.

— Прямо-таки в Эшене?

— Да. Там везде горы — отличное место, чтобы что-либо спрятать.

— Интересно, как некроманты прятали что-то посреди города.

— Ту крипту построили одной из первых, еще до того, как заложили Эшпен, — Осмельд замолчал, раздумывая, стоит ли продолжать. — И до того, как там же разместили одно из захоронений паладинов.

Кара нахмурилась. Она, как и другие рядовые бойцы Братства, ничего не знала о местоположении братских могил. Паладины держали это в строжайшем секрете — во избежание утечки информации. Однако, принятые меры не помогли. Возможно, некроманты так ничего и не узнали бы, если бы не досадное совпадение, из-за которого паладины решили устроить захоронение возле крипты. Они, конечно, вряд ли подозревали о ее существовании, а вот некроманты, приглядывавшие за своим схроном, знали об обеих могилах.

— Если вы хотите распечатать крипту, лучше отправиться к той, что за Коуфладом, — продолжил Осмельд. — Эшпенская, пусть и ближе, но там повсюду паладины. Призывать там опасно, — сказал он и посмотрел на Кару. — Если, конечно, Братство не сделает вид, что ничего не замечает.

— Это вряд ли, — хмыкнул Райз. — Но мы будем вести себя осторожно. Завтра с утра выедем в сторону Эшена. Къярт, захвати бумаги по печатям, хочу переночевать в хижине, — попросил он и обратился к Поду: — Если хотите, можете остаться на ночь здесь.

Охотники не возражали: порознь с теми, кто волей судьбы диктовал им условия, им дышалось всяко свободнее.

Разбираясь в чертежах и записях Осмельда, Къярт время от времени поглядывал на сидящую в молчании Кару и Райза, по своему обычаю занятого кипячением воды в котелке. Иногда начинало казаться, что будь это возможно, и Райз все проблемы решал бы с помощью горячего чая. Увы, горячий чай был не настолько всесилен.

Къярт знал, зачем Райз захотел провести эту ночь подальше от охотников. Они так и не поговорили с Карой о том, что собираются призывать и других паладинов, но больше откладывать было некуда. Прийти в Эшпен и поставить ее перед фактом на пороге гробницы — хуже не придумаешь.

— Кара, ты понимаешь, почему мы идем именно в эшпенскую крипту? — Райз нарушил затянувшееся молчание.

Кара кивнула. Она не смотрела ни на него, ни на Къярта и имела вид довольно

меланхолический, за которым могла прятать что угодно.

— Это необходимо, — продолжил Райз. — Если Къарт сможет призвать души других паладинов, это заметно увеличит наши шансы против Орды. Мы не в том положении, чтобы перебирать варианты.

— Я это понимаю. Не дура. И ничего вам не говорю.

— Но тебя это не устраивает.

— Я ничего вам не говорю, — отчеканила Кара и подняла на Райза давящий, как тиски, взгляд. — Что ты хочешь? Чтобы я радовалась, что сила некроманта осквернит не только мою душу, но и души множества других паладинов? А я буду стоять рядом, смотреть, как они приходят в себя один за другим, понимать, что они чувствуют то же самое, что и я. Да, Райз, меня это не устраивает. Но я так же понимаю, что это должно быть сделано — при условии, что вы действительно собираетесь противостоять Орде, а не преследуете какие-то свои цели. Я понимаю и ничего вам не говорю. Так что ты хочешь от меня?

Райз улыбнулся и, не торопясь с ответом, принялся разливать чай по чашкам.

— Он хочет лично услышать, что тебе не нравится, — между делом произнес Къарт, не отрывая своего внимания от раскрытого на коленях дневника. Некромант, работавший над способом снять заклятие с метаморфов, отличался особо небрежным почерком. — Райз всегда так делает, и молчание тут не поможет. Поверь, я знаю, что говорю. Проще смириться и... — Къарт запнулся, обнаружив на одной из схем несоответствие с написанным ранее, и зашелестел бумагами с чертежами, сделанными Осмельдом. — Проще смириться и принять эту его черту как неизбежное зло.

— Спасибо за поддержку, Къарт, — оскалился Райз.

— А как иначе?

Нахмурившись, Къарт переводил взгляд с одной схемы на другую. Даже некроманты с отвратительным почерком не отличались беспечностью и намеренно внесли в записи ошибки, которые Осмельд тоже подметил и исправил.

Кара закатила глаза.

— Вы когда-нибудь перестанете препираться?

Къарт оторвался от бумаг и встретился с Райзом взглядом.

— Это вряд ли, — усмехаясь, тот покачал головой.

— Да, боюсь, здесь без вариантов, — согласился Къарт.

Вздыхнув, он отложил дневник и записи Осмельда в сторону, и придвинулся к огню.

— Я понимаю тебя, Кара. Как некромант, привязавший твою душу к себе, — на его губах появилась грустная улыбка, — я знаю, как ты относишься к тем или иным вещам. Мне тоже не доставляет радости необходимость беспокоить мертвых, тем более когда те будут смотреть на меня, как на заклятого врага. Так что, если тебя это утешит, предстоящее принесет мне даже больше неудобств, чем тебе.

— Ты самый странный некромант из всех, что я встречала.

Къарт развел руками. Он был рад и тому, что Кара перестала видеть в нем чудовище. Во всяком случае, ему хотелось верить, что это было так.

— Что ты ухмыляешься? — Кара с недоверием покосилась на Райза.

— Полегчало, да?

— Что? С чего ты вообще...? Да он же просто невыносим с этой своей силой!

— Я знаю, — Къарт добродушно улыбнулся и вернулся к изучению записей.

Дорога до Эшена заняла восемь дней: восемь долгих, заполненных колючим снегом и

изматывающим ветром дней. Отряду пришлось проехать на восток вдоль границы плоскогорья, а затем свернуть в горы на узловатый, старый торговый путь. Порой лошади брели едва ли не по колено в снегу, и Къярт уже не был уверен, что все из них дойдут до места назначения. Последние годы сообщение с Эшшеном было организовано по воздуху и только редкие купцы, по какой-то причине отказавшиеся летать на дирижаблях, еще возили свои товары через горы. Но в такую погоду желающих воспользоваться наземной дорогой не нашлось.

После недели, проведенной в холоде и серости, выглянувший из-за горного кряжа Эшшен показался миражом. Сияющий сотнями огней, что тянулись вверх и вширь по горе, точно елочная гирлянда, он застыл в сгустившихся сумерках.

Эшшен не построили в основании горы. Его возвели буквально на ее уступах, чтобы он гордо возвышался над заснеженными пиками гор. Его нижние ярусы оцетинились защитными стенами и орудиями, которые служили скорее украшением, чем средством защиты. Никто в здравом уме не стал бы нападать на Эшшен. Чтобы сделать это, сперва к нему нужно было добраться, а затем собраться с храбростью атаковать город, чей покой стерегли три исполина. Они, конечно, хранили ту же неподвижность, что и все остальные, но вид рук, тянущихся прямо из скалы в небо, с зажатым в них подобием меча и булавы, не мог не рождать трепет. Поговаривали, что сама гора, на которой обосновался Эшшен, являлась одним гигантским четвероруким исполином. Но будь оно так, и вряд ли каменотесы смогли бы высекать в нем новые ярусы для продолжающегося разрастаться города.

Никто достоверно не знал, сколько исполинов погребено в эшшенской горе — один или два. Наиболее популярное мнение утверждало, что два. Все-таки орудовать одновременно мечом и булавой, даже если у тебя четыре гигантские руки, не слишком удобно.

Кроме закованных в камень, у Эшшена был еще один исполин. Настоящий гигант — один из тех, кто погиб еще в Первую войну с Ордой — он стоял перед городом с косою в руках, развернувшись вполборота, словно бы в последние мгновения своей жизни пытался нанести удар. По рукояти и острию косы, вошедшей глубоко в скалу, проложили путь ко дворцу наместника, возведенному прямо на голове Исполина. Хотя головой ее сложно было назвать — скорее блюдом для утки, установленном на длинную и тонкую подставку-шею. Благодаря подпоркам, компенсировавшим наклон, из «блюда» получилась отличная платформа для строительства.

Когда Эшшенские земли только присоединились к Афракскому Союзу, многие осудили идею использовать останки исполина как фундамент для зданий. Но у правящей династии имелся свой взгляд на вещи, которые та не собиралась отдавать вместе с королевскими регалиями и независимостью.

Гривов отпустили еще на подъезде к городу. Къярт приказал гриву Кары повсюду следовать за Когтем, проводил взглядом умчавшуюся в метель тройку и направился следом за остальными. Оставив лошадей в конюшне на въезде, они вошли на территорию Эшшена.

Городу не было дела до всего другого мира: ни до разгулявшейся в горах вьюги, ни до бед жителей Непрадского полуострова, ни до некромантов, стягивающих силы совсем рядом на юге; ни до эфемерной Орды, которая для всех горожан была не большим, чем детской страшилкой, а палладины на улицах — всего-то элитной стражей. На залитых светом и смехом улицах снегопад, что казался сущим проклятием еще несколько часов назад, превратился в настоящее волшебство. Нарядный, пахнущий свежей сдобой и горячим вином, город выманивал людей из теплых, добротных домов, завлекал в вечнозеленые парки и

ресторации.

Время от времени поглядывая на Райза, глазеющего по сторонам едва ли не с детским восторгом, Къярт улыбался.

Поездка на Шетский пик помогла не только Каре. Къярт не знал, почему это случилось именно тогда, но сидя у костра среди нагих скал — еще до встречи с Керавой — он осознал, что находится именно там, где должен. Жаль, что он уже не мог поблагодарить Фелиса за то, что тот призвал его душу.

Для ночлега выбрали одну из гостиниц на нижних ярусах Эшсена: широкую и светлую, с просторным баром-рестораном, расположенным прямо в главном холле, и чистыми теплыми комнатами, пол и стены которых задрапировали овечьими шкурами.

— Вход в крипту — в основании эшсенского пика, — сообщил Осмельд, когда они собрались в общем зале четвертого этажа, который Райз выкупил целиком. Пришлось заплатить за две лишние комнаты, но банковский счет Енкарт позволял и не такие траты.

— Все забываю спросить: откуда тебе известно расположение крипт? — Райз задернул тяжелые шторы и отошел от окна.

— Это последний способ выжить, если дела будут совсем плохи. Меня заставили вызубрить их местоположение еще в шесть лет. Вообще, о них знают все Предтечи, — Осмельд поерзал в кресле, плотнее закутываясь в шерстяной плед.

Дни, проведенные в сокровищнице, помогли ему немного восстановиться, но последовавшая за ними неделя с ночевками на холоде сказалась на его здоровье не лучшим образом.

— Хотя, насколько мне известно, местоположение Фласской крипты мой род смог сохранить в тайне, — продолжил парень. — О таком не принято болтать: все же открыть крипту может любой некромант. Но это не значит, что ее сила должна достаться всяким проходимцам. Они, конечно, будут действовать исключительно в интересах Орды, но это не повод давать ружье ребенку.

— Почему тогда было вообще не ограничить к ним доступ? — спросил Къярт. — Запереть печатями вроде той, что на сокровищнице Инаэор.

— Крипты построили после уничтожения Орды те, кто в большинстве своем пришли в этот мир вместе с Ордой. В то время у всех некромантов была общая цель, а значит, и крипты принадлежали всем и каждому. Затем, спустя несколько поколений, главы ковенон захотели прибрать их к рукам. Но в Афракском Союзе крипт всего три, и попытка поделить их неизбежно привела бы к бойне среди своих. Потому было решено ограничиться тем, что информацией о их местоположении будут владеть только главы ковенон.

Райз понимающе кивнул.

— А что насчет захоронения паладинов? Известно, где именно оно находится, и как в него попасть?

— Оно где-то в горе. Это все, что я знаю.

Пока Райз продолжал расспрашивать Осмельда о криптах и ковенах, Къярт снова засел за записи о нейтрализации проклятия, наложенном на души метаморфов. Созданные Инаэорами печати не снимали его, но должны были поставить защиту на якорь, связывающий душу призванного с душой некроманта, не позволяя проклятию раскрыть свою силу — как прикрыться щитом и выйти под обстрел. Вариант допустимый, если не думать о том, что щит может в любой момент сломаться.

Вариант не использовать печать призыва души, а превратить останки в крипте в

обычные умертвия, тем самым не давая возможности проклятию сработать, был равносильен тому, чтобы и вовсе ничего не делать. Без души это были всего лишь кости, к тому же кости глупые, полностью зависимые от поведенческих печатей.

Содержание метаморфов-призванных обходилось дорого. Кроме того, что Шиито требовало энергию всякий раз преобразуя тело, постоянное поглощение эссенции жизни печатью призыва тоже не отличалось экономностью. Это и было основной причиной плачевного состояния Осмельда, когда охотники скрывались в Западном Бреуде. Пока парень находился под наркозом, Шиито продолжало тянуть из него эссенцию жизни. В одной из бесед о метаморфах Осмельд высказал свое удивление тем, что его энергии и вовсе хватило, чтобы продержаться так долго. Он уж точно не мог накапливать эссенцию жизни так же, как Къярт, тем более в таких количествах. Учитывая это, вставал логичный вопрос: как некроманты вообще собирались использовать метаморфов, если даже один, действительно способный что-либо сделать, требовал от призвавшего его так много?

Къярт и сам сомневался, что сможет справиться с этой задачей. С одним Шиито и тем объемом энергии, которым он владел, не было необходимости задумываться о тратах. Но когда счет пойдет на десятки и сотни...

Размышляя над этим, он раз за разом приходил к неутешительной мысли, что без поглощения энергии исполинов или же энергии душ — что, впрочем, являлось одним и тем же — ему долго не продержаться.

Они отправились в крипту с рассветом. Солнце поднималось поздно, но слоняться по улицам в темноте, еще и в компании сбежавшего «ручного» некроманта и бывших заключенных Тхаутского рудника, рискуя привлечь внимание стражи, Райз наотрез отказался.

Спуск к основанию горы занял почти час. Еще час ушел на поиски спрятанного за скалами входа в пещеру, который ни сверху не заметить, ни уж тем более не наткнуться на него случайно: мало того, что входом оказался узкий горизонтальный лаз, так еще и засыпанный снегом.

— Ты уверен, что нам туда? — Райз со скептицизмом смотрел на Осмельда, пока тот ползал на четвереньках и шарил в расселине рукой.

— Да, — выдохнул парень и продемонстрировал свой улов — пыльную, изъеденную ржавчиной брошь в форме цветка. — Крипта в конце прохода.

Судя по каменным, побитым изморозью глыбам, когда-то путь был шире. Но от времени — или же от человеческого вмешательства — свод обрушился, и остался только промозглый туннель, местами настолько узкий, что протиснуться можно было только боком.

Спустя полчаса дорогу преградила скала. Прикосновение порезанной ладони Осмельда — и камень, так же, как в сокровищнице Инаэор, начал осыпаться. Из открывающегося прохода потянуло затхлостью.

За превратившейся в пыль стеной показалось начало пещеры. Свет масляных ламп выхватил из темноты ряды плоских камней, на которых стояли стеклянные кубы. Внутри лежали кости: черепа различных форм, конечности, костяные пластины — все, что тысячелетие назад смогли собрать и принести некроманты, дабы сберечь одно из универсальных орудий Орды.

— Это все метаморфы? — спросил Къярт, осматривая один из кубов.

Внутри лежало нечто, похожее на обломок реберной кости. Или же клыка.

— Да. Все до последнего.

— Больше здесь нет ничего полезного? — голос Райза эхом зазвучал под сводом.

— Полезного для кого? — без особого воодушевления поинтересовался Осмельд. — В каждой крипте должны быть кристаллы с эссенцией жизни. Ее хватит на первое время, чтобы питать печати. Но затем придется искать другой источник. Не думаю, что метаморфов вообще планировали использовать для долгих призывов. Скорее для того, чтобы нанести один сокрушающий удар и сразу отпустить.

И снова Къарт почувствовал на себе настороженный взгляд Осмельда и охотников. Они смотрели на него едва ли не так же, как в свое время Кара. Подумать только: эти четверо считали его куда большим злом, чем Предтечу, и злом не в контексте их собственных жизней, но в контексте всего общества. Охотники до сих пор не знали, с какой именно целью он собирается поднимать метаморфов, а Райз по-прежнему не считал необходимым им это объяснять. И с каждым днем их догадки, а вместе с тем и взгляды, приобретали все более мрачный оттенок.

Осмельд поставил один из кубов с костью на пол, и свет лампы в руке приблизившегося Офрена отразился на гранях кристалла, что покоился в выдолбленной в камне нише.

— Вот. Как я и говорил, — тихо произнес Осмельд. — Какой приказ мне исполнить следующим? — в его голосе послышались бунтарские нотки.

Къарт покосился на Райза. Вряд ли тот собирался спускать всех собак на решившего очернить подростка, но зная его любовь к радикальному решению вопросов...

— Понравилось быть послушным мальчиком? — Райз усмехнулся. — Что ж, дальше тебе придется проверить, так ли хороши изыскания твоего предка. Нужно убедиться, что проклятие не сработает.

В повисшей тишине Вильма заговорила первой:

— Ты хочешь, чтобы он призвал одно из этих чудовищ? А если печать не поможет...

— Тогда парня в расход, — зло вставил Хаук. — Чего ему париться, не его же пацан.

— Помолчите, — одернул их Под и посмотрел на Райза, ожидая объяснений.

— Если печать не сработает, мы разрушим метку-привязку, — ответил тот.

— Это не поможет, — возразил Осмельд. — Скорее всего нет. По правде сказать, я не знаю наверняка.

— Тогда воспользуемся способом, который проверено работает. Къарт перехватит контроль над призванным, и начнем сначала.

— В прошлый раз это почти убило Осмельда! — возмутилась Вильма.

— Почти — это ведь не до конца, верно? Тем более Къарт будет рядом и поможет. Не дергайтесь так, от живого Осмельда пользы больше, чем от мертвого. Никто из нас не хочет его убивать, — Райз осекся и бросил на Кару короткий взгляд. — Ну, может, и хочет, но не будет — если никто из вас не даст повод. Надеюсь, на этом мы закончили со спорами?

— Зачем вам метаморфы? — Осмельд таки решился озвучить вопрос, мучивший охотников все это время. — Что вы собираетесь с ними делать?

— Я, помнится, уже говорил, что это вас не касается. Пока не касается. Вот и не забивайте голову.

Осмельд собирался сказать что-то еще, но, почувствовав на себе пристальный взгляд Пода, смолчал.

После недолгого колебания парень взял кристалл с эссенцией жизни, достал из куба кость и, положив кристалл на одну ладонь, а кость — на другую, зашептал. Ему, как и практически каждому некроманту, для призыва требовались не только печати, но и

заклинания. На все про все у него ушла четверть часа, и когда в самом конце его взгляд на пару минут остекленел, а затем вернулся в норму, Къярт понял, что призыв завершен.

Кость на ладони Осмельда начала трансформироваться.

Каково это было прийти в себя и осознать, что у тебя нет ни зрения, ни слуха, никаких иных чувств? Что вообще могла ощущать душа, заточенная в кость? Осознавала ли она мир вокруг или же плыла в абсолютной, удушливой черноте? Как бы там ни было, сознание метаморфа было достаточно сильным, чтобы осознать, что дело — дрянь, не сойти сразу же с ума и принять соответствующие меры в борьбе за жизнь. Но как настолько живучее существо вообще удалось убить? Их души как-то вырвали из тел, лишив возможности самостоятельно вернуться или же переродиться в новых?

Наблюдая, как кость на ладони Осмельда темнеет, сжимается, приобретает черты мелкого зверька, отдаленно похожего на мышь, Къярт думал о том, что сейчас знает о некромантии и том, что происходит с душами после смерти ненамного больше, чем когда Фелис только вернул его к жизни. Ему казалось, что он начал понимать, что к чему, но затем появились метаморфы, и он снова оказался в окружении полчища вопросов, а рядом — никого, кто мог дать ответ.

— Все в порядке? — поинтересовался Райз, глядя на оформившегося на ладони Осмельда зверька.

— Да, — выдохнул тот. Он смотрел на метаморфа угрюмо, с опаской, словно то, что он увидел в его прошлом, не на шутку напугало. — Сколько придется ждать, прежде чем вы решите, что заклятия нет?

— Это ты скажи. Помнишь, когда прозвенели первые колокольчики в прошлый раз?

— Нет. Может, несколько дней или неделя. Я не помню день, когда поднял Шии-то, и когда призвал некромантов.

— Тогда подождем неделю или две, чтобы наверняка.

— Я могу ограничить его рост? Если он продолжит расти, одного кристалла не хватит на столько времени.

— Пожалуйста, — Райз махнул рукой. — Нам нужно проверить, работает ли печать, а не получить боееспособного метаморфа. А Шии-то заодно присмотрит, чтобы твой крысеньш не бегал там, где ему не положено.

Взяв одну из ламп, Райз направился вглубь хранилища — сосчитать, сколько в нем метаморфов. Къярт предложил помочь, чтобы управиться быстрее, но тот попросил оставаться на месте и не отходить от входа.

Лампа покачивалась в его руке и тихо поскрипывала, а круг света становился все меньше. Однако, Райз ушел не так далеко, как ожидал Къярт, и вернулся уже спустя пять минут.

— Двадцать рядов, в каждом по сто двадцать два куба, итого две тысячи четыреста сорок метаморфов, — сообщил он.

Целая армия как для одного некроманта, но при этом — ничто в сравнении с силами Орды.

— Думаю, на сегодня мы здесь закончили. Возвращаемся в город, — добавил Райз и обратился к охотникам: — Хотел бы я сказать, что вы можете спокойно наслаждаться красотами Эшсена, но вам лучшешний раз не появляться на улицах. Придется посидеть в гостинице. Найдете, чем развеять скуку?

— Это легко, — заверил Офрен и ткнул Хаука локтем в бок. — Попробуешь отыграться

в картишки, или уже оставил надежду?

Хаук сердито отмахнулся.

Когда они вернулись в гостиницу, Райз с Карой захватили комнату Къярта: девушка пристроилась в кресле у камина, а Райз, за неимением лишних мест для сидения, улегся прямо на кровати. Ну хоть сапоги снять удосужился, и на том спасибо.

— Уверен, что нам стоит и дальше скрывать от охотников наши планы насчет Орды? — спросил Къярт, не дожидаясь, пока Райз сам начнет разговор. — Они с каждым днем все больше и больше видят во мне какого-то зверя.

— Тебя это беспокоит?

— Нет, но..., — начал Къярт и умолк. Напарник знал его аргументы и без объяснений.

— Кара, — позвал ее Райз, — ты же веришь, что мы действительно собираемся уничтожить Орду?

Кара обернулась и встретилась с ним взглядом. Помедлила, посмотрела на Къярта, который тут же прочел в ее глазах замешательство.

— Я не уверена, что это вообще возможно, — в итоге ответила она.

— Вот видишь, — Райз устало улыбнулся. — Даже Кара, которая знает нас куда лучше, чем охотники, до сих пор не верит.

— Я не..., — начала было она, но Райз прервал ее, отрицательно покачав головой.

— Ты не обязана верить. И уж тем более не обязана оправдываться. Окажись я на твоём месте — ждал бы подвоха даже после того, как от Орды не осталось бы и следа.

— Ты не слишком-то доверяешь людям, — заметила она.

— Доверять людям? Глупость какая, придумаешь еще такое.

— Мне кажется, или из твоих слов исчезает логика?

Губы Райза растянулись в улыбке от уха до уха.

— Кара, он же просто дурака валяет, — Къярт вздохнул. — Мысль касательно охотников ясна. Но я беспокоюсь, как бы они не совершили какую-нибудь глупость, пусть и из благих побуждений.

— Я слежу за этим. Не переживай.

Къярт кивнул.

— И что дальше? — флегматично поинтересовалась Кара. — Мы будем сидеть на месте и ждать эти две недели или..., — она оставила фразу недосказанной.

— Или. Надо найти захоронение паладинов. Но мне нужно подумать, как это сделать, если ни у кого из присутствующих нет уже готовых идей.

Кара сразу догадалась, что речь по большей мере идет о ней, но предпочла изобразить непонимание — ровно на то время, которое вела борьбу сама с собой.

— Я могу зайти в отделение Братства и поспрашивать, — бесцветным голосом сказала она. — Может, кому-то и известно.

— Нет, не будем привлекать к этому излишнее внимание. Оставим, как самый крайний вариант. Но, я думаю, до него дело не дойдет, — Райз сел на кровати и сунул ноги в сапоги.

— На какие идеи ты тогда намекал, если эта тебя не устраивает?

— Мне не нужно, чтобы ты выводывала у паладинов о захоронении. Достаточно того, что ты это предложила, — Райз встал с кровати и подошел к двери. — А может быть, и верит, — с лукавым прищуром сказал он Къярту, обескураживающе улыбнулся Каре и вышел из комнаты.

— Он же невыносим, — пробормотала она себе под нос.

Кьярт только улыбнулся и подбросил в камин полено.

На улице еще толком не рассвело, и в холле гостиницы не было никого, кроме заспанной официантки, явно не готовой обслуживать постояльцев в такую рань. Правда, учитывая цены за ночлег и еду, персоналу полагалось угождать гостям круглые сутки и подсакивать по их первому зову.

— У меня появилась идея, как найти захоронение, — Райз отрезал от горячего омлета ломоть и закинул в рот. — Сегодня я поищу ресурсы для ее реализации.

— Что за идея? — Къярт разглядывал плавающие в чашке чайники. После ночных кошмаров аппетит совершенно пропал.

— Сюрприз. Дай мне время найти все необходимое, и узнаешь. Ты запомнил дорогу к крипте? — тот кивнул. — Наведайся пока туда и заberi из кристаллов эссенцию, чтобы не тратить на это время потом.

Къярт снова кивнул, на этот раз куда охотнее, чем в предыдущий. Возможность отсрочить момент, когда ему придется задуматься о более богатом источнике энергии, была сродни глотку свежего воздуха.

— Кара пойдет с тобой, — добавил Райз. — Будь хорошим мальчиком, слушайся ее во всем.

Къярт покосился на него и кивнул в третий раз.

— Тебе обязательно вести себя как шут? — спокойно поинтересовалась Кара, до этого хранившая абсолютное молчание.

— Къярт пугается, когда я слишком серьезный. А мне небезразлично душевное состояние напарника. Так что да, обязательно, — Райз обезоруживающе улыбнулся. — Что ж, план всем ясен, увидимся вечером, — он глотнул напоследок чай и вышел на улицу.

Къярт с Карой в недоумении уставились друг на друга.

Прежде они никогда не оставались один на один на целый день, и Къярт не мог сказать, что был рад такому раскладу. Мало того, что его настораживал сам факт того, что Райз будет слоняться неизвестно где и заниматься неведь чем, так еще и он оставался наедине с девушкой, с которой не знал, как себя вести.

— То, что Райз ведет себя так, чтобы не пугать тебя — его очередная шутка? — поинтересовалась Кара, когда они вышли за территорию Эшена.

— В некотором роде. Но лучше пусть он шутит и отпускает шпильки, чем становится серьезным.

— Почему?

Къярт помедлил, прежде чем ответить. Воображение нарисовало ситуацию, которая могла бы заставить Райза собраться и отбросить все его ребячество, и Къярт понял: сейчас он опасается этого еще больше, чем раньше.

— Я видел Райза таким всего пару раз. Если считать эту его жизнь, не предыдущую. Если он перестает балагурить, значит, положение из ряда вон плохо. В такие моменты он забывает о правилах, границах, отмечает все, что как-либо его сдерживает — все ради того, чтобы восстановить контроль над ситуацией. Казалось бы, чего переживать, раз мы союзники, но мне все равно становится не по себе.

— Ты же некромант, а Райз — твой призванный. Беспокойство лишено смысла. Если он забудет о границах, ты всегда можешь ему о них напомнить.

— Я не очень люблю отдавать приказы.

— Да, я заметила.

— Дело не только в этом. Все же у Райза больше опыта в решении... всяких вопросов, чем у меня. Следовательно и указы раздавать не мне.

В памяти всплыли слова Фелиса о руке и оружии. Он никогда не говорил ничего такого Къярту, только Райзу, но поведением выражал свое отношение более, чем красноречиво. Однако, сейчас Къярта это не задевало. Когда-то от одной только мысли, что он будет всего лишь безропотным, несведущим в происходящем исполнителем чужой воли, его начинало знобить. Когда-то, да, но не сейчас.

Крипта встретила их мраком и тишиной.

Не мешкая, Къярт направился мимо первых двух рядов. Кара, неся лампу, шла следом.

— Я хотел поговорить с тобой, — произнес он, закончив с первым кристаллом и перейдя к следующему. — О том, что будет, когда мы найдем захоронение паладинов.

Он обернулся, чтобы встретиться с Карой взглядом, и ему показалось, что тени на ее лице стали глубже. Ожидаемо эта тема не доставляла ей удовольствия. Но лучше было обсудить все сейчас, чем перед закованными в броню останками.

— Если мне удастся призвать их души, мне нужно знать, какую ступень использовать, — пальцы коснулись очередного кристалла и рука привычно наполнилась огнем.

— Ты спрашиваешь это у меня? — в голосе Кары прозвучала смесь замешательства и недоверия.

— Да. Ты понимаешь паладинов лучше меня или Райза. Тебе и решать, будет это печать первой ступени или второй.

Кара не спешила с ответом.

— Я могу подумать об этом?

— Конечно. Сколько угодно, пока мы не найдем захоронение.

На то, чтобы поглотить эссенцию жизни из половины кристаллов, ушел целый день. В каждом камне, под каждым стеклянным кубом, лежал темно-пурпурный кристалл с эссенцией жизни, собранной давным давно. Откуда ее взяли? Вытянули из животных? Людей?

Къярт старался не давать волю этим мыслям, но в тишине, которую блюла Кара, озадаченная его просьбой, получалось так себе. Еще и отсутствие Райза способствовало тому, чтобы те множились, точно назойливые фруктовые мошки. Когда тот был рядом, Къярт старался держать себя в руках, чтобы не давать лишнего повода для насмешки. Он настолько наловчился это делать, что даже начал думать, что подобные вещи и правда перестали волновать его так же сильно, как прежде. Но вот надзиратель исчез, и все его старания обратились пылью.

К счастью, ни один день не мог длиться вечно.

— Спасибо, — сказала Кара, когда они подходили к гостинице. — Я так и не поблагодарила тебя за то, что позволил мне принять решение.

— Не думаю, что за это стоит благодарить. Тебе следует начать привыкать к тому, что мы равны в правах.

— Не совсем.

— Практически.

Снег блестел в свете частых фонарей, украшенных лентами и венками. Снежинки

кружились в мягком перезвоне колоколов, и Къярт забыл о гнетущей атмосфере крипты, словно ее и вовсе не существовало. Какие могли быть тревоги, когда впереди ждал горячий ужин и мягкая кровать?

Райз уже ждал их в заполненном посетителями зале. Он занял столик в углу, заказал бутылку вина, но не торопился налегать на него в одиночестве.

— Пойдем, покажу кое-что, — он поднялся из-за стола, как только официантка приняла заказ.

Восторженная улыбка, с которой Райз направился в комнату Къярта, не предвещала ничего хорошего.

На столе их ждало нечто громоздкое, накрытое темным пологом.

— Сюрприз! — объявил Райз и сдернул ткань.

Сидящие в трех клетках летучие мыши всполошились, захлопали крыльями, но быстро успокоились, осознав, что бежать некуда.

— Ну как? Нравятся зверушки?

— Где ты их достал?

— О, чего только не найдется на местном рынке, — Райз присел на край стола и самодовольно улыбнулся. — Мне сначала предлагали мертвых, но я подумал: зачем упускать даже маленькие источники эссенции?

Къярт одарил его хмурым взглядом.

— Ну, не хочешь — я сам им шеи сверну.

— Не сомневаюсь, — Къярт приблизился к клеткам и посмотрел на висящих на жердочках головой вниз зверьков. Всего шестнадцать голов. — Хочешь, чтобы я отправил их на поиски зала с паладинами?

— С их эхолокацией должно получиться.

— Допустим, я смогу как-то растолковать приказ не самым умным зверям, но как мне получить ответ?

— Некромант здесь ты. Разве у вас ничего не припасено в закромах на такой случай? Нет? Тогда сам придумай что-нибудь.

Игнорируя косые взгляды, Райз продолжал улыбаться и ждать ответ.

— Хорошо. Что-нибудь придумаю, — сдался Къярт.

В конце концов, несмотря на весь его скептический настрой, он был рад делу, с которым мог справиться только он.

Обратную связь с призванными позволяли установить специальные печати, но Къярт не знал ни одной из них.

Был и другой вариант: поместить в тело летучей мыши душу кого-то более разумного, например, того же человека — способ как раз в духе Райза, на который Къярт никогда бы не согласился. Кроме его личных рамок, существовали и объективные ограничения: как Шии-то не смогло бы долго находиться в облике настолько мелкого зверька, так и тело летучей мыши не выдержало бы груз вселенной в него человеческой души.

Лелея хрупкую надежду, что знания Осмельда в этой сфере превзойдут его собственные, поужинав, Къярт пошел к нему в комнату.

На тумбочке у входа стоял поднос с пустыми тарелками: чтобы лишней раз не попадаться посторонним на глаза, охотники не спускались в общий зал, и официантки вынуждены были бегать вверх и вниз с завтраком, обедом и ужином на пятерых.

Осмельд был не один. Вильма сидела рядом с ним на кровати, а Шии-то нависало над

ней мрачной горой.

— Все в порядке? — неуклюже поинтересовался Къарт, не зная, как лучше начать разговор. Он мог бы спросить и прямо о том, что его интересует, но вперившийся в него осуждающий взгляд Вильмы сбил с мысли.

— Тебе есть дело? — холодно поинтересовалась она.

— Он спрашивает о проклятии, — Осмельд посмотрел на выдвинутый ящик прикроватной тумбочки, в котором сидел призванный им метаморф. — Пока я не чувствую каких-либо изменений. Мой разум и воля все так же принадлежат мне.

— Хорошо.

— Нужно что-то еще? — колко спросила Вильма.

Къарт вздохнул. Женщина, как кошка, защищающая котенка, бросалась на него, не задумываясь о том, что выбрала не лучшую цель для нападков. Ей попросту было все равно.

— Мне нужно поговорить с Осмельдом о печатях. Ты можешь остаться, если хочешь.

Вильма не сдвинулась с места.

— Тебе известны какие-либо печати, позволяющие установить с призванными обратную связь? Получать от них сообщения, что угодно.

— Если ты не в курсе, — Вильма снова подала голос, — Осмельд не занимался изучением некромантии с того самого момента, как попал к нам.

— Для того, кто изучал некромантию только до девяти лет, он знает на удивление много, не находишь?

Вильма хотела было ответить, но, осознав, что возразить ей нечего, промолчала и лишь посмотрела на Осмельда с надеждой, что он скажет что-либо, что его оправдает.

— Прости, но я знаю только то, что такие печати существуют. Наверняка даже видел что-то в библиотеке. Но ни самих печатей, ни уж тем более необходимых песен не помню.

— Что ж, тогда это все, что я хотел узнать. Не буду вас больше беспокоить.

— Къарт, — Осмельд позвал его, когда тот потянулся открыть дверь. — Для этого мой отец не использовал печати. Ему было достаточно только метки привязки, чтобы слышать мысли своих призванных. Он мог даже видеть их глазами.

— Осмельд? — Вильма в непонимании уставилась на него.

— Ты знаешь, как ему это удавалось?

— Я не спрашивал, а кто бы стал просто так объяснять такое ребенку.

— Что ж, спасибо и на этом.

— Ты же запомнишь? — выпалил парень, будто опасаясь, что Къарт уйдет прежде, чем тот успеет сказать. — Ты запомнишь, что я помог тебе, когда мог этого и не делать?

— Запомню, Осмельд, — Къарт хмыкнул и вышел из комнаты.

Вернувшись к себе, он какое-то время просидел перед клетками, размышляя. Он мог бы придумать, как составить приказы таким образом, чтобы летучие мыши привели его к захоронению паладинов, но возможность обмениваться с призванными информацией выглядела слишком привлекательно, чтобы вот так, даже не попробовав, отказаться от нее.

Сейчас совет Фелиса пришелся бы как нельзя кстати. Тот наверняка знал, каким образом Иназоре удавалось слышать мысли призванных, и именно поэтому был против изучения предназначенных для этого печатей. Мог бы хоть инструкцию оставить... Но тогда Фелис не был бы Фелисом.

От долгих размышлений проку не было, и Къарт перешел к делу. Чтобы не думать о пропитании крылатых, шуме и запахе он вытянул из них эссенцию жизни, поставил

консервирующие печати, нарисовал скрывающие и устроился в кресле с одной из мышек в руках.

Прежде он не призывал никого, кто видел мир в монохrome, и уж тем более, кто пользовался эхолокацией. Несмотря на всю странность пребывания в маленьком тельце, охотившегося на комаров и прочих насекомых, Къярт вынужден был признать: что-то этакое крылось в возможности ощутить мир не человеческим телом; увидеть его не человеческим зрением. Услышать. Обонять. А ведь раньше он и не задумывался о таком.

Вернувшись к жизни мышь не разделила его восторга и впала в панику: Къярт использовал вторую ступень — на случай, если первая может стать препятствием в дальнейших экспериментах.

Успокоив зверя и отправив его летать по комнате, он сосредоточил все внимание на метке привязки. Через нее накладывались печати, передавались приказы и энергия, а значит, через нее и следовало пытаться установить связь.

Къярт провел остаток вечера и полночи в попытках ощутить что-либо, что чувствовала летучая мышь, и, измотанный, лег уже под утро, предусмотрительно убрав под стол накрытые тканью клетки. Он проспал свои законные, наполненные кошмарами пять часов, и проснулся, когда за окном давно рассвело. Райз сидел в кресле и игрался с летучей мышью. Благо, с той, которую призвал Къярт, а не с одной из все еще абсолютно мертвых.

— Прихворал? — Райз поднял на Къярта взгляд, едва тот сел на кровати и протер глаза. — Я не видел нигде поблизости фурию, так что даже не знаю, что и думать о твоём позднем пробуждении.

— Ты прекрасно знаешь, что я поздно лег.

— И что, мне теперь из-за этого знания упускать такую возможность подначить тебя?

— И в самом деле.

Прошлепав босыми ногами в сторону ванной, Къярт уставился в зеркало на свое взъерошенное отражение.

После бессонной ночи и не самого крепкого сна ему следовало бы чувствовать себя разбито, но он не знал этого чувства ни в прошлой жизни, когда искра позволяла бодрствовать сутками, ни в этой, где все шишки, что на него сыпались, доставались Райзу — по праву первого носителя зеркальной печати. Того, конечно, тут же латала исцеляющая, но со своей внимательностью Райз наверняка замечал прилетающие ему мелкие уколы. Повезло, что поставленная печать работала по принципу очередности, а не как у Керавы — по принципу ближайшего к некроманту. Иначе его нездоровый образ жизни бил бы и по Каре, чего Къярт уж точно не хотел.

— Есть успехи? — поинтересовался Райз, когда тот закончил с водными процедурами и вернулся в комнату.

— Пока ничего. Я хочу потратить еще сегодняшней день и, возможно, завтрашний. Если так ничего и не получится, пойду другим путем.

— Хорошо. Времени у нас пока достаточно.

— Поглощение энергии из оставшихся кристаллов в крипте придется отложить. Я буду здесь: вы с Карой можете прогуляться.

Къярт подошел к окну и, отодвинув край занавески, посмотрел на заснеженную улицу. В ее конце возвышалась башня с часами, чей звон он слышал даже во сне. Дон, дон, дон, сливающиеся воедино с хлопками выстрелов.

— Смысла вам сидеть в гостинице все равно нет.

— Я бы поспорил, — Райз посадил летучую мышь на подлокотник кресла. — Один из нас так или иначе должен за тобой присматривать. Так что пока никаких прогулок.

— Что со мной случится? С тремя зеркальными печатями, еще и в гостинице посреди города.

— Даже не знаю. У тебя же талант.

— Иди уже отсюда, — вяло огрызнулся Къярт.

— Я скажу службе, чтобы тебя не беспокоили. Позовешь, если что-то понадобится.

Провожаемый пристальным взглядом Райз вышел из комнаты.

Для завтрака было поздно, для обеда — рано, а потому Къярт решил продолжить свои изыскания и прерваться на перекус позже.

В итоге он все-таки потерял счет времени, и на обед его самым грубым образом вытащил Райз, отказавшийся дать еще полчаса или хотя бы десять минут.

За оставшийся день Къярт перепробовал все, что только мог: печать призыва первой ступени, второй ступени, попытки что-либо сделать, находясь, как в заводи, так и в реальном мире; почувствовать свое прикосновение к мышке, отправить ее в ванную комнату с приказом занять случайное место и попытаться это самое место предугадать. Все бестолку.

После ужина Къярт вернулся к экспериментам, при этом стараясь следить за временем. Отсутствие малейшего прогресса, хоть какого-нибудь подтверждения, что он движется в верном направлении, заметно тушило запал, но он твердо решил уделить проблеме еще один день.

Сперва позавтракав, затем пообедав, Къярт уже настраивался, что за ужином публично признает свое поражение, когда очередная попытка получить отклик от мыши возымела успех. Успех — слишком громко сказано, но что-то у него получилось.

Касаясь метки-привязки, в какой-то момент Къярт ощутил, как воздух становится плотнее и холоднее. Это чувство все нарастало и нарастало, смыкалось плотным коконом, пока он не открыл глаза и не увидел вместо гостиничной комнаты зеленую водную толщу.

Никогда прежде он не переносился в заводь без использования печати призыва. Но не сказать, что до этого он всерьез пытался.

Къярт посмотрел вверх. Где-то там, на горизонте, находились миллионы душ, и он мог призвать любую из них. Он мог сделать это и в свои предыдущие погружения, просто не было нужды: каждый раз он приходил за кем-то определенным. Но сейчас он был здесь не для призыва.

Къярт подплыл к летучей мышке — единственной прикованной к якорю за шею. Коснулся воткнутого в песок штыря, провел пальцами по тонкой цепи, что вела к призванной душе. Прежде он никогда не прикасался к душам, что находились в заводе. Плавал вокруг, смотрел — сколько угодно. Но не прикасался.

Казалось, он не успел толком и руку приблизить к зверьку, как его вышвырнуло в реальность. Но реальность уже была иной.

Вместо одной — целых две, наложившиеся друг на друга, словно картинки на прозрачном пергаменте. Къярт видел висящую на карнизе вниз головой мышь и видел самого себя, сидящего в кресле с широко распахнутыми глазами. Стоило сфокусировать взгляд на слое с мышью, и его собственный слой начал блекнуть, расплываться. Он сконцентрировался на том, что видела летучая мышь, не забывая следить за тем, чтобы окончательно не потерять свое собственное зрение. Не хватало еще оказаться запертым в мышинной голове.

Что произошло с сознанием зверька? Оно все еще здесь? Подавленное? Или же замещенное? Контролирует ли он сам действия зверя, или же тот подчиняется его приказам? Существует ли в данном случае разница между двумя этими состояниями?

В груди неприятно зазудело. Но не в его груди. В мышинной.

Чем дальше Къярт находился в голове зверя, тем лучше понимал его чувства. Речь шла не только о зрении, но и об эмоциях. Зверь был напуган. Он находился почти что в состоянии перманентной паники. Еще бы, даже Коготь поначалу был не в себе. А уровню интеллекта летучей мыши уж точно было далеко до гривьего.

Летать. Нужно попробовать летать.

Когда зверь отцепился от карниза, Къярт не сразу понял, кто из них двоих — он или мышь — машет крыльями.

Он не выбирал направление движения, только приказывал летать, и зверек наворачивал круги, пока он пытался привыкнуть видеть мир двумя парами глаз. От постоянного мельтешения в голове помутилось, и Къярт вернул крылатого на карниз.

Он отсеял слой, на котором видел себя, и полностью сконцентрировался на мышши. Спустя несколько секунд комната перед глазами осталась в единственном экземпляре.

Отдышавшись и наведя в собственной голове порядок, Къярт осознал, что все это время «слышал» мысли зверя, а заодно и чувствовал его голод. Незадача. Нужно было покормить мышек, прежде чем убивать.

Къярт тряхнул головой, прогоняя дурацкие мысли; прошелся по комнате, размял шею, после чего вернулся в кресло. Достигнутый результат нужно было закрепить.

Он преуспел в оттачивании нового навыка настолько, что не дожидаясь утра отослал всех мышек обыскивать эшенский пик и с чувством выполненного долга отправился на ужин.

Утром, пока не рассвело, Къярт еще немного поупражнялся в установлении связи с призванными, наслаждался путешествием не знающих усталости мышей по пещерам в кромешной темноте, а заодно проверил, что те не обнаружили ничего, что имело какое-либо отношение к захоронению паладинов.

Придя в крипту метаморфов, он рассказал обо всем Райзу и Каре.

— Мало тебе было покопаться в нашем прошлом, так теперь еще и за настоящим можешь следить, — усмехнулся Райз и услужливо поднял с камня очередной куб.

Къярт смерил его тяжелым взглядом и поглотил энергию кристалла.

— Ой, ладно тебе! Здесь нет никого, кто бы всерьез думал, что ты будешь заниматься таким забавы ради. Как бы еще не пришлось уговаривать, когда понадобится для дела.

Къярт с сомнением покосился на Кару; Райз — следом за ним.

Та предпочла не выказывать своего отношения к услышанному.

— Поверь, он не станет, — заверил Райз.

— Ага, — скупой согласилась Кара.

К вечеру последний кристалл в крипте был опустошен.

В холле гостиницы стояла духота и суета. Последнюю создавали по большей мере скопища торговцев, которые то заезжали, то выезжали, и Къярт за все время проживания здесь видел одни и те же лица не более пары раз. И откуда только брался такой поток людей? В Эшене гостиничных домов было пруд пруди, а этот не отличался приятными кошельку расценками. Но несмотря на кусачие цены по вечерам в ресторане не оставалось ни одного свободного стола. Вероятно, здесь ужинали не только постояльцы, но и жители

города: все же кухня здесь была отменная. Кроме того, время от времени администратор приглашал музыкантов. Тогда разговоры становились тише и вкрадчивее, а свет казался приглушеннее.

Сегодня был один из таких вечеров.

Наслаждаясь терпким вином, Къярт вполуха слушал разговор Райза и Кары, чьи реплики иногда разбавлял спрятанный в ладонь смех. Что ни говори, а Райз умел разрядить напряжение.

Нагнетал он его не с меньшим мастерством.

Смакуя очередной глоток, Къярт едва сумел сохранить невозмутимость на лице, когда двери гостиницы открылись и на пороге появились трое паладинов. И дело было не в том, что он не ожидал столкнуться вот так лицом к лицу с кем-либо из Братства: Къярт узнал одного из них. А они узнали Кару.

Она сидела к ним спиной — Райз всегда занимал место у стены так, чтобы видеть вход, а Кара всегда садилась напротив него. Но одному из паладинов хватило беглого взгляда, чтобы выделить ее из толпы.

— Раяда, какая встреча! — подходя к столу, где сидела троица, приветственно воскликнул паладин.

Его рука собиралась опуститься на плечо Кары, но в последний момент легла на спинку ее стула.

— Шингтан, — Кара сдержанно улыбнулась.

Коршин Шингтан Аннarin. Паладин, в свое время решивший, что ущипнуть ее за ягодицу будет отличной идеей. Тогда для Коршина этот инцидент закончился сломанной рукой, а для Кары — недельной отсидкой в дисциплинарной камере руферонского отделения.

С тех пор прошло пять лет, но судя по тому, как бесцеремонно Шингтан взял стоявший у соседнего стола стул и уселся между Карой и Райзом, он уже забыл о полученном уроке.

Один из его сопровождающих, такой же долговязый, как и Шингтан, только с более надменным выражением лица, тоже взял стул и сел по другую сторону от Кары. Третий ограничился тем, что облокотился на спинку стула напарника — для него места за столом не осталось.

— Не ожидал тебя здесь увидеть. Разве ты не должна сейчас быть с основными силами Братства на юге? Крушить черепа налево и направо? — Шингтан свел брови и окинул Кару оценивающим взглядом. — И что это такое на тебе надето? Не думал, что ты когда-либо расстаешься с мундиром.

На короткое мгновение Къярту показалось, что Кара отпустит колкость.

— Я выполняю приказ господина Рортиса по сопровождению господинов Енкарт, — ровным тоном произнесла она.

— Енкарт? — впервые за все время Шингтан удосужился посмотреть в сторону Къярта и Райза — всего на секунду, после чего утратил к ним какой-либо интерес и перевел все внимание на Кару. — Не слышал о таких.

Къярт бросил на Райза настороженный взгляд. Шингтан — тот еще идиот, если не прочел в любезной улыбке намек, что им троим лучше проваливать. Возможно, намек был очевиден только Къярту, который и сам испытывал едва преодолимое, подсказанное инстинктом самосохранения желание встать и уйти подальше.

— Шингтан, что ты здесь делаешь? — спросила Кара.

— Руководство отправило с бумагами в местное отделение. Ты сама знаешь, как это бывает: кому-то ратные подвиги, а кто-то посыльным бегают. Но, слава исполинам, с этим покончено, и теперь нам самое время присоединиться к парням на юге.

— Легкой дороги, — пожелала Кара, заканчивая разговор, и, демонстративно отвернувшись от Шингтана, сделала глоток вина.

— Да, спасибо, — протянул тот и снова окинул Енкарт взглядом — на этот раз более долгим. — Не знал, что тебе стали поручать задания по сопровождению. Как же некроманты?

Кара бросила короткий взгляд мимо Къярта.

— Подождут.

— Что ж, раз такое дело... Мы с парнями все равно не собирались ехать в ночь, а уважаемые господа Енкарты явно не станут покидать до утра гостиницу и выходить в холодный и жестокий Эшпен, где им могла бы понадобиться охрана... не составишь мне компанию в вечерней прогулке?

— Нет, — равнодушно ответила она. — Не составлю.

— Прекрати, Раяда, мы же давние друзья. Дай мне несколько минут и я разгоню скуку этого вечера и...

— Всего хорошего, Шингтан, — оборвала она, встала из-за стола и в ожидании посмотрела на Райза.

— Мы еще немного посидим, — ответил тот.

Сдержанно кивнув, Кара направилась к лестнице на верхние этажи.

Шингтан провожал ее голодным взглядом и, когда она скрылась из виду, цокнул языком и покачал головой.

— Однажды я ее точно трахну, — с ухмылкой сообщил он товарищам.

— Дружков своих трахни, — все так же любезно улыбаясь, посоветовал Райз.

Тихо вздохнув, Къярт потер переносицу и прикрыл веки. Это не могло закончиться хорошо. Уже в тот момент, когда эти трое зашли в гостиницу, стало ясно, что к добру эта встреча не приведет.

— Ты что там вякнул?! — удивление, расцветшее на лице Шингтана, было достойно подмостков лучших театров Афракского Союза.

— В Братство принимают с проблемами со слухом? — Райз изобразил искреннее удивление. — Я сказал, чтобы ты трахнул своих дружков. Если есть, конечно, чем.

— Ублюдок, ты на кого пасть раскрываешь?!

Шингтан вскочил со стула и потянулся к Райзу, чтобы схватить того за грудки, за что получил удар по внутренней стороне колена. Райз отбил протянутую к нему руку и, воспользовавшись тем, что паладин потерял равновесие, накрыл ладонью его ухо и толкнул в сторону стола, впечатал головой в столешницу. Жалобно звякнули тарелки, плаксиво разбились полетевшие на пол бокалы; на белых мундирах повскакивавших на ноги товарищей Шингтана расплылись вишнево-черничные пятна. Испуганно вскрикнули присутствующие в ресторане дамы. Музыка смолкла.

Поднялся со своего места и Къярт — на случай, если двое паладинов захотят вмешаться. Те встревать не торопились.

— Мне как-то без разницы на кого, — Райз пожал плечами, немного отходя от стола. — Ты встаешь или уже устал?

Обстановка драке не благоприятствовала: мало пространства и уйма тяжелой мебели,

мешающей уклоняться от ударов. Правда, если кому она и мешала, так это Шингтану. Он не ожидал получить отпор и с самого начала оказался в проигрышном положении: Райз не нежничал с его коленом, и когда паладин вскочил на ноги, стоял он уже не так твердо.

— Ублюдок, — прорычал Шингтан и бросился на Райза.

Едва ли не в последний момент Къярт вспомнил, что если хотя бы один удар придется по Райзу, печать залечит раны. Не пройдет много времени, как паладины призовут броню. Правда, при таком раскладе Райз убьет их раньше.

Впопыхах Къярт разрушал нити исцеляющей печати.

Но Райз и сам прекрасно помнил о том, что ему лучше не попадать под прямые удары. Или хотя бы не подставлять места, не прикрытые одеждой. Это оказалось не так уж и сложно, как и предугадать исход драки с первых ударов.

Как бы не превозносили силу паладинов, без своей брони они оставались самыми обычными, пусть и тренированными, людьми. Но кто будет налегать на ближний бой в человеческом обличье, когда у тебя есть броня?

Памятуя об исцеляющей печати, Райз не только не подставлялся, но и сам не бил кулаками, предпочитая бить самим Шингтаном: об стол, стулья и пару раз об стену.

В зале становилось все тревожнее, кто-то потребовал позвать стражу, но администратор глянул на не останавливающих драку паладинов и остался стоять на месте.

Похоже, Райзу надоело. Подгадав момент, он ударил Шингтана по второму колену, пнул в пах, и когда паладин согнулся пополам, ударил коленом в лицо.

Когда тот упал, Къярт хотел остановить Райза. Но разве тот послушал бы? Он мог бы вложить в просьбу силу приказа, но вытворять такое в присутствии трех паладинов, пусть даже и с наличием скрывающих печатей...

С губ Шингтана сорвался стон. Он попытался приподняться на руках, но Райз схватил его за волосы и приложил головой о пол; присел рядом, придавил спину паладина коленом, не давая возможность попытаться встать вновь.

— Посмотришь в ее сторону еще раз, и тебя не спасет ни твое положение, ни твоя броня, — предупредил он и отпустил слипшиеся от крови волосы.

Поднявшись, Райз встретился взглядом с продолжающими стоять в стороне паладинами.

— Пойдем, — убедившись, что те не горят желанием поквитаться, он качнул Къярту головой и направился к лестнице. — Запишите ущерб на наш счет, — бросил он администратору.

Къярт следовал за ним в молчании и заговорил только тогда, когда они поднялись на свой этаж:

— Ты перестарался.

Тот усмехнулся.

— Перестарался — это если бы он пополнил список тех, кого тебе нужно призвать.

— Райз, — с укором произнес Къярт.

— Однажды ему уже сломали руку. Но он намека не понял. Я постарался передать мысль более доходчиво.

Къярт вздохнул. Спорить было бесполезно.

Кара была в своей комнате. Стянув сапоги, она забралась с ногами в кресло и читала взятую с полки над камином книгу.

— Вас даже здесь было слышно, — заметила она и перевернула страницу.

— Что я мог поделаться? Ты же сама знаешь: Шингтан не понимает, когда лучше притормозить.

Кара посмотрела на него поверх книги и хмыкнула.

Летучие мыши обнаружили захоронение паладинов спустя два дня поисков. Оно оказалось под самым носом и по сути являлось частью города. Однако, один из крылатых разведчиков попал туда через небольшую расселину, что находилась практически под мечом-рукой погребенного под камнем исполина.

Установив связь с сознанием зверя, Къарт сразу понял, что поиски окончены: эхолокация высвечивала огромные пустоты, загроможденные препятствиями сложной, человекоподобной формы. В центре пещеры стояло тело исполина, а у его ног — навечно закованные в броню паладины. Они занимали все пространство главного зала и боковых, поднимающихся к самому своду и тянущихся вглубь горы.

Главный вход захоронения был у всех на виду — в эшенском святилище Братства. Его двери не закрывались ни днем ни ночью, и поток посетителей иссякал только в предрассветные часы — самое то, чтобы осмотреться и найти способ проникнуть в захоронение.

Святилище Эшена, вероятно, было самым помпезным из всех. Столичное отстраивали с расчетом превзойти его, но все жители Эшенских земель и многих других считали, что как ни старайся, а со святилищем Двух исполинов не сравнится никакое другое.

Свое название оно получило благодаря системе зеркал и окуляров, которые, реализованные гением инженерной мысли, передавали отражения булаво- и мечерукого на центральную зеркальную стену в глубине святилища. Когда в солнечный день лучи падали на вымощенный драгоценными камнями пол, и отражение рук исполинов окрашивалось всевозможными цветами — сердца прихожан исполнялись трепетом.

Свет зажженных свечей танцевал на отшлифованных гранях самоцветов. В отличие от святилища Месцера, внутри не было скамеек или стульев — чего-либо, что могло умерить роскошь зала, и люди, приходившие послушать проповедь, сидели прямо на полу. Как часто наместнику приходилось заменять камни, чтобы поддерживать его в идеальном состоянии?

— Она здесь, — сообщила Кара и направилась к боковому нефу.

Къарт слабо представлял, где именно по отношению к зданию находится ведущая в святилище дверь, и всецело положился на умение Кары чувствовать нечисть. Поставленных на летучих мышей печатей было недостаточно, чтобы спрятать их от ее силы.

— Совсем близко, — Кара остановилась, мотнула головой, словно отгоняя назойливую мошку, сделала пару шагов вдоль стены. — Она здесь. По ту сторону метрах в пяти-семи.

Къарт посмотрел на стену, выглядевшую так же, как и остальные.

— Уверен, что мышь именно у входа? — спросил Райз.

— Да, очертания двойных дверей и ручек четко прослеживаются. И двери не маленькие.

— Значит, где-то здесь должен быть открывающий ход механизм.

— Или нет, — Кара коснулась ладонью инкрустированной камнями поверхности. Самоцветы чередовались с композициями из драгоценных металлов, складываясь в хитроумную мозаику. — Вход может быть и в другом месте, если к двери в захоронение ведет отдельный проход.

— Да, это возможно, — согласился Райз. — Что там насчет пути, через который попала летучая мышь? Где именно он находится? Будет слишком заметно, если мы расширим его, чтобы мог пройти человек?

— Учитывая размеры захоронения и то, что внутри стоит крошечная темнота, вряд ли кто-то...

Къярта прервал раздавшийся щелчок. Кара, все еще касающаяся стены, замерла. Ее взгляд изучал появившуюся на полу едва заметную полосу сдвинутой движением воздуха пыли.

— Какой прелестный набор отмычек у нас собрался: и для некромантских дверей и для дверей паладинов — любую откроем, — усмехнулся Райз.

Стыки между дверью и стеной проходили ровно по границе металлических вставок. Около десяти шагов в длину и чуть меньше в высоту: с учетом поворотного механизма — достаточный размер, чтобы в проходе поместилось тело облаченного в броню паладина.

Дверь оказалась отлично сбалансированной, а над механизмом потрудился настоящий умелец: та не издала ни звука за весь оборот.

По ту сторону находилось пустое помещение — коридор, ведущий к воротам. Къярт посмотрел на Кару, чье лицо приобрело напряженное выражение, и толкнул одну из створок.

В захоронении всегда царил мрак. Посетители здесь появлялись только тогда, когда доставляли новые останки, и заботиться о постоянном освещении было некому. Да и незачем.

Свет принесенных ламп выхватил из темноты силуэты ближайших паладинов. В большинстве своем их броня принимала форму, схожую с человеческой, но с неправильными, искривленными пропорциями, как у тех же исполинов: со слишком длинными руками (иногда больше, чем двумя) и ногами при относительно коротком туловище; со слишком большими кулаками, как для тех, кто обладал тонкими многосуставными конечностями. Возможно, они могли «размягчать» суставы и превращать руки в цепи. Для живого существа, состоящего из плоти и крови, такие пропорции неизбежно привели бы к травмам. Но у брони паладинов не было ни сухожилий, ни мышц.

— Ты знаешь, где здесь осталось место для размещения паладинов? — спросил Райз.

— Первые пять ярусов полностью заполнены. Есть несколько незанятых мест в ответвлениях шестого, а седьмой полностью свободен.

— Начнем с дальних рядов пятого. Не думаю, что в Афракском Союзе часто умирают паладины, и что, если это случится, их останки потащат сюда посреди зимы, еще и во время обострения ситуации на юге. Но лучше начать с тех, чью пропажу заметят с наименьшей вероятностью.

Къярт кивнул и посмотрел на Кару. Она так и не сообщила свое решение касательно того, какую ступень ему использовать.

Поднявшись на пятый ярус, они прошли вглубь одного из ответвлений.

Къярт остановился у паладина в крайнем ряду: с крупной грудью, таким же плечевым поясом и крошечной, почти отсутствующей головой, которую тот, по всей видимости, мог прятать за плечевыми пластинами, превращаясь в идеальный инструмент для крушения стен.

— Кара? — обернувшись, он посмотрел на нее. — Ты определилась со ступенью?

По ее взгляду было понятно: не спроси он, и она не стала бы ничего говорить. Но она не могла об этом забыть и ей уж точно не было все равно. Молчала, чтобы убедиться, что то его предложение не сделано сгоряча?

— Вторая.

— Ты уверена? Когда я вернул тебя, ты не очень-то была рада второй ступени.

— И никто из них не будет. Но если ты не хочешь контролировать каждый их шаг,

лучше использовать вторую. Поначалу им будет тяжело, но ведь все ради победы над Ордой? Когда они увидят, что это действительно так, начнут выкладываться по полной.

Къарт кивнул и прикоснулся к холодному, как лед, камню.

То, что он касался брони, а не тела человека, не помешало переместиться в заводь.

Алая лента уже ждала его.

Душа этого паладина, как и душа Кары до этого, находилась среди множества других, заточенных в одном из исполинов, и не таила в своем прошлом потрясений: обычное рождение, размеренная жизнь, трое детей, семь внуков и смерть, нашедшая его в кровати на семьдесят втором году жизни. Жизни без лишений и трагедий можно было только позавидовать, но она оказалась так пресна, что Къарт и сам почувствовал себя уставшим стариком.

Броня паладина медленно крошилась, осыпалась на пол белой крошкой.

— Я могу сама ему все объяснить?

Къарт сонно моргнул и в непонимании посмотрел на Кару. То, что она хотела сделать, следовало называть не «объяснить», а принять на себя весь удар негодования и презрения, которым в свое время Кара прошла по нему.

— Это не самая лучшая...

— Къарт, пожалуйста. Он такой же воин Братства, как и я. Будет лучше, если я с ним поговорю — с ним и со всеми остальными. Тебе и так есть, чем заняться.

— Хорошо, — Къарт тянул, ожидая, что Райз вмешается. Тот молчал. — Если ты так хочешь.

— Спасибо. Дай мне немного времени, прежде чем переходить к следующему. Я не собираюсь разговаривать с каждым по отдельности, но первый раз это лучше сделать один на один.

— Если что, мы будем поблизости.

Вероятно, Кара с самого начала, еще до того, как они оставили гостиницу, планировала взять на себя часть по разъяснению паладинам, что к чему — иной причины снова надеть мундир Къарт не видел.

Броня исхудала и окончательно рассыпалась, обнажив свою сердцевину — седого старика, не тронутого процессами гниения и разложения. В непонимании тот озирался по сторонам и теребил дряхлой рукой подол ночной сорочки.

Кара что-то тихо ему сказала. Тот не спешил с ответом, и она продолжила говорить, пока его лицо не исказил ужас. Он бы бросился бежать или напал на нее, а, может, на Къарта или Райза, но его сковывал целый перечень приказов, которые в свое время связали Кару. Они связывали ее и по сей день.

— Ты говорил, их здесь четыре тысячи? — спросил Райз, как и Къарт, следящий за разговором Кары и паладина. Тот проклинал ее на чем свет стоит, но Кара стойчески сохраняла невозмутимость на лице.

— Не меньше.

— Это будет непросто. И не быстро.

Къарт ничего не ответил.

Как ему удержать такое количество призванных душ, и душ не самых слабых? Сколько на это уйдет времени? Если он не хочет провести здесь всю оставшуюся жизнь, придется призывать души с утра и до вечера. И об ограничении, о котором просила Аелитт — не больше десяти призывов в день — придется забыть. А где взять энергию, чтобы хватило на

всех паладинов?

Этот вопрос — единственный, на который Къярт знал ответ, но был этому не рад. В мыслях он не раз возвращался к увиденному во время призыва души Кары, и теперь не сомневался: вытягивая энергию из останков исполина, он поглотит не только его душу, но и души паладинов, запертые внутри. В кого он превратится после этого? Кем станет?

— Посмотрим, сколько я смогу вернуть за один день, — сдержанно произнес он. — Тогда и станет понятно, сколько времени понадобится на все захоронение.

Спустя десять минут Кара оставила старика сидеть на останках его брони и рвать на голове волосы в одиночестве.

— Я готова продолжать, — с прикипевшей к лицу маской невозмутимости сказала она. — Можно начать с групп по десять человек, а затем увеличить численность.

Къярт посмотрел на бесконечные ряды каменных статуй и направился к ближайшему, на ходу стягивая рубашку. Он собирался использовать метод объединения, о котором читал в книгах из библиотеки Фелиса: одна метка привязки поверх другой — хорошее средство, чтобы не ходить раскрашенным метками с ног до головы, но и рискованное, учитывая, что повреждая одну метку, терялись все привязанные к ней души.

Прикоснуться, нырнуть в омут воспоминаний, поставить якорь, перейти к следующему — без отдыха и пауз, если он хочет управиться хотя бы за месяц. Возможно ли это? Как долго он сможет выдерживать такой ритм?

Прикоснуться, нырнуть в омут воспоминаний, поставить якорь, перейти к следующему.

На размышления об увиденных жизнях не было времени, но их лица намертво отпечатывались в голове. Не все из них принадлежали старикам. Самому младшему из призванных едва исполнилось семнадцать, когда он погиб от рук некроманта, толком не закончив свое обучение. Самому младшему, но не единственному, кто умер еще до двадцати. Тех, кто не дожил до тридцатилетия, было в разы больше.

Прикоснуться, нырнуть в омут воспоминаний, поставить якорь, перейти к следующему. Снова мальчишка.

Прикоснуться, нырнуть в омут воспоминаний, поставить якорь, перейти к следующему.

Не все лица принадлежали безвинным детям. Не все принадлежали доблестным воинам. Внезапно, среди рядовых бойцов Братства оказалось не меньше лицемерия, чем в верхушке, заключающей сделки с «ручными».

Не все из них ограничивались лицемерием. Не все из них вообще ограничивали себя хоть в чем-либо.

Прикоснуться, нырнуть в омут воспоминаний, поставить якорь, перейти к следующему.

— Эй, притормози, — Райз одернул его, когда после очередного призыва Къярт на ватных ногах и с блуждающим взглядом собирался перейти к следующему.

— У нас нет на это времени.

— Еще успеешь.

— Райз, ты же лучше меня знаешь, что останавливаться нельзя.

Къярт почти дотянулся до брони, когда Райз заломил ему руку и оттолкнул в сторону.

— Я сказал тебе притормозить. Здесь никому не нужно, чтобы ты угробил себя. Это только первый день. Потом будешь ставить личные рекорды.

Двинув желваками, Къярт отошел в сторону и сел у стены. Рекорды, черт их побери.

Понадобилось время, прежде чем он смог сфокусировать взгляд на далеком огоньке лампы Кары, зажатой в тесном кольце паладинов. Скольких он уже вернул? Несколько

десятков? Полсотни? Сотню? Да, почти сотню за несколько часов, когда до этого ограничивался десятью в день.

Аелитт с ума сошла бы, увидь она это...

Паладины смотрели на него с ненавистью. На него? Или на Кару? С такого-то расстояния было не разобрать.

Плевать.

Исходящие злостью и ненавистью, сыпящие бранью и возносящие тем же грязным ртом мольбы — сколько же от них было шума. Конечно, в том, чтобы наброситься сворой на девушку сложности не было.

Черт бы его побрал. Захлебываясь одной жизнью за другой, Къярт совсем не заметил происходящего.

Спеша исправить свою оплошность, он добавил в список приказов не раскрывать рот без дозволения Кары, и на ярусе наступила благословенная тишина. Да, так однозначно лучше.

Еще бы запретить им смотреть на Кару, как на предателя. А лучше — и вовсе не поднимать на нее взгляд, если она сама о том не попросит.

Почувствовав, что его заносит не туда, Къярт зажмурился и потер ладонями лицо. Райз прав: ему и в самом деле нужна передышка. В голове царил абсолютный хаос, мешанина чужих историй, из которых больше нельзя было ни вычленить что-либо конкретное, ни отделить одну личность от другой. Остался только прогорклый вкус прожитых в чужих телах лет; ощущение, будто его упорно топили в отхожей яме.

В первый свой день пребывания в этом мире Райз обвинил Фелиса в том, что тот ведет себя как последняя сволочь, как для того, кто видит изнутри жизни других. Фелис только рассмеялся и ответил: «Если бы ты пропустил через себя столько же судеб, сколько и я, вел бы себя точно так же».

Как же чертовски Фелис был прав.

И как же оголтело невежественен оказался он сам. На что он рассчитывал? Чего ждал? Райз давно ему говорил: паладин или нет — человеческая натура неизменна.

Поскорее бы со всем закончить.

После того, как Райз снова позволил ему подойти к паладинам, и до вечера Къярт призвал еще полсотни с лишним душ. Итого: сто семьдесят две за один день. На призыв последних он тратил меньше двух минут. В таком темпе он закончит с захоронением меньше, чем за месяц. Если, конечно, не тронется умом.

Призванных паладинов нужно было спрятать: если Братство что и обнаружит, то их пропажу, а не живых мертвецов.

Чтобы вывести их из захоронения, Кара впервые за долгое время воплотила броню и расширила ход, через который внутрь попала летучая мышь. Наблюдавшие за ее действиями паладины окончательно уверились в том, что она — не самозванка, как и в том, что она предала Братство и все человечество.

Дорога в гостиницу пролетела словно в тумане. Все, чего Къярт хотел — поскорее вернуться к себе и забыться сном. Он был готов встретиться с чем угодно, даже со своими кошмарами, лишь бы только это помогло осесть густой взвеси чужих судеб и эмоций. Но Райз прицепился клещем и отказался отставать, пока он не поужинает.

Была у Къярта и друга причина оставаться бодрствовать: он должен был дожидаться, когда призванные паладины спустятся по скользким скалам эшенского пика и доберутся до

пещеры на южной стороне соседней горы. Ее нашла одна из летучих мышей во время поисков захоронения: укромное и просторное место — как раз то, что нужно, чтобы на время спрятать сотни призванных.

Когда они прорвались сквозь начинающуюся метель и укрылись под низким, обледеневшим сводом, Къярт погрузил их в сон: чтобы они не съедали себя во время ожидания, которое могло затянуться на месяцы, пока не появится Орда. Бодствоваться остались только пятеро — охранять пещеру от хищников.

Едва голова коснулась подушки, Къярт провалился в сон.

Это была худшая из его ночей в этом мире. Страхи, ошибки, преступления тех, кого он призвал, смешались, стали его собственными, обрушились на него лавиной, погребли под собой без возможности освободиться и даже вдохнуть. Они распирали его изнутри, душили. Он становился то палачом, то приговоренным: сперва поочередно, а затем одновременно — слои смешивались, накладывались друг на друга, стирали его самого.

Къярт проснулся в холодном поту. Рывком сел на кровати, прижав руку ко рту, но слишком поздно. Скорее всего он уже поднял на уши всю гостиницу. Сердце колотилось в груди, воздуха отчаянно не хватало.

Он хотел было подняться, подойти к окну, открыть, когда заметил сидящего в кресле Райза. Нахмурившись, тот сверлил его взглядом.

— Даже хуже, чем с Керавой? — спросил Райз. Къярт кивнул. — Сделаешь день перерыва.

— Он ничего не даст. Чем раньше закончим с захоронением, тем быстрее это прекратится. Наверное прекратится.

— Къярт...

— Все нормально. Я справлюсь. Извини, что мешаю спать.

Тяжелая ночь выдалась не у него одного. Беседы с паладинами не прошли для Кары бесследно, пусть она и делала вид, что все в порядке. Утром Райз сказал, что теперь возьмет все объяснения на себя, но Кара оспорила его решение и не соглашалась до тех пор, пока Райз не уступил.

Еще один день. Къярт уговаривал себя радоваться тому, что с каждым призванным его навыки оттачивались.

К вечеру он призвал почти три сотни душ. Увы, с наступлением ночи все преимущества от его старания сходили на нет.

И снова Райз сидел в кресле с хмурым видом. В ответ на просьбу не дежурить возле него, тот сказал, что вблизи проще прогонять энергию духа, и что если Къярт не собирается прислушиваться и делать перерывы, он тоже будет делать то, что считает нужным, чтобы у напарника раньше времени не поехала крыша.

Упущенные ночью часы сна Райз наверстывал днем в захоронении, пока Къярт продолжал возвращать паладинов к жизни. Еще три сотни — итого почти семьсот призванных душ, а давление меток привязки все еще оставалось на допустимом уровне. Во всяком случае оно казалось мелочью по сравнению с гулом, что стоял в голове.

В этот день Къярт закончил раньше, чем в предыдущий, и они вернулись в гостиницу еще до сумерек, чем Райз и воспользовался, исчезнув, едва переступив порог.

Вернувшись спустя несколько часов, вместо объяснений он вытащил их из гостиницы и потащил на верхние улицы. По дороге Кара пыталась выяснить, в чем дело, но Райз отделялся отговорками. Къярт плелся сзади.

На вершине Эшена стоял еще больший холод, чем внизу, а места хватало только для двух параллельных улиц. Однако, здешние особняки не стесняли себя в занимаемом пространстве.

Райз остановился перед крайним домом в тупике. В окнах не горел свет, и стоящие посреди заснеженного двора синие ели грелись в теплом свете уличных фонарей. Нависающая над ними громада дома уступала в размерах гостинице, но все равно заставляла задуматься, как такая махина не рухнула с утеса под напором воющих ветров.

— Администратор сказал, что другие постояльцы начали жаловаться на шум, — с едкой усмешкой сообщил Райз. — Что ж, с сегодняшнего вечера в их славном месте воцарится абсолютная тишина. Я сперва думал арендовать какой-нибудь дом, но мне не понравились варианты, а потом я узнал о продаже этого и подумал, что это будет отличное вложение средств.

— Ты, что ли, еще перебирал варианты? — Къярт покосился на него.

— Разумеется. Или ты предпочел бы тесниться в какой-нибудь лачуге? А здесь найдется место и для охотников. Семь спален, каждая со своей ванной, зимний сад, кабинет, библиотека — книги прилагаются...

— Какое расточительство, — заметила Кара.

Приобретенный дом и в подметки не годился ее родовому поместью, на фоне которого мерк даже особняк Фелиса. Но после вступления в Братство, которому передала все имущество своей семьи, она жила исключительно в гостиницах и казармах руферонского отделения.

— Почему бы и нет? Оставленные Фелисом счета позволяют. Тем более, если расценивать их как оплату за спасение мира — мы еще недорого берем. Правда, теперь придется проследить, чтобы Орда не успела добраться до Эшена. Будет жаль, если она испортит двор.

— Может, вам купить по дому в каждой из земель? — предложила Кара.

— Это же так расточительно, — передразнил Райз и галантно открыл перед ней кованую калитку.

В доме имелись не только книги, но и вся необходимая мебель, и даже внушительный запас угля для печи, подключенной к проложенным под полом трубам. К тому моменту, когда Райз принес оставленные в гостинице вещи и привел Осмельда с охотниками, дом уже начал понемногу оттаивать и выдыхать в стылое небо пар.

Прихватив из библиотеки одну из книг, Райз без всякого стеснения устроился на диване в выбранной Къяртом комнате. Тот смерил его усталым взглядом и забрался с головой под одеяло.

Проснувшись посреди ночи, он долго не мог прийти в себя: не мог понять, где находится, и сколько прошло дней с того момента, как он начал призывать паладинов. А дней ли? До конца не освободившийся от хватки сновидений, он считал, что прошло по меньшей мере несколько лет.

— Я сделаю чай, — сквозь гул крови в ушах до него донесся голос Кары.

Когда она вернулась с подносом, на котором стоял чайник и три чашки, в камине уже горел разведенный Райзом огонь. Устроившись на мохнатых шкурах, которыми в Эшене вместо ковров устилали особняки, они сидели втроем и в молчании пили чай, пахнувший, казалось, навсегда ушедшим летом. Увы, сладость растворенного в нем меда не могла заглушить привкус, что остался после чужих порочных желаний и не менее дрянных

поступков. Къарт гнал эти воспоминания из головы, потому что всякий раз, когда они задерживались в ней чуть дольше, его начинала разбирать злость. Однажды он даже поймал себя на мысли, что понимает некромантов, для которых человеческая жизнь не представляла ценности большей, чем обеспечивающая ее эссенция.

Пугающая, опасная мысль. Къарт понимал это. Пока еще понимал.

— Кара, — его собственный голос показался чужим. Он слышал его куда реже, чем голоса сотен других. — Если я начну переходить черту, ты должна сказать мне об этом.

Кара нахмурилась. Райз усмехнулся.

— Моего слова, что я прослежу за твоим примерным поведением, уже недостаточно? — поинтересовался он.

— Твои границы дозволенного куда шире, чем мои. И я хочу остановиться прежде, чем дойду до них.

— Я скажу, — пообещала Кара.

Къарт благодарно кивнул.

— Нет, все-таки сегодня мы пропустим визит в захоронение, — подытожил Райз.

— Это ничем не поможет, я уже говорил. И у нас нет времени на...

— Один день ничего не изменит, — отрезал тот. — И это был не вопрос. Так сильно хочешь к своим мертвецам? Пожалуйста. Иди сам. Полезешь по скалам или прикажешь Каре против ее воли открыть дверь в святилище?

Къарт перевел взгляд на девушку, пытаясь понять, на чьей она стороне.

— Один день, и правда, ничего не решит, — сказала она. — Тебе нужен отдых.

— Беспокоишься о некроманте?

Вопрос прозвучал слишком резко.

— Прости, — Къарт отвел взгляд.

Зачем он вообще спросил? И он ли спрашивал? Или это был один из голосов в голове? В его голове этот голос, или он находится в чужом теле и может только наблюдать? Реален ли мир вокруг, или это обрывок прошлого очередного призванного?

Какие глупости. Одновременно рядом с Райзом и Карой мог сидеть только он и никто другой. Къарт понимал это, но ощущение реальности происходящего все равно ускользало сквозь пальцы. Его сознание провело куда больше времени, наблюдая за чужими судьбами, чем за своей — непозволительно много времени за слишком короткий промежуток времени.

— Мне кажется, что за всеми этими призывами, за всеми жизнями паладинов я потерял свою собственную, — тихо заговорил он. — Увидел столько всего. Наверное, увидел все, что только можно было. Уже не чувствую ни времени, ни самого себя в нем.

Поленья медленно прогорали в камине. Стыл чай.

Къарт не знал, чем занять себя на целый день. Вариантов было немного: слоняться по дому, словно во сне, или же взять какую-нибудь книгу в библиотеке и попытаться занять голову.

Но у Райза уже имелся свой план. Он выволок Кару и Къарта из дома несмотря на все возражения последнего и снова потащил по ярусам Эшена.

Прошедшей ночью на город налетела метель. К рассвету она стихла, и теперь, высыпавшая на заснеженные улицы детвора забрасывала друг друга, а заодно и прохожих, снежками. Люди кочевали из одной лавки в другую, сидели за расписанными морозом окнами рестораций. Целому городу будто и вовсе не было дела ни до работы, ни до тревог всего остального мира.

Морозный воздух приятно остужал голову, приглушал голоса призванных паладинов. Многие из них когда-то ходили по этим улицам: счастливые и обозленные, печальные и беззаботные. Столько имен, столько лиц. Но, кажется, Къярт начал их забывать. Это хорошо.

Когда Райз привел их на один из средних ярусов, Къярт наотрез отказался идти на ярмарку, занявшую целую площадь: слишком шумно и слишком тесно.

Наблюдая со стороны, он все больше задумывался о том, как же эгоистично было требовать от Райза и Кары каждый день уходить в захоронение. День вне затхлых катакомб был нужен не только ему, но и девушке. Возможно, она нуждалась в нем куда больше, чем он.

Заметив боковым зрением стремительное движение, Къярт уклонился прежде, чем ему в голову прилетел бы увесистый снежок.

— Ох, простите пожалуйста! — всплеснула руками проходящая мимо женщина и одернула носящихся вокруг нее кругами двух мальчишек.

Къярт улыбнулся в ответ.

— Не тоже самое, да?

Он едва не вздрогнул от прозвучавшего над ухом голоса Райза.

— Не подкрадывайся.

— А ты не зевай, — парировал тот и, подперев плечом каменный забор, у которого топтался Къярт, посмотрел в сторону палатки, где Кара выбирала меховые варежки.

— Что «не тоже самое»? — с каплей раздражения спросил Къярт, когда Райз всем своим видом сообщил, что не собирается продолжать сам.

— Быть свидетелем и быть участником.

Райз хохотнул, когда Къярт одарил его тяжелым взглядом.

— Все ты понял, — продолжил тот. — Но из вредности делаешь вид, что нет. Одно дело, когда можешь только сидеть и смотреть, без возможности повлиять на события, и совсем другое — быть тем, кто определяет, что случится дальше. Да и свои собственные чувства и мысли явно отличаются от чужих. Каким же недотепой нужно быть, чтобы умудриться это спутать.

— Ты решил вывести меня?

— И это тоже, — Райз усмехнулся и пожал плечами. — А что еще остается делать, если иначе мне, простому призванному, не пробиться сквозь твою заскорузлую и черствую шкуру прожившего тысячу жизней некроманта?

— Места получше для беседы найти не мог? — Къярт бросил взгляд в сторону проходящей мимо милующейся парочки. — Еще на всю площадь прокричи об этом.

— Лучше не провоцируй, — хохотнул Райз и посмотрел на направившуюся к ним Кару.

— Катись к черту.

— Никак не могу: гадкий некромант не отпускает мою душу.

— Вот, выбрала!

Кара продемонстрировала руки в двух пепельного цвета варежках и, переведя взгляд с ухмыляющегося Райза на натянувшего невозмутимую улыбку Къярта, с подозрением прищурилась.

Къярт возвращался в особняк с чувством приятной усталости. Язык не поворачивался назвать место, в котором они провели несколько ночей, домом, но именно это слово крутилось на языке. Разморенный встретившим их теплом, он осмелился мечтать, что этой ночью кошмары ослабят свою хватку, но они не утратили ни капли своей силы.

И снова он проснулся с криком и в холодном поту, и снова Райз сидел в его комнате, как сидела и Кара — с полным заварником травяного чая, который она купила на ярмарке.

Они были рядом и в эту ночь, и в следующую, и в ночь после. А днем было захоронение и сотни паладинов, вернувшихся к жизни.

Благодаря ранним подъемам Къярт заканчивал с выставленной самому себе планкой в триста душ еще до двух часов дня, чем Райз бессовестно пользовался. После устроенного дня отдыха вместо того, чтобы дать Къярту прийти в себя, он выгонял его на задний двор дома. Но отнюдь не для того, чтобы любоваться открывающимся видом на город внизу и дворцом наместника на голове исполина, а чтобы загонять Къярта едва ли не до полусмерти, устраивая поединки. Поначалу тот возмущался, потом злился, затем пытался улизнуть, что изначально было обречено на провал: Кара, молчаливый соучастник преступления, каждый раз сидела на ступенях перед дверью в дом и наблюдала.

В итоге Къярту пришлось смириться. Вскоре он понял, что пусть эти тренировки и лишали его последних сил, но они же заставляли его сконцентрироваться на текущем моменте, на здесь и сейчас, в окружающей его действительности, а не на множестве тех, что заполняли голову. Понял, но упрямо не признавал. Райз ухмылялся, довольный, что снова оказался прав, и эта ухмылка только добавляла желания отпираться до последнего.

Къярт держался. Даже когда в захоронении осталось меньше половины паладинов, он все еще держался. Держался, потому что ему было ради чего: ради этих ночных чаепитий, превратившихся в ритуал, и дурацких тренировок в конце дня.

— Спасибо, — сидя на шкуре с чашкой в руках сказал Къярт, где-то спустя полторы недели ежедневных призывов. — Спасибо вам обоим.

Кара едва изогнула бровь, а Райз собирался отпустить очередную шуточку, но в последний момент передумал.

— В прошлой жизни у меня не было никого, кого я мог бы назвать другом, — Къярт следил за ягодой шиповника, плавающей в чашке. — Никого, на кого я мог бы положиться или рассказать все, что есть на душе. Не сказать, что я раньше нуждался в ком-то подобном. Но я рад, что больше не один. Не один не потому, что вас держат печати, а потому что вот это все, — он указал взглядом на стоящий посередине поднос с чайником. — Спасибо вам за это.

— А как же учитель? — буднично спросил Райз. — Уже забыл про него?

— Райз! — Кара с упреком посмотрела на него.

— Нечего его приучать к тому, что если суешь руку волку в пасть, ее не откусят.

Не отрывая взгляд от чашки, Къярт улыбнулся собственным мыслям.

— Я всегда смотрел на учителя снизу вверх. Это другое.

— Разумеется, на приванных-то можно смотреть сверху вниз.

— Хватит его подначивать.

Райз любезно улыбнулся Каре и с прищуром взглянул на Къярта.

— А что насчет Мерлен и Иеро?

Уголки губ едва дрогнули. Он оказался куда меньше готов услышать их имена от другого человека, чем предполагал.

— Мы были знакомы чуть больше недели. Они сбежали бы, узнай, кто я, — взяв себя в руки, ответил он.

— Можно мне сказать, что, будучи призванным, не особо от некроманта побегаешь? — поинтересовался у Кары Райз.

— Нет, — та вернула ему любезную улыбку.

— Это же бессовестно вот так дружить против меня!

— А нечего привыкать к тому, что если суешь руку волку в пасть, ее не откусят, — Кара пожала плечами.

По прошествии трех недель Братство так и не ведало о том, что паладины один за другим покинули захоронение: остались только светлые пятна на камне, где когда-то стояли каменные гиганты, и исполин, чью энергию предстояло поглотить.

Къярт должен был забрать все без остатка: его запасы таяли с каждым днем, и другого пути не оставалось. Поглотить душу метаморфа? В сравнении с душой исполина та была ничтожно мала и при этом крайне ценная. Но разве могла даже тысяча метаморфов сравниться хотя бы с одним из исполинов? Что, если они просто спали в ожидании нового пришествия Орды? А если он ошибается, и ради сохранения одного исполина пустит в расход души метаморфов, то в итоге у них не останется ничего.

Черт бы его все побрал.

Сложнее всего оказалось сообщить Каре, что, осквернив души паладинов, в довесок он собирается разрушить святыню.

Кара ничего ему не ответила: по своему обычаю поджала губы и понимающе кивнула. Уж лучше бы она разозлилась, лучше бы спорила и кричала, чем это молчаливое согласие, делающее ее соучастником преступления.

На следующее утро Райз бесцеремонно вытащил Осмельда из постели. На устроеннук возню сбежались охотники: Хаук возмутился, Под сдерживал его и время от времени поглядывал на всюду таскающееся за Вильмой Шии-то; Офрен носил свою излюбленную неловкую улыбку и вел себя тихо.

— Ладно, Осмельд, поговорим по-серьезному, — Райз навис над вжавшимся в кресло парнем. — Ты утверждаешь, что печать подействовала и проклятие метаморфа тебя не затронуло?

Къярт в непонимании посмотрел на того. В энергии духа парня появилось что-то подозрительное?

— Да, — Осмельд сник под пристальными взглядами. — Во всяком случае, я не чувствую ничего, что говорило бы об обратном.

— Будто ты в первый раз чувствовал. Или все-таки чувствовал и осознанно сделал то, что сделал?

Осмельд побледнел, посмотрел на Къярта, ожидая поддержки.

— Я не..., — неуверенно начал парень. — Разве я сидел бы сложа руки, сработай проклятие?

— Не знаю, не знаю, — Райз в задумчивости потер подбородок. — И ты использовал ту же печать, чертежи которой дал Къярту?

— Разумеется. Он сам ее изучал и согласился с тем, что должно сработать.

— Поверим на слово. Ты же понимаешь, что будет с тобой, а главное, с Вильмой, если печать не работает так, как ожидается?

— Хочешь свалить все на нас, если сами же и накосячите?! — возмутился Хаук и сразу схлопотал тычок от Пода.

— Если все сделать правильно, печать сработает, — упрямо повторил Осмельд.

— Ты ведь постарайся? — Райз с улыбкой посмотрел на Къярта.

— Заканчивай с этим. Пойдем уже.

Когда они собирались уйти, их окликнул Офрен:

— Если вы только сейчас собираетесь призывать метаморфов, чем же вы до этого занимались? — спросил он и поспешно добавил, когда Райз скептически изогнул бровь: — Не подумайте, что я сую нос не в свое дело. Но если вы все эти дни просто гуляли по славному Эшену, признаться, я бы с удовольствием и сам составил вам компанию, — Офрен неловко улыбнулся. — А что? Зима ведь, как никак: натянул бы шапку, обмотался шарфом — и мать родная не узнала бы. Да кто вообще помнит наши лица?

— Сидите в доме, — велел Райз.

Прежде Къярту и без того хватало забот, и он не думал, что будет, когда очередь дойдет и до метаморфов: ни о их численности, ни о том, что над каждым из них будет висеть проклятие. Сейчас он не сомневался в том, что ему хватит сил призвать их всех, но лежащее на них проклятие... Одна осечка — и все полетит в бездну. Печать, которую нашел Осмельд, не снимала проклятие, а только накладывала на связь между некромантом и призванной душой защиту. И если однажды защита ослабнет...

— Все будет в порядке, — произнес Райз.

Ни до этого, ни сейчас Къярт не озвучивал своих сомнений, но когда это Райз нуждался в подсказках?

— А если нет? Если у меня не получится поставить печать?

— У пацана получилось, а у тебя вдруг не выйдет?

— Райз, любую печать можно повредить. Она может утратить свою силу. Мне банально может не повезти.

— Да, невезение — это как раз про тебя, — Райз усмехнулся, бросил на него короткий взгляд и хлопнул рукой по плечу. — Не беспокойся ты так. Если все пойдет не по плану, и ты внезапно проникнешься к Орде теплыми чувствами — так тому и быть. Отправим тебя к ней, а учитывая твое катастрофическое невезение, ты угробишь ее первой же попыткой помочь.

— Отлично поддержал, — заметила Кара.

— Так может сразу с этого и начнем? — сдержанно поинтересовался Къярт. — Орда явится, я пойду ей помогать и сразу угроблю. Чего тянуть?

— Нет, — Райз рассмеялся, — это слишком просто. Мы будем смаковать каждый день втоптывания ее в грязь.

Если бы только все беды заканчивались на чертовом проклятии... Даже наблюдать за жизнью тех, чьим долгом было защищать людей от некромантов и прочей нечисти, оказалось занятием не из приятных, что уж говорить о тех, кто в прошлом служил Орде.

Къярт сделал пару шагов вглубь крайнего ряда и остановился перед кубом, в котором лежал надломленный костяной треугольник. Что это могло быть? Кончик клюва гигантской птицы?

— Не думаю, что в этом случае имеет смысл использовать вторую ступень, — произнес Райз, когда Къярт достал останки из куба.

— Да, будет первая, — согласился тот и сложил печать.

Он не узнавал место, к которому его привела нить. Вокруг были скалы, дома, стоящие в этих скалах, и озеро, затопившее их по самую крышу. Над всем этим пылала душа метаморфа. Она обжигала не так сильно, как душа Райза, и больше походила на души паладинов, если бы у тех была тень: серая, дрожащая — то ли тень, то ли хвост. По всей видимости, так и проявлялось лежащее на душе проклятие. Это оно было виной тому, что за минувшую тысячу лет душа так и не смогла переродиться?

С опаской косясь на тень, Къярт коснулся души метаморфа.

Что бы он ни пережил вместе с призываемой душой, возвращение в заводь всегда было сродни глотку свежего воздуха — его личная тихая гавань, приют безмятежности, в котором, увы, он не мог оставаться вечно.

Сосредоточившись, Къярт мысленно нарисовал защитную печать. С третьей попытки сверкающая металлом цепь начала обрастать мхом. Мох расплзлся в стороны, его нити становились длиннее, разветвленнее, и вскоре превратились в водоросли, которые часто покрывают прибрежные камни.

Дождавшись, когда цепь, браслет на одной ее стороне и клин на другой полностью скроются в зелени, Къярт защелкнул кандалы на лодыжке метаморфа и подплыл к самому дну.

Отточенным движением он вогнал якорь в песок, а затем, помедлив всего мгновение, надавил на него, поднимая до второй ступени.

Он нехотя вынырнул из укромных объятий заводя, и реальность обрушилась на него вместе со скопищем чужих воспоминаний. Желудок скрутило, к горлу подступила тошнота.

Он выронил кость метаморфа, прижал кулак к губам и замер, не желая расставаться с завтраком. Из всех пережитых смертей эта была самой отвратительной, и она же въелась в него глубже прочих. Он все еще чувствовал, как вокруг него сжимаются гигантские каменные пальцы, как раздавливают плоть и дробят кости, точно он какое-то насекомое, на чьи внутренности решил полюбоваться человекоподобный гигант.

— Живой?

Къярт почувствовал, как на его плечо опустилась ладонь Райза, и вяло качнул головой.

— Защитная печать?

Он снова кивнул.

Перевести дух. Ему нужно было перевести дух. И приготовиться. Он уже знал, что конец у последующих призывов будет таким же.

...Как мошек, одну за одной. Щелк, щелк, щелк.

Къярт тряхнул волосами, прогоняя засевшие в голове мысли и вновь подступившую к горлу тошноту.

— Что-то ты мне не нравишься, — Райз нахмурился.

— Вот ты и признался в своем отношении ко мне, — вяло пробормотал Къярт и откинулся спиной на стоящий позади камень.

— С ним точно все в порядке? — в голосе Кары прозвучало неподдельное беспокойство.

— Жить будет. Дело как всегда в дурной голове.

— Отвали, — Къярт беззлобно огрызнулся и оттолкнул руку Райза, коснувшуюся его макушки.

Поднять уйму паладинов и так расклеиться из-за одного единственного метаморфа — виторэ, как они сами называли себя — что даже Райз занервничал, раз позволил себе подобный жест.

— Когда нам ждать занимательнейшую историю о метаморфах? — дождавшись, когда Къярт наконец сможет сфокусировать взгляд, спросил тот.

— Когда Риэ-рэ будет способно ее рассказать, — Къярт указал рукой на начавшую трансформацию кость.

С того самого момента, как он покинул заводь, печать жадно тянула энергию.

Накопленная эссенция жизни отлично подходила для того, чтобы виторэ могло вырастить себе оболочку. Но, как и призванное Осмельдом, Риэ-рэ знало меру и ограничилось оболочкой мелкого крылатого зверька, умещающегося на ладони. Закончив выстраивать тело, оно уставилось на Къярта умными глазами-бусинками.

— Ты можешь взять столько энергии, сколько тебе требуется, — обратился он к виторэ. — Создай подходящее тело. Человеческое тело. Мужское или женское — как тебе будет угодно.

Виторэ моргнуло одним глазом и начало меняться.

— Как тебе будет угодно? — переспросил Райз. — Мы договаривались о печати первой ступени.

— План пришлось поменять.

— Мне не терпится узнать, что такого ты увидел в его прошлом.

— Райз, прошу тебя, отвяжись, — Къярт устало покачал головой, и ему показалось, что он снова слышит хруст костей. — Я не хочу ничего рассказывать. Риэ-рэ справится с этим не хуже меня.

Хруст костей.

Къярт пытался сосредоточиться на чем-либо, увиденном в прошлом виторэ, но оно ускользало сквозь пальцы, растворялось, как дыхание в морозный день, и все, что оставалось — хруст костей его же черепа.

Риэ-рэ было умелым. Оно черпало энергию ковшом и выстраивало органы нового тела с невероятной скоростью, потратив на все меньше пяти минут. Зрелище, если не завораживающее, то уж точно впечатляющее. Однако, Къярт не смотрел. Уставившись на свои ладони, он не поднимал взгляд вплоть до того момента, пока Риэ-рэ не закончило покрывать мышцы кожей.

Виторэ оказалось не только умелым, но и внимательным к деталям: в придачу к длинным, немного вьющимся русым волосам на голове оно отрастило светлый пушок на теле, и его кожа тут же покрылась мурашками.

— Какой любопытный выбор, — заметил Райз.

Как и Къярт, Кара предпочла не наблюдать за метаморфозой, тогда как Райз следил за процессом от начала и до конца. Сняв куртку, он бросил ее Риэ-рэ, чтобы то прикрыло наготу подросткового девичьего тела.

— Это такой способ расположить к себе? — поинтересовался Райз. — Принять наиболее безобидный вид?

Риэ-рэ молчало, в ожидании глядя на Къярта.

Тот смотрел в ответ и силился понять, что в принятом виторэ облике его смущает. В какой-то момент промелькнула мысль, что, возможно, так могла бы выглядеть его младшая сестра — доживи она до пятнадцати лет. Но откуда метаморфу было знать ее лицо?

Риэ-рэ не нужно было знать. Оно не подражало его сестре, а всего лишь создало женскую версию того, кого видело перед собой.

— Ты можешь говорить, — произнес Къярт. — Всем нам будет проще, если ты будешь отвечать на вопросы. Мы, в свою очередь, ответим на твои.

— Снова здорово, — хохотнул Райз, устраиваясь на одном из камней. — Ну давай, рассказывай, чем ты заслужило такую милость.

— Обращайся к Риэ-рэ, как к женщине, если она в женском теле.

— А если изменится и примет мужской облик? — поинтересовалась Кара.

— Тогда, как к мужчине. Так принято у виторэ — их расы.

Взгляды всех троих обратились к Риэ-рэ, и Къяр, вздохнув, добавил:

— Все же начать лучше мне. Орда, в составе которой вы пришли в этот мир, была уничтожена тысячу триста с лишним лет назад.

— Уничтожена? Как? — на лице Риэ-рэ не проявилось ни единой эмоции.

— Мы не знаем. Предположительно, с ней разобрались исполины, но как именно — неизвестно.

— Это невозможно. У них не было и шанса.

— Они тоже погибли все до последнего. Остались только их тела.

— Погоди-ка, Къярт, — Райз с прищуром посмотрел на Риэ-рэ. — Что поменялось? Еще полминуты назад в тебе не было ни капли эмоций, а сейчас...

— Я могу контролировать гормональный баланс организма. В способности чувствовать не было смысла, но после ваших слов об Орде ситуация изменилась.

— Какие гормоны могут быть у мертвеца? — Кара скрестила руки на груди. — Способностью чувствовать у призванных управляет некромант.

— Тело Риэ-рэ полностью живое, — пояснил Къярт. — Я ведь прав?

Виторэ кивнула.

— Разберемся с этим потом, — Райз не сводил с нее взгляда. — Пока вернемся к тому, зачем ты вообще объясняешь что-либо не дотянувшему до конца войны метаморфу.

— Не дотянула не только я, насколько я могу судить, — Риэ-рэ посмотрела по сторонам, пересчитала взглядом кубы с костями. — Вся наша раса не дотянула до конца войны. Еще бы, учитывая, с каким усердием исполины истребляли нас.

— Вы явились уничтожить этот мир. Что ты ожидала?

— Кара, не нужно, — мягко одернул ее Къярт и отрицательно покачал головой.

Риэ-рэ как нельзя точно описала то, что происходило в последнюю войну с Ордой. Исполины убивали всех ее прислужников, что попадались под руку, в том числе и виторэ, но только за последними была устроена настоящая охота. Можно было бы попытаться списать все на совпадение, на то, что виторэ всегда стояли в первых рядах. Но любые аргументы разбивались о тот факт, что охоту на метаморфов поручили одному из исполинов. Риэ-рэ была в числе последних сотен выживших и видела смерти многих братьев. Всех их убивал один и тот же исполин, порой, не глядя проносящийся сквозь ряды Орды только для того, чтобы стереть в пыль замеченных виторэ. Те бесспорно являлись опасными врагами, но никак не для исполинов. Однако, по какой-то неизвестной Риэ-рэ причине один из исполинов планомерно вырезал их одного за другим. Давил ладонями, топтал ногами — делал все, чтобы превратить их в мокрые пятна на земле и своем теле. Тренированные виторэ могли восстановиться после любого, не затрагивающего мозг ранения. Исполины знали это и не оставили им и шанса на выживание, устроив настоящий геноцид — не первый в истории виторэ, но ставший для них последним.

— Я продолжу, — Къярт помедлил, не зная, как лучше все объяснить. — Это Кара, она из Братства паладинов — организации созданной после победы над Ордой. Паладины используют силу, полученную из останков исполинов. Она позволяет им чувствовать присутствие некромантов, разрушать их печати и призывать некую броню, по крепости приближающуюся к телам самих исполинов.

Риэ-рэ посмотрела на пребывающую в замешательстве Кару.

— Мое имя — Къярт. Я, как ты поняла, обладаю силой некроманта, но не являюсь им

по праву рождения. Долгая история. А это Райз, он... — Къарт запнулся, не зная, что именно следует сказать, и улыбка на лице того с каждым мгновением ожидания становилась шире. Так и не подобрав верных слов, Къарт продолжил: — Если вкратце, Орда, новая Орда, снова собирается напасть. Наша цель — остановить ее, как когда-то остановили исполины. Поэтому мы и хотим призвать всех виторэ.

Между бровей Риэ-рэ появилась морщинка, и ее лицо приобрело поистине детское выражение.

— Ты не лжешь, — наконец сказала она.

— Нет.

— Сначала я думала, что Отара решила использовать нас и после смерти — ей не в новинку, — задумчиво произнесла Риэ-рэ. — Хотя в этом случае следовало бы ожидать, что некроманты начнут возвращать нас сразу после гибели. Но, похоже, это не так. Если исполины мертвы, и вы не знаете, как они расправились с Отарой, то как планируете уничтожить ее сейчас?

— По правде сказать, плана, как такового...

— Так, с меня хватит, — Райз не дал ему договорить. — Пора закругляться с этой милой беседой, причины которой ни мне, ни Каре совершенно не ясны. Это, конечно, славно, что ты нашел нового товарища, но, может, проявишь хоть каплю уважения к старым?

— Мне нужно было в общих чертах описать Риэ-рэ текущую ситуацию, — устало произнес Къарт. — Риэ, ты можешь рассказать, как и почему виторэ оказались на стороне Орды?

— Могу.

Риэ-рэ завозилась, скинула наброшенную на грудь куртку, надела ее по-человечески и, подобрав под себя ноги, заговорила:

— Мир, откуда мы родом, находится в шести переходах Отары от этого. Насколько нам известно, она ходит по одним и тем же мирам с промежутком, позволяющим цивилизациям восстановиться в достаточной мере, чтобы стать пригодными для сбора. Вплоть до последнего вторжения нам удавалось избегать встреч с Отарой: она приходила на планету в соседней галактике, обжитую другим видом. Но когда условия в нашем доме стали непригодными даже для нас, пришлось искать новый. Вариантов оказалось немного, и мы, по сути, сбежали из одной ловушки в другую.

Риэ-рэ замолчала и посмотрела на ближайший куб с останками собрата.

— Численность нашего вида составляла пятьсот миллионов, Отары — пятьдесят. Десятикратное превосходство в живой силе и оружие массового поражения — все шло относительно неплохо, первое время, пока они не поняли, что мы не собираемся смиренно ждать своего конца. Тогда они стали серьезнее, и дело приняло другой оборот. Отара сосредоточилась на защите своих основных сил и на истреблении нашего вида. Как правило, она поглощает только эссенцию жизни, но не трогает сами души существ: уничтожение души прервет цикл перерождения, население вымрет, и Пастырю придется искать новые пастбища. Но если бы в нашем случае они пошли по привычному пути истощения, а не полного уничтожения, следующее их вторжение стало бы для них последним. Ради победы они сняли запрет поглощать души.

Къарт предпочел бы не слушать ее рассказ, предпочел бы сохранить события ее жизни окутанными туманом, смешавшимися с вязкой, бесформенной массой историй паладинов.

— Когда нас остался всего миллион, Отара предложила нам примкнуть к ней. Больше

число виторэ ее не устраивало. При достижении численности в восемьдесят миллионов она начинает потреблять больше, чем добывать — порог, за которым она чутко следит и который не переходит, — Риэ-рэ опустила взгляд. — Виторэ отказались, хотя уже тогда было ясно, что нам не выиграть войну. Неразумное решение: из-за гордости и упрямства потерять целую расу. Но его принимал не наш корпус. Когда среди выживших остались только пятьдесят тысяч многоликих, мы присягнули одному из рыцарей Отары. Долгом нашего корпуса было сберечь наш вид. Любой ценой. Мы рассчитывали, что в какой-то момент нам удастся улизнуть. А если не улизнуть, то присоединиться к цивилизации, у которой будет шанс справиться с Отарой.

— Исполины сотрудничать с вами не захотели, да? — не без издевки спросил Райз.

— Мы не рассматривали их как союзников. При всей их силе у них не было шансов.

— Но они все же смогли уничтожить Орду и вас вместе с ней.

— Да, смогли, — Риэ-рэ посмотрела на Кару. — Надеюсь, паладины обладают такой же силой.

— И тебя совершенно не смущает то, что они — приемники тех, кто уничтожил твой вид? — Райз продолжал гнуть свое.

— Мой вид уничтожила Отара. Исполины всего-то убивали вторгнувшихся на их территорию. Мы бы поступили так же. Нам не в чем их винить.

— Какие вы славные ребята. Позволь спросить: а что произошло с той цивилизацией, на чью планету вы заявили? Ты как-то упустила этот момент в своем рассказе. Они приняли вас с распростертыми объятиями, выделили земли, и вы дружно жили все вместе, пока не явилась Отара?

— Не совсем. Конечно, некоторые шероховатости присутствовали, но мы довольно быстро пришли к соглашению.

— Каким же это образом?

— Мы не уничтожали другую расу и не поработщали, если ты намекаешь на это, — Риэ-рэ спокойно выдержала прямой взгляд Райза. — Виторэ — симбиотический вид. Мы можем существовать и самостоятельно, но это сильно ограничит наши возможности. В большинстве своем души живых организмов выделяют некую энергию. Мы поглощаем ее и используем, как источник для преобразования тел. Энергия душ виторэ не подходит, поэтому наличие поблизости другого развитого вида крайне желательно.

— Это не отменяет того, что этот вид можно, как овец, держать в загоне.

— Овечки любят сбегать и сворачивать себе шею, — парировала Риэ-рэ. — Мирное сосуществование всегда выгоднее.

— Выгода для вас понятна, а в чем польза для второй стороны?

— Трансплантология, если тебе, конечно, знакомо это слово. Целью любого вида является выживание и размножение. Но мало кто обладает таким же уровнем приспособляемости и регенерации, как мы. Болезни, несовместимые с жизнью травмы, потеря конечностей никого не обходят стороной. А мы являемся абсолютными донорами. Мы можем сымитировать любую форму жизни, вырастить любой орган, который можно изъять без каких-либо рисков для хозяина. Взамен мы просим только мира.

— Какие милашки.

Къарт вздохнул. И чем Риэ-рэ так не понравилась Райзу? Даже обидно. Къарт своими глазами видел, что поводов для неприязни нет, но напарник все равно не счел допустимым довериться его мнению.

— Есть еще какие-то вопросы, на которые мне нужно ответить? — Риэ-рэ в ожидании уставилась на Райза.

— Лично я услышал достаточно, — ответил тот.

Кара безразлично пожала плечами.

На этом разговор исчерпал себя.

Къярт не делал передышек между призывами: вернув одну душу, он сразу отправлялся за следующей — выныривал из их прошлого и нырял снова, так и не сделав ни единого глотка воздуха. И каждое его погружение уводило его все глубже, все дальше от реальности и от самого себя.

Вероятно, он так и продолжал бы, как сомнамбула, слоняться от одного куба с останками к другому, если бы Райз не остановил его. Къярт пытался возразить, но его сопротивление было сломлено, так толком и не начавшись.

Риэ-рэ держалась в стороне, окруженная двумя сотнями мелких зверьков — сейчас тратить энергию на создание человеческих тел не было смысла.

— Рядом есть город? — поинтересовалась она. — Будет разумно позволить остальным наведаться в него. Так они смогут собрать энергию для трансформации, и тебе не придется тратить свою. Они не причинят людям вреда.

В ожидании возражений, Къярт посмотрел на Райза.

— Что? Это же ты у нас принимающий решения некромант. Делай, что хочешь, — ответил тот и направился к выходу из крипты.

— Твоя куртка, — бросила ему вслед Риэ-рэ.

— Оставь себе.

Къярт непонимающе нахмурил брови. И какая муха его укусила?

После судорожных попыток сообразить, в чем дело, он вспомнил о случившейся между ними размолвке из-за Риэ-рэ. Что за ерунда...

— Не сегодня, — ответил он ей. — Паладины могут почувствовать присутствие призванных. Сперва нужно поставить скрывающие печати. Пока оставайтесь здесь, — он окинул ее взглядом. — Если твое тело живое, оно нуждается в воде и еде.

— Я контролирую водно-солевой баланс, а еда нужна только при наличии пищеварительной системы, — Риэ-рэ улыбнулась. — То, что выглядит, как человек, не обязательно является таковым внутри. Мы будем использовать энергию печатей, пока не сможем добывать ее самостоятельно. Обещаю: лишнего не возьмем.

Къярт кивнул и вместе с Карой поспешил за Райзом.

С беседой на обратном пути не сложилось. Райз с головой ушел в свои мысли и вид имел такой, что к нему не то что Кара, даже Къярт не рискнул бы подойти. Не зная, куда ему податься и что делать, он принялся донимать Кару: может, она видела то, что упускал он, и что, конечно же, заметил Райз.

Его мольба о помощи наткнулась на отказ.

— Прости, Къярт, но я стараюсь лишний раз не размышлять о том, что на моих глазах некромант день за днем поднимает сотни мертвецов, способных истребить целый город.

— Кара...

— Я хочу верить, что ваши намерения соответствуют вашим заявлениям. В обратном случае мои дела совсем плохи, — она невесело улыбнулась. — Ты должен понимать, что пока я не получу непосредственного подтверждения вашим словам, сомнения не исчезнут.

— Прости.

— Ничего. Но в этой истории с виторэ я ничем не помогу. Тебе придется самому с ним разбираться, — сказала Кара, уставившись в спину Райза.

Тот продолжал игнорировать его. Къярт надеялся, что напарник объяснит, в чем дело, когда они вернутся домой, но тот так и не сказал ни слова — ни за ужином, ни после. Невольно вспомнился Аклен и суд над Осмельдом. Тогда Райз тоже устроил молчанку: ждал, когда Къярт осознает собственную глупость и сам придет каяться. Хотя, если припомнить все детали, тогда дело оказалось совершенно в другом.

Они сидели в гостиной: Кара — с книгой в кресле, а Райз — у камина, отогреваясь после долгой прогулки на морозе в одной только кофте. Спустя полчаса натянутого молчания, терпение Къярта лопнуло.

— Что тебя не устраивает? — спросил он.

— То, что ты доверчивый идиот, — даже не обернувшись, спокойно ответил Райз.

Да, в этот раз он несомненно ждал явки с повинной.

— Это я доверчивый? — обвинение прозвучало настолько абсурдно, что Къярт едва сдержал смех.

— Тоже находишь этот факт забавным? — усмехнувшись, Райз все же посмотрел на него.

— Райз, я видел все прошлое Риэ-рэ, и не только ее, и знаю...

— Ничего ты не знаешь. Ты видишь, но не делаешь выводов: ни раньше, ни уж тем более теперь, когда у тебя в голове сплошная каша из-за всех этих призывов.

— Раньше? Это ты на себя намекаешь?

— Понимай, как хочешь.

Къярт помассировал виски. Если бы не зеркальная печать, у него наверняка разболелась бы голова. Может, поэтому Райз и бесился? Нет, глупости. Исцеляющая печать тут же сняла бы боль.

— Тогда объясни мне, доверчивому идиоту с кашей в голове, что виторэ способны сделать нам во вред?

— Попытаться примкнуть к Орде? — от ставшей любезной улыбки Райза свело челюсть. — Ради выживания своего вида, разумеется. Никаких дурных помыслов.

— Хочешь сказать, что они были не правы, когда впервые встретились с Ордой? Что им нужно было стоять до последнего и сгинуть раз и навсегда?

— Хочу сказать, что у нас с виторэ разные цели, дубина. Наша — уничтожить Орду. А их — выжить. Конечно же их в этом винить нельзя, но это может спутать все карты.

Меньше всего Къярт ожидал, что Кара вступится за него, и когда та заговорила, даже ненадолго позабыл о разгорающемся внутри раздражении.

— Они призванные, — сказала Кара. — Они ничего не смогут сделать вопреки воле некроманта.

— Ты же знаешь, как Къярт печется о том, чтобы ни в коем случае не покуситься на чужую свободу и не ущемить чьи-либо права. Особенно когда речь заходит о всяких чудящах, в свое время отхвативших от Орды и «всего лишь пытающихся выжить». Как к таким не проникнуться сочувствием, забыв о здравом смысле?

— Границы-то не переходи, — осадил его Къярт.

— Ох, прости, что это я? — спохватился Райз и соорудил виноватую мину.

Сцепив зубы, Къярт промолчал.

Малоприятный вечер медленно, но неизменно перетекал в ночь, которая уж точно не

несла для него ничего хорошего. Кошмары, одолевавшие его после призывов паладинов, едва не вытрясли из него всю душу. Но прошлое бойцов Братства и рядом не стояло с прошлым виторэ.

На словах Риэ-рэ понимала мотивы исполинов и, возможно, сейчас не держала на них зла. Но когда ее народ сражался на стороне Орды, исполины были для них не более, чем беспощадными машинами убийств, которые лишали виторэ будущего так же, как и Орда. Исполинов ненавидело большинство из призванных метаморфов, а боялись — все.

Этот страх, животный, лишаящий способности трезво мыслить, пробуждающий глубинные инстинкты, просочился и в Къярта. Он пытался от него избавиться, но тот, как едкие чернила, ввелся в плоть, проник в самую суть и сросся воедино с душой. Когда во сне появился один из исполинов — тот самый охотник на виторэ — казалось, от испуга остановится сердце. Къярт не задумываясь попытался вытянуть из исполина эссенцию жизни, но каменная ладонь сомкнулась вокруг него слишком быстро, когти, венчающие пальцы, впились в тело и проткнули его насквозь.

Проснувшись от собственного крика, какое-то время Къярт еще чувствовал на себе хищный взгляд двух антрацитово черных глаз. Они следили за ним, за каждым его движением, притаившись в таком же черном, таящем опасность мраке комнаты.

Чертов исполин. На лицах других не было глаз: имелись подобия, придающие более человеческий вид — каменные наросты, либо же глубокие впадины, но не глаза, как таковые. Зачем этому чертовому исполину, больше похожему на рожденного в бездне зверя, были нужны глаза?

После случившейся накануне перебранки, Къярт думал, что в этот раз, проснувшись, рядом никого не окажется, разве что Кара, с которой он еще не успел повздорить.

Но Райз, как и всегда, сидел в кресле.

— Сегодня ты что-то рано, — он сочувствующе улыбнулся. — Кара только ушла заваривать чай.

— Опять сидел все это время и отгонял энергию духа? — почувствовав себя виноватым, Къярт отвел взгляд.

— Разумеется. Но не слишком помогает, да? Прости, я правда пытался что-то придумать, но, похоже, в этом деле мои умения бесполезны.

Къярт посмотрел на напарника исподлобья, ожидая, что тот снова вспомнит про Аелитт.

Райз улыбнулся и больше ничего не сказал.

— Знаешь, порой я совершенно перестаю тебя понимать, — произнес Къярт.

— Знаю. Я уже говорил: ты не делаешь выводов. Давай, вставай, приведи себя в порядок, пока Кара не вернулась. А то без слез не взглянешь.

Захотелось наругать в ответ, но Къярт промолчал.

— Уже не злишься из-за Риэ-рэ?

— Нет, уже не злюсь. Смирился с тем, что расслабиться не получится и придется присматривать за тобой до конца, чтобы какая-нибудь гадина опять не использовала тебя в своих гнусных целях.

— Какая-нибудь гадина кроме тебя?

Округлив глаза, Райз схватился за сердце.

— Без ножа меня режешь!

— Уже всю веселитесь, да?

На пороге, с чайником и чашками на подносе, стояла Кара.

— Вот же выродок, — Коршин коснулся пальцами лба и скривился.

С того вечера, как их занесло в ту злополучную гостиницу в Эшене, прошло два дня, а голова гудела, как в первый: сломанный нос, разбитая губа, а лоб — словно бы им гвозди заколачивали. Такое за пару дней не пройдет. А значит, к Есхарии придется явиться в таком виде. Гадство.

— Сам виноват, что полез к нему, — с кислой миной произнес Леольта. — Если решил марать руки о знать, не удивляйся, что в итоге оказался всей физиономией в грязи.

— Марать руки о знать, — прыснул Шивлен. — А сам-то не из знати? Вы же все одного поля ягоды.

— Я — паладин, — Леольта смерил того полным ледяной надменности взглядом. — Остальное неважно.

Шивлен снова хохотнул и открыл ножом консерву.

И откуда только вылез этот Енкарта? С чего Раяду вообще поставили стеречь его? У Братства сейчас были заботы куда важнее, чем носиться с выскочками из благородных семей.

Коршин и сам не на улице был подобран, пусть его род и не был настолько влиятелен, как Далоран. Хотя от последних сейчас одна только память и осталась. Но, как и сказал Леольта, смотрящий свысока даже на своих напарников, сейчас они были воинами Братства. Все остальное отходило на второй план.

Снаружи грота что-то хрустнуло, и Коршин с Шивленом одновременно схватились за ружья.

— Спокойно, — Леольта не повел и бровью. — Это просто лошади. Я скажу, если рядом будут мертвые.

Коршин с Шивленом переглянулись и убрали руки со стволов. Им давно следовало привыкнуть к тому, что Леольта может почувствовать некромантов или их прислужников на расстоянии. Но после историй о том, что мерзавцы на юге умудряются обвести вокруг пальца даже талантливых сенсоров, нервы начинали сдавать. Леольта, конечно, одаренный, но с той же Далоран ему не сравниться.

Коршин хорошо помнил феноменальную способность девушки почувствовать присутствие некроманта за несколько сотен метров. Ее навыки не раз выручали весь отряд — много лет назад, когда Далоран еще не записалась в паладины-одиночки.

И нужно же было ей тогда так озвереть! Могла бы просто смутиться или подмигнуть в ответ, как любая другая нормальная баба, и сейчас была бы здесь, на полпути к казни так презираемых ею некромантов, а не отсиживалась бы по кабакам в компании проходимцев.

Коршин сплюнул на землю.

Они спали по очереди. По мере продвижения через Эшенские хребты и приближения к линии фронта риск наткнуться на нечисть возрастал. Каждый вечер Шивлен расставлял вокруг стоянки сигнальные растяжки, но Коршину все равно не удавалось забыться крепким сном. Возможно, всему виной была ноющая голова и невозможность нормально дышать через нос.

Его не радовала необходимость ехать на юг. Мало того, что это не походило на охоту за сидящими по своим норам некромантами, так еще и Агруа и Хепрас все никак не могли

уняться. Даже то, что на их территории собиралось войско мертвых, не было для них поводом угомониться. Придурки. Не ровен час и паладины попадут под встречный огонь. Конечно, ни одна из воюющих сторон в здравом уме не нападет на воинов Братства, однако, случайностей никто не отменял.

Коршина не прельщала перспектива сложить знамя одного из тройки героев, что стоят на страже городов, и превратиться в крошечный винтик огромного механизма. Но когда они добрались до вставшего лагерем полка Братства, он невольно выдохнул. Во всяком случае, теперь можно было не опасаться внезапного нападения некромантов. Не сказать, что Коршин боялся их — в броне он был неуязвим так же, как и любой другой паладин. Но выродок Енкарта напомнил ему, что паладин далеко не всегда носит броню. А без нее кровь вытекала из него так же, как из любого другого человека.

— Что с твоим лицом? — был первый вопрос Есхарии, которым он встретил вошедшую в его палатку троицу.

Не поприветствовал, не стал дожидаться рапорта, а бросил вопрос, как насмешку, с присущей ему надменностью во взгляде. Еще один ублюдок.

— Лошадь на склоне оступилась. Не удержался в седле, — сухо ответил Коршин, вставая неподалеку от масляной лампы, так, чтобы тени скрыли его черты.

— Лошадь, я надеюсь, цела, — губы Есхарии подернула улыбка, и Коршину нестерпимо захотелось выбить тому все зубы.

Мезаррион Ондариес Есхария — восходящая звезда Братства в Афракском Союзе и номер один в личном списке Коршина зазнавшихся выроdkов. Он встретил его в детстве, когда они оба, еще десятилетние пацаны, прошли обряд посвящения. И даже тогда, ребенком, Мезаррион был таким же мерзким, как и сейчас, будучи здоровым тридцатилетним мужчиной. Но посмел бы кто сказать ему это в глаза? Его считали невероятно достойным, рассудительным и в меру остроумным привлекательным блондином и прочее, и прочее льстивое дерьмо, что лили все вокруг, в том числе и Леольта. Еще бы! Его род был не более, чем пылью у ног Есхарий. Но это не мешало Леольте все время околачиваться рядом с ним. Он, вероятно, в тайне надеялся, что когда Мезаррион, личный порученец главнокомандующего, займет его место, Леольте пожалуют почетное место правой руки. Этот самовлюбленный дурак надеялся, слепо и полоумно, что нисколько не задумывался о том, зачем Мезарриону окружать себя кем-то, вроде него.

У Коршина имелось совершенно твердое убеждение, зачем он, Леольта и тем более Шивлен находились здесь. Чтобы тешить свое самолюбие, Мезарриону было мало того, чем он уже владел. Ему хотелось иметь под боком тех, кто никогда и ни при каких обстоятельствах не достигнет его высот — он сам бы этого не позволил. Мезаррион хотел держать при себе тех, на чьем фоне его мундир блистал бы еще ослепительнее.

Так, из года в год, ему доставались все почести, а троице — вся грязная работа. Коршин уже сбился со счета, сколько раз ему приходилось прикрывать зад Есхарии, когда тот забавлялся с очередной потерявшей от него голову дамочкой. Правда, складывалось такое ощущение, что этого больше никто в упор не видел. Как вообще можно было не заметить баб — замужних и совсем еще девок, которым и думать о таком рано — падающих штабелями при одном только появлении Мезарриона?

Даже тогда, когда у того только начал расти пух на бороде, ему не давали прохода первые красавицы Афракса. Тот и не возражал. Когда же речь заходила о какой-либо женщине в среди паладинов — явлении не таком уж и частом — Мезаррион считал личным

оскорблением, если та не оказывалась в его койке на второй же день встречи. Он и дальше первого не стал бы тянуть, но по приезду в то или другое отделение, ему сперва нужно было выслужиться перед начальством. А вот второй день уже годился для того, чтобы свалить все дела на прислужников, которых он упрямо величал боевыми товарищами.

Жеманные дамы столицы, Коуфлада и Аклена, обвешанные драгоценностями жительницы Эшена — перед Мезаррионом раздвигались любые ноги. А затем его с «боевыми товарищами» отправили на несколько месяцев в подчинение главе руферонского отделения.

Коршин назвал бы встречу Есхари и Далоран встречей века. Две половинки единого целого наконец-то встретились и должны были слиться в экстазе, но что-то пошло не так. Вероятно, никто и никогда не наносил столь сокрушительный удар по самолюбию Мезарриона, как Кара, одарившая его той же холодной вежливостью, что и всех вокруг. А Коршин по своему опыту мог сказать: Далоран знала толк в сокрушительных ударах.

Сперва он подумал, что Мезаррион был глубоко шокирован тем, что его персоне не уделили должного внимания, и потому не спешил предпринимать каких-либо действий. Но когда тот не перешел к наступательным действиям в направлении Далоран и после нескольких совместных заданий, а все продолжал наматывать круги, Коршин понял, что это его время. У него не было ни малейшего шанса обойти Мезарриона ни по крови, ни по силе брони, ни уж тем более по службе. А вот заполучить бабу, которая оказалась тому не по зубам, он вполне мог.

У Далоран на этот счет было свое мнение.

Коршин поерзал когда-то сломанной рукой. Стоило на небе собраться тучам, и кости начинало ломить, как у дряхлого деда.

— Я уже распорядился, чтобы для вас оставили палатку, — сообщил Мезаррион. — Она сразу слева от моей.

— Вам нужна какая-то помощь? — учтиво поинтересовался Леольта.

Коршин едва сдержался, чтобы не фыркнуть: лебезящий Леольта выглядел отвратительно.

— Нет, Леольта, пока отдыхайте. До дальнейших распоряжений.

Дальнейшие распоряжения поступили на следующий день — для всех, кроме Коршина. Мезаррион схватил Леольту с Шивленом и унесся еще на рассвете в сторону границы с Агруа, оставив Коршина наслаждаться всеми прелестями походной жизни.

Он не припоминал, чтобы когда-либо на его веку Братство собирало столько бойцов в одном месте. Бывали налеты на ковены, в которых участвовало до сотни паладинов, но чтобы формировать целый полк, при том не один, а целых шесть — четыре в западной части Эшенских гор и два на востоке... Если это не банальная демонстрация силы, им следовало ждать серьезных неприятностей.

Судя по обстановке в лагере, все шло именно ко второму. По всей границе долины, в которой встал полк, кроме растяжек стояли постовые, а по территории лагеря то и дело пересекали патрули. За каждым сектором палаток уже был закреплен номер, указывающий на очередность вступления в бой: чтобы в случае нападения не оказалось, что все воины в один момент призвали броню, а через полчаса в лагере не осталось никого, кто мог сражаться.

Леольта с Шивленом вернулись почти к полуночи — усталые, но довольные.

— Поймали двоих, — сообщил Шивлен, стягивая сапоги и с блаженством растягиваясь на раскладушке. — Хватило одной моей брони, так что ближайšie два дня я пас.

— Есхария соизволит взять меня с собой? — кисло поинтересовался Коршин.

— Не думаю, — высказался Леольта.

— Ну разумеется, — Коршин фыркнул и отвернулся к засаленному пологу.

Ловя момент, Шивлен завел свою любимую песню про заботливого Есхарию:

— Он беспокоится о тебе. Не хочет, чтобы ты в таком виде лез на передовую.

— Это всего-то дурацкая...! — вскипел Коршин и осекся, не желая произносить слово «драка».

— Оступившаяся лошадь, — Шивлен миролюбиво улыбнулся. — Мы ему ничего не говорили, не беспокойся.

— Будто ему есть дело.

Как и предположил Леольта, Мезаррион не взял Коршина с собой в свой следующий выезд из лагеря. И после этого, и даже в третий раз. Неделя за неделей, пока полк стоял на месте, Есхария выезжал с небольшим сборным отрядом на задания по разведке или же ликвидации некромантов, рискнувших покинуть территорию Агруа и перейти границу с Афракским Союзом. Шивлен с Леольтой уже несколько раз успели воплотить броню, а Коршин все так же продолжал сидеть на одном месте, точно забытый хозяином под лавкой дырявый башмак.

Ему уже начало казаться, что этот акт выказывания презрения и унижения будет длиться вечно, когда в один из особо гадких дней по лагерю прокатился приказ о немедленных сборах и выдвигении на восток.

Один из некромантов, в поимке которого участвовал Мезаррион, во время допроса сообщил о некоем ритуале, что планировался через две с лишним недели в разоренном Троане. Есхария не делился деталями, но готовилось что-то крупное. За пять дней до назначенной даты Троан должен был занять не только их полк, но и два из западной части и один с востока.

Не повезло, конечно, лошадям. Чтобы успеть в срок, придется гнать во весь опор по землям Агруа и Хепраса — в обход Эшсенских гор.

Среди неисчислимых минусов бытия в роли прислуги Мезарриона присутствовал и один несравнимый плюс: во время перехода не придется месить грязь в самом хвосте. Где это видано, чтобы Есхария ехал не в первых рядах?

Под непрекращающееся изо дня в день чавканье копыт по грязи Коршин передумал все мысли на свете и даже несколько раз пожалел, что стал паладином. Но выбирал этот путь не он, а отец, решивший, что старший сын и сам отлично справится с лесопилкой, а младшему самая дорога в Братство — за славой и почетом в обмен на не слишком пыльную работенку. Много ли ума надо, чтобы призвать броню и трощить в ней черепа?

Думать об отце оказалось не самым приятным занятием, и Коршин раз за разом возвращался мыслями в Эшсен. Неужели управление в самом деле решило оставить легендарного Палача не у дел, превратив в телохранителя для двух проходимцев? Правда, за то время, что Коршин проторчал в долине, Раяда уже сто раз могла закончить свое задание и присоединиться к одному из полков. Может быть, даже к тому, в котором находился Коршин.

Он посмотрел в спину скачущему впереди Мезарриону.

Нет, если бы Раяда была здесь, то уже давно ехала бы рядом с ним. Он бы не позволил ей трястись вместе с рядовыми служаками.

Никто не смел остановить паладинов на их пути к Троану. Группы разведки не

встречали никого, кроме редких патрулей Агруа и Хепраса, которые, даже при наличии у них возражений касательно прохода сил Братства Афракского Союза по их территории, могли только развести руками и провести конницу взглядом.

Они успевали раньше назначенного срока, что уже можно было считать чудом, учитывая, что отрядам снабжения приходилось несладко. Но войско не замедляло ход, и на одиннадцатый день пути на горизонте выросли каменные стены Троана.

Полки встали под невысоким взгорьем в нескольких километрах от города: лошадям нужно было остыть, а десятку отрядов — разведать местность.

— Мы здесь, как прыщ на заднице — у всех на виду, — кисло заметил Коршин, ослабляя подпругу своего мерина.

— И часто ты другим свою задницу демонстрируешь? — хмыкнул Шивлен. — Ничего, пусть видят, гады, и боятся.

Коршин не разделял его воодушевления. От грядущего столкновения Шивлен ждал очередной возможности проявить себя и «искоренить зло», как он сам любил говорить. Из их отряда его род был самым заурядным: небольшая швейная мастерская и открытый пару лет назад обувной цех — вот и все, чем могла похвастаться семья Ленрод. Коршин не переставал дивиться диву, как Шивлен, у которого даже не было второго имени, умудрился попасть в Братство. И с тех самых пор его восторг по поводу и без был поистине неиссякаем, и рвение к новым свершениям только подтверждало, что тот из шкуры вон лез, чтобы заслужить свое место под солнцем.

Вот и сейчас Шивлен едва сдерживал возбуждение. Придурок. Если все окажется просто, в такой толпе о нем никто и не вспомнит. Если же возникнут трудности, тогда поводов для радости еще меньше.

Трудности, мать их за ногу. С этим словом Коршин встречался куда чаще, чем хотелось бы. И он опознал их, точно старых знакомых, по одному только топоту копыт возвращающегося отряда разведчиков: две лошади вместо трех, отправленных с каждым отрядом в город.

Коршин увидел пронесшихся невдалеке всадников, отметил взглядом третьего человека — не носящий мундир, он был перекинут через седло, словно мешок с картошкой.

— Оставайтесь здесь, — приказал Мезаррион и направил коня следом за разведчиками, ускатавшими в сторону держащихся вместе генералов.

— Что там такое? — встрепенулся Шивлен.

Он был занят чисткой копыт лошади, захромавшей на подъезде к Троану, и проглядел возвращение разведки.

— Привезли некроманта, — скривив губы, произнес Леольта.

Он был далеко не единственным, кто ощутил присутствие скверны. Праздные разговоры стихли, взгляды устремились туда, куда увезли пойманного некроманта. Вскоре воздух вздрогнул от его крика, и единственным, что осталось в гробовом молчании, было редкое фыркание лошадей.

Похоже, командование решило устроить допрос на месте. Интересное наверное зрелище для тех, кому повезло оказаться поблизости.

Крик повторился снова и снова — тише, чем в первый раз. Скорее всего ублюдку заткнули рот, чтобы он слишком не шумел. Но тишина длилась недолго. Не прошло и четверти часа, как над паладинами зазвучали короткие приказы, цепной молнией охватившие все три полка.

— Не спим, парни, не спим! — верхом на гарцующем жеребце Мезаррион появился рядом. — Мы заходим в Троан. Коршин, Леольта, оставьте лошадей здесь, поедem по двое в седле.

— Мой захромал, — виновато сообщил Шивлен.

— Тогда едешь с Леольтой, — Мезаррион подъехал к Коршину и протянул руку. — Давай, Кор, живее.

Забросив поводья своего коня на переднюю луку, Коршин без особого воодушевления ухватился за руку Мезарриона.

— В чем дело? — спросил Коршин, когда первый полк, словно гигантская волна, выплеснулся на взгорье и понесся в сторону Троана.

— Ритуал должен вот-вот начаться.

— Разве до него не осталась еще неделя?

— Так бывает, когда веришь словам некромантов.

Коршин не стал озвучивать мысль, что сейчас они тоже верили слову некроманту.

За то время, что полк Братства стоял в долине, паладины не раз захватывали некромантов. Под пытками те давали наводки на их сообщников. Эти наводки всегда были верны — вплоть до сегодняшнего дня.

Конница разделилась на две части, оминая возвращающегося из Троана третьего разведчика. Следом за ним тащилось около полусотни оборванцев с испуганными взглядами.

— Одни из тех, кого собирались принести в жертву, — пояснил Мезаррион, хотя Коршин не сказал ни слова. — Некромант вел их к главной площади, где все и должно случиться, когда разведчики схватили его.

— И кроме него больше никого не было?

— Они поймали его на окраине. Дальше отряд не пошел.

— На окраине? — Коршин обернулся еще раз посмотреть на освобожденных людей, но те уже исчезли за конницей, несущейся плотным строем. — Троан — не маленький город. Он решил явиться в последний момент?

— Да, согласен, это все слишком странно. Но по его словам сейчас на площади около тысячи гражданских. Мы не можем позволить убить их и не только из-за ценности их жизни. Можно только предполагать, какие последствия повлечет за собой жертвоприношение таких масштабов.

— Или же это ловушка, — буркнул Коршин, надеясь, что встречный ветер унесет слова прочь от сидящего впереди Мезарриона. Но тот услышал.

— Или же это ловушка, — тихо согласился он и добавил громче, чтобы могли слышать и Леольта с Шивленом. — Не теряйте бдительности. Наша первоочередная задача — ликвидация противника. Выводом гражданских, если таковые будут, займутся другие группы. Следуйте за мной. Действуем по оборонительной схеме. Шивлен и Коршин — первый призыв за вами.

Коршин нахмурился. Он не припоминал, когда в последний раз Мезаррион так осторожничал и готовился к длительной схватке, тем более если целью стояла простая ликвидация.

Он бросил мимолетный взгляд в сторону Шивлена: придурок сиял, как отполированный задницами табурет. Его броня меньше остальных предназначалась для защиты, следовательно, ликвидация по большей части будет на нем, тогда как защита Леольты и Мезарриона ляжет на Коршина. Если повезет, все закончится еще до того, как кому-то из

них придется призвать броню, и все лавры достанутся Шивлену. Как, впрочем, мать его, всегда.

Паладины разделились. В самом начале от полков отстало около сотни человек, чьей задачей было следить за оставшимися возле города лошадьми. На подъезде к Троану — еще минус тысяча: генералы решили играть по-крупному и не позволить уйти ни одной некромантской роже.

Паладины хлынули в город сразу с нескольких улиц. В просветах между замелькавшими по обе стороны каменными домами Коршин замечал, как от несущейся грохочущим потоком конницы то и дело отделяются по несколько человек, почувствовав присутствие мертвых.

Мезаррион продолжал гнать коня вперед. Разумеется, он не станет размениваться на всякую шушеру и предпочтет ударить в самое сердце — он никогда не был приверженцем игры в обороне.

Улица несколько раз вильнула, встретила с другой и влилась в гигантскую центральную площадь, заполненную людьми. Тысяча человек, говорили? Даже Коршин со своими почти отсутствующими сенсорными способностями, мог сказать, что в начавшей разбегаться во все стороны толпе, не было ни одного человека. И речь шла именно об отсутствии людей, а не об отсутствии живых людей.

— Шивлен, вперед! — скомандовал Мезаррион, одним из первых ворвавшийся на площадь.

Повторное приглашение Шивлену не требовалось. Держась за спину Леольты, он забрался на круп лошади и спрыгнул на свободное пространство в стороне. Воздух вокруг него вскрылся белизной, обрел плотность; застонала вымощенная камнем площадь, когда на нее один за другим приземлились призвавшие броню паладины.

Каждый раз глядя на броню Шивлена, Коршин вспоминал о толстой, неповоротливой черепахе, в панцырь которой забили несколько сотен шипов.

Шивлен оттолкнулся, проломив ногами камень, и, пролетев полтора десятка метров, сгруппировался, пряча шипы под сдвигающимися пластинами. Приземлился на площадь уже не человекоподобный гигант, но некое подобие шара, тут же покотившимся следом за разбегающимися мертвецами.

Мезаррион послал коня следом.

Сосредоточив все внимание на пространстве вокруг, Коршин ждал приказа. Ему спешить было нельзя.

— Сейчас! — крик Мезарриона прозвучал неожиданно даже для него самого.

Коршин не успел увидеть напавшего на них, когда Есхария сбросил его с лошади. На мгновение мир затопил свет, а затем зрение вернулось, только вещи теперь выглядели мельче и бледнее.

Жеребец Мезарриона заложил уши, когда Коршин побежал следом за ним: глупое животное все никак не могло привыкнуть к виду брони.

Что заставило Мезарриона столкнуть его?

Не отставая от него, Коршин постоянно оглядывался, но не видел никого и ничего, что могло бы быть некромантом или мертвецом — только те, человекоподобные, разбегающиеся по домам. Неужели Шивлен так и не смог никого догнать?

Коршин окинул взглядом ставшую тесной площадь. Давненько же он не видел столько паладинов в броне в одном месте. Но почему никто из них не сражался?

— Кор, сверху! — крикнул Мезаррион.

Коршин задрал голову и увидел птиц. Нет, не птиц, просто что-то мелкое с крыльями. Около сотни тварей кружило над площадью, время от времени срываясь вниз к еще не призвавшим броню паладинам. Значит, мертвецы — они?

Коршин размахнулся и ударил хлыстом по гадине, вздумавшей спикировать на голову Леольты. Прямо в яблочко. Тварь разорвало на части, мясные брызги разлетелись по камням, коню и всаднику.

И чего некроманты пытались этим добиться? Кроме летающих туш ничего не припасли?

Увы, они припасли. До Коршина донесся то ли вой, то ли вопль, порожденный здоровой, луженой глоткой. Первый раз, второй. Но источник находился не на площади, а значит — не его дело.

— Что за дрянь?! — внезапно завопил Леольта и хлопнул рукой по забрызганному кровью плечу.

Использовал изгнание? Как в этом месиве могло остаться что-то, на чем держалась бы печать?

Изгнание не помогло: срывая пуговицы с петель, Леольта стягивал мундир.

Когда очередная тварь попыталась достать Мезарриона, Коршин снова щелкнул хлыстом, но в этот раз та проявила большую осторожность и, уклонившись, взмыла в небо.

У остальных паладинов дело обстояло еще хуже. Большинство из них, понадеявшись на быстрый бой, уже призвали броню и теперь только мешали друг другу. Неужели настал тот день, когда броня Коршина, способная похвастаться только двумя растущими из предплечий хлыстами, оказалась в выигрыше?

— Шивлен, назад! — приказал Мезаррион, когда тот собирался покинуть площадь в погоне за мертвецами.

Едва Шивлен бросился назад к отряду, как на него налетела тварь, отдаленно напоминающая кwurfа-переростка. Шивлен попытался схватить ее, но та сразу отступила.

— Сюда! — крикнул Мезаррион.

Тот, подчиняясь, повернулся к твари спиной, и она снова напала.

Число мертвецов увеличивалось. Кто-то похожий на зверя, кто-то — на нечто среднее между зверем и человеком — все они отличались небольшим телом и проворностью — самое то, чтоб охотиться за теми, кто не призвал броню, и не попадаться паладинам во всеоружии.

— Они тянут время! — сквозь зубы процедил Мезаррион, придерживая нервно гарцующего коня. — Вынуждают призывать броню и отступают.

Словно в подтверждение его слов, одна из кружащих над Леольтой гадин плюнула в его сторону сгустком бледно-желтой жижи. Коршин успел разбить его хлыстом, но пара брызг угодили в лошадь. Та истошно заржала и, совершенно не слушая всадника, понесла. Несколько крылатых бросились следом.

— Кор, за ним! Забери его!

Догнать лошадь было не так сложно, как вытащить из ее седла Леольту. Благо, тот сообразил, что к чему, когда хлыст обвил его поясницу, и бросил стремяна. От следующего плевка твари Коршин закрыл его собой. И с каких пор в распоряжении некромантов появились плюющиеся кислотой летающие гадины?

— Отходим! Отходим! — выкрикивал Мезаррион. — Шивлен, прикрывай!

Прикрытие из Шивлена получалось на любителя. Ворваться в ряды противника и разметать — это было по его части. Но сделать что-то аккуратно... лучше было и вовсе не

просить.

На его спину прыгнула очередная тварь, проворная и мелкая достаточно, чтобы прошмыгнуть между шипов.

В воздухе громыхнуло, когда Коршин ударил свободным хлыстом по твари, но та, скача по шипам, как белка по веткам, улизнула. А ведь так хотелось расплющить ее по броне Шивлена!

— Шивлен, стой! — крикнул Мезаррион и ударил коня пятками, разрывая расстояние между ним и подчиненным.

Круша камень площади, Шивлен замер, и тварь спрыгнула с его груди, намереваясь достать Мезарриона. Ее когти цапнули воздух в нескольких сантиметрах от лошадиного хвоста и, схлопотав копытом в голову, она отлетела в сторону. Но главная цель мертвецов была достигнута: Мезаррион лишился своего прикрытия.

— Снизу! — истошно закричал Леольта, когда Коршин собирался в прыжке закрыть собой Мезарриона от летящей в него кислоты.

Воздух под Коршином наполнился дымом от брошенной гранаты, и его ноги вмиг потеряли подвижность. Мать его побери!

Единственное, что он, теряя равновесие, успел сделать — отбросить Леольту в сторону, оставив тому заботы о мягком приземлении.

Коршин рухнул на землю, чувствуя, как немеет поясница и хлысты. Вот же дерьмо!

Воздух сверкнул сразу в двух местах. Призвать броню пришлось не только Леольте, но и Мезарриону, чтобы защититься от кислоты. Как результат, плюс два паладина в полном вооружении и минус одна лошадь, не успевшая убежать до того, как ее круп вскрыли четыре тонких серпа-пальца брони Есхарии.

Дело дрянь.

Коршин никогда прежде не попадал под окаменитель: не смертельно, но, учитывая приказ немедленно отходить, совсем некстати.

Мезаррион указал на него когтями и махнул рукой. Задрожала земля под ногами кинувшегося к нему Шивлена. Схватив Коршина за один из хлыстов, он перевернул его на спину и поволок к Мезарриону. А ведь на какую-то долю мгновения ему показалось, что его так и бросят здесь.

Высекая спиной искры из камня, Коршин смотрел на кружащих в небе тварей. Все из-за них. Сраные ублюдки. С каким бы удовольствием он сидел бы сейчас где-нибудь в теплом баре, а не торчал внутри неподвижного куска камня, от которого через десять минут не останется и следа. И когда это случится, одна из этих сволочей спустится и выцарапает ему глаза.

Коршин не понял, что произошло, когда портящие весь вид твари словно окаменели и попадали на землю. Шея его брони сохранила подвижность, позволяя повернуть голову: бездыханными рухнули не только преследовавшие их отряд мертвецы, но и все остальные в пределах видимости.

...Их изгнали всех одновременно? Другие отряды прекратили бездельничать, нашли некромантов и вырезали подонков? Что вообще произошло? Они победили?

По дороге в крипту Райз высказался категорически против того, чтобы ставить скрывающие печати на виторэ — у них попросту не было на это времени. Единственным исключением стала Риэ-рэ: Райз хотел взять ее с собой, когда они отправятся к следующему захоронению.

По возвращению в крипту Кара отдала Риэ-рэ собранную специально для нее одежду, и Райз получил назад свою куртку. Не трата времени на пустую болтовню, Къярт приступил к призывам.

Увы, продержаться целый день без передышек, от начала и до конца, в случае с виторэ не представлялось возможным. Их жизни были слишком долгими, слишком наполненными чужими смертями, а завершающая их собственная смерть — точно контрольный выстрел в голову.

— Помнится мне, вчера разговор заходил о том, что у тебя полностью живое тело, — произнес Райз.

Он сидел по правую руку от привалившегося к камню Къярта, Кара — по левую, а Риэ-рэ — напротив.

— Да. Умея выращивать целые органы, логично, что мы можем заставить их работать. Но это сложный навык. В свое время на серьезном уровне им владело лишь малое число виторэ, — Риэ-рэ посмотрела в сторону сбившихся в стаю собратьев. — Но только им и удалось дойти до этого мира.

— Странно, — Райз потер подбородок. — Почему тогда тело Шии-то не смогло вернуться к жизни?

— У вас есть другие призванные из моего рода?

— Да. Одно из этой крипты — в форме мелкого зверька, а Шии-то — из другой.

— Скорее всего его душа каким-то образом повредилась, — Риэ-рэ едва нахмурила брови.

— Перехват контроля, — вяло подал голос Къярт. Ему совершенно не хотелось не то что шевелиться — говорить.

— Да, разрушение старой печати могло так повлиять, — Риэ-рэ кивнула. — Наши души довольно хрупки, в некотором роде. А то, что позволяет нам трансформировать энергию в плоть, — наиболее уязвимое место.

— Души виторэ отличаются от других? — поинтересовалась Кара.

— Все души отличаются друг от друга. Ваш некромант об этом не рассказывал?

Кара вопросительно посмотрела на Къярта, тогда как Райз не отводил взгляда от Риэ-рэ. Та больше так ничего и не сказала, и Къярту пришлось ответить:

— Мои познания в этой области не так велики, как ты могла подумать. Я всего-то могу призывать души мертвых.

— Риэ, может, тогда ты поделишься тем, что тебе известно? — Райз дружелюбно улыбнулся.

— Если вы желаете это знать, — произнесла Риэ-рэ и задумалась.

Къярт слушал ее вполуха. Эти знания уже хранились в его голове, пусть и погребенные под сотнями других, а в отдыхе он сейчас нуждался куда больше, чем в историях Риэ-рэ.

Механизм трансформации энергии в плоть принадлежал именно их душам, не телам,

что порождало закономерный вопрос: ограничивалась ли численность виторэ, как вида, количеством душ, которых после войны с Ордой осталось всего несколько тысяч? Как виторэ размножались, если одной только генетики было недостаточно, чтобы получить возможность трансформироваться?

— Для продолжения рода мы использовали собственные души. Как я и сказала, их легко повредить. Но, если делать все правильно, возможно, так сказать, отколоть частичку, и из нескольких таких образовать зародыш. Понадобится не один год, чтобы тот окреп и развился до уровня, при котором сможет существовать самостоятельно. До этого момента он вынашивается в родительском организме. Мы способны регулировать скорость созревания плода, и каждая душа получает столько времени, сколько требуется именно ей. В среднем это составляло от семи до пятнадцати лет — на нашей планете. На той, где мы столкнулись с Ордой, год был в два раза короче, следовательно и срок — больше.

— Создание душ звучит уж слишком..., — Райз скептически приподнял бровь и уголок рта.

— Невероятно, — закончила за него Кара.

— Душа — просто сгусток энергии, упорядоченный определенным образом. У каждой есть точка во времени и пространстве, где она родилась. Мы всего лишь собираем необходимый для запуска этого процесса ресурс и ждем. К сожалению, даже наш уровень развития технологий не позволил приблизиться к ответу на вопрос, как именно это происходит. Все, что было нам доступно — это проводить те же ритуалы, что проводили наши предки десятки тысячелетий назад.

— Что происходит с душами виторэ после смерти? Вы ведь не живете вечно.

— Вечно не живем. Хотя это вполне по силам, если владеть навыком трансформации на должном уровне. Если же нет — помогать тебе никто не станет. В нашем обществе существовало строгое регулирование смертности и рождаемости. Иначе перенаселения и нехватки ресурсов было не избежать.

Къярт устало прикрыл глаза и постарался абстрагироваться. Порядки виторэ были одним из немногих, что отлично отпечатались в голове. Когда их численность приблизилась к пяти сотням миллионов, каждая новая жизнь оплачивалась смертью. Например, смертью от старости из-за неумения полностью исцелить себя: каждому виторэ были доступны знания всего вида, но если кто-то нуждался в помощи, оказание этой помощи лежало на его собственных плечах. Медицины в контексте помощи другим не существовало, как таковой. Выживает сильнейший — в самом что ни на есть буквальном смысле.

Среди тех, кто не страдал от физических недугов, нередко встречались те, кому элементарно наскучило жить: кому-то в пятьсот или тысячу лет, а кто-то решал уйти еще до сотни.

Помимо всего прочего, у виторэ существовали поединки. Чтобы получить возможность завести потомство, нужно было дождаться чьей-то смерти и при этом не стоять в конце списка из тысяч других желающих. Те, кто считал себя достаточно сильным и не желал ждать, мог участвовать в добровольном поединке. Награда за победу — возможность завести потомство; наказание за поражение — смерть. Одна жизнь в обмен на другую, только без необходимости стоять в очереди.

— Что касается душ, — Риэ-рэ в задумчивости нахмурила брови, — мы предполагали, что после смерти оболочки они теряют способность к трансформации или и вовсе разрушаются, так как нестабильны изначально. Но, похоже, это не так, раз некромант смог

призвать нас. Возможно, рыцари Отары знали об этом больше, и именно наложенное ими проклятие каким-то образом сохранило наши души в целостности. Точный ответ мне не известен.

— А что за рыцари? — спросил Райз. — Ты уже как-то упоминала их.

— Приближенные Пастыря, того, кто стоит во главе Отары. Его личные телохранители и генералы армий. Сверхсущества, обладающие феноменальной силой и особыми навыками.

— И много их?

— У той Отары, которая поработила наш вид, их было четырнадцать.

Райз криво улыбнулся и поскреб затылок.

— Нужно продолжать, — сделав над собой усилие, Къярт поднялся на ноги и направился к ближайшему камню с останками виторэ.

На этом беседа с Риэ-рэ не закончилась. Она не только подтвердила присутствие абсолютного щита у Орды, но и пролила свет на мотивы, с какой целью та нападала на миры. Главной задачей было накопление эссенции жизни и дальнейшая ее доставка в Колыбель — мир, где зарождались Отары. Увы, Риэ-рэ не знала, в чем глубинный смысл экспансии, ради которой выжигали жизнь в десятках миров.

На призыв виторэ Къярт потратил столько же времени, сколько и на паладинов, пусть последних и было в два раза больше, чем метаморфов. Но вот в крипте остались одни только стеклянные кубы и пустые кости, и пришло время уезжать из Эшсена.

Виторэ остались скрываться в горах: под защитой собратьев, получивших энергии достаточно, чтобы вырастить себе боеспособные тела.

— Риэ, пойдем сегодня с нами, — позвал Райз, когда последний из десяти выбранных ею виторэ принял облик зверя — размером чуть меньше грива, но на вид куда более устрашающего.

— Зачем?

— Мы отправимся к следующей крипте завтра утром. Ты пойдешь с нами. Смысла тратить время на то, чтобы забрать тебя отсюда — нет.

— Я могу и сама явиться на любое указанное место. Могу встретить вас на выезде из города.

— Да ладно тебе, — Райз нетерпеливо тряхнул головой. — Нам несколько дней тащиться по холоду, а так хоть одну ночь проведешь под теплой крышей. Поспишь на нормальной кровати. Тебе вообще нужен сон?

Риэ-рэ перевела вопросительный взгляд на Къярта.

— Пойдем, — сказал он.

У него не осталось сил думать о том, что замышлял Райз. Несомненно, тот преследовал какие-то свои цели, а не беспокоился о комфорте Риэ. Скорее всего его снова одолела паранойя по поводу виторэ и их намерений, и то, что Къярт связал метаморфов целой уймой запретов, для Райза не было причиной успокоиться.

Когда они вернулись домой, Риэ была растерянна. Она не знала, что ей делать и где быть, и просто ходила за Къяртом, как привязанная, пока Райз не попросил их с Карой сесть в столовой и ждать. В какой-то момент в комнате появилась Вильма, но, обнаружив помещение занятым, ретировалась — за все время проживания под одной крышей наладить общение с охотниками так и не получилось. Но, признаться, никто особо и не старался растопить лед.

Возможно, к отсутствию прогресса в их взаимоотношениях привело обострившееся ни с

того ни с сего недоверие Райза ко всему живому и относительно живому, и то, что он не стеснялся это недоверие демонстрировать. Каждый раз, когда троица была дома и приходило время трапезы, прибегал посыльный с сумками из приглянувшегося Райзу ресторана дальше по улице. Как-то Кара поинтересовалась, всерьез ли тот допускает, что охотники попробуют их отравить. На что Райз отмахнулся и ответил: они с охотниками не настолько друзья, чтобы Вильма готовила на всю ораву, а не только на своих. Кара, возможно, в эту отговорку поверила. Къярт — нет. Но он был слишком утомлен, чтобы докапываться до истинных причин.

Порой он задумывался о том, что его перманентная усталость могла оказаться не усталостью, как таковой, а отстраненностью — той самой, к которой он когда-то стремился. А может, дело и впрямь было в банальной усталости, и не столько из-за призывов, сколько от нехватки ночного сна. Кошмары не становились легче, и каждый раз засыпая, Къярт знал, что встретится не только с теми, кого, желая защитить, сам же и погубил, но и с тем, кто будет охотиться на него самого. И как бы он ни пытался избавиться от этих мыслей, стоило ему вспомнить о исполине, истреблявшем виторэ, и его снова бросало в дрожь.

— Мне не нужна еда, — произнесла Риэ-рэ, когда Райз поставил перед ней тарелку. — Я же говорила, что у меня нет пищеварительной системы.

— И ты не можешь ее создать?

— Зачем?

— Даже не знаю, — Райз усмехнулся. — Чтобы получать удовольствие от мелочей?

Риэ-рэ посмотрела на него долгим взглядом и кивнула.

Къярт сумел сохранить самообладание, когда до него донесся тихий шорох на пару с бульканьем и прочими звуками, которые сопровождали быстрое формирование новых органов. Кара к подобному была менее готова и, сдержанно улыбнувшись, прикрыла губы ладонью.

— Изначально вашему виду не требуется пища? — с невозмутимым видом Райз уселся на свое место. — Мы с тобой так много говорили об Орде, и совсем обделили вниманием вас самих.

— Да, еда требуется. Доступ к энергии других видов не всегда есть под рукой. И это, скорее, как дополнительный талант, а не что-то, что использовали все виторэ в повседневной жизни. Большинство прибегало к трансформациям исключительно для лечения и защиты.

Риэ-рэ посмотрела на тарелку перед собой, положила в рот ломоть сочного запеченного мяса и, едва приподняв уголки губ, прикрыла глаза.

— Я же говорил, — Райз удовлетворенно хмыкнул.

— Спасибо. Прежде ты не проявлял такой доброжелательности.

— Что поделать: Къярт из меня всю душу вытряс, требуя быть с тобой помягче. Тем более, раз мы — союзники, и враг у нас общий, не вижу смысла для конфликта.

Что ж, сейчас Къярт мог с уверенностью сказать, что недоверие Райза к охотникам и рядом не стояло с недоверием к виторэ: после той единственной перепалки Къярт и словом не обмолвился об отношении к метаморфам, и если из кого и вытрясли душу, так это из него самого, а не из Райза.

И зачем тому понадобилось разыгрывать этот спектакль? Стало скучно от сидения на одном месте и ничегонеделания?

Кара, вероятно, задавалась тем же вопросом, а, может, и каким-то другим. За весь ужин

она так и не произнесла ни слова и только время от времени бросала короткие взгляды в сторону беседующих.

Так как охотники заняли все гостевые спальни, Райз отдал Риэ-рэ свою. Все равно он собирался просидеть в комнате Къярта всю ночь, и в этот раз он пришел в открытую, а не прокрался, когда тот заснул.

— Завтра целый день ехать, отдохнул бы лучше, — бросил через плечо Къярт, взбивая перед сном подушку. — Мы ведь выяснили, что твоя сила не помогает.

— Она не так эффективна, как хотелось бы, но какая-то польза от нее все же есть, — ответил Райз и прищурился. — Или это ты так намекаешь, что мне лучше отправиться к себе? Вынужден отказать: Риэ не в моем вкусе.

— Так пусть примет облик, который тебе по нраву.

— Какой-то ты сегодня грубый.

— Прости. Это все чертов исполин. Тот, что охотился за виторэ. Я понимаю, что на меня влияет их прошлое, но все равно не могу избавиться от чувства, что перестаю смотреть на исполинов, как на спасителей. Уж точно не на этого отдельного.

— Къярт...

— Еще эти его глаза, — забравшись на кровать и закутавшись в одеяло, тот покачал головой. — Он так смотрел на каждого, кого убивал, что порой мне начинает казаться, что он смотрел не на виторэ, а на того, кто однажды должен был призвать их.

— Исполины могли знать о проклятии, что лежит на метаморфах. Возможно, таким образом они пытались запугать некромантов.

— Если это было их целью — у них получилось, — Къярт вжал голову в плечи.

— Не говори ерунды. Эта их идея могла сработать только на всяких впечатлительных личностях вроде тебя. Сомневаюсь, что исполины рассчитывали на то, что все некроманты будут такими, — Райз на секунду осекся, когда Къярт смерил его тяжелым взглядом. — Но даже если и так, тебе нечего бояться — исполины давно мертвы, и этот твой, с глазами, тоже.

— Я не уверен, — опустил взгляд, произнес Къярт. — Не уверен, что они действительно мертвы.

— Ну, если ты прав, в этот раз победить Орду будет проще простого. Всего-то разбудим исполинов и скажем им «ату».

— Не думаю, что они станут размышлять, какой некромант хороший, а какой плохой.

— Ого, тебя уже беспокоит не только защита этого мира, но и собственное выживание? — губы Райза расплылись в улыбке от уха до уха.

— От моего выживания зависит жизнь Кары и твоя собственная, если ты вдруг забыл.

— Забудешь тут, — Райз хохотнул и поерзал, устраиваясь в кресле поудобнее. — Прекращай ворчать и спи.

Къярт устало опустил голову на подушку и натянул одеяло до подбородка — не потому что было холодно, а потому что хотел хоть как-то спрятаться от того, что его ждало. Какая же глупость.

— Мы со всем разберемся, — тихо пообещал Райз. — Не изводи себя понапрасну.

Къярт покидал дом на обрыве в смешанных чувствах. С одной стороны это значило, что в течение десяти дней, за которые Райз рассчитывал добраться до крипты за Коуфладом, не будет ни призывов, ни чужого прошлого, и, возможно, его кошмары проявят к нему хотя бы каплю милосердия. Но с другой, он не мог не признать, что прошедший месяц не был

худшим в его жизни — скорее наоборот, как бы абсурдно это ни звучало.

Гривы ждали их на западной стороне подножья эшшенского пика. Увидев, что Ши-то начала трансформацию, Риэ-рэ и сама предложила принять облик зверя, но Райз сказал, что в этом нет острой необходимости, и она поедет верхом на гриве Керавы. Къярта посетила догадка, что тот сделал это намеренно, чтобы снова делить с Карой седло Клыка, но вслух говорить ничего не стал. Это был один из тех моментов, когда он совершенно переставал понимать, что творится в голове у напарника. Ему казалось, что за проведенное в Эшшене время Райз не будет сидеть сложа руки, но тот только ходил кругами, как голодный волк вокруг неприступного загона, и не делал ровным счетом ничего, чтобы завоевать расположение Кары.

Дорога заняла больше одной декады: неделя на то, чтобы покинуть эшшенские земли, и еще столько же — по засыпанным глубоким снегом равнинам. Две недели на холоде и пронизывающем ветру мало кому пришлось по вкусу. Они не беспокоили только Къярта с его собственным горном внутри, и Риэ-рэ, добавившей своему телу идеальный механизм терморегуляции. Впрочем, она не была совсем уж лишена каких-либо тревог.

Во время каждой остановки на ночлег охотники старались держаться подальше, тогда как Риэ-рэ неизменно следовала за Къяртом. Но ее взгляд то и дело застывал на Поде, кутающем Вильму в свою куртку поверх ее собственной, и Офрене, так и не оставившим попыток разрядить своей беззаботностью повисшее вокруг их костра напряжение.

— Виторэ тоже строят тесные социальные связи? — спросил Райз, когда Риэ-рэ в очередной раз уставилась на охотников. — Создают семьи или что-то в этом роде?

— Строили до нападения Отары. Потом уже было не до того.

— Как? Если вы можете менять гендерную принадлежность, значит, и социальные роли у вас тоже меняются?

Риэ-рэ покачала головой и заговорила:

— У виторэ социальные роли не привязаны к гендерному признаку, как у большинства других видов. Но все не так сложно, как может показаться. Мы зовем себя виторэ не просто так. «То» — ведомые. Те, кто предпочитают быть исполнителями и не нести слишком много ответственности. Им комфортно, когда рядом есть кто-то, чьим решениям можно доверять. «Ви» — как раз те, кто принимают решения. Прирожденные лидеры, постоянно стремящиеся вперед. Их рождалось куда меньше, чем «то», и зачастую наши семьи состояли из нескольких виторэ. Чем сильнее проявляется характер «ви», тем о большем количестве «то» оно может заботиться.

— И остаются «рэ», — Райз улыбнулся.

— Да. «Рэ» рождались еще реже, чем «ви». Они не являются ни ведущими, ни ведомыми. А иногда они есть и то, и другое. В первом случае «рэ» жили сами, во втором строили семьи вместе с другими «рэ» и с определенной периодичностью менялись ролями дабы избежать конфликтов. Из-за этого нас зачастую называли изгоями, — Риэ-рэ невесело усмехнулась. — Но когда дела становились совсем плохи, звали именно нас. Задачей «ви» и «то» являлось обеспечить стабильное развитие нашего вида. Задачей «рэ» — его выживание. Среди виторэ у нас самые высокие навыки адаптации. Нас намного сложнее убить. Именно поэтому две трети выживших многоликих являются именно «рэ». Но без «ви» и «то» нам не восстановить популяцию.

Риэ-рэ замолчала и посмотрела на пламя костра.

— А с ними могли бы? — заинтересовался Къярт, уже предвидя недовольство Райза.

Риэ-рэ в замешательстве посмотрела на него.

— Я не знаю. Мне не известно ничего о том, чтобы виторэ когда-либо призывали, и чтобы в таком состоянии они пробовали провести ритуал зарождения души. Не уверена, что это возможно. А если и возможно, то не без непосредственного содействия некроманта.

Къярт хотел было ответить, но Райз опередил его:

— Вернемся к этому вопросу после того, как разберемся с Ордой. Пока эти размышления бессмысленны.

Риэ-рэ понимающе кивнула.

На одиннадцатый день пути на горизонте появились заснеженные крыши Коуфлада. Без остановки на ночлег они пополнили запасы провизии и выехали в сторону крипты.

Второе захоронение виторэ находилось в лесах на запад от города. Осмельд сказал, что оно рядом с озером, но никто предполагал, что «рядом» означает под ним.

— Ты же не настолько идиот, чтобы заставить нас потратить две недели на поход к крипте, в которую нельзя попасть, — недобро улыбаясь произнес Райз, когда Осмельд указал на середину скованного льдом озера.

— Не настолько, — хмуро ответил парень и направился вдоль берега к россыпи валунов.

Он дважды обошел каждый из них и в итоге присел перед расколотым надвое камнем, черным от покрывшего его сухого мха.

— В чем дело? — Райз остановился рядом.

— Крипта, — Осмельд обернулся и посмотрел на белый плес озера, виднеющийся за частоколом из обледеневшего рогоза. — Кажется, она уже распечатана.

Он снова посмотрел на камень и указал на тонкую темную полосу на внутренней стороне трещины — след от старой засохшей крови.

— Я спущу воду, и узнаем наверняка.

Осмельд достал нож, порезал палец и приложил его к камню.

Что-то дрогнуло под землей, а затем затрещал лед.

Подойдя к краю берега, Клык переминался с лапы на лапу и фыркал, глядя как лед покрывается сетью трещин, крошится и постепенно проседает.

— Под озером две пещеры: одна — для отвода воды, вторая — сама крипта, — пояснил Осмельд. — Вероятно, лед засыпет вход во вторую, но гривы ведь смогут его разрыть?

Вода ушла за час. Озеро оказалось неглубоким, а из-за засыпавших его дно обломков льда выглядело и того меньше. Недолго думая и не дожидаясь, пока его заставят что-либо делать, Клык сиганул вниз и принялся выкапывать рыбин, которых не унесло потоком воды в пещеру. Ее черный зев, с кусками застрявшего льда, виднелся на самой середине озера.

— Основной вход должен находиться в пяти шагах строго на север от отвода воды, — стараясь не поскользнуться, Осмельд осторожно спускался в ложе озера. — Нужно убрать лед и грязь, чтобы я мог снять следующую печать.

— Клык, иди сюда, для тебя есть занятие. Клык!

В ответ грив рыкнул и демонстративно повернулся задом, продолжая доставать рыбу.

— Оставь его, еще лапы о лед порежет, — вступился Къярт. — Коготь все сделает.

— А карасей таскать лапы не порежет, значит, — хмыкнул Райз, проведя взглядом пронесшегося мимо Когтя. — Вот же капризный зверь. Может, и правда есть смысл прибить его и призвать?

— Ты сегодня не в духе?

— Все нормально, — он отмахнулся и ускорил шаг.

Къярт пошел следом.

За время пути к крипте они не часто разговаривали, а в те короткие беседы, что случались, Къярта не покидало ощущение, что с Райзом что-то не так. Он не озвучивал свое беспокойство вслух — чтобы не давать лишний повод для подначиваний, — но про себя отмечал каждый раз, порождая в нем чувство несоответствия.

Когда Коготь разрыл ил и лед, Осмельд очистил камень от грязи и, сцарапав запекшуюся кровь с пальца, приложил его к идеально круглой выемке.

— Отойдите, — попросил он и первым сошел с камня.

Крипту распечатали еще до них. Ее зал находился в конце короткого лестничного пролета, также заставленный плоскими камнями, как и зал крипты Эшена. Однако, в стеклянных кубах не было останков, а часть хранилищ и вовсе была разбита.

— Они все пустые? — с ужасом пробормотала Вильма, глядя на теряющиеся в темноте каменные постаменты.

Чтобы ответить на ее вопрос пришлось обойти всю крипту. Она оказалась немного меньше, чем та, что в Эшене — тысяча семьсот камней против двух тысяч четыреста — но и этого хватило бы, чтобы вырезать целые города.

— Это плохо, — констатировала Кара, когда они снова собрались у выхода из крипты.

— Да, хорошего мало, — Райз окинул зал взглядом и первым направился в сторону ведущих на поверхность ступеней. — И те, кто их призвал, наверняка сторонники Орды.

— Их не обязательно призвали. Кости могли просто забрать с собой, — предположил Осмельд. — Поднять такое количество умертвий и снабжать энергией не так-то и просто, — добавил он и покосился на Къярта.

А ведь охотники по сей день представления не имели, скольких виторэ он поднял.

— Гадать все равно бестолку. Придется ехать на север от Коуфлада.

— На север? — не понял Осмельд. — Последняя крипта на востоке Афракского Союза.

— Мы и туда доберемся. А пока что у нас есть дела на севере. Так ведь, Къярт?

Тот кивнул. На севере находилось ближайшее захоронение паладинов.

С каждым днем все больше пахло оттепелью. Обманчивое солнце обещало скорую весну, и гривы, со слипшейся на животах шерстью, как и лошади, месили ногами размокшую землю. По такой слякоти вскачь было не помчатся, и убаюканный мягким ходом Когтя, Къярт почти клевал носом, когда оклик Кары прошиб его, точно электрический разряд:

— Райз!

Коготь встал, как вкопанный, когда Къярт обернулся.

Судорожно вцепившись в куртку Кары, Райз уткнулся лбом в ее плечо и совершенно не реагировал на мир вокруг. Осознавший, что происходит что-то не то, Клык выгнул шею и толкал носом ногу хозяина.

— Чтоб его, Райз!

Къярт спрыгнул на землю и подбежал к ним.

— Я не знаю, что произошло. Все было нормально, а затем он вцепился и..., — словно бы оправдываясь затараторила Кара. — Къярт, я ничего не делала...

— Знаю.

Глаза Райза были закрыты, а на лице застыла гримаса боли. Къярт попытался разжать его пальцы, но тот держал куртку Кары мертвой хваткой.

— Райз, ты меня слышишь?

Ответа не последовало. Къарт почти решил отдать ему приказ, лишь бы только вывести из этого состояния, когда Райз шумно вдохнул, выпустил куртку Кары и пошатнулся, теряя равновесие.

— Райз! — Къарт поймал его, не дав упасть на землю.

— Порядок, я в порядке.

Райз тряхнул головой, часто заморгал, потер глаза, снова дернул головой.

— Райз, какого черта это только что было? — Къарт едва различил собственный голос сквозь стоящий в ушах гул крови.

Тот покосился на него и вымученно усмехнулся.

— Не надо так пугаться. Ничего мне не сделается, — он опять помотал головой и медленно поднялся на ноги. Встретился взглядом со встревоженной Карой. Хмыкнул. — Лошадей оставим здесь, некогда с ними возиться. Риэ, ты, кажется, хотела примерить на себя облик грива. Сейчас для этого самое время. Осмельд, твой хореk еще с тобой?

Парень кивнул.

— Хватит энергии, чтобы тот смог трансформироваться в грива?

— Я не уверен.

— Тогда у тебя на одного питомца станет больше, — Райз улыбнулся Къарту.

— Райз, что происходит?

— Мы немедленно возвращаемся в Коуфлад, а оттуда дирижаблем в Эштен. И делаем это быстро. Все виторэ — в гривы шкуры. Под, возьмите пока наши седла. Ты же не свалишься? — он снова посмотрел на Къарта.

— Не свалюсь. Ты не объяснишь...

— Не сейчас. Поговорим на борту дирижабля.

— Поговорим. Осмельд, чтобы перехватить контроль, мне нужно видеть метаморфа.

— Ты опять собираешься сделать это?! — вскинулась Вильма, осознав, к чему все идет. — Этот твой способ в прошлый раз едва не убил...

— Вильма, сейчас твои споры совершенно не к месту, так что будь добра, заткнись на время, — рыкнул на нее Райз.

Вильма опешила. Да что уж там говорить, опешила не одна она. Под сжал кулаки, но промолчал, а Къарт выразительно посмотрел на Кару, напоминая об их разговоре о том, почему он предпочитает сыпящего шутками и подначиваниями напарника.

Вернувшись к Когтю, он пошарил в седельной сумке, выудил из нее пустой кристалл для эссенции жизни, напитал энергией и бросил Осмельду.

— Этого должно хватить для трансформации и поддержания печати первое время. Скажи, когда понадобится еще.

Они дождались превращения виторэ, переседлали гривов и направились на юго-восток. Вознамерившись прибыть в город дотемна, Райз гнал Клыка во весь опор, вынудив Къарта несколько раз просить его хоть немного сбавить ход, чтобы непривычные к езде на гривах охотники не свалились в грязь. Райз к просьбам прислушивался, но в скором времени снова о них забывал.

Гривы ворвались на размокшие улицы предместья Коуфлада на закате. Ни минуты не мешкая, Райз направил Клыка в сторону воздушного причала, над которым зависла пара дирижаблей.

Отыскав взглядом административное здание, он бросил грива прямо у входа и спешно вошел внутрь. Кара с Къартом поспешили следом.

Тучный начальник пристани, которого Райз застал буквально на пороге, воспринял его просьбу доставить десять человек и пять гринов в Эшшен, как очередную прихоть избалованной знати. Он гладил густую бороду и сопел, старательно сохраняя самообладания, и не оставлял попыток объяснить, что при всем его уважении, знатные рода Афракского Союза не могут оказывать влияние на воздушное сообщение. И, сколько бы фраксов они не предлагали, он не может дать разрешение на взлет дирижаблей вне расписания. Он даже согласился разместить гринов в грузовом отсеке, но не сейчас, а через три дня, когда и запланирован вылет в Эшшен.

Райз продолжал стоять на своем, начальник пристани не собирался сдаваться, и, наблюдая за их спором, Къарт всерьез забеспокоился, что если управляющий полетами не уступит, Райз захватит дирижабль силой.

— Мое имя — Кара Раяда Далоран, — Кара вклинилась в разговор. Расстегнув куртку, она достала из внутреннего кармана конверт с родовым листом и протянула его начальнику порта. — Я паладин Руферонского отделения Братства, в прямом подчинении у Регрора Рортиса Исканы. Мне необходимо в кратчайший срок прибыть в Эшшен с донесением. Поэтому нам нужно, чтобы вы организовали перелет.

— С донесением? — заметно утратив свой запал, толстяк пробежался взглядом по родовому листу и протянул его обратно Каре. — Пошлите телеграмму.

— Оно должно быть доставлено лично. Это вопрос государственной безопасности. Все претензии вы можете адресовать лично руководителю Руферонского отделения. Но сейчас нам нужен дирижабль. Сегодня же.

Начальник порта посмотрел на Кару несчастными глазами и сдался.

— Дайте пару часов, чтобы подготовить все к вылету.

Техники управились за полтора, а вот вытаскивать из теплых домов летную команду пришлось еще час.

— Меня за такое по голове не погладят, — тихо произнесла Кара, поднимаясь по трапу.

— Можно будет считать везением уже то, если вообще останется кто-то, кто может решать: гладить по голове или нет, — ответил ей Райз.

Вероятно, при свете дня Къярт поразился бы тому, как раздвигается граница горизонта, а деревья, дома, люди становятся меньше, незначительнее, пока и вовсе не теряются за жмущимися к земле облаками. Но сейчас все, что он мог рассмотреть, это тающие один за другим огни ночного Коуфлада. В этом тоже было нечто прекрасное, и Къярт проникся бы этой красотой, если бы сейчас его голову не занимали совершенно другие мысли.

Отвернувшись от окна, он посмотрел на Райза. Тот смотрел на растворяющийся в черноте город, но словно не видел его.

— Райз?

— Да, пойдём, — тот встрепелся, будто очнулся ото сна.

Вместе с Карой они заняли один из столиков в центре гондолы, тогда как охотники столпились у одного из окон в углу и изредка поглядывали в сторону троицы.

— Есть один момент, о котором я вам не сказал, — произнес Райз и отрицательно качнул головой, когда к ним подошел официант с бутылкой вина и бокалами.

Судя по форме официанта, едва ли не трещащей по швам, и тому, что Къярт видел его во время погрузки гривов, парень был не официантом, а простым рабочим, на которого натянули тщательно отутюженную рубашку и вытолкали обслуживать пассажиров.

— Момент, касающийся метаморфов, — когда они снова остались втроем, Райз посмотрел на Къярта. — Когда ты перехватил контроль над Ши-то, лежащее на нем проклятие не подействовало на тебя, потому что оно сработало на мне.

Къярт устало вздохнул и закрыл глаза. Теперь все те странности в поведении Райза, которые он замечал, но не был уверен, не мерещатся ли они ему, обрели вполне конкретную причину. Наверное, ему следовало начинать нервничать. Кара уж точно начала: ее тело сковало напряжение, готовое в любой момент вытолкнуть из кресла.

Однако, все, что он сейчас чувствовал — это непреодолимую усталость.

— Но важно не само проклятие, а то, что его, похоже, можно использовать и как канал связи, — продолжил Райз. — Сегодня это случилось впервые. Сложно объяснить словами, на что это было похоже. Но суть такова, что всем некромантам, призвавшим виторэ, приказано собраться в одном из разрушенных городов Хепрасса на границе. Они собираются заманить туда большую часть сил паладинов Союза и расправиться с ними одним ударом.

Кара побледнела, но сдержала себя в руках. Ее пальцы сжались на подлокотниках кресла.

— Это слишком большие потери, которые мы не можем допустить, — добавил Райз. — У нас есть время и место. Нужно только забрать виторэ, паладинов Эшсена и не опоздать к началу банкета.

— И на чьей стороне ты будешь? — сдержанно поинтересовалась Кара.

Райз поднял на нее взгляд.

— Кара, он не может пойти против моей воли, — ответил за него Къярт. — Приказ некроманта для призванного непреложен.

— Поэтому ты — это еще ты? — в вопросе Кары, адресованном Райзу, прозвучали нотки надежды.

— Вообще-то, я — это еще я, потому что ни Светоч, ни какое-то захудалое проклятие, ни что либо другое мне не указ. За исключением него, — он кивком указал на Къярта. —

Приказ некроманта для призванного непреложен.

— Не ерничай.

— Прости, пожалуйста, виноват.

Къярт покачал головой. Пускай Райз и вернул себе прежнюю беззаботность, этого было недостаточно, чтобы провести его.

— Если мы вмешаемся в столкновение паладинов и некромантов, о Къярте станет известно, — заметила Кара, разглядывая столешницу. — Пусть не о нем именно, но о существовании некроманта, выступающего против своих.

— Рано или поздно это все равно случилось бы, — Райз пожал плечами. — Справиться с Ордой врозь будет куда сложнее, чем сообща.

— Того, что Къярт выступит на стороне живых в этом конфликте, будет недостаточно, чтобы ему поверили. Братство не потерпит существование некроманта, способного призывать паладинов и удерживать столько душ.

— Да, подружиться будет непросто. Но с чего-то все равно нужно начинать. Будем смотреть по ситуации. Быть может, я сгущаю краски, и паладинам не составит труда расправиться с виторэ и призвавшими их некромантами. Но для подстраховки мы все равно должны быть там. Если ни у кого нет возражений.

И зачем он только спрашивал? Очевидно ведь, что никто не станет выступать за то, чтобы бросить паладинов на произвол судьбы.

— Спасибо. Каждому из вас, — поблагодарила Кара и, едва помедлив, ушла к одному из смотровых окон.

Кара сказала «спасибо», но Къярта не покидало чувство, что слов у нее накопилось куда больше, и невысказанные были куда менее приглядными, чем те, что она озвучила.

Райз не спешил предпринимать какие-либо действия. Къярт посмотрел на него с неммым ожиданием и, получив в ответ полный притворного непонимания взгляд, в недоумении развел руками.

Он устало откинулся на спинку кресла, когда Райз, сдавшись, направился к Каре. Нет, с ним однозначно что-то было не так, раз приходилось указывать на очевидные вещи. Или на самом деле тот просто хотел, чтобы Къярт так думал?

Райз остановился рядом с Карой и тоже уставился в окно.

— Ты соврал, — до Къярта донесся тихий голос Кары. Сдержанная, как и всегда.

— Я не врал. Просто не говорил.

— Что за детские отговорки?

— Ты права. Прости. Но сначала я и сам не был уверен, а потом, когда стало ясно, что проклятие в самом деле сработало, говорить не было смысла. Все равно на тот момент с этим ничего нельзя было поделать, а добавлять вам лишний повод для беспокойства... У Къярта и так полно проблем из-за призывов. Лишние тревоги ему ни к чему. А сказать только тебе и не говорить ему... ты и сама понимаешь, что это не решение. Не подумай, что я ищу оправдания. Всего лишь объясняю почему поступил так, а не иначе.

Аргументы, которые Кара приняла без возражений, только подкрепили невзрачные мысли, не дающие Къярту покоя. Да что уж там говорить: они не только подкрепили беспокойство, но и задели его самолюбие.

Разговор изжил себя. Позже, когда Кара задремала на одном из диванчиков, а Райз все так же разглядывал усыпанное звездной крупой небо, Къярт оставил успевающее полюбоваться ему глубокое кресло и присоединился к созерцанию пейзажа за окном.

— Давай уже, не сдерживайся, — тихо, чтобы не разбудить Кару, произнес Райз. — Я вижу, что тебе не терпится прочитать мне нотации по поводу нарушения одного из пунктов нашего договора о доверии.

Къярт поднял на того вопросительный взгляд.

— Не врать и не утаивать, — Райз усмехнулся. — Я не врал, но, признаю, что утаивал. Так что нарушен был только один пункт.

— Надо же, — Къярт одобрительно кивнул. — Не думал, что ты помнишь дословно.

— Пришлось постараться, но четыре слова я все же осилил запомнить.

— Хватит паясничать.

— Да, конечно, прости, я тебе весь серьезный настрой сбиваю. Только не подумай, я не специально.

Къярт вздохнул. С тем же успехом он мог попросить воду не быть мокрой.

— Прости, — едва сдерживая смех, добавил Райз. — Вернемся к тому, что ты хотел отчитать меня.

— Все, что я хотел, это сказать, что ты не должен тащить все в одиночку, — Къярту пришлось приложить усилия, чтобы в его голосе не звучало раздражение. — Ты больше не один. И не нужно меня жалеть, — он смерил напарника пристальным взглядом. — Есть что-то еще, что ты не говорил?

— Нет. Это все.

— Райз.

Къярт был бы последним дураком, если бы принял его слова на веру. Особенно когда они звучали так искренне.

— Так прикажи мне сказать правду, если это тебя успокоит, — несколько резко ответил Райз и обернулся проверить, не проснулась ли Кара. Та по-прежнему спала.

Къярт уже не знал, кто из них двоих сейчас неправ, но это и не имело значения. Так или иначе им со всем придется разбираться вместе. Он знал, что у напарника не было привычки подпускать к себе кого-либо, собственно, как и у него самого. Но после проведенного бок о бок времени ему начало казаться, что им удастся строить взаимоотношения по-другому принципу, тем более учитывая рвение Райза сунуть нос во все, что хоть как-то касалось Къярта. Но едва речь заходила о чем-либо мало мальски значимом со стороны самого Райза, и между ними выростала глухая стена.

— Ты точно в порядке? — осторожно спросил Къярт, рассудив, что если внаглую начать ломиться в эту стену, недолго и палкой промеж глаз схлопотать.

— Да. Тебе не нужно беспокоиться. Влияние проклятия куда слабее, чем было у Светоча, а принцип действия намного топорнее. С этим никаких проблем.

— Я мог бы отпустить душу Шии-то.

— Ну уж нет. Это и раньше делать было глупо: я могу сопротивляться влиянию проклятия, а что произойдет, если разрушить печать — неизвестно. И теперь, когда его можно использовать в качестве источника информации из стана врага — и подавно не нужно ничего менять.

— Только скажи, если я могу как-то помочь.

— Разумеется. Не переживай, все под контролем. Тебе бы тоже поспать, — в который уже раз он посмотрел на Кару.

— И потом поднять на уши всю команду дирижабля? Я вполне могу потерпеть до прилета в Эшсен.

— Я разбуджу тебя через три часа, и никто на уши не поднимется. Давай, не спорь, — Райз помахал в воздухе кистью, спроваживая Къярта прочь.

Дирижабль должен был прилететь в Эшшен вечером следующего дня.

Солнце поднялось из белой пены и осветило горные хребты, протянувшиеся в обе стороны бесконечной чередой. Глядя на них, Къярт вынужден был признать, что волнение в груди вызывает не столько вид заснеженных гор, чье очарование никто не стал бы оспаривать, сколько сам факт того, что он находится в нескольких тысячах метров над землей и все, что отделяет его от пустоты — несколько слоев металлических конструкций. Бояться было глупо: один его приказ, и виторэ, сидящие в грузовом отсеке в облике гривов, отрастят себе крылья и позаботятся о том, чтобы все благополучно вернулись на землю. Но все равно, стоило посмотреть вниз, и дыхание перехватывало.

Къярт планировал все оставшееся время полета слоняться из угла в угол, но стоило Осмельду проснуться, и Райз тут же увел его от охотников. Усадив парня за стол, он вкрадчиво спросил:

— Ты умеешь перехватывать контроль над чужими призванными? Признавайся, Осмельд.

— Что? — тот спал с лица и бросил мимолетный взгляд в сторону Къярта. — Я ничего не делал. Я даже не думал!

— Осмельд, — губы Райза растянулись в улыбке, а его рука опустилась на плечо парня. — Я не спрашиваю, делал ли ты что-то. Я спрашиваю: умеешь ли ты перехватывать контроль над чужими призванными. Простой ведь вопрос.

— Нет, я никогда не делал ничего подобного. Я даже не знаю необходимых печатей и заклятий. Никто не учит детей такому! А после того, как Вильма с Подом приняли меня, я не..., — Осмельд осекся и, сглотнув, отвел взгляд, — я не слишком увлекался освоением своего дара.

— Да? А мне ты показался достаточно образованным в этом плане парнем.

— Клянусь, я не знаю! — в сердцах выпалил Осмельд.

Охотники тут же среагировали на шум и, все, как один, с напряженными лицами, посмотрели в их сторону. Благо, взглядами дело и ограничилось.

— Хватит над ним издеваться, — попросил Къярт.

— Я должен был уточнить. Вдруг парень и сам все знает, и нам незачем тратить твое драгоценное время. Но раз нет..., — Осмельд вздрогнул, когда Райз ободряюще похлопал его по спине. — С сегодняшнего дня Къярт займется твоим обучением. Он покажет тебе печати и все необходимое для перехвата умертвий и призванных, а по возвращении в Эшшен подумаем и о непосредственных тренировках.

— Чего? — слабым голосом спросил Осмельд.

— Я присоединяюсь к вопросу, — скрестив руки на груди, сказала Кара. — Ты хочешь, чтобы Инаэора получил возможность забирать призванные другими души?

Если с Къяртом Райз просидел почти всю ночь, за которую они успели обсудить все узкие моменты, то Кара проснулась не намного раньше Осмельда, и в планы касательно парня посвящена еще не была. Къярт предлагал Райзу сначала поговорить с ней, но тот хотел донести до Осмельда посыл максимально доступно, и для этого ему требовалась неосведомленность Кары. Объяснять Райзу, по какому острию ножа он ходит, Къярт не стал и только безнадежно покачал головой.

— Именно так, — подтвердил тот. — Чем больше талантливых некромантов на нашей

стороне, тем лучше.

— Нам нужно, чтобы Осмельд тоже имел возможность лишить противника его оружия, — пояснил Къарт. — Хотя бы из соображений собственной безопасности. Не волнуйся, он не сможет получить контроль над моими призванными, если я сам того не позволю.

— А если попытается хоть раз, я лично сверну ему шею, — Райз дружелюбно улыбнулся и потрепал Осмельда по загривку. — Договорились, парень?

— Я не понимаю, зачем это вам, — пробормотал тот, вжав голову в плечи.

— Мы все скоро объясним — и тебе и остальным. Пока не думай об этом, а сосредоточься на учебе. Оставляю тебя на Къарта.

Изначально Райз не планировал форсировать события. Сперва небольшой акт доверия, а по факту — проверка, когда они втроем отправились к Кераве и якобы забрали с собой Шиито. Затем еще какая-нибудь мелочь и еще. Так, шаг за шагом, он хотел удостовериться в надежности Осмельда.

Но времени на проверки и постепенное «приручение» не осталось.

Памятуя о словах Фелиса о том, что заклинания только ограничивают некромантов, а значит, в теории любой мог обходиться без них, Къарт нарисовал для Осмельда не только печати, виденные у Мусаки и Керавы, но и ту, которой пользовался сам.

Какое-то время молча просидев над бумагами, Осмельд дождался, когда рядом не будет ни Райза ни Кары, и тихо сказал:

— Я хотел попросить не говорить Вильме и остальным о том, что я учу такие печати — что вообще учу что-либо связанное с некромантией.

— Те знания, которые у тебя уже имеются, их не смущают?

— Вильму не устраивает и это, — Осмельд зябко повел плечами. — Но только так я могу их защитить. Я буду делать все, что скажете, но прошу: не говорите Вильме. У нее и так достаточно поводов для волнения.

Къарт хмыкнул. Он уже слышал нечто похожее.

— Вильма все равно узнает — рано или поздно.

— Но до этого момента она сможет жить спокойно.

— Хорошо, Осмельд. Но объяснение тому, чем ты здесь занимаешься, придумывай сам.

Осмельд кивнул и снова устался на печати.

Все, до чего он додумался — что с него потребовали предоставить все известные ему печати. Неплохое объяснение, с учетом того, что он, чтобы вызубрить печати, должен был перерисовать их не один десяток раз. Этим он и занимался вплоть до прибытия в Эшсен.

До того дня, когда некроманты собирались ударить по паладинам, оставалось полторы недели, а до Троана — города на границе Хепраса и Афракского Союза, в котором все и должно было случиться — неделя пути. Четыре дня — достаточный запас, чтобы позволить себе провести одну ночь под теплой крышей.

Впервые за долгое время они ужинали за одним столом с охотниками. И впервые за трапезой стояло гробовое молчание. Даже Офрен оставил свои шутки и только время от времени пихал локтем Осмельда, вяло ковыряющегося вилкой в тарелке.

— Не спешите расходиться, — сказал Райз, когда Вильма с Подом встали со своих мест. — Я хотел рассказать вам о наших дальнейших планах.

Те переглянулись и вернулись за стол.

— Завтра с утра мы выедем в сторону Хепраса, — Райз промокнул салфеткой губы и

откинулся на спинку стула. — Разгуливавшие там некроманты решили собрать в одном месте уйму паладинов и пустить их в расход. Так что нам нужно им помочь.

— Некромантам? — сухо поинтересовался Под.

— Паладинам, конечно же. Собственно, это наш план на ближайшее будущее. Вы, разумеется, пойдете с нами, но не беспокойтесь: никто не будет отправлять вас на передовую и что-либо требовать, кроме как стоять тихонько в сторонке и не мешать. Скажу прямо: вы четверо — придаток к Осмельду. Таскать вас с собой не очень удобно, но и отпустить нельзя. Пока что нельзя, — упершись коленом в край стола, он мерно раскачивался на стуле. — Ведите себя тихо, не мешайтесь под ногами, не лезьте, куда не просят, и когда все закончится, сможете отправиться на все четыре стороны.

— А Осмельд? — тут же спросила Вильма.

— Осмельд... думаю, он тоже сможет сам выбрать, что ему делать. Конечно, если он решит заняться преступной деятельностью, далеко ему не дадут уйти. Но Осмельд ведь у нас хороший мальчик?

Он с прищуром посмотрел на парня, но тот не спешил отрывать взгляд от тарелки.

— Осмельд, сейчас не время спать.

— Я думал, это риторический вопрос, — парень поднял на него взгляд. — Я уже говорил: сделаю, что скажете.

— А у самого головы на плечах нет? — мягко поинтересовался Райз и усмехнулся. — Вернемся к этому позже. У вас есть какие-то вопросы?

Охотники не ожидали, что разговор окажется диалогом, а не монологом, и только растерянно хмурились.

— А как вы узнали о планах некромантов? — Офрен оказался единственным, кто поверил, что они могут не только задать вопросы, но и получить на них ответы.

— Через лежавшее на виторэ проклятие. Детали не важны.

— Не дурно, — Офрен присвистнул. — Гении думали, что прижмут всех к ногтю, а на деле вон как вышло.

Больше вопросов не было.

Остатки еды окончательно остыли, охотники разошлись по своим комнатам, а Райз все качался на стуле, разглядывая поочередно то стены, то потолок.

— Ты не говорил, что вы собираетесь отпустить Осмельда, — заметила Кара.

— Я об этом даже не думал, пока Вильма не спросила. Но когда вся эта канитель с Ордой закончится, думаю, удерживать его смысла не будет. Если он, конечно, доживет до этого дня.

— Райз, он — некромант. Мало того: он прямой потомок тех, кто служил Орде.

— Къярт тоже некромант. Что же теперь? На цепь его посадить?

— Къярт..., — Кара замешкалась, подбирая слова. — Къярт — это Къярт. Это другое.

— М-м-м, любопытно, — воодушевленный, Райз прекратил раскачиваться на стуле, поставил локти на стол и, подперев кулаками подбородок, уставился на Кару. — А как же твоя категоричность? Каждый некромант убийца и преступник, каждого надо казнить.

Кара на мгновение опешила.

— Я не..., — она бросила короткий взгляд в сторону сидящего с флегматичным видом Къярта, затем на Райза, и снова на Къярта. — Он опять начинает!

— Ага, — согласился тот и с укором посмотрел на Райза. — Знаешь, тебе не помешает хотя бы изредка проявлять чуть больше серьезности. Не у всех такое терпение, как у меня.

— Да, с этим не поспоришь. Ну раз хотите по-серьезному, — Райз снова откинулся на спинку стула и сложил пальцы в замок. — Если Осмельд поведет себя, как враг, я его убью. Если он будет вести себя, как союзник, велик шанс, что его убьет кто-то из Орды. Если парень благополучно доживет до нашей победы, сомневаюсь, что на тот момент он будет являться кем-то представляющим угрозу для простых людей. Я не знаю, на каком счету у Афракского Союза в итоге окажемся все мы, но спокойную жизнь мы точно сможем потребовать. Мы и все способствовавшие тому, чтобы эта самая жизнь могла существовать. Возражения?

Он выжидающе посмотрел на Кару.

— Ни единого.

— Что ж, раз мы закончили с обсуждением того, что было и так понятно...

— Когда-нибудь ты допросишься, — предупредил Къярт.

— О, буду ждать этого дня с нетерпением, — Райз хохотнул и оставил многострадальный стул в покое. — Хватит прохлаждаться, у нас есть еще одно незаконченное дело, — он похлопал Къярта по плечу. — Во всяком случае, у нас с тобой. Пора наведаться к мечерукому Исполину. Кара, если не хочешь, можешь не идти. Мы туда и назад.

— Охотники могут остаться в доме без присмотра? — она едва приподняла бровь.

А Къярт все гадал, зачем на подходе к Эшсену Райз сказал отпустить всех метаморфов, в том числе и Шии-то.

— Можешь быть спокойна: сегодня они никуда не денутся.

— Тогда я, пожалуй, тоже прогуляюсь. Оставить Къярта на тебя одного было бы верхом опрометчивости.

— Вон оно как. А ты еще переживал, что Кара всю жизнь будет считать тебя монстром. Но она девочка смышленная, быстро уловила, что к чему, и кто здесь главный монстр, а кто всего лишь безобидный крошка-мы...

— Райз! — едва не прорычал Къярт.

— Идем уже, — сквозь смех бросил тот и вышел из столовой.

Призванные паладины ждали их за перевалом, куда Къярт приказал им явиться накануне вечером. Со стороны они выглядели чудно: те, кто погиб при исполнении обязанностей или же попросту предчувствовал свой скорый конец — в мундире или парадном костюме; а те, кто не готовился встретиться со смертью — в ночных рубахах или вовсе без оных. С последними те, кто был одет по форме, поделились одеждой, но Къярт все равно потратил пару часов на то, чтобы усилить сопротивляемость их тел низким температурам.

Для большей мобильности почти все виторэ приняли схожий с гриввым облик, немного подправив анатомию спины — чтобы два всадника смогли удержаться на ней и без седел.

Оставшиеся несколько сотен метаморфов остались в обличье мелких крылатых. Их основной задачей на протяжении всего пути к Троану была разведка местности и поиск оптимального пути на юг, а также обнаружение посторонних. При встрече с живностью — разорвать на кусочки, на случай, если та тоже является разведчиком. При встрече с человеком — не показываться на глаза.

Этот переход с самого начала обещал быть нелегким, но на деле оказался испытанием еще большим, чем Къярт предполагал. Ему приходилось постоянно поддерживать связь с виторэ-разведчиками, и в этот раз Кара ехала вместе с ним: придерживала за плечи всякий раз, когда он слишком сосредотачивался на сознании метаморфа и терял контроль над собственным телом. Кроме того никто не снимал с него обязанности приглядывать и за Осмельдом, который от зазубривания печатей перешел к практике, и с утра до вечера пытался перехватить контроль над летучими мышами, которых Къярт приберег как раз для этих тренировок. До него то и дело доносилось тихое бормотание парня, но первый укол от разрушенной печати он почувствовал только на третий день пути.

Все это время охотники держались в стороне. Осмельд не заробел напомнить о своей просьбе не посвящать Вильму и остальных в то, чем он занимается, и не нашедший причин возражать Райз отгеснил их за первые ряды паладинов.

Известие, что существуют некроманты, способные призвать членов Братства, окончательно выбило их из колеи. Даже Хаук, никогда не стеснявшийся заявить о своем недовольстве, подавленно притих. Еще бы: в таких обстоятельствах даже если охотники и строили планы побега или противодействия, с ними можно было распрощаться.

Сидя возле костра во время ночных привалов, Къярт ловил на себе тяжелый, почти ненавидящий взгляд Вильмы. Сейчас большую часть времени Осмельд проводил рядом с ним, возвращаясь к охотникам исключительно за тем, чтобы поспать. Во что еще ей было верить, как не в то, что Къярт толкает ее воспитанника на кривую дорожку? Уж точно не в то, что они направляются на выручку паладинам, а не некромантам. Вероятно, так считали и остальные. Раньше присутствие Кары помогало склонить весы доверия на сторону Къярта, однако, теперь для охотников она превратилась в очередного мертвеца лишенного свободы воли.

Их душевное состояние Къярта не слишком заботило. А вот с Осмельдом дело обстояло совсем иначе. Наблюдая за ним, Къярт не переставал спрашивать себя: о чем тот думает, что чувствует? Но он и сам знал ответ. Он хорошо помнил тот день, когда так же оказался в ловушке, готовый сделать все, что велят, лишь бы только защитить дорогого ему человека.

Увы, одного послушания оказалось недостаточно.

— Завтра выйдем на границу Союза и Хепраса, — произнес Райз. Он сидел ближе все к костру, разложив в его свете порядком поистрепанную за время их скитаний карту. — Столкновение перенесли еще на один день.

— Опять? Сегодня? — Кара нахмурилась.

Она, как и Къярт, не заметила очередного приступа, уже четвертого с момента выезда из Эшсена. Райз наловчился сохранять невозмутимый вид, и о том, что некроманты снова воспользовались проклятием для координации действий, сообщал только по вечерам. Сперва дагу нападения на паладинов сместили на день, после — еще на один. Затем повторили приказ всем владельцам виторэ собраться в Троане, и вот снова перенесли.

— Да. С планированием у них совсем беда, раз они не предвидели, что паладины доберутся до Троана так скоро. Виторэ их не обнаружили?

Къярт отрицательно покачал головой.

— Ты ограничил дальность полета поисковых групп сотней километров, — Райз задумался. — С учетом того, что мы вычли территории, по которым паладины точно не будут двигаться, они как минимум в четырех днях пути от Троана. Силы некромантов будут в нем уже послезавтра.

— Это ловушка, — констатировала Кара.

— Разумеется, это ловушка.

Райз снова посмотрел на карту.

За все время пути они так и не обнаружили ни одного направляющегося в Троан некроманта. Возможно, в большинстве своем те шли из Хепраса и Агруа, но там разведке было не разгуляться: на разоренных войной землях некроманты и их слуги могли скрываться под каждым кустом. Это была их территория, а значит, и риск быть обнаруженными первыми был непозволительно велик. Взвесив варианты, Райз предпочел остаться в неведении о силах, которыми располагал противник, но сохранить в тайне собственное присутствие.

— Мы можем войти в Троан первыми, — предложила Кара. — Найдем некромантов и покончим с ними до того, как паладины Братства угодят в западню.

— И тогда в западне окажемся мы. Причем дважды. Если мы разберемся с некромантами, то сами превратимся в засевшего в Троане врага, по чью душу и явятся паладины.

— В Троане не обязательно сидеть. Придем, зачистим город и уйдем.

— Кара, мы не будем сами совать голову в капкан. Я понимаю, что ты хочешь избежать жертв среди паладинов, но разве они настолько слабы? Разве ваша броня не делает вас неуязвимыми?

— Большинство не может находиться в ней дольше четверти часа.

— Значит, постараемся управиться быстрее, — Райз сложил карту и спрятал в нагрудный карман. — Кара, только не пойми меня неправильно. Наша главная цель — чтобы пришедшие в Троан паладины ушли из него живыми. Но в Троане их ждут рядовые некроманты. Это даже не Орда. Если они окажутся настолько слабы, что не смогут продержаться, пока мы не разберемся, что к чему, то тогда им и правда лучше погибнуть сейчас, когда ставки не так высоки, и когда Къярт сможет их призвать.

Кара поджала губы и отвела взгляд, решив оставить имеющиеся у нее слова при себе.

— Что, если у них окажутся кристаллы-поглотители? — спросил Къярт. — Тогда

паладинов не спасет никакая сила.

— В этом случае нам тем более нельзя туда соваться: удар по каждому из призванных будет ударом по тебе. Мне же не нужно объяснять, почему при таком раскладе пожертвовать паладинами лучше, чем тобой?

Къярт смолчал, как и Кара. Ему было тошно от этого разговора и от решений, которые приходилось принимать. Он понимал, что они верные, но легче от этого не становилось.

— Как успехи у твоего ученика?

Под взглядом Райза Осмельд сразу ссутулился. Къярт не в первый раз замечал за тем желание стать как можно незаметнее, едва Райз обращал на него внимание.

— Они есть, — сдержанно ответил Къярт. — При наличии достаточного запаса энергии Осмельд сможет перехватить контроль как над умертвием, так и над призванным.

— Тогда проследи, чтобы у него был этот запас, когда все начнется.

Къярт кивнул.

Они увидели Троан на следующий день. Небольшой городок, чья окраина едва ли не вплотную подходила к горной гряде. Когда-то он был домом для шахтеров, разрабатывавших рудники на краю эшенских гор: их территории принадлежали Эшену, но тот отдал Хепрасу право использовать прииск в обмен на постоянные поставки продовольствия. Но когда Эшенские земли вошли в состав Афракского Союза, правление забрало рудники назад, тем самым превратив процветающий Троан в город бедняков. Но люди все равно продолжали держаться за свои дома, продолжали возделывать перемешанный с камнем песок и надеяться, что однажды король Хепраса перестанет носиться со своей независимостью, согласится на уговоры Союза, и в их край снова придет благополучие.

Пришла только война с Агруа.

От Троана остались одни дома. Их возвели из крепкого камня, а сам город находился не так близко к границе с западным соседом, чтобы сюда дошли регулярные войска Агруа и разрушили здания катапультами. Зато мелкие отряды налетчиков погуляли здесь на славу. Возможно, Троан и оправился бы от грабежей и разбоя, но стоило людям Агруа уйти, и на их место явились желающие пополнить свои личные армии некроманты.

Осматривая город с небольшого отрога, Къярт не находил в нем ни единого признака жизни. Если после всех свалившихся на Троан бед в нем кто-то и уцелел, то они давно ушли вглубь земель Хепраса. Осталась только рыже-серая грибница зданий и гуляющий по улицам ветер.

Паладины и виторэ расположились на территории рудников. Место было отменным: скрытое от разведчиков с земли и воздуха и удобное в обороне. В каждом ответвлении разработок расставили постовых — как виторэ, так и паладинов — и ни живые, ни мертвые не смогли бы подойти незамеченными. И до Троана можно было добраться за считанные минуты.

Три дня ожидания пролетели как в тумане. Къярт раз за разом ловил себя на мысли, что теряет ощущение реальности происходящего. Через несколько дней три тысячи человек, что шли с запада, и еще тысяча — с востока, должны были войти в город и угодить в западню некромантов. Всего несколько дней — и начнется бойня.

Къярт видел войну глазами виторэ: жуткую, забирающую миллионы жизней, не имеющую конца. Он видел ее так много, что она приелась, и осознание близящейся схватки не будило внутри ровным счетом ничего. Его не покидало чувство, что он словно упал в воду во время боя. До него доносились отголоски криков и грохота, но они не могли нарушить

покой, не могли прорвать мягкие объятия замедлившегося в водной толще времени.

Однако, вечно так продолжаться не могло. Къярт знал, что когда отмеренный срок ожидания подойдет к концу, его грубо выдернут из забытья, вытащат из воды, и он окажется лицом к лицу с первыми предвестниками скорой войны с Ордой.

Осмельду и охотникам не требовалось ждать три дня, чтобы осознать их положение. С наступлением темноты на их лицах появлялись новые тени, но с приходом рассвета не уходили. Заметно помрачнела и Кара.

Райз был единственным, кто оставался по-настоящему спокоен. Но Къярт был уверен: спокойствие напарника совершенно иного рода, чем его собственное.

В день, когда ловушка должна была схлопнуться, часть виторэ и паладинов покинули убежища и затаились за скалами на склонах, готовые моментально отреагировать на приказ. Троица и охотники заняли место на отроге, с которого открывался отличный вид не только на город, но и на окрестности.

— Виторэ заметили некроманта, — разорвав связь с одним из метаморфов, Къярт перевел взгляд на присевшего рядом на корточки Райза. — В западной части города. С ним два десятка мертвецов: больше похожи на человеческие умертвия, чем на виторэ. Их тела не в лучшем состоянии.

— Быть может, человеческие умертвия, а может, и виторэ, принявшие их вид.

— Райз, это не все. С ним не только мертвецы, но и полсотни живых пленников.

— Что они делают? Некромант и его прислужники.

— Ничего. Они просто стоят на месте. Охраняют пленных.

— Собираются принести их в жертву? — Кара нахмурилась.

— Когда до прибытия передовых отрядов Братства меньше пятнадцати минут? Нет, здесь что-то другое.

Райз прищурился и тоже посмотрел на запад. Приближающуюся к городу конницу было заметно даже отсюда: за прошедшие дни оттепель растопила снег, и на черной грязи равнины зароились белые мундиры.

— На главной площади что-то происходит, — сообщила Кара, и взгляды всех присутствующих обратились к гигантской проплешине в центре города.

На площади собирались люди. С такого расстояния сложно было определить их точное число, как и понять, живые ли это люди или умертвия. Но их однозначно набралось не меньше нескольких сотен.

— Къярт, пусть несколько виторэ следят за тем некромантом, — распорядился Райз. — Следят, но не приближаются. Если могут, пусть отрастят уши подлиннее.

— Райз, если на площади живые люди..., — начала было Кара, но тот отрицательно качнул головой, не давая ей продолжить.

— Сейчас наша цель — защита паладинов. Спорить будете потом.

Кара раздраженно поджала губы, но отвечать не стала.

Время. Время слишком ускорило свой ход.

Къярт следил за некромантом глазами виторэ, севшего на конек крыши в стороне. Тот вел себя беспокойно: постоянно потирал руки и щеки, и то и дело поглядывал на запад. Он знал, что паладины близко, но продолжал ждать. Только когда те приблизились достаточно, чтобы пленники услышали топот конницы, некромант отдал приказ, и мертвецы повели узников в сторону центра.

— Он двигается в сторону площади, — сообщил Къярт. — Но паладины совсем близко.

Ему не уйти.

— Он и не собирается, — коротко сказал Райз.

Он перебрался к стоящему на самом краю отрога валуну, из-за которого, не выдавая своего присутствия, можно было следить за всем Троаном.

— Паладинов хотят лишиться возможности изучить город, — продолжил он. — Они нужны на площади и нужны на условиях некромантов. Собираются взять их в кольцо?

— Командующий — не идиот, — возразила Кара. — Он не заведет людей в очевидную ловушку.

— У него не останется выбора. Жди и смотри.

Слова Райза подтвердились, когда разведотряды Братства схватили некроманта. Они не церемонились с ним, но тот все равно продержался довольно долго, прежде чем сообщить о начинающемся ритуале в центре города.

— Они и правда поедут на площадь, — несколько растерянно произнесла Кара, заняв место по другую сторону от валуна.

— У них нет выбора, — повторил Райз. — Ты же сама хотела броситься спасти гражданских, которых там, вероятно, нет. Къярт, когда начнется бой, пусть виторэ-разведчики займутся поиском некромантов. Те должны находиться на отдалении от зоны столкновения и маршрутов, по которым проедут паладины. Если и вовсе не засели за десятки километров от города. Это, конечно, не самый благоприятный расклад. Будем надеяться, что они держаться где-то поблизости. Если это так, виторэ должны их найти. Но не давай отмашку раньше времени.

Использовать паладинов, как прикрытие. Эта идея претила, но надеяться, что заварившие эту кашу некроманты — полные идиоты, было слишком опрометчиво.

Паладины разрезали кварталы Троана, точно покрытые белой эмалью клинки глину. Они не двигались одной колонной, а разделились на несколько групп, наверняка осознавая, что их ведут в ловушку. Но долг обязывал двигаться вперед, оставив сомнительное удовольствие уповать на данную им силу.

Все началось внезапно. Как и предполагал Райз, люди, собравшиеся в центре города, не были людьми. Как только паладины ворвались на площадь, те бросились врассыпную, а из домов посыпали виторэ.

Къярт не следил за вспыхнувшей в Троане схваткой. Все его внимание было сосредоточено на поиске некромантов глазами виторэ, и он почти не видел происходящего вокруг него самого. Но мог судить о том по доносящимся время от времени фразам.

— Сволочи, — процедила Кара. — Они вынуждают их воплощать броню и сразу отступают.

— Да, — коротко подтвердил Райз.

— Уже через четверть часа большинство паладинов останутся совершенно беззащитными.

— Да.

— Им не позволят уйти. Бегство бесполезно.

— Да.

— Райз, нам нельзя ждать, пока Къярт найдет некромантов. Ты же сам говорил, что они могут быть где угодно.

— Кара...

— Долго ты собираешься просто стоять и смотреть?

— Кара..., — Райз снова попытался вставить слово, но вышло так же, как и в первый раз.

— Ты уверен, что решение ничего не делать, действительно твое?

— Кара, здесь что-то не так.

— Совершенно согласна. Некроманты устроят бойню, и если тянуть и дальше, мы не сможем никого защитить. Нужно разобраться с виторэ до того, как паладины начнут терять броню.

— Кара. Помолчи.

Интонации в голосе Райза заставили Къярта разорвать связь с сознанием виторэ и посмотреть на напарника. Тот застыл на краю обрыва, со сведенными бровями и напряженной челюстью; его взгляд метался по вязнувшим в хаосе улицам Троана.

— Будь так добр, сосредоточься на поиске некромантов, — Райзу не понадобилось оборачиваться, чтобы понять, что Къярт полностью вернулся в свое тело.

Тот коротко кивнул и снова разделил свое внимание между «здесь» и «там».

— Здесь что-то не так, — повторил Райз. — Виторэ не убивают паладинов, даже когда у них есть такая возможность

На отроге воцарилось молчание, и грохот камней и вопли виторэ, доносящиеся из Троана, зазвучали главной партией.

— Что за..., — Кара так и не закончила фразу.

— Какого Проклятого...

Сдавленный голос Райза буквально выдернул Къярта из сознания метаморфа. Или же истинной причиной этого была внезапно воцарившаяся тишина?

— Почему все виторэ..., — Кара не отрывала взгляда от города. — Да что здесь происходит?!

— Я знаю, что, — из-за спины донесся голос Офрена.

Къярт не успел обернуться, когда под правую лопатку что-то воткнулось. Не успел он осознать растекающуюся внутри боль, когда мир померк.

Спину резануло болью.

Ши-то отреагировало первым. Все еще находясь в облике грива, оно возникло будто из ниоткуда и сбило Вильму с ног. Метаморф замер над женщиной, опустив лапу на ее голову, но заканчивать начатое не стал и вместо этого уставился на Къярта, обмякшего в руках Офрена.

— Спокойно, Райз, — посоветовал тот. — Къярт жив и останется живым, пока я контролирую ситуацию.

Райз бросил мимолетный взгляд в сторону все еще живой Вильмы. Ну разумеется: Къярт не был бы собой, если бы и правда приказал виторэ, в случае неповиновения охотников, незамедлительно убить женщину, а не оставил последнее слово за собой.

Проклятье.

Райз посмотрел на Къярта. Казалось, что тот, вымотавшись, просто уснул. Но не прекращающаяся боль в спине намекала: этот сон был вызван уж никак не усталостью.

Проклятье!

— Офрен, какого хрена ты творишь?! — прорычал Под.

Он боялся подойти к Вильме, боялся сделать что-либо, чтобы не усугубить их положение, и мог только ошарашенно смотреть на Офрена. Хаук был растерян не меньше, а во взгляде Осмельда и вовсе читался откровенный ужас. Окутывающей его глубокой синевы хватило бы, чтобы мгновенно устранить Офрена, но рисковать, пока ситуация не прояснится, было нельзя. Хорошо, что и Кара не спешила предпринимать опрометчивых действий.

— Офрен? — губы Райза растянулись в любезной улыбке.

— Увы, — тот улыбнулся в ответ и перехватил Къярта под грудь одной рукой. Вторая продолжала сжимать воткнутый в его спину кинжал. — В этом теле Офрена давно нет — еще с Тхаутского рудника. То еще местечко, однако. Признаться, когда вы заявили на пару с Далоран, я думал, что моя песенка спета, но скрывающих печатей никогда не бывает много, да?

Он подмигнул Каре.

— Что с его душой? — сдавленно произнес Осмельд.

— Къярта или Офрена? — лже-Офрен усмехнулся. — Знаю, знаю: разумеется, ты печешься об Офрене. Прости, парень, но от него пришлось избавиться. Непереродившиеся души порой такие докучливые, да ты и сам это знаешь. Нельзя было позволить, чтобы Офрен явился к тебе во снах и разболтал лишнего.

— Ублюдок...

— Осмельд, — Райз одернул его. — Тихо.

— Да, парень, лучше помолчи, — поддержал лже-Офрен и посмотрел на Райза. — Не беспокойся о Къярте. Я не собираюсь его убивать. Уж точно не после того, как выяснилось, что юный Енкарта может призывать паладинов. Кто бы мог подумать, что такое вообще возможно, — лже-Офрен покачал головой. — Орде будет любопытно на него взгля...

Он осекся. Его взгляд на мгновение помутился, а рука почти выпустила Къярта, но снова окрепла и прижала к себе.

Пространство вокруг лже-Офрена покрылось синевой, а взгляд метнулся к Осмельду.

— Как ты...

— Подонок, — мертвенным голосом произнес парень и убрал руку от своей шеи, демонстрируя только что поставленную метку-привязки.

Осмельд выглядел жутко. Казалось, одного его взгляда будет достаточно, чтобы не оставить от лже-Оффрена и горсти пыли.

Брови Райза едва дрогнули. Ситуация все меньше походила на контролируруемую.

— Осмельд? — он тихо позвал парня.

Не обратив на него внимания, тот сдавленно процедил:

— Кому ты служишь?

— Зову Крови, — незамедлительно ответил лже-Оффрен, и его лицо исказилось. — Как ты смог... даже без прочтения песни...

— Я — Инаэора, ублюдок, — прошипел Осмельд. — Ты даже не представляешь, что натворил. Я разорву твою душу в клочья. Найду каждого из этого вашего Зова и обращу в пепел.

Снова они. словно докучливые мошки, лезут в рот и глаза. Все это время одна из них была рядом: руку протяни — и прихлопнешь. Но мерзавец ничем себя не выдал. Хорошо поработал над печатями, чтобы мертвое тело выглядело, как живое. Даже Кара не почувствовала неладное.

Плохо дело. Если Зов Крови способен скрыться даже от таких сенсоров, как Кара, его некроманты могут высунуть морду из любой щели.

Проклятье! Нужно же было так бездарно проморгать затесавшуюся в стадо паршивую овцу.

— Осмельд, — в голосе Райза зазвучал металл.

Сцепив зубы, тот коротко посмотрел на него и, ничего не ответив, перевел взгляд на лже-Оффрена.

— Опустит Кьярта на землю. Осторожно. И отойди, — приказал он.

Тот повиновался. Он положил Кьярта на живот, и теперь все могли увидеть воткнутый в его спину нож.

— Нет, стой! — выпалил Осмельд, когда лже-Оффрен отошел в сторону, а Райз бросился к напарнику. — Не трогай кинжал.

Дернув бровями, Райз послушался.

Кинжал, которым лже-Оффрен пырнул Кьярта, выглядел необычно. Роль рукоятки играла фигурка паукообразного существа с подобием человеческого туловища и головы. Длинные черные лапы сходились в одну точку, светлели, превращаясь в тонкое лезвие. Не самое удобное для боя оружие.

— Что это такое? — Кара опустилась на землю рядом с Кьяртом.

— Шип, — ответил Осмельд и обратился к лже-Оффрену. — Это ведь Шип?

— Да.

— А Проводник? Кто-то заключил с ним сделку?

— Ясное дело, — лже-Оффрен мерзко улыбнулся. — Я — еще до того, как мне пришлось распрощаться с собственной жизнью во имя нашего славного будущего. Так что трижды подумай, если вдруг решишь отправить меня в небытие. Исчезну я, и Проводник сожрет душу Кьярта. Не хотелось бы доводить до этого. Он может оказаться крайне полезен Ор...

— Заткнись, — оборвал его Осмельд и склонился над ножом. — Это не хорошо. Совсем не хорошо.

— Осмельд, что за Шип? Что за Проводник? — спросил Райз.

— Шип — это способ попасть к горизонтам душ, которые находятся далеко за пределами этого мира. Он черпает силу из сущности, которую некроманты зовут Проводником. Это эфирный хищник, паразит, питающийся душами. Его сила позволяет попасть едва ли не в любое место, где находится не связанная с физическим сосудом душа. Если заключить с ним сделку, он проведет некроманта туда, куда тот никогда не смог бы попасть сам. А может выполнить за плату и другую задачу. И если Проводнику велели удерживать Къярта, он не позволит ему вернуться. Риск использования Шипа в том, что когда ты попадаешь в то измерение, Проводник получает над тобой абсолютную власть. Если его не устроит предложенная сделка, он попросту поглотит твою душу.

— Получается, Къярту всего-навсего нужно предложить сделку лучше, чем этот? — Райз мотнул головой в сторону лже-Офрена.

— Нет, Проводник не нарушает уговор. Прости, Райз, но здесь уже ничего не поделать.

— А если выдернуть кинжал? — предложила Кара.

— Нельзя. Без Шипа исчезнет и выход. Из того измерения нельзя выбраться привычным способом — только через проделанный Шипом прокол.

— Этот, из Зова, может приказать Проводнику отпустить Къярта?

— Проводнику нельзя приказать, — лже-Офрен расхохотался. — Вы, конечно, можете меня туда отправить, но Проводник сразу поймет, что теперь я призванный, а не некромант, и сожрет и меня, и Къярта. Уверены, что вам это нужно? Давайте просто немного подождем, пока Орда...

— Орда, — враз побледнев, одними губами прошептал Осмельд.

Его взгляд на мгновение уткнулся в пустоту, затем метнулся по округе и воздух вокруг него снова залило синевой.

— В чем дело?

— Орда, — парень затравленно посмотрел на Райза. — Она близко. Она уже почти здесь.

— Что?

— Предтеча молвил свое слово, — лже-Офрен усмехнулся и возвел взгляд к небу. — А я ведь говорил, что ждать недолго оста...

Он не успел закончить. От пространственного удара, казалось, вздрогнули сами горы — что уж говорить о крошечных людях у их подножья. Как и в тот раз, когда Орда забросила в этот мир гигантского спрута, Райз полностью лишился ориентации в пространстве и приложился головой о камни.

Когда зрение, слух и прочие чувства, включая боль, вернулись, мир вокруг уже не был прежним.

Пошатываясь, Райз поднялся на ноги и подошел к краю обрыва.

— Ну что за клятый день...

Равнины вокруг Троана больше не были безлюдны. От края и до края они почернели от занявшей их армии. Воздух дрожал от рева, клетота и грохота, что прилетал с горизонта, оттуда, где виднелись очертания строений, не существовавших в этом мире еще минуту назад, и гигантских чудищ, возвышающихся над ними.

— Это конец, — выдохнула, точно в последний раз, Кара.

Еще немного времени у них все же было. Орда вышла не под самыми стенами Троана: ее авангард стоял в нескольких километрах, и, судя по тому, что вся эта громада не пришла

тотчас же в движение, ее переход произошел не во время марша, а во время остановки.

— Пока еще нет, — Райз бросился обратно к Къярту. — Осмельд, чтобы воспользоваться Шипом, нужно воткнуть его в тело?

— Свихнулся?! — Хаук оказался первым среди охотников, кто обрел дар речи. — Отсюда надо сваливать! Сваливать!

Он бросил нервный взгляд в сторону Вильмы. Шии-то по-прежнему держало ее и не собиравлось отпустить. А значит, останется здесь и Под, чем бы это ему не грозило.

— Сваливай, тебя никто не держит, — отрезал Райз и встряхнул все еще пребывающего в шоке Осмельда. — Парень, очнись. Как использовать Шип?

— Ему нужен постоянный контакт с телом через кровь, — пролепетал тот.

— Им могут воспользоваться только некроманты?

— Нет, кто угодно, но...

— Одновременно два человека?

— Неважно сколько, главное — связь через кровь, — Осмельд поднял на Райза взгляд и лихорадочно замотал головой. — Но любой воспользовавшийся окажется в полной власти Проводника. Его приказам, как и приказам некроманта призванному, нельзя сопротивляться.

— Его власть больше, чем власть некроманта? Что, если Шипом воспользуется призванный?

Осмельд сглотнул и с ужасом посмотрел в сторону Орды.

— Осмельд!

— Ничего не получится. Проводник не может приказать чужому призванному, но он может заставить некроманта отдать приказ. У Кары не получится вернуть Къярта.

— Ей и не нужно, — Райз посмотрел на девушку. Она, как и полагалось доблестному солдату, держала себя в руках, но ее энергией духа все больше и больше овладевали страх и паника. — Не переживай. Я верну его, а затем займемся и Ордой. Но ты должна проследить за тем, чтобы моя рука не отпускала лезвие.

— Погоди, погоди, — Осмельд замотал головой. — Ты хочешь, чтобы я призвал тебя, и ты смог без риска быть пойманным Проводником воспользоваться Шипом?

— Я не настолько жив, как кажется со стороны.

Сколько у них есть времени?

Плевать. Без Къярта все равно все лишено смысла.

— Ты тоже его призванный, — ошарашенно произнес Осмельд. — Это не поможет, ты угодишь в ту же ловушку!

— Райз, не разумнее ли будет отступить сейчас? — Кара опустилась на колени рядом. — Заберем его и попробуем вытащить после.

— После может быть уже поздно, — Райз взялся за торчащий из спины напарника кинжал и осторожно потянул на себя, едва обнажил лезвие, чтобы за него можно было ухватиться пальцами. — Тем более, я же сказал тебе, что наша цель — сохранить жизни паладинов. Осмельд, пока мы не вернемся, охраняй всех. К Орде не суйся, но обеспечь безопасность нашей текущей позиции. Не знаю, насколько крепко Къярт связал запретами призванных и паладинов, но если они могут что-то без его приказов — вперед. Но не пытайся перехватить контроль. Кара не сможет помочь тебе делом, но если она что-то скажет — выполняй беспрекословно. Ты меня понял?

— Райз, послушай меня, ты не сможешь..., — начал было Осмельд, но сник под его

взглядом.

С этим разобрались, осталась Кара.

— Отложим споры на потом, ладно? — попросил Райз и лег на землю рядом с Къяртом. — Просто проследи, чтобы я не отпускал нож. У меня самого его держать не получится.

Дождавшись от Кары утвердительного кивка, Райз зажал лезвие между указательным и большим пальцем. Даже испачканное в крови, оно оставалось холодным, точно льдинка.

— Я быстро, — пообещал он.

Рука Кары накрыла его руку, а затем надавила на рукоятку, разрезая кожу.

На мир упала непроглядная завеса.

На площади кипела жизнь. Заливисто смеясь, дети шныряли от одной палатки к другой, брызгали друг в друга и в прохожих водой из бочек, выпрашивали у родителей сладости. Успевшая перепробовать не менее пяти видов зернового пива молодежь подпевала скоморохам, под чьи песни выплясывали люди постарше. В воздухе плыл запах шипящего на углях мяса.

Къярт стоял среди палаток и не понимал, как он здесь оказался, и где это «здесь» находится.

Почувствовав присутствие искры, ядро робко дрогнуло.

...Ядро?

Къярт коснулся рукой груди. В ней больше не плескался жар растворенной эссенции жизни, но чувствовалась вязкая наполненность, которую дарила искра.

Къярт торопливо расстегнул несколько верхних пуговиц рубашки и посмотрел на грудь. Ни одной метки. Ни единой. Он не видел меток и не чувствовал печатей, даже той, что стояла на его сердце.

Что за чертовщина здесь творится?!

Он попытался перейти в заводь, но тщетно. Коснулся загривка вертящейся у ног собаки. Ничего. Он не почувствовал в ней ни капли эссенции жизни — не потому, что ее не было, а потому, что он больше не мог ее ощутить.

Къярт скользнул лихорадочно взглядом по радостным лицам. Он уже видел это место. Эти палатки и расставленные среди них факелы — он все это видел, слышал эту музыку, эти песни, слышал этот детский смех.

Развернувшись на пятках, он уставился на возвышающуюся в ночи громаду Черного Рубежа.

Тот самый день. Это тот самый день. Праздник Равноденствия, который закончился катастрофой.

Ядро снова тревожно стукнуло.

Неужели...

Закрыв кли-каналы, чтобы они не выбросили в воздух искру, Къярт побежал между палаток, пересчитывая взглядом крыши возвышающихся за ними зданий. Знакомые очертания, знакомый маршрут.

Он отскочил в сторону, чтобы не сбить высыпающую из палатки детвору и, не обращая внимания на окрик задетого плечом мужчины, побежал дальше.

Тот самый день. День, когда все полетело в бездну. День, когда был разрушен Столп Вейтрета.

Къярт закатил на бегу рукав и посмотрел на часы. Сколько еще осталось до взрыва? Черт, в прошлый раз он не удосужился уточнить время, в которое все случилось.

...А в прошлый ли раз это было?

Крайние шатры остались за спиной, и Къярт застыл в пятне света на границе палаточного городка.

Как и тогда, она сидела на скамье под деревом. Темные кудри лежали кольцами на ее плечах, взгляд рассеянно блуждал. Точь в точь такая же, какой ее запомнил Къярт.

Мерлен.

Дыхание перехватило.

Тряхнув головой, он взял себя в руки и ринулся к девушке.

Она заметила его, поднялась навстречу, посмотрела со смесью растерянности и тревоги.

— Къарт, ты..., — от голоса Мерлен внутри все скрутило судорогой.

Он обнял ее, не дав договорить. Это она. Мерлен. Настоящая, живая, во плоти.

— Мерлен..., — выдохнул он ей в волосы и прижал сильнее.

— Къарт... задушишь же..., — прохрипела девушка, и он, спохватившись, отпустил ее. — Что на тебя...

— Мерлен, отсюда нужно уходить, — он решительно взял ее за руку.

— Погоди, еще же не...

— Мерлен! Мы уходим из города, сейчас же.

— Къарт...

— Я все объясню по дороге, но сейчас...

— Къарт!

Ногти Мерлен впились в его руку, заставляя обратить на нее внимание.

Сейчас на это не было времени. Не было времени на разговоры.

Къарт бросил взгляд в сторону Рубежа. Если Мерлен уже здесь, на площади, он не успеет предотвратить взрыв Столпа, тем более когда ему неизвестно, что именно там произошло. Но если аварию спровоцировала искра из его родного мира, то в момент взрыва, находясь он поблизости, его оглушит агрессивной ногой, и все пойдет прахом.

Нет, сейчас путь только один — прочь из города и как можно быстрее.

— Мерлен..., — начал было он, но девушка требовательно дернула его за руку.

Къарт невольно посмотрел в сторону Рубежа — убедиться, что небо над ним еще не наполнила сверкающая искра. Проследив его взгляд, Мерлен вздохнула.

— Ох, Къарт, — непонимание на ее лице сменилось обеспокоенностью. — Все хорошо, просто присядь, — она потянула его к скамье.

— Мерлен, на это нет времени, пожалуйста, идем со мной, — в последний раз сказал он, прежде чем закинуть ее на плечо и унести, если девушка продолжит упираться.

— Вот же упрямый! Просто сядь, со Столпом ничего не случится!

Къарт на мгновение опешил и позволил Мерлен усадить себя на скамью.

— Ты снова это забыл? — тихо спросила она. — Тебе не о чем беспокоиться. Столп стоит там, где и должен, и с ним ничего не произойдет. И Пересечение тоже не случится.

— Пересечение? — переспросил он. — Тебе известно о Пересечении?

— Уже год как, — ответила Мерлен и, устроившись у его плеча, задумчиво улыбнулась. — Даже не верится, что прошел целый год. Тогда мы так же сидели на этой скамье. Ты помнишь это?

Она подняла на Къарта полный надежды взгляд.

— Конечно, помню, я...

Къарт оставил мысль незаконченной. Прошел год? Но как же... ему не хватило бы искры, чтобы пробыть здесь год. Если только у него не появилась возможность возвращаться в свой родной мир и пополнять запасы. Но почему он ничего не помнит? Вернее, помнит, но совсем не это.

Мерлен что-то увидела за его спиной, и на ее лице расцвела улыбка.

— О, а вот и он, — радостно произнесла она и, вскочив, потянула Къарта следом. — Пойдем. Все хорошо. Тебе ни о чем больше не нужно переживать.

Бережно сжимая ее ладонь, Къярт боялся обернуться. Он уже знал, кого увидит за своей спиной, но не понимал, почему его так пугала встреча с Иеро.

Это был не Иеро.

На краю площади остановился серебристый автомобиль; его фары, чтобы не привлечь лишнего внимания, потухли, и из салона вышел мужчина. Достал из кармана пачку сигарет, но, заметив Мерлен и Къярта, сразу спрятал обратно.

— Роден! — Мерлен приветственно помахала рукой и потащила Къярта к нему.

Роден тоже был жив. Впрочем, после встречи с Мерлен этот факт удивлял на порядок меньше, чем само появление на территории простолюдинов клановца, еще и в открытую, на автомобиле, от которого так и несло искрой.

— Сегодня без опозданий, — с ухмылкой заметил он и, взглянув на Къярта, едва нахмурился, озадаченно провел ладонью по щетине. — Что не так?

— Къярт, как всегда, — Мерлен натянула улыбку и потрясла в воздухе пахнущим выпечкой бумажным пакетом. — Вот, я не забыла купить.

— Нирея будет в восторге, — из вежливости прокомментировал Роден и спросил уже серьезнее: — Опять?

— Опять, — Мерлен вздохнула и обняла руку Къярта.

— Ладно, разберемся, — Роден открыл заднюю дверь и кивнул в сторону салона. — Садитесь уже.

Обменявшись с Къяртом взглядами, он занял водительское кресло.

Мимо торопливо пролетали дома, и в голове крутились совершенно неуместные мысли о разнице между поездкой в экипаже и поездкой в автомобиле. Ощущения казались знакомыми. Не хватало только высоток небоскребов и тотальной электрификации. Эти воспоминания принадлежали не ему, а Райзу, но... Райз!

— Къярт, все в порядке? — Мерлен с беспокойством заглянула в глаза и сжала его ладонь.

— Да, все хорошо, — он улыбнулся в ответ и посмотрел в окно.

...Что за чертовщина здесь происходит?

Къярт попытался вернуться воспоминаниями назад, в момент до того, как он оказался посреди охваченной весельем площади Вейтрета. Кажется, он чувствовал что-то в спине, словно в нее что-то воткнули.

Воспоминания путались, выскальзывали сквозь пальцы, словно все произошло не несколько минут назад, а год. Он пробыл здесь целый год? То, что произошло на отроге Эшенских гор, переместило его сюда? Пусть так. Но если он оказался в мире Мерлен, еще до уничтожения ее планеты, а затем провел здесь целый год... что случилось с его силой некроманта? Что с печатями? Что с Райзом и Карой?

Ладони похолодели; легким стало не хватать воздуха.

Когда-то он мечтал избавиться от сил, которыми его наградил Фелис. И вот их больше не было, но вместо облегчения внутри раздувался мешающий дышать шар паники.

Была ли у него когда-либо сила возвращать мертвых? Или он никогда и не оказывался в мире Фелиса?

Автомобиль притормозил у ворот Черного Рубежа — для короткой проверки. После остановился и под Белым. И в итоге покатил по улицам резервации.

Къярт прежде никогда не видел это место, либо же видел, но забыл. Судя по тому, что Мерлен не глазела по сторонам, она была здесь не в первый раз.

Роден припарковал машину возле двухэтажного дома. Такой же холеный, как и все остальные, он манил уютом, поселившимся за цветочными занавесями на окнах, в которых горел свет.

— Погоди, — сказал Роден, когда Мерлен первой вышла из машины. Къарт встретился взглядом с отражением мужчины в зеркале заднего вида. — Веди себя прилично, ладно? После поговорим.

Къарт сдержанно кивнул. Если кто и мог объяснить, что происходит, так это Роден. Он должен был знать, почему Пересечение не разнесло эту планету на кусочки.

Внезапная догадка сковала мышцы, точно паралитический яд. Что, если уничтожена была его родная? Когда Мерлен сообщила, что прошел целый год, первой мыслью было то, что обе планеты благополучно пережили день Пересечения. Если бы его планета погибла, не выжил бы и он — без возможности пополнить запас искры. Следовательно, уцелели обе. Но почему он помнит совершенно не это?

Мерлен постучала в дверь, и та сразу распахнулась.

Къарт не знал встретившую их на пороге женщину. Она была так же красива, как и молода, но все же намного старше Мерлен.

— Мерлен, я так рада тебя видеть! — она обняла девушку и, ослепительно улыбнувшись подошедшему следом Къарту, звонко чмокнула его в щеку.

— Это еще за какие такие заслуги? — закрывая дверь и стягивая ботинки, поинтересовался Роден.

— Ой, ладно тебе, не жадничай.

— Не жадничай, — Роден хмыкнул. — Как же надоела вся эта шушера, что вечно вокруг тебя вьется. Эй, слышишь, Сэджвик? Это тебя тоже касается, — громко добавил он и направился вглубь дома.

— Заканчивай нудеть и иди уже сюда, — из комнаты дальше по коридору донесся зычный мужской голос.

— Нирея, я тут вот..., — замялась Мерлен, протягивая женщине пакет с выпечкой.

— Мои любимые заварные! Ну, не робейте, проходите скорее. Я как раз закончила накрывать на стол.

Задвинув ботинки в угол, Къарт пошел следом за Мерлен.

Он уже был в этом доме и был не раз, но не мог припомнить ни один. Не мог он вспомнить и Нирею, супругу Родена, погибшую во время взрыва Столпа. И Сэджвика, чья жизнь оборвалась тогда же.

Но вот он, совершенно живой, сидящий за ломящимся от блюд столом, с улыбкой во все тридцать два зуба и небрежно зачесанными набок волосами.

— Опять ты пацана кошмарил? — спросил Сэджвик, едва Къарт появился на пороге столовой.

— А то его сильно закошмарил, — парировал Роден, занимая стул рядом с другом. — У него просто лицо такое. Дурацкое. Как и у тебя, между прочим.

Сэджвик расхохотался в ответ, а Роден снова посмотрел на Къарта, и его красноречивый взгляд сообщил: именно об этом и шла речь, когда он говорил о приличном поведении.

Къарт натянул улыбку.

Нирея захопотала вокруг стола. Мерлен попыталась ей помочь, но в ответ получила категорический отказ и просьбу хозяйки дома сидеть на месте и наслаждаться вечером.

— Какое уж тут наслаждение без тебя, — когда женщина проходила мимо, Роден

поймал ее за талию и усадил себе на колени. — На столе и так места нет, брось уже все. Если что понадобится, Сэджвик, вон, сходит.

— Это да, я могу, — энергично закивал тот. — Но сначала..., — он вытащил из под стола бутылку вина и продемонстрировал его Нирее. — Твое любимое, как и обещал.

— Не так откровенно, Сэджвик, не так откровенно, — посоветовал Роден.

Он улыбался.

За все их недолгое знакомство Къярт так и не увидел на его лице улыбки — умиротворенной, спокойной улыбки человека, с плеч которого упал неподъемный груз. Тот Роден, которого знал Къярт, был шит из печали от макушки до пят. Тому Родену было не до улыбок. И сейчас, глядя на смеющуюся Нирею, на Сэджвика, Къярт начинал осознавать, насколько глубокой была пропасть, в которую сорвался Роден, лишившись всего, что было ему дорого.

Къярт посмотрел на свою ладонь. Мерлен не отпускала ее с того самого момента, как они сели за стол. Как и остальные, она улыбалась. Пусть она и чувствовала себя неловко в обществе клановцев, но это была не та неловкость, которая заставляла ее чувствовать себя чужой. К тому же Нирея с Сэджвиком вели себя так, будто и Къярт, и Мерлен давно стали членами их семьи.

— Так, может, ты объяснишь мне, недоумку, почему в Равноденствие мы сидим здесь, а не гуляем вместе со всем городом на ярмарке? — поинтересовался у разливающего вино по бокалам Сэджвика Роден, с неохотой отпустив Нирею на соседний стул.

— Потому что сегодня мы отмечаем не Равноденствие, а наш с Ниреей второй День рождения.

— С чего это у вас второй День рождения?

— Къярт так сказал, — радостно заявил Сэджвик и, не обращая ни малейшего внимания на страдальческую мину на лице Родена, продолжил: — А кто мы такие, чтобы спорить с героем-спасителем. Верно, Нирея?

Та тихо рассмеялась и закивала.

— Я правильно понял, что герой-спаситель — он, — Роден ткнул в Къярта пальцем, — а не я, ночами не спавший, чтобы успеть в срок?

— Ой, ночами не спавший. Знаю я, почему ты ночами не спишь, так что не надо мне тут заливать.

— Сэджвик! — сквозь смех одернула его Нирея и, бросив взгляд в сторону Мерлен и Къярта, смущенно покраснела.

— Чего? Чай, не маленькие, и сами прекрасно знают, что и к чему.

— Тебе на сегодня с выпивкой надо заканчивать, — заметил Роден.

— Заканчивать? Я еще даже не начинал!

— О, боги.

— Не слушай его, Ро, для меня ты всегда герой, — заверила его Нирея.

Къярту хотелось рассмеяться — несдержанно, истерично. Да что, черт побери, здесь происходит? Это место — реальность или выдумка? А если... если это не подделка? Если это действительно, такая желанная и в то же время совершенно невозможная... Чем тогда были те воспоминания, которыми он владел?

Къярт оставил смех при себе и только улыбнулся в ответ на очередную шутку Сэджвика. Он ведь обещал Родену вести себя прилично и не портить вечер. Увы, встретившись с Роденом взглядом, он понял, что притворщик из него еще тот.

— Вы здесь развлекайтесь, а мы пойдем, подышим воздухом, — Роден встал из-за стола.

— Опять пацана щимить собрался? — зыркнул на него Сэджвик.

— Мне, что, уже нельзя перекинуться с земляком парой слов наедине?

— Ага, конечно. Къярт, ты только скажи, и я ему быстро физиономию подрихтую, — пообещал он и, спохватившись, взглянул на Нирею. — Не сильно подрихтую, ты даже не заметишь разницы. Сделаю все в лучшем виде, как умеют только крутые парни из «Зенита».

— Нет, не стоит, — с улыбкой ответил Къярт и поднялся со стула.

В вечернем воздухе пахло безмятежностью и летними травами. Из открытого окна доносились обрывки очередной истории в исполнении Сэджвика и женский смех.

Роден сел на скамейку у крошечного прудика. Къярт опустился рядом.

— И какой ты сегодня? — флегматично поинтересовался Роден, доставая из под камня возле скамейки небольшую коробочку. — Къярт, который курит или который воздерживается?

Тот покосился на предложенную сигарету, потянулся, чтобы забрать, но Роден положил ее в рот и, чиркнув зажигалкой, подкурил.

— Значит, тот, который даже не помнит, что Мерлен не переносит запах табака, — Роден выдохнул в небо горькое облако дыма и посмотрел на Къярта. — Давай, задавай свои вопросы.

Тот замешкался. Какие из тех, что роились в его голове, самые важные? Хотя, какая разница, Роден ведь не сказал, что ответит только на один или два.

— Пересечение. Как его удалось предотвратить?

— И куда только все девается каждый раз из твоей головы? — Роден хмыкнул и сделал затяжку. — Идея Иеро, согласно которой можно убрать фактор, заставлявший искру из двух миров конфликтовать.

— Как?

— Мне сейчас заняться полным пересказом технической стороны вопроса? Ты уж извини, но у нас есть время только на одну или две сигареты. Все-таки у моей супруги сегодня второй День рождения. Твоими стараниями, — Роден стряхнул пепел в траву.

— Получается, та искра, что сейчас во мне...

— Да, из Столпа Вейтрета.

— Он не был разрушен год назад?

— Нет. Ты связался с кланом за день до Равноденствия. Дальше дело было за «Зенитом». Сэджвик со своими парнями спеленал диверсанта из Аргантара еще на подходе к Столпу.

— А Аргантар...

— Обделался. Ты указал путь к их базе, с которой они открывали проход в твой мир. Мы ее захватили.

— За все это время... я не возвращался назад?

— Ты этот год вообще помнишь?

Не нужно было что-либо говорить, чтобы Роден получил ответ на свой вопрос.

— Нет, Къярт, ты не возвращался. Было решено, что во имя общей безопасности лучше держать яйца в разных корзинах.

Къярт кивнул и задумался. Он не смог бы предупредить клан о диверсии на Столпе, если бы не знал о том, что должно случиться. Значит, он был свидетелем аварии, и то прошлое, которое он помнил, в действительности существовало. Но что произошло потом?

Его перенесло назад во времени? И он переписал историю? Как же тогда все остальное? Что с миром Фелиса и что с...

Къарт болезненно нахмурился.

Роден снова заговорил:

— С твоей проблемой с памятью нужно что-то решать. Я тебе это уже говорил, и не раз, и знаю, что ты ответишь, — он достал еще одну сигарету и раскурил. — Къарт, я могу понять твоё нежелание показываться местным врачам. Дело твоё. Но если ты решил держаться особняком, то позаботься о том, чтобы твои личные проблемы, которые ты по какой-то неведомой причине отказываешься решать, не сказывались на остальных. В частности на моей семье.

От взгляда Родена стало несколько не по себе.

— К кому, по-твоему, бежит плакаться Мерлен, когда ты в очередной раз пугаешь её своим поведением?

Къарт не знал, что ему ответить на обвинение. Он даже не помнил, в чём должен раскаиваться и за что извиняться.

— Прости, Роден, я совершенно ничего не помню. Я постараюсь...

— Не доставлять проблем, — несколько резко закончил тот. — Знаю, слышал уже.

Роден затушил окурок о камень и спрятал в карман.

— Ты уж постарайся, — добавил он и поднялся со скамьи. — Ладно, забыли. Идем в дом. И сделай лицо попроще, а то Сэджвик после всего выпитого вина, чего доброго, и впрямь с кулаками ползет. Нашел же себе любимчика.

Вероятно, у Къарта все-таки получилось «сделать лицо попроще» — до самого окончания кутежа, в конце которого Сэджвик и правда разошелся не на шутку, но к рукоприкладству все же не дошел. Вполне возможно, этому поспособствовала Нирея, а не попытки Къарта принять беззаботный вид.

Когда время перевалило за одиннадцать и пришла пора откланяться, Къарт вынужден был признать, что покидает дом Родена с облегчением. Он стыдился этого чувства, продолжающего глотать его, когда все казалось идеальным. Стыдился, но ничего не мог поделать с ощущением того, что ему здесь не место. Насколько это «здесь» было всеобъемлющим? Он не знал.

— Обещай, что заглянешь ко мне на выходных, — порозовевшая от выпитого вина, Нирея помахала Мерлен рукой на прощание. Роден заботливо поддерживал её за талию. — Мы еще месяц назад должны были с тобой освоить мой фирменный маковый рулет.

— Обязательно загляну, — пообещала Мерлен, вцепившись в руку Къарта.

Этим вечером пили не только Нирея и Сэджвик. Последний и вовсе решил дать себе волю и теперь спал беспробудным сном в гостиной.

Попрощавшись с хозяевами дома, Къарт вышел вместе с Мерлен на улицу и замер. Он не знал, куда ему нужно отвести девушку и куда идти самому.

— Къарт, пойдем уже домой, — заканючила Мерлен. Она подняла на него взгляд, и хмельное веселье на её лице сменилось растерянностью. — Ты не помнишь, да?

И снова Къарт почувствовал себя виноватым.

— Это ничего. Не беспокойся, — Мерлен широко улыбнулась и, твердо став на ноги, указала пальцем в конец улицы. — Нам — туда.

Несмотря на позднее время, в большинстве домов горел свет. Те, кто встретил вечер на улицах резервации, с приближением полночи перебрались в кухни и гостиные, из которых

теперь доносились тихая музыка и хмельные разговоры.

Мерлен шла молча и все жалась к его руке, едва тормоша ее, когда нужно было свернуть на очередном перекрестке. И каждый раз Къярт мысленно вздрагивал, словно готовясь проснуться.

Да, все это не могло быть по-настоящему.

Он думал об этом и тогда, когда Мерлен открыла калитку дома — единственного на улице, в окнах которого не горел свет, — поднялась к двери и зашарила по карманам.

— Неужели... вот растяпа, — с досадой протянула она, — кажется, я потеряла ключи. Наверное выпали, когда мы были у Нирей с Роденом.

Мерлен в ожидании посмотрела на Къярта, но тот не понимал, что должен сделать: выломать дверь или принести утерянный ключ.

— В кармане, Къярт, — тихо подсказала она.

В правом кармане брюк лежала связка с двумя блестящими ключами.

Не дожидаясь, пока он что-либо сделает, Мерлен забрала ключи и принялась копать в замке.

— Это ничего, ты все вспомнишь, — не оборачиваясь, бормотала она. — Ты всегда вспоминаешь.

Совладав с дверью, Мерлен улыбнулась ему и щелкнула переключателем, заливая светом прихожую.

— Осмотрись пока, а я тем временем наведаюсь в душ. Глупый Сэдживик со своим вином: на утро голова будет, как колокол, гудеть.

На ходу снимая туфли, она побрела вглубь дома.

Къярт замер в растерянности на пороге. Все это время он жил здесь? Вместе с Мерлен? Нет, все это было нереально.

Сделав пару шагов, он остановился у пристенного столика, давшего приют узкой вазе с одной единственной ромашкой и паре флаконов духов. Открыл шухляду. Внутри — тонкая пачка документов, несколько монеток, отвалившаяся от какой-то дверцы ручка и расческа с надетыми на нее резинками для волос. Многовато деталей, как для сна.

Детали. Они были везде: в небрежно висящем на спинке стула кухонном полотенце и паре крошек на столе, в пятнышке от пролитого чая на так и не отстиравшемся ковре в гостиной, даже в царапинах на перилах лестницы, что вела на второй этаж. Детали сыпались на него со всех сторон, с каждым шагом убеждая в подлинности происходящего.

Но как объяснить то, что и он, и Мерлен живут здесь? Почему они вместе понять было несложно, но их присутствие на территории резервации и присутствие, по всей видимости, абсолютно законное... это не укладывалось в знакомое ему мироустройстве. Как не укладывалось и появление Родена на автомобиле по ту сторону Рубежей, и то, что за ним не бежала толпа преисполненных восхищением или ненавистью простолюдинов. Пускай кланы решили пересмотреть свое отношение к людям по ту сторону стен, для таких перемен понадобилось бы куда больше, чем год времени.

Но все же это стало возможным.

Добравшись в своих скитаниях по комнатам до спальни, Къярт открыл нараспашку окно — от пола и до потолка — и сел, свесив ноги наружу. Если он пробыл здесь год, что случилось с его прошлым? Другим прошлым? Что случилось с печатями? Существовали ли они?

Его страшил любой из возможных ответов. Если он оказался здесь из-за случившегося в

Троане, значит, за год пребывания в этом месте произошло что-то, из-за чего он потерял все метки привязки, а вместе с этим и призванные души.

Нет, это все нереально. Это неправда. Ложь.

А если...

А если того, что он помнил, не произошло, но только пока что? Если время в мире Фелиса течет намного медленнее, чем здесь? Что, если он еще может разорвать связь своей души с телом и дать Фелису возможность призвать его? Да, именно это он и должен сделать! Он должен хотя бы попытаться!

... Но ведь прошел целый год. Почему он не оборвал свою жизнь сразу, как только угроза Пересечения была устранена? Он наверняка уже приходил к такому же выходу из ситуации, просто не помнил об этом. Разве только...

Цепочка умозаключений привела его к мысли, что произошедшего в мире Фелиса не существовало. Это был всего лишь сон, порождение воспаленного сознания, возможно вызванное тем, что теперь жизнь в нем поддерживала искра другого мира.

Второй ответ был таким: существовало только одно прошлое, то, которое Къярт забыл. А то, которое он помнил, в котором был Райз, была Кара, — просто иллюзия.

Къярт двинул желваками и прислонился лбом к косяку окна. Если все это выдумка, почему он чувствует себя так, будто у него вырвали кусок души?

Он невольно вздрогнул, когда Мерлен, одетая в одну ночную сорочку, прижалась к его спине, обнимая.

— Опять ты думаешь о всяких глупостях, — прошептала она ему в волосы. От нее сладко пахло вином и кремом. — И совсем не о тех, о каких следовало бы, — Къярт почувствовал, как губы Мерлен прижались к его затылку. — Иди, освежись, я тебя подожду.

Она нехотя отстранилась и забралась на кровать.

— Къярт, — позвала Мерлен, когда он, точно околдованный, направился к двери. — Ты помнишь о браслетах?

— Браслетах?

— Которые не позволяют тебе высвободить искру. Во время сна и... при других обстоятельствах, — щеки Мерлен залились румянцем. — Они в ванной, во втором ящичке.

В ванной пахло так же, как и от Мерлен.

Облокотившись на раковину, Къярт смотрел на свое отражение в зеркале. Кровь пульсировала в вене на шее.

Реальность или сон?

Во втором ящичке тумбы в самом деле лежало два браслета: две тонкие полоски гладкого металла, чья истинная сила скрывалась внутри. И этой мелочи достаточно, чтобы лишить его способности управлять искрой?

Снова посмотрев на свое отражение в зеркале, Къярт вспомнил о браслетах, которые в прошлый раз использовал Аргантар. Те, что сейчас лежали перед ним, такие же?

От этой мысли и от того, что ему нужно добровольно надеть их на себя, стало не по себе. Но иначе никак. Иначе он и заснуть не сможет без риска, что во сне искра выйдет из под контроля и убьет Мерлен. Что же касается необходимости использовать браслеты не только для сна...

Если все то, что он пережил в мире Фелиса, на самом деле не существовало, почему тогда он не мог избавиться от мысли, что ему лучше отправиться на диван в гостиной?

Он искренне радовался тому, что Мерлен была жива и здорова. Но с того дня, когда он

видел ее в последний раз, когда она погибла на его глазах, утекло слишком много воды. И Къярт уже не был уверен, что хочет вернуть их отношения в ту колею, когда их оборвал выстрел.

Если бы он хотя бы помнил, что произошло за этот чертов год!

Къярт надеялся, что ледяной душ остудит голову, но все, что ему удалось, это замерзнуть. Будь внутри него все еще энергия жизни, и даже ледяная прорубь показалась бы теплой ванной.

Возясь с застежками браслетов, Къярт замер на пороге спальни. Мерлен, крепко обняв подушку, спала.

Осторожно, чтобы не разбудить, Къярт накрыл ее покрывалом и устроился рядом. Он лишился своих прежних сил — так значило ли это, что вместе с ними его оставили и кошмары?

Кошмаров не было.

Его сознание плыло во мраке, тишине и покое, когда их внезапно, точно береговой прожектор в ночи, вспорол крик:

— Мышонок! Мышонок, проснись! Ты должен сейчас же проснуться! Мышонок!

Къярт открыл глаза и резко сел на кровати. Аелитт! Это точно был ее голос! Он узнал бы его из тысяч, даже если бы тот не звал его так, как звала только Аелитт.

Аелитт рядом не было. Была только мирно спящая Мерлен и глубокая ночь за окном.

Стараясь унять взметнувшуюся внутри бурю, Къярт скользнул по комнате взглядом и замер.

Под потолком, вцепившись в стену шестью лапами, сидело нечто. Паукообразное, с отдаленно напоминающим женский торсом и головой. Вместо рук у существа была пара закованных в панцирь конечностей, чьи острые концы были созданы для того, чтобы пробивать чужие черепа. Осознав, что Къярт смотрит прямо на нее, тварь подобралась, готовясь к прыжку.

Инстинкты велели немедленно выпустить искру и сложить контур, но кли-каналы словно онемели.

Браслеты!

Къярт сорвал их в одно движение, за доли мгновения сложил режущие контуры и метнул их в тварь.

С зубодробительным треском стена плюнула каменной крошкой, а тварь, совершенно невредимая, прыгнула к окну, оказавшись рядом с Мерлен.

— Къярт, что ты..., — разбуженная грохотом, та с испугом посмотрела на него.

Отгородившись от твари барьерным контуром, Къярт стащил Мерлен с кровати и закрыл собой. Он был уверен, что резакі прошили тело гада, но, похоже, оно было неязвимо для искры.

Къярт расширил барьер и толкнул его в сторону твари. Это сработало. Барьер снес ее, а заодно вывалил внешнюю стену во двор. Потерявший несущую стену, дом угрожающе застонал. С недобрым скрежетом и скрипом стала проседать крыша.

— Мерлен, уходим!

Къярт окружил себя и девушку барьерами и потянул ее прочь.

На спуск по лестнице не осталось времени, и он, подхватив Мерлен на руки, выбил стену с противоположной стороны и спрыгнул вниз.

В домах по соседству загорался свет, выхватывая из ночного мрака клубы

поднимающейся пыли.

Къарт выбежал с Мерлен на дорогу и остановился, торопливо соображая, что делать дальше. Почему во второй раз контур подействовал на тварь? Или ему только показалось, что это контур вышвырнул ее из комнаты, а на деле она сама сбежала, предвидев скорый обвал?

— Къарт, что происходит?! — Мерлен в ужасе смотрела на рушащийся дом.

— Не сейчас, — отрезал он.

Его взгляд метался по округе.

Если то существо нападет, а контуры снова окажутся бессильны, он не сможет защитить Мерлен. Опять не сможет.

Спутав стук ботинок с клацаньем паучьих лап, Къарт обернулся к источнику звука уже готовый пустить в ход дробящий контур.

— Господин Енкарта, что случилось?!

...Енкарта?

Он использовал в этом мире родовое имя Фелиса?

Позвавший его мужчина остановился в десятке метров — чтобы ненароком не угодить под руку: одетый в гражданскую одежду, но с рацией и пистолетом на поясе.

Паукообразная тварь не показывалась.

Къарт посмотрел на руины дома, на выглядывающих из соседних зданий людей, на перепуганную до смерти Мерлен.

— В спальне, ты видела то... существо? — неуверенно спросил он, когда в голове промелькнула неприятная догадка.

— Я не... я не понимаю о чем ты.

Къарт двинул желваками. Тварь привиделась ему? Он спутал сон с реальностью? А голос Аелитт...

— Господин Енкарта, прошу, оставайтесь на месте, — так и не осмелившись приблизиться, сказал мужчина. — Я уже доложил командиру о происшествии. Он скоро прибудет.

Не прошло и десяти минут, как дорогу осветили фары вылетевшего из-за поворота автомобиля. Завизжав тормозами, он остановился рядом с сидящим на бордюре Къартом и замершей возле него Мерлен.

— Ох же ж..., — выскочив из машины, обронил Сэджвик и бросился к Къарту. — Вы в порядке? Что с домом?

Къарт покосился на остов здания — пыль осела и руины теперь отлично просматривались — и перевел взгляд на Сэджвика. В том не осталось и намека на выпитое несколькими часами ранее вино.

— Мерлен, я скоро, — пообещал Къарт и отошел с Сэджвиком в сторону, чтобы не пугать девушку еще больше. — В доме что-то было — какое-то существо, похожее на паука и человека одновременно.

— Опять?

Къарт озадаченно нахмурился. Он приготовился к тому, что для Сэджвика его слова прозвучат как бред. Он уже и сам сомневался в реальности того, что увидел, но объяснить, почему дом превратился в развалины, как-то нужно было. Однако, то, что Сэджвик не впервые слышал о подобном, многое меняло.

— Оно уже появлялось прежде? — спросил Къарт.

— Согласно твоим словам — да, — Сэджвик нахмурился и посмотрел на появившийся в конце улицы военный фургон. — Опять провалы в памяти?

Къярт кивнул.

— Да, ты не первый раз говоришь о паукообразном существе. Проблема в том, что ты единственный, кто его видит, хотя каждый раз, когда ты его замечаешь, рядом находится кто-то еще, — Сэджвик покосился на дом. — Правда, до такого раньше не доходило.

Фургон остановился напротив разрушенного дома, и из него посыпали бойцы клана Вейт.

Сэджвик позвал Мерлен и повел Къярта к военному, первому прибывшему на место. Скорее всего тот вел за домом постоянное наблюдение — иначе не оказался бы так быстро на месте событий.

— Отвези их ко мне, — Сэджвик отдал мужчине ключи от своей машины. — Здесь я сам разберусь.

— Сэджвик...

— Потом, Къярт. Обсудим все потом. Пока что мне нужно разгрести устроенный тут бардак.

— Извини за это.

— Я сказал бы, что сочтемся, но мы здесь все по уши у тебя в долгу, так что забудь. Езжайте ко мне, чувствуйте себя, как дома. Дальше я сам обо всем позабочусь.

Къярту не нравилась идея оставить Сэджвика одного, когда поблизости могла все еще лазить та тварь, пускай тот был не сам, а с целым отрядом. Но если тварь действительно существовала, судя по словам командира «Зенита», ее интересовал исключительно Къярт.

Всю дорогу в пропахшем дорогим алкоголем салоне Мерлен молчала и жалась к его руке.

Сэджвик очевидно занимал более престижное положение в обществе, чем Роден: он жил ближе к Столпу, в доме, в котором хватало бы места небольшому взводу, в свободное время занимающегося стрижкой шаров самшита во дворе.

Когда боец «Зенита» позвонил в дверь, Къярт уже приготовился извиняться за ночной визит перед супругой Сэджвика.

На втором этаже загорелся свет, и вскоре за дверью послышались тяжелые шаги. Заскрежетали ригели отпираемого замка.

— Я даже спрашивать не буду, — окинув взглядом Къярта, на котором из одежды были только штаны, и ежащуюся под ночнушкой Мерлен, произнес открывший дверь Астер.

Закутавшись в плед, Мерлен задремала на диване в гостиной. Астер предлагал ей занять кровать, но Къярт не хотел выпускать ее из поля зрения. Привиделась ему та тварь или нет, был ли он ее целью или кто-то еще — он не собирался проверять.

Он сидел в кресле, слушал тихое дыхание Мерлен и таращился на Иеро. Тот спустился вскоре после того, как поздние визитеры разместились в гостиной. Молча развел огонь в камине и устроился в кресле-качалке, накрыв ноги пледом, что было довольно странно, учитывая стоящее на улице лето. В какой-то момент Къярту померещилась не присущая живым людям бледность, а спустя недолгое время наблюдений к ней прибавилась алая полоса крови, бегущей из простреленного лба.

Къярт моргнул и марево исчезло — всего лишь игра пламени и теней.

— Ты в нем дырку проглядишь, Обрубок, — тихо, чтобы не разбудить Мерлен, произнес подпирющий плечом портал камина Астер.

Обрубок?

Къярт покосился на свою руку. Он совершенно забыл, что ей полагалось отсутствовать: ее отрезало во время перехода из его мира в этот, а его тело не умело отрачивать конечности. Получается, сейчас он в теле, которое для него создал Фелис?

— Кажись, приехали. Снова, — кисло заметил Астер. Он склонился к Къярту, опустил на его макушку тяжелую ладонь и повернул к себе лицом. — Иеро не скажет тебе это в глаза, поэтому скажу я: у тебя едет крыша. И чем дальше, тем больше. Разберись уже с этим и стань прежним, чтобы я мог и дальше глумиться над тобой без ощущения, что пинаю хромого щенка.

— Кто о чем, а ты все о старом, братец, — на губах Иеро появился намек на улыбку. — Проявил бы хоть каплю гостеприимства.

Астер фыркнул и вернулся к камину.

— Вы живете в доме Сэджвика?

— Как видишь.

— Почему вы не пошли с ним к Родену?

Къярт задавал вопросы только для того, чтобы не наступило молчание. Этот дом и слишком блеклый свет от камина, и Иеро, мерзнувший посреди лета — все это выглядело слишком неправдоподобно. Реальность расплзлась по швам, словно не раз латаная рубаха.

— Ответь ему, И, что ты молчишь? — Астер хмуро глянул на брата.

— У меня довольно натянутые отношения с Роденом, — все с той же легкой полуулыбкой произнес Иеро. — Он считает, что я плохо на тебя влияю.

— Так считает не только он, — добавил Астер. — Но у тебя, конечно же, на все свое мнение. И то, что эти двое заявили сюда посреди ночи — я даже боюсь предположить, по какой причине, — для тебя все равно не аргумент, что ты делаешь что-то не так.

— Разве я что-то делаю? Ты меня даже из дома не выпускаешь.

— Чтобы ты не усугублял.

— Честное слово, я не понимаю, в чем ты меня обвиняешь, — Иеро миролюбиво поднял руки.

— Ну-ну, продолжай корчить из себя идиота, — Астер зыркнул на совершенно ничего не понимающего Къярта и раздраженно взмахнул руками. — А, черт бы побрал вас обоих.

Делайте, что хотите. Я уйду спать.

Он напоследок смерил Иеро полным упрека взглядом, и ушел. Скрип ступеней вторил его шагам, но вскоре затих и он.

Стоило Астеру уйти, и реальность пошатнулась еще больше.

Иеро смотрел на него и улыбался. Он словно ждал чего-то, не торопя и не подгоняя, будто у него впереди целая вечность.

— Иеро, я..., — начал было Къярт, но чувство вины встало поперек горла, не давая продолжить.

Он не смог сберечь тех, кого обещал защитить; разрушил их мир, и неважно, почему и ради чего. Рядом с Роденом и Мерлен он почти поверил в то, что этого не происходило. Но одного взгляда Иеро, такого понимающего и терпеливого, хватило, чтобы разбить эту веру в пух и прах.

В итоге, через силу, Къярт выдавил:

— Прости меня.

— За то, что из-за тебя меня и Астера застрелили? — не переставая улыбаться подсказал Иеро. Къярт опешил. — Ты уже говорил это. И извинялся. Четырнадцать раз, если мне не изменяет память. И каждый раз, когда я это говорю, ты вот так на меня смотришь. А потом забываешь и мы снова оказываемся там, где сейчас.

Къярт не мог разобраться, прозвучал ли в сказанном упрек или нет. Зачем он вообще рассказал об этом Иеро? У него не возникло и мысли заговорить с Мерлен о том, что произошло с ней в прошлом, которое он знал. Къярт предпочел скрыть это знание как постыдный секрет. И гибель Иеро была не меньшей тайной.

— Прости, — Къярт отвел взгляд. — Как много я рассказал тебе?

— А как много ты помнишь о том, что произошло с тобой со дня Пересечения?

— В этом мире? — вопрос вырвался сам собой.

— В этом мире.

— Для меня эта планета перестала существовать меньше, чем через сутки после того, как вас убили.

— Значит, полностью с чистого листа, — Иеро кивнул. — Ты рассказал довольно много. И мне, и Родену. Все, что было после твоего прыжка в скважину, и после того, как ты свел счеты с жизнью. Правда, о твоём бытии как некроманта я знаю все же поболее, чем Роден.

— И ты не считаешь это бредом?

— Тебя задела слова Астера о том, что ты сходишь с ума? — Иеро позволил себе удивиться. — Только посмотри на него: он живет в доме клановца, ест и пьет за одним столом с одним из тех, кого всю жизнь искренне ненавидел, и не находит в этом ничего странного. Так и кто здесь на самом деле сходит с ума?

Иеро говорил размеренно и тихо, почти шептал, и с каждым его словом окружающая действительность давала трещину. Ничего не произошло ни с комнатой, ни с огнем в камине, ни с Мерлен, но чем больше Иеро говорил, тем больше все казалось подделкой. Не это ли имел в виду Астер, когда говорил о дурном влиянии?

— Для меня здесь очень многое выглядит странно, — признался Къярт.

— Могу представить.

— Но ни Астер, ни Мерлен, ни Роден так не считают. Только ты разделяешь это мнение. Почему?

— Я на твоей стороне, Къярт, — улыбка Иеро стала шире. — Как и всегда. И если ты говоришь, что с этим местом что-то не так, я доверюсь. К тому же, — его улыбка превратилась в усмешку, — как по мне, и дураку очевидно, что здесь творится какая-то чертовщина. Даже такому, как мой братец. Я думаю, с тобой в некотором роде согласны все — на уровне подсознания уж точно. А Роден и вовсе полностью отдает себе в этом отчет.

— Я не совсем тебя понимаю.

— Оно и не удивительно, — Иеро подбросил в камин еще поленьев и подоткнул укрывающий ноги плед. — Ты не помнишь наших бесед, но их помню я. И у меня было время хорошенько обо всем поразмыслить. Я думаю, что истинная именно та версия событий, которую помнишь ты. Уж больно все вокруг недостоверно, чтобы быть правдой, пусть всем и хочется в нее верить. Возможно, это все порождение твоего сознания. Возможно, ты сам создал это место, как некое безопасное убежище. А, может быть, мы находимся среди плодов твоего сознания и чего-то в некоторой мере реального. Мне сложно рассуждать о метафизических вещах, в которых я не смыслю ничего, но, думается мне, если бы все вокруг было полностью под твоим контролем, то у меня не возникало бы подобных мыслей, как и у Родена не было бы желания защитить то, что он сейчас имеет.

Мерлен завозилась на диване, перевернулась на другой бок и натянула плед до ушей.

— Но да, я склоняюсь к тому, — уже тише продолжил Иеро, — что ты каким-то образом создал это место и дал каждому желаемое. Пользуясь своей силой некроманта или чем-то еще, что существует в том занимательном мире. Роден прекрасно это понимает, но не хочет ничего менять. Поэтому он так ревностно оберегает свою территорию и остро реагирует на любые твои попытки пошатнуть это место.

Иеро замолчал, давая время обдумать его слова. Они звучали адекватнее, чем все, что Къярт слышал до этого. Хотя было кое-что, что не сходилось.

— Прости, Иеро, но если честно, это..., — Къярт обвел взглядом гостиную, — не сильно похоже на воплощение твоих желаний.

— А разве тебе известно, чего я хочу? — тот едва прищурился. — Да, Къярт, ты прав. Но это только подтверждает мою теорию. Взять того же Сэджвика. Ты никогда не встречал ни его, ни Нирею. Но ты знал Родена, и на основании его представления о них расписал их роли, которые, по правде говоря, похожи на заглушки. С тобой мы были знакомы чуть дольше, но ты все равно ничего толком не знал о том, что я хочу и к чему стремлюсь. Если бы это место определяли мы или кто-то еще, оно выглядело бы по-другому. Во всяком случае для меня.

— Хочешь сказать, что Астер мечтал стать частью клана?

— Ну, он точно хотел перестать быть человеком второго сорта. Не знаю, что ты в нем увидел, что привело к такому результату, но он выглядит более, чем довольным. Если бы еще я у него под ногами не путался, — Иеро тихо хохотнул и пристально посмотрел на Къярта. — Ты должен найти выход.

В спине засадило — в том самом месте, в котором Къярт почувствовал боль, прежде чем оказаться на охваченной праздником площади Вейтрета. Что тогда произошло? К этому причастен Офрен? Его голос он слышал последним и слышал достаточно близко — у того была возможность нанести удар.

Повинуясь порыву, Къярт попытался установить связь с печатями, но тщетно. Он не чувствовал ни одной. Однако, надежда, что они на месте, что он не растерял всех своих призванных, все же затеплилась в груди.

Чем тогда является мир вокруг? Подделкой? Ловушкой? И как только он из нее выберется, это место перестанет существовать?

Къарт хмуро посмотрел на все так же улыбающегося Иеро. Если это ловушка, то друг тот или враг? Иеро ли это вообще?

— Почему ты не хочешь сохранить это место? — спросил Къарт. — Если твой брат и все вокруг счастливы, не разумнее ли оставить все, как есть?

— Признаюсь, я не лишен эгоизма, — тот с неловким видом почесал затылок. — Мы ведь уже выяснили, что здесь нет того, что мне нужно. Тем более, если моя догадка верна, всем нам давно пора смириться с тем, что наша история закончена. А вот у тебя есть незавершенные дела. Ты должен найти выход.

— У тебя имеются догадки, где он может быть?

— Ни малейших, — Иеро развел руками. — Возможно, это как-то связано с твоей потерей воспоминаний. Не проходит и пары дней после вот такой нашей беседы, как ты снова обо всем забываешь. Поэтому Астер так бесится: знает, чем все закончится. Возможно, ты и правда приближаешься к выходу, но каждый раз что-то встает на пути.

— Мы уже говорили обо всем этом недавно?

— Да, позавчера. В этот раз ты, как никогда, быстро.

— И если у меня снова ничего не выйдет, мы опять встретимся здесь?

— Ты уже спрашивал. Да, в конечном итоге все придет к этому. И я снова все тебе расскажу. Может, даже больше, если появятся новые соображения. Так что не беспокойся об этом.

Иеро повесил плед на ручку кресла и присел у самого камина, протянул бледные руки к огню. Сколько раз он повторял ему одно и то же? И сколько еще придется повторить, прежде чем Къарт разорвет этот круг?

— Сколько понадобится, столько и повторю, — произнес Иеро, не отводя от языков пламени взгляда.

— А?

— Я здесь не первый день. С такой тренировкой уже мысли твои читаю.

Огонь продолжал плясать в камине. Мерлен тихо спала на диване. Иеро кутался в плед.

Найти выход. Если бы Къарт понимал, где оказался, возможно, смог бы отыскать ответ. А так... сколько времени он уже потратил? А сколько еще утечет в никуда? В этом месте прошел год — а сколько прошло в мире Фелиса? Не опоздал ли он с поисками?

— Спасибо, Иеро. За помощь.

— Как же иначе, — тот улыбнулся. — И, если в этот раз у тебя все получится, хочу сказать, что тебе не за что просить прощения. Пусть я не помню тех событий, но у меня нет привычки принимать необдуманные решения. Я сделал то, что сделал, и не жалею.

Нужно найти выход. Нужно найти способ прекратить бесконечную пытку, в которую превратился этот мир для Иеро.

Он должен найти выход. Снова поговорить с Роденом и Сэдживиком — тот мог обнаружить что-то в развалинах дома. Расспросить о той твари и всех случаях, когда Къарт с ней сталкивался. Пройтись по тем местам — возможно, ему удастся найти зацепки. А еще нужно выйти за пределы резервации и самого Вейтрета. Если кроме него здесь существовало что-либо еще.

Они завтракали в столовой, когда Къарт попросил Мерлен остаться с близнецами, пока он занят решением кое-каких вопросов. Мерлен идея пришлась не по нраву.

— Но, Къярт, — на ее лице появилась растерянность. — Мы же собирались сегодня пойти вместе в центральный парк. Ты забыл?

— Прости, но, боюсь, не в этот раз.

— Не в этот раз? — ее растерянность сменилась обидой. — Ты же сам согласился. Обещал, что возьмешь с собой. Я даже сменами в больнице поменялась. А сейчас оказывается, что ты передумал?

Къярт вздохнул. Он совершенно не помнил, как давал Мерлен это обещание.

— Возможно, вам и в самом деле стоит сходить вдвоем. Раз ты сам согласился, — Иеро многозначительно посмотрел на него.

— И! — одернул его Астер. — Опять ты за свое?

— Что? — искренне удивился тот. — По-твоему это нормально, что мужчина не держит данное девушке обещание? Или ты специально ставишь ему подножки, чтобы увести Мерлен?

Иеро прищурился и с подозрением покосился на брата.

— Чего?! Ты что вообще мелешь?! Тебе голову лечить надо! Вам обоим, — Астер сердито зыркнул на Къярта и умолк.

Иеро был прав. Если до того, как в очередной раз потерять память, Къярт составил план, ему нужно было следовать.

Перед уходом он хотел перекинуться парой слов с Сэдживиком, но тот так и не объявился, и разговор пришлось отложить.

Мерлен не долго дулась из-за утреннего инцидента. Не прошло и получаса, как она снова болтала обо всем подряд: рассказывала про новую больницу, построенную кланом для простолюдинов, жаловалась на ставшего невыносимо занудным брата и размышляла о том, чем им с Къяртом заняться на выходных, кроме похода к Нирее.

Къярт слушал ее краем уха, сосредоточив все внимание на городе вокруг. День только начинался, но горожане уже спешили к пунктам обогащения искрой. Эти люди тоже были, как сказал Иеро, всего лишь «заглушками»?

Так и не найдя ответ, Къярт поднял взгляд на возвышающуюся впереди громаду Столпа.

Городской парк, о котором говорила Мерлен, окольцовывал центральную часть резервации. С утра в будний день посетители сюда не спешили. На траве в лучах восходящего солнца стояла не успевшая высохнуть роса.

— Так зачем ты хотел прийти сюда? — Мерлен остановилась посреди аллеи и в ожидании посмотрела на него.

— Я? Разве не ты...

— Ты просто пообещал взять меня с собой, — она нахмурилась. — Ты все время ходишь сюда сам. Я уже начала подозревать, что ты здесь тайком с другой встречаешься.

— Что? Я не...

Къярт так и не нашел, что ответить. К щекам прилила кровь, и Мерлен подозрительно прищурилась.

— Так куда ты здесь ходишь? — в мгновение ока вернув себе беззаботный вид, она обвела парк взглядом.

Он и сам хотел бы знать, куда. Но Мерлен ждала от него действий, и Къярт, выбрав направление наобум, сошел с аллеи.

В скором времени геометрия просчитанных до малейших деталей клумб сменилась небрежно растущими деревьями. Поначалу в хаосе чувствовались нотки композиции, но уже

спустя несколько минут подстриженная трава уступила место зарослям сорняков с редкими проплешинами усыпанной прошлогодней листвой земли, а деревья слились в неухоженную, оставленную на произвол судьбы чащу.

— Не припоминаю этой части парка, — задумчиво произнесла Мерлен.

Она и не могла ее помнить. А вот Къярт с каждым шагом вспоминал. Он уже видел эти деревья раньше, уже шел этим путем. Но это было не в центральном парке Вейтрета и не в этой жизни.

Къярт сцепил зубы, когда его взгляд наткнулся на взрыхленную перед деревом землю. Он сам вскопал ее, когда хоронил тело Мерлен.

— Уходим отсюда, — сухо сказал он и хотел было взять девушку за руку, но пальцы поймали пустоту.

— Къярт..., — он обернулся к отставшей от него на несколько шагов Мерлен. Побелевшая, она смотрела мимо него. — Это оно?

По спине пробежал холодок.

Оборачиваясь, Къярт уже складывал барьерный контур.

— Нет, — пророкотала сидящая на дереве паукообразная тварь. — Больше ты от меня не спрячешься.

Кли-каналы, как и он сам, онемели. Как ни старался, Къярт не мог пошевелить и пальцем. Лишившись контроля, высвобожденная искра распалась и поплыла по воздуху, в том числе в сторону Мерлен.

— Мер..., — Къярту едва удалось шевельнуть языком, но существо цыкнуло, и он умолк.

— Подойди ко мне, — приказала тварь.

Ноги сами понесли к ней. Тело больше не повиновалось ему.

Черт бы его побрал!

— Повернись к ней лицом, — велела тварь, когда Къярт приблизился к дереву, на котором та сидела.

Он снова увидел Мерлен, испуганную до смерти, приросшую к месту. Почему она не убегала? Потому что сама так решила, или ее не отпускало это существо?

За спиной затрещало дерево: тварь спускалась вниз.

Она оказалась крупнее, чем изначально думал Къярт. Ее конечности, вблизи похожие на ноги гигантского краба, опустились по обе стороны от него; затылок обдало ледяным дыханием.

— Енкарта, — проскрежетала над ухом тварь, — не думала, что когда-то услышу это имя вновь. Еще одно юное дарование.

Шип на ее верхней конечности царапнул щеку, скользнул вниз, распарывая рубашку. Къярт невольно опустил взгляд.

Метки-привязки! Все до последней, они покрывали его грудь, но не черными точками, а крохотными, светящимися вкраплениями. Он чувствовал их! Наконец-то он снова чувствовал их! Он может отдать приказ или установить связь.

— Я тебе запрещаю, — голос твари резанул слух прежде, чем Къярт успел что-либо сделать.

— Къярт..., — сдавленно пробормотала Мерлен. В ее глазах стояли слезы.

— Молчать! — рыкнула тварь, и губы девушки сомкнулись, точно склеенные.

Почему она подчинилась? Если Мерлен — порождение его сознания, почему тварь могла приказывать ей?

— А ты полон сюрпризов, юный Енкарта.

Тварь склонилась к нему, и Къярт увидел ее лицо, наполовину покрытое крупными костяными пластинами, с двумя парами хищно смотрящих глаз и прорезью рта от уха и до уха, заполненным мелкими острыми клыками.

— Отыскал души в глубинах горизонта, пробудил, подменил воспоминания и все это сделал неосознанно. Еще и утащил в ваш приземленный мирок целое полчище таких аппетитных душ. Теперь я понимаю, почему тебя решили не убивать, а приберечь для Орды.

Подделал воспоминания?

Къярт перевел взгляд на Мерлен. Получается, она и все остальные...

Стоило ему только допустить эту мысль, и силуэт Мерлен утратил четкость, превратился в сияющий сгусток. Она вскоре вернулась к прежнему облику, а вот мир вокруг выцветал безвозвратно: от деревьев оставались одни остовы-призраки, рядом с ними проявлялись фантомы зданий и камней.

— Решил избавиться от лишних декораций? — тварь осмотрелась, переступила ногами. — Меня завело, как ты играл с этими душами. Самой захотелось попробовать. Еще и голод проснулся...

Она впиалась одним когтем в плечо Къярта, другим — в живот, будто ее власти над ним было недостаточно, и он мог вырваться. Наклонилась, провела тонким скользким языком по меткам-привязкам.

— Как жаль, что мне нельзя трогать тебя, — с сожалением пробормотала тварь, отрываясь от меток. — Но ее...

Стремительным рывком она метнулась к Мерлен, оказалась за ее спиной, занесла конечность для удара.

— Отойди от нее, тварь, — прохрипел Къярт, сам не зная, откуда взялись силы заговорить.

— Здесь приказываю я! Не ты!

Къярт ждал, что она ударит Мерлен, но тварь внезапно появилась рядом, ткнула когтем в его подбородок, приподнимая голову.

— Вечно вы, некроманты, строите из себя невесть что. А на деле — одна алчность и ничтожность. Посмотри на себя: тебе даже не пошевелиться. Совсем как тогда, верно?

Верно. Все как тогда. Точно так же, как в тот чертов раз. Снова он бессилен и снова не может защитить Мерлен.

— Как жаль, что запрещено трогать твоих призванных. Но душу этой девчонки ты еще не успел призвать. И указаний на ее счет не было.

— Не смей, — через силу выдавил Къярт.

— Я и не буду, — тварь зашла за его спину, чтобы он снова мог видеть Мерлен. — Ты сделаешь все сам.

Коготь коснулся его правой руки, приподнял ее. Пальцы самовольно сжались на появившемся из ниоткуда пистолете.

— Поиграем?

Коготь надавил на руку, поворачивая ее в сторону Мерлен.

Къярт двинул желваками.

— Я оказываю тебе несказанную честь, — пророкотала тварь. — В твоих руках оружие, способное уничтожить душу. Я придала ему подходящий облик — для более достоверной реставрации событий. Тебе нравится?

— Мразь...

— Не в твоём положении грубить. Но что тебе еще остается, жалкий человечиска? А теперь стре...

— Да что же это такое в самом деле?

До боли знакомый голос не позволил твари закончить приказ.

Къярт не мог повернуть голову, но перевести взгляд все еще было в его силах. Глядя на Райза, словно вынырнувшего с глубины горизонта, он не знал, что чувствовать: облегчение или еще большее отчаяние из-за осознания, что теперь они оба оказались в западне.

— Стоит мне всего на минутку отвернуться, и вокруг тебя тут же начинают виться полоумные девицы, — с извечной усмешкой произнес тот и направился в их сторону. — Ты бы заканчивал с этим разгульным образом жизни. У нас вообще-то дела есть, если ты не забыл.

— Стоять! — рыкнула тварь и кинулась к Райзу.

— Спокойнее, я пришел с миром! — торопливо сказал он и отступил на шаг, когда та появилась прямо перед ним.

Тварь на мгновение замешкалась.

— Призванный! — она ударила в землю ногами и снова оказалась рядом с Къяртом. — Это ты его позвал?! — коготь уперся горло.

— Если бы, — Райз хмыкнул и покосился на Мерлен. — Когда дело доходит до развлечений с дамами, он никогда меня не зовет. Приходится являться без приглашения и пытаться урвать хоть какие-то крохи внимания.

— Молчать! — завопила тварь и, щелкнув языком, вдавила коготь в горло Къярта. — Вели ему замолчать.

— Молчи, — вопреки своей воле произнес он.

— С тобой мы разберемся позже, — пообещала тварь и перевела взгляд на Мерлен. — А пока, Енкарта, стре...

— Погодите минуточку, — Райз снова прервал ее.

Тварь прорычала, выражая все свое раздражение не желающим заткнуться наглецом.

— Тебе было сказано велеть ему молчать!

— Я пришел с предложением! — не дожидаясь нового приказа, выкрикнул Райз.

— Тебе нечего предложить мне, порабощенная душа.

— Предложение не мое, а его, — тот взглядом указал на Къярта. — Он стесняется его озвучить, но, уверен, оно понравится тебе больше, чем твоя текущая сделка.

Заинтересованная, тварь обратилась к Къярту:

— Что ты хочешь предложить?

Тот впился в Райза вопросительным взглядом. О каком предложении шла речь? Если бы только Къярт мог установить с его душой связь, он услышал бы его мысли. Но наложенный тварью запрет не позволял.

— Что тебе обещано за его пленение? — спросил Райз.

— Не ты здесь задаешь вопросы.

— Я всего-то хочу уточнить, получится ли предложить достойную Проводника награду.

— Пусть сперва предложит, а я уже сама решу.

— Так что тебе было обещано? — Райз настаивал на своем.

Тварь заскрежетала зубами и в итоге уступила:

— Сотню только переродившихся человеческих душ.

— Только переродившихся? Тех, что в младенцах?

— Тех, что в младенцах, да. Редкое лакомство — душа без личности, — тварь, названная Проводником, пересчитала языком зубы. — Так что Енкарта может предложить взамен сотни кристально чистых душ?

Къарт не знал, что должен ответить, и в осажденной злостью и страхом голове не осталось места для поисков отгадки. Кто-то собирался принести в жертву сотню новорожденных только ради того, чтобы держать его здесь? И этот кто-то очевидно связан с Ордой. Что за чертовщина, Орда еще даже не напала!

— Он может предложить души паладинов, — заявил Райз. — Слышала о таких? Насколько мне известно, они не попадают на горизонт. Так что, заинтересована?

Не веря своим ушам, Къарт уставился на Райза. Тот серьезно собирался обменять его на души паладинов? И пусть Къарт понимал необходимость такого обмена, но... Как много их придется отдать? Десяток? Два? Все, что есть? В том числе и душу Кары?

— Заманчивое предложение, — протянула тварь. — Но Проводники не нарушают заключенные сделки.

Внутри что-то лопнуло — звонко, гулко — и полоснуло по нервам. Къарт уже знал, что будет дальше. Вероятно, он понял это еще до того, как идея пришла в голову Проводника.

— Это даже хорошо, что твой призванный здесь: мы сможем воссоздать все в точности так, как было тогда. Прикажи призванному направить оружие на девчонку. Прикажи как некромант.

Пальцы сжали пугающую пустоту, когда пистолет исчез и появился в руке Райза.

— Направь оружие на Мерлен, — неспособный послушаться, сквозь зубы процедил Къарт.

Теплившаяся в его душе надежда, что Райз сможет сопротивляться, рухнула, когда тот без малейшего промедления наставил пистолет на девушку. Та не могла промолвить ни слова и только в ужасе смотрела на Къарта. По ее щекам бежали слезы.

— Прикажи ему выстрелить, — едва ли не дрожа от предвкушения, прошипела тварь.

— Стреляй, — Къарт пытался проглотить слово, но оно все же сорвалось с языка.

Палец Райза лег на курок, но так и не нажал.

— Не играй со мной, Енкарта. Прикажи ему выстрелить. Прикажи уничтожить душу девчонки.

— Стреляй в Мерлен! — крик вырвался из горла без позволения, точно сломавший все замки заключенный.

Райз бросил на него короткий взгляд, ухмыльнулся и с толикой сожаления произнес:

— Такой козырь сбрасывать.

Его рука дернулась в сторону, дуло пистолета уставилось на Къарта, и прогремел выстрел. Один, второй, третий — с каждым оглушительным хлопком и без того размытый мир вокруг вздрагивал.

Проводник даже не вскрикнул. Освобожденный из-под его контроля, Къарт упал на колени и едва успел заметить, как тварь пошатнулась, замерцала и распалась облаком сверкающих крупниц. От них не осталось и следа, когда Райз, опустив пистолет, подошел к нему.

— Это такая крайняя степень самоуверенности или идиотизма, что рождает в голове идею дать врагу оружие, которое тебя же может и убить? — меланхолично поинтересовался он у пустоты и посмотрел на Къарта. Ухмыльнулся. — Seriously, Къарт, завязывай с этим.

Меня уже начинает смущать то, с какой регулярностью приходится убивать одержимых тобой барышень. Может, исключительно ради разнообразия, попробуешь завести нормальную девушку?

Къярт перевел взгляд на обессиленно опустившуюся на землю Мерлен и бросился к ней. Насмешливый голос Райза прозвучал вдогонку:

— Надо же, какой стал исполнительный.

— Мерлен, ты в порядке? — Къярт сжал ее плечи.

— Я... да... что... что это было за существо... о чем оно говорило? Что это за место? Я... я ничего не понимаю...

Она подняла на него взгляд, лихорадочно блестящий от пережитого страха, и в груди свернулся колючий комок.

— Ни о чем не думай, Мерлен, теперь все будет хорошо.

С этими словами призрак мира вокруг напитали краски, очертания домов исчезли, и вокруг снова зашумел лес — не центральный парк Вейтрета, а лес, в котором когда-то Къярт оставил Мерлен.

— Видишь, все снова, как прежде.

— Къярт, я...

— Мне крайне неловко встречать, — перебил подошедший к ним Райз, — но у нас там проблемка нарисовалась. Размером с Орду примерно.

— Орда? — огорошенный, переспросил Къярт. — Она появилась?

— Да, какая-то ее часть. Она еще не добралась до наших позиций — раз мы все еще с тобой болтаем, — но много времени ей не потребуется. Нужно поторапливаться. Здесь где-то должен быть выход. Есть идеи, как его найти?

— Да, — Къярт посмотрел в чашу, туда, куда однажды пошел следом за Роденом. — У меня имеется предположение.

— Тогда веди.

— Мерлен, пойдём.

Къярт поднял ее на ноги — податливую и в то же время готовую упираться.

— Я не понимаю, куда мы...

— Мерлен, я все объясню потом. Но сейчас ты должна пойти со мной. Не волнуйся ни о чем.

И Мерлен, послушно кивнув, пошла следом.

То и дело она смотрела на его грудь, где сквозь порванную рубашку просвечивали метки-привязки. Сколько всего ему придется объяснить... И к какой реакции со стороны Мерлен ему готовиться?

— Понадобится тело, которого сейчас нет под рукой, — заметил Райз. — Можно выбросить приживалу из тела Офрена, но я хотел бы поболтать с ним после. Уверен, у него найдется много занимательных историй. Так что вопрос с телом остается открытым, — он посмотрел на Къярта. — У тебя уже есть решение?

— Я что-то придумую.

Райз был прав. После призыва душа Мерлен не должна просто так болтаться в пространстве. Сколько Къярт сможет удерживать ее без сосуда? Десять секунд? Полминуты? Можно забрать тело у одного и виторэ: потерять бойца ради собственной прихоти... Райз смолчит, но с Къярта хватит и угрызений его собственной совести.

Но если душу Мерлен поместить в один из кристаллов-накопителей — ненадолго, пока

Къярт не найдет для нее подходящее — это выигрывает немного времени. Главное, чтобы кристалл выдержал нагрузку.

Найдя решение одной проблемы, он взялся за вторую.

Къярт старался не заикливаться на том, что снова угодил в ловушку и снова ничего не мог противопоставить противнику; старался поменьше думать о том, что снова оказался у Райза в долгу. Сейчас нужно было сосредоточиться на более прикладных вопросах.

— Как ты нашел меня?

— Шел по цепи, — Райз взглядом указал на свою ногу. — Было довольно просто.

Къярт не видел никакой цепи.

— Но как ты попал на горизонт?

— С помощью ножа, который всадили тебе в спину — какой-то очередной некромантский артефакт. Им может воспользоваться кто угодно, так что, повторяю, было довольно просто.

Ничего нового. У Райза всегда все «довольно просто», а если нет, то он до последнего будет делать вид, что это так.

— Ты действительно собирался отдать души паладинов?

— В зависимости от ситуации. Все-таки делиться я не очень люблю.

— Откуда ты знал, что пистолет убьет Проводника?

Райз посмотрел на оружие, по-прежнему находящееся в его руке.

— Он ведь во всеуслышание заявил, что тот может уничтожить душу — грех было не попробовать.

— Но ты не мог быть уверен, что получится, — констатировал Къярт. — Так каков был план?

— Импровизировать, — Райз рассмеялся, а Мерлен вздрогнула.

— Серьезно? — Къярт со скептицизмом покосился на него. Но, похоже, Райз не шутил. — Прийти сюда без плана было опрометчиво.

Опрометчиво до безумия: не будь удача на их стороне, здесь бы их путь и завершился.

— В этот раз твое «спасибо» звучит очень странно, — Райз хмыкнул. — Но, если ты сам завел этот разговор, скажу прямо: я буду безмерно тебе благодарен, если ты перестанешь влипать в истории, в которые мне приходится кидаться сломя голову следом, чтобы вытащить тебя.

Пристыженный, Къярт умолк.

— Да расслабься ты, — Райз хлопнул его по спине. — Я не всерьез. Не ты же сам сюда голову сунул. Но раз уж ты решил выразить идиотские претензии, я не мог не ответить тем же. Это место на тебя дурно влияет.

— Не буду спорить.

Лес внезапно оборвался, и Къярт замер у подножия горы. Когда-то он уже поднимался к вершине — долгий подъем перед стремительным падением.

— Куда дальше? — поинтересовался Райз.

— Наверх.

— А пути покороче нет? У нас время поджигает, если помнишь.

— Возможно, есть. Дай руку.

Не дожидаясь, пока Райз отреагирует, Къярт взял его за предплечье, сжал ладонь Мерлен и отстранился от мира вокруг. Деревья, камни, гора — все превратилось в полупрозрачные цветастые тени, проявляя изменчивую, шаткую суть горизонта.

Къарт оттолкнулся и взмыл вверх.

Он вернул миру четкость, когда они оказались на небольшой площадке у грота, в глубине которого находился ведущий к земным недрам колодец.

— Как ты это сделал? — шепотом спросила Мерлен, за всю дорогу не обронившая и слова.

Она выглядела напуганной — не так, как раньше, но от этого было не легче: если до этого ее пугала тварь, то сейчас источником страха был Къарт и то, что он делал. Она даже предпочла бы перестать держаться за него, но боялась высвободить руку.

— Я все объясню тебе позже, — пообещал он и сам отпустил ее.

Скважина — их выход. Эта мысль посетила сразу же, как только все части головоломки сложились воедино. Все это время Къарт искал выход, и потому его тянуло в этот лес, в место, наиболее близкое к дороге назад.

Он не ошибся. Черный зев, в глубине которого зияла бездна, был выходом. Сейчас, всматриваясь в непроглядную темноту, Къарт знал это. Осталось только разобраться, как забрать с собой душу Мерлен.

— Къарт..., — ее не на шутку встревоженный голос был последним, что он сейчас хотел услышать.

Не зная, с чем ему придется столкнуться на этот раз, он обернулся.

Мерлен окружало сияние. Он попытался погасить его, вернуть ее телу четкость, как до этого вернул Райзу. Но несмотря на все старания очертания девушки стремительно таяли, стирались оттенки за оттенком.

— Так не должно быть, да, не должно? — она с испугом посмотрела на свои растворяющиеся руки. — Къарт, я... что...

Она хотела шагнуть к нему навстречу, но ее ноги уже превратились в неподвижное светящееся облако.

Къарт кинулся к ней, Мерлен протянула к нему истончившуюся руку, и та обратилась в свет. Он хотел прикоснуться к этому свету, но в последний момент замер, осознав, что происходит.

Лицо Мерлен последним растворилось в жгучем, сияющем тумане. Тот провисел в воздухе несколько мучительно долгих секунд, после чего сжался в крохотный, не больше яблока, сгусток и, взмыв в небо, исчез.

— Къарт? — Райз тихо окликнул его.

— Перерождение, — бесцветным голосом произнес тот. — Пришло время ее душе переродиться. Так даже лучше. Теперь она освободилась от этого кошмара.

— Къарт...

— Пойдем. У нас время поджидает, если помнишь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net